

М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

Исторический роман из эпохи XIV века

M. KARATEEFF

LA VOLUNTAD DEL GRAN KHAN

•

**Novela histórica de la época de las invasiones
Mongólicas
(Siglo XIV)**

BUENOS AIRES

1 9 5 8

М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК
ВЕЛИКОГО
ХАНА

Исторический роман

МОСКВА · 1991

ПРОФИЗДАТ — «АПРЕЛЬ»

На обложке использован рис *В. Уварова*
Оформление художника *В. Вигини*

Каратеев М. Д.

К 21 **Ярлык Великого Хана: Исторический роман.**—
М.: Профиздат, 1991. — 416 с.

Исторический роман «Ярлык Великого Хана» повествует о жестоких междоусобицах русских князей в пору татарского ига, жертвой которых стал молодой князь Василий Карачевский. Его судьба, вплетенная в сюжетную линию судьбы древнего русского рода князей Карачевских, стала как бы связующей нитью для сбора и построения в книге большого исторического материала.

К 4700000000—270 без объявл.
081(02)—91

ББК 84(0)4

ISBN 5—255—00902—4

ПРЕДИСЛОВИЕ

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ КАРАТЕЕВ
(1904—1978)

В 1958 году в Буэнос-Айресе на средства автора, неизвестного в литературном мире, вышел тиражом в тысячу экземпляров исторический роман «Ярлык Великого Хана». Он повествовал о жестоких междуусобицах русских князей в пору татарского ига, жертвой которых стал молодой князь Василий Карачевский.

Немногие читатели могли вспомнить, что Каратеев уже печатался как очеркист, рассказывая о судьбе русских эмигрантов на Балканах и в Южной Америке. Аргентина считалась, и, вероятно, не без оснований, некой культурной провинцией русского зарубежья. Литературными же столицами были русский Париж и русский Нью-Йорк.

Тем удивительнее было появление в далеком Буэнос-Айресе романа М. Каратеева, вызвавшего восторженные отклики критиков и читателей в тех русских диаспорах, куда он мог попасть.

«Мы хотели бы подчеркнуть огромный интерес к книге «Ярлык Великого Хана» у рядового русского читателя вследствие прямого и благотворного ее действия на наше национальное самосознание,— писал рецензент бельгийского журнала «Родные перезвоны»,— это родник кристально чистой воды, которую пьешь с наслаждением, живая вода, исцеляющая наши недуги уныния, слабости духовной и телесной. Пусть герою романа — князю Василию и не удалось получить ярлык от хана Золотой Орды, но зато он добыл почетный ярлык замечательному писателю М. Каратееву».

«Говорят, что теперь не выходит хороших русских книг... что бы было чему и научиться у них, и отдохнуть душой. Так ли это? — задавался вопросом критик мюнхенского журнала «Свобода». — Не совсем. Мало, но есть... Вот одно из таких счастливых исключений — книга М. Каратеева «Ярлык Великого Хана»... Странное дело, в книге описывается прошлое чуть ли не тысяче-

детней давности, а кажется, что читаешь актуальный роман, настолько он близок».

Нью-йоркская газета «Россия» откликнулась на выход книги обширной статьей, где, в частности, говорилось: «Недавно изданный в Буэнос-Айресе исторический роман М. Каратеева «Ярлык Великого Хана» является крупным вкладом в русскую художественную и в равной мере популярно-историческую литературу. Язык составляет одно из главных достоинств книги. Автор чутко выбрал именно тот характер речи, который, будучи окрашенным в цвет эпохи, не утомляет излишней архаичностью».

Критик калифорнийского журнала «Жар-Птица» утверждал: «Исторический роман «Ярлык Великого Хана» нового писателя-историка нашего зарубежья М. Каратеева является одной из лучших книг этого жанра, изданных за последнее время за границей. Роман написан не только увлекательно и ярко (невозможно оторваться от него), но он написан исторически точно, без искажений. Автору удалось изобразить сухую историческую действительность настолько живо и правдиво, что, когда читаешь этот роман, действительно живешь вместе с его героями, переживая с ними и радости, и невзгоды. М. Д. Каратеев — большой художник и увлекательный писатель — вот два свойства, необходимых для того, чтобы встать в ряды литераторов зарубежья первого класса».

Не менее лестным для автора был отклик парижской газеты «Русская мысль»: «В книге М. Каратеева «Ярлык Великого Хана» все свидетельствует о зрелом даре писателя: и манера письма, и умение коротко и убедительно концентрировать события, и уверенность в защите своих взглядов, и пользование самим языком в описаниях и диалогах».

О романе восторженно писали все — литераторы и генералы, орловские помещики и крестьяне-колонисты, историки и отцы церкви. И даже ученик 6-го класса Никулушка Иванов-Егоров, обратившийся с письмом к М. Каратееву: «Я не мог оторваться от Вашей книги «Ярлык Великого Хана» и прочитал ее уже два раза, а теперь начал в третий раз. Также давал ее читать знакомым мальчикам, и им она тоже очень понравилась, теперь все хотим прочесть ее продолжение...».

Сегодня можно утверждать, что появление этого романа было воспринято русским зарубежьем как национальное событие.

Для большинства читателей было непонятно: кто его автор и откуда он взялся. «Для меня загадка — что Вы за человек? — спрашивал рецензент журнала «Книжное дело». — Спали тридцать лет и три года, а проснувшись, разом написали такую книгу, что и читатели, и критика не могут опомниться. Неужели Вы раньше ничего не печатали?»

На сороковом году революции было трудно предположить в авторе эмигранта первого поколения.

Да, Каратееву в ту пору было уже пятьдесят четыре года. Возраст для литературного дебюта, прямо сказать, редкостный. Тем удивительнее его жизнь и судьба типично русского самородка.

Михаил Дмитриевич Каратеев родился в 1904 году в немецком городе Фрайберге, в богатой духовными традициями дворянской семье. По материнской линии он был прямым потомком В. А. Жуковского, по отцовской — находился в родстве с братьями Киреевскими. Один из его прадедов — молодой офицер Василий Александрович Каратеев, убитый при обороне Севастополя, передал, отправляясь на войну, своему соседу и другу — И. С. Тургеневу рукопись, из которой «вырос роман Тургенева «Накануне»¹. Отец Каратеева, Дмитрий Васильевич, был человеком энциклопедически образованным. Он имел (как рассказывал мне сын писателя) пять или шесть дипломов, в том числе по геологии и минералогии. Несколько лет Каратеев-старший (опять-таки по свидетельству его внука) преподавал философию в Гейдельбергском университете, имея степень «гонорис кауза».

Однако, как и во многих других дворянских семьях, Каратеевы следовали примеру прежде всего военного воспитания. Десяти лет мальчик поступил в Полтавский кадетский корпус и еще в отроческом возрасте принял участие в белой борьбе. После падения в 1920 году Южнорусского правительства и вторжения в Крым красных Каратеев вместе с добровольческой армией эвакуируется сначала в Константинополь, а затем в Белград. Здесь он, по свидетельству близко знавшего его А. М. Юзефовича, обнаружил исключительные способности, продолжив обучение в Петровском-Полтавском кадетском корпусе. По особому разрешению педагогического совета, сообщает А. М. Юзефович, выдержав экстерном экзамен из пятого класса прямо в седьмой, он окончил корпус первым, и притом на круглые 12 баллов, что при строгости оценок в военно-учебных заведениях было большой редкостью (в Петровском-Полтавском кадетском корпусе, где учился М. Каратеев, за восемьдесят лет это был пятый случай). После этого он также блестяще окончил Сергиевское артиллерийское училище, эвакуированное в Болгарию, с производством в офицеры по конной артиллерии, а позже получил высшее образование в Бельгии, которое дало ему диплом инженера-химика, а два года спустя, после защиты диссертации, степень доктора химических наук.

Это лишь одна, благополучная сторона биографии М. Каратеева — кадета и юнкера. Но была еще и другая — горькая и

¹ Станюкович Н. В., Каратеев М. Возвращение // Возрождение. Париж. 1968. № 196. С. 120.

неустроенная жизнь юноши-эмигранта, ничего не знающего о судьбе своих родителей.

В 20-е годы М. Каратеев сменил ряд профессий, работал он и на горных выработках, где заболел туберкулезом. Впечатления этой поры легли в основу его очерков «Белогвардейцы на Балканах». Получив диплом инженера-химика и степень доктора, М. Каратеев отправляется за океан, в Парагвай. Отныне вся его жизнь связана с русскими колониями в Южной Америке.

В 1938 году в Перу М. Каратеев встречает своего отца, который занимает должность ректора в столичном университете Сан-Маркоса, и, хотя у Дмитрия Васильевича теперь вторая семья (он женился, по словам внука, на племяннице Уинстона Черчилля), Каратеев-младший остается у него и работает химиком, выделяя и на этом поприще блестящие способности. В газете «Русские в Аргентине» он публикует серию очерков — «Парагвайская надежда» (о русских колонистах в Парагвае), «На рудниках Боливии» и «Россия в Уругвае» (очерк по истории русских сектантов-колонистов в Уругвае) в 1937—1940 годах.

В 1944 году М. Каратеев переезжает в Уругвай, в местечко Сан-Хавьер, где находилась одна из русских колоний. Не оставляя своей профессии (так как на литературный заработок прожить было невозможно, а у него уже давно была семья), М. Каратеев весь досуг отдает широкому гуманитарному самообразованию. Этот неустанный, подвижнический труд имел вполне определенную цель: изучение русской истории, и прежде всего того ее периода, который укладывался в бурный XIV век — век освобождения Руси от татаро-монгольского ига. М. Каратеев собирает множество исторических работ, в том числе русских дореволюционных и советских ученых, американских, английских, немецких специалистов, мемуарные свидетельства прошлого, документы Древнего Востока и русского средневековья. Опись его библиотски дает впечатляющее представление о кругозоре и глубине познаний этого историка-самоучки, который на равных мог спорить с мнениями таких корифеев (и даже оспаривать их), как Карамзин или Ключевский.

Готовя себя к работе писателя-историка, М. Каратеев, без сомнения, должен был столкнуться и с трудностями, вызванными его удаленностью от главных культурных центров русского зарубежья — Парижа и Нью-Йорка. Ему приходилось поневоле в одиночку, без консультаций и советов специалистов открывать забытые миры и пробиваться к исторической истине, часто сквозь последующие искажающие наслоения.

М. Каратеев обнаружил, что целые области истории Руси и сопредельных с ней государств, несмотря на огромную специальную литературу, остались заповедными или недостаточно известными,

и в ряде случаев он выступил первооткрывателем — художественным летописцем прошлого.

Надо дополнить заслуги М. Каратеева-историка, который в последовавших за «Ярлыком Великого Хана» романах «Карач-Мурза» (1962) и «Богатыри проснулись» (1963) постарался восстановить подлинную, огромную роль в возвышении Руси князя Дмитрия Донского, а также московского митрополита Алексия, которую, после их кончины, стремился умалить, понуждая переделывать летописи, чрезмерно приверженный к Литве митрополит Киприан.

В своих новых произведениях — «Карач-Мурза» и «Богатыри проснулись» М. Каратеев пошел значительно дальше в изображении Руси и Орды XIV века: изменились масштабы повествования, широко раздвинулись исторические горизонты. Теперь из-под его пера вышли произведения, повествующие уже не о судьбе одного рода или удельного княжества, а о судьбе России.

«Согласно своему первоначальному замыслу, — рассказывал сам писатель, — в первой книге я почти не выходил за рамки истории сравнительно небольшого удельного княжества Карачевского и Белой Орды, а о Москве упоминал лишь вскользь. Но во второй и третьей книгах истории Московского великого княжества и его возвышению отводится первое место, ибо в жанре исторического романа в этой области до сих пор ничего не сделано. Как это ни странно, но даже такая богатейшая для романиста эпоха, как годы княжения Дмитрия Донского и его судьбоносной борьбы с Тверью, Литвой и с татарской Ордой, в нашей художественной литературе почти не освещена».

Эту эпоху в романе «Карач-Мурза» М. Каратеев характеризует просто: «Все уже устали от усобиц и понимали, что именно Москва олицетворяет грядущее воскресение Руси».

Уже первым своим романом М. Каратеев доказал, что в его даре счастливо сочетаются любовь к Отечеству, глубокие знания историка и ясное художественное чувство. Но к этому нужно добавить еще личную заинтересованность в освещении русской истории, и прежде всего поры разложения татарской Орды. Сделав одной из главных (если не главной) сюжетных линий причудливую судьбу древнего русского рода князей Карачевских, он тем самым обратился к исторической памяти своих предков, восходящей к святому Михаилу Черниговскому. Так, темой его трилогии (которая затем разрослась до пяти книг — заключают эпопею романы «Железный хромец» и «Возвращение») стала судьба пращура Карач-Мурзы. Сын изгнанного из своего удела русского князя, осевшего в Белой Орде, и дочери татарского хана, он, после блестящей ордынской карьеры возвращается на родину отцов. «Карач-Мурзе отведена особая символическая роль в романе, — писал

рецензент журнала «Грани», — он как бы предвещает будущее объединение врагов в едином российском государстве»¹.

Эта сквозная «карачевская» нить и помогла писателю собрать и выстроить громадный исторический материал, вывести множество мастерски очерченных типов, соединить в живую мозаику массу уникальных подробностей, передающих неповторимый аромат эпохи.

Для того чтобы заинтриговать читателя, М. Каратеев широко пользуется приемами, хорошо знакомыми нам в исторической романистике: хитросплетение заговоров и тайных злодеяний, разрешение безвыходного положения внезапной помощью извне, запретная любовь, жестокое преступление и в завершение — столь же жестокое отмщение, прозрение и раскаяние разбойника, погони, схватки, засады, ловушки и т. д.

Однако история, решительно превалирующая над домыслом, — вот главный герой всех его романов. Читатель знакомится с новым литературным жанром романизированной истории. Он резко отличается от традиционного исторического романа, например, от блестящей беллетристики старшего каратеевского современника по эмиграции — Марка Алданова, у которого вымышленный персонаж находится в авторском фокусе, появляясь по мановению писателя там, где происходят решающие события, а сама история часто шаржированно деформируется в угоду авторскому замыслу. В противоположность традиционной литературе М. Каратеев добросовестно подчиняет все исторической реальности.

Отсюда обширные цитаты, подробные подстрочные примечания, уточнения специалиста-историка, чисто научные отступления, а также таблицы дворянских родов, карты средневековой Руси, планы битв. Горячий патриотизм М. Каратеева придает всему этому особую подсветку народности. Один из рецензентов журнала «Грани» подчеркивает, что в писательской манере автора обращает на себя внимание чуткость к малоизвестным или забытым скромным персонажам истории. Каратеев с гордостью приводит имена русских строителей храмов, укреплений, а на бранном поле — имена второстепенных военачальников, монахов, купцов и сермяжных ратников народных ополчений.

Писатель стремится использовать любой повод, чтобы уплотнить текст древними реалиями, давая им пояснения. Он расширяет не только старорусские, но и многочисленные татарские, персидские, арабские слова и выражения, подстрочно рассказывает о родстве героев или даже прямо комментирует малопонятные несведущему читателю сцены.

Михаил Дмитриевич Каратеев скончался в Монтевидео 24 ок-

¹ Дувинг Л. Ожившая старина // Грани. 1965. № 57. С. 215.

тября 1978 года. Он оставил неподписанный роман о Сибири, оставил архив для будущих исследователей. И главное — оставил свои книги (помимо названных, хочу упомянуть два сборника исторических очерков — «Из нашего прошлого», 1968 г., и «Арабески истории», 1971 г.), в которых заключена могучая «учительная сила».

Характерно, что в откликах на его романы повторялась одна и та же простая мысль: «Книгу эту следует иметь в каждой русской семье»; «Ее следует иметь в каждой библиотеке»; «Ее должен прочесть каждый русский человек» и т. д.

Да, книги М. Каратеева могут и должны быть предметом семейного, хочется сказать, всенародного чтения. Об этом и поведал, познакомившись с одним из каратеевских романов, крестьянин Я. Н. Чубко: «Надо робить, а я читаю. Уж так хорошо написано, и все как есть, усякое слово понимаю, что к чему. Прочитав всю, я стал вдруги раз читать для жены и ребят громко, да и сосед приходил послушать. Я с поля, а он уж тут: когда начнешь читать?..»

Быть может, это и есть лучшая рецензия на романы М. Каратеева.

«Подлинная любовь обладает неумирающей памятью сердца, — отмечал более двадцати лет назад поэт и критик Н. В. Станюкович. — «Записки охотника», стихи Тютчева, книги Алданова писались за границей, и тут, среди нас, вырос дар Михаила Дмитриевича Каратеева, эпопее которого суждено стать в освободившейся России источником знаний и, главное, живого понимания и любви к нашему прошлому»¹.

Время это, кажется, пришло.

О. МИХАЙЛОВ

¹ Станюкович Н. В., Каратеев М. Возвращение // Возрождение. Париж. 1968. № 196. С. 120.

ОТ АВТОРА

Издавая настоящую книгу, я не льщу себя надеждой обогатить ею русскую художественную литературу, ибо нисколько не преувеличиваю своей ценности, как писателя.

Я ставлю себе иную цель: ознакомить читателя с историей нескольких второстепенных русских княжеств эпохи феодального раздробления Руси и заодно — правильно осветить некоторые исторические факты, искаженные нашими летописцами или же неверно истолкованные их комментаторами.

История этих княжеств до сих пор совершенно не освещена как в художественной, так и в научно-исторической русской литературе общедоступного характера. Культурный русский читатель гораздо больше знает, например, о герцогстве Бургундском или Саксен-Веймарском, чем о княжестве Тарусском или Пронском, названий которых он, может быть, и не помнит. А вместе с тем земли, входившие в состав этих княжеств, лежат в самом сердце Российского Государства. Много ли сегодня найдется уроженцев Орловской губернии, которые знают, что они родились на территории бывшего княжества Карачевского?

Еще того менее известна читающей публике история среднеазиатских государств и татарских улусов, позже вошедших в состав Российской Империи. Если рядовой читатель знает что-то о Золотой Орде и помнит имена нескольких ее ханов, сыгравших особенно заметную роль в русской истории, то о Белой Орде он едва ли что-нибудь слышал, ибо она не находилась в тесном соприкосновении с Русью и наши историки о ней почти не упоминают.

Эти досадные пробелы нашей популярно-исторической литературы я и хочу, по мере своих скромных знаний и сил, пополнить как настоящей книгой, так и следующей, над которой сейчас работаю. Не знаю,

правда, удастся ли ей когда-нибудь увидеть свет? Это будет зависеть, главным образом, от того, как читатель примет первую мою книгу, издание которой явилось для меня весьма нелегким делом.

Для изложения собранных мною материалов я избрал форму исторического романа, во-первых, для более легкой их усвояемости, а во-вторых, потому, что для серьезного исторического труда они нуждались бы в особой доработке и пополнениях, которые крайне затруднительны в условиях эмиграции.

В основу моей фабулы положены архивные материалы и устные преданья двух семей, ведущих свое начало от действующих лиц этого романа. Было бы непростительно обречь их на забвение, ибо в них заключается несомненная историческая ценность: они проливают некоторый свет на одну из весьма туманных страниц нашей отечественной истории и для исследователя, работающего в более благоприятных условиях, чем я, могут послужить отправной точкой для дальнейших изысканий. Кроме того, мой сюжет значительно пополнен довольно редкими и мало кому известными историческими сведениями общего характера, которые я много лет собирал по крупице как в русской, так и иностранной летописной и научно-исторической литературе.

Все, без исключения, князя и ханы, а также многие другие действующие лица этой книги существовали в действительной жизни и выведены здесь под своими подлинными именами. Их взаимоотношения освещены исторически верно, хронология событий выдержана точно, а сами события, если отбросить мелочи, введенные для чисто литературного оформления, — все имели место в действительности. Таким образом, домислом здесь являются только детали развития романтической фабулы, которым я тоже постарался придать возможную историческую правдоподобность. Насколько же правильно мне удалось изобразить бытовую сторону эпохи, предоставляю судить читателю. Тут я сделал все, что было в моих скромных силах и в пределах моих собственных представлений.

Строгие ревнители литературных традиций, вероятно, упрекнут меня в том, что из первой половины XIV века, в которой развивается действие моего романа, я местами ухожу в прошлое и в будущее. Понимаю, что было бы лучше этого избежать и не разбрасываться к тому же материалом, могущим пригодиться для других книг.

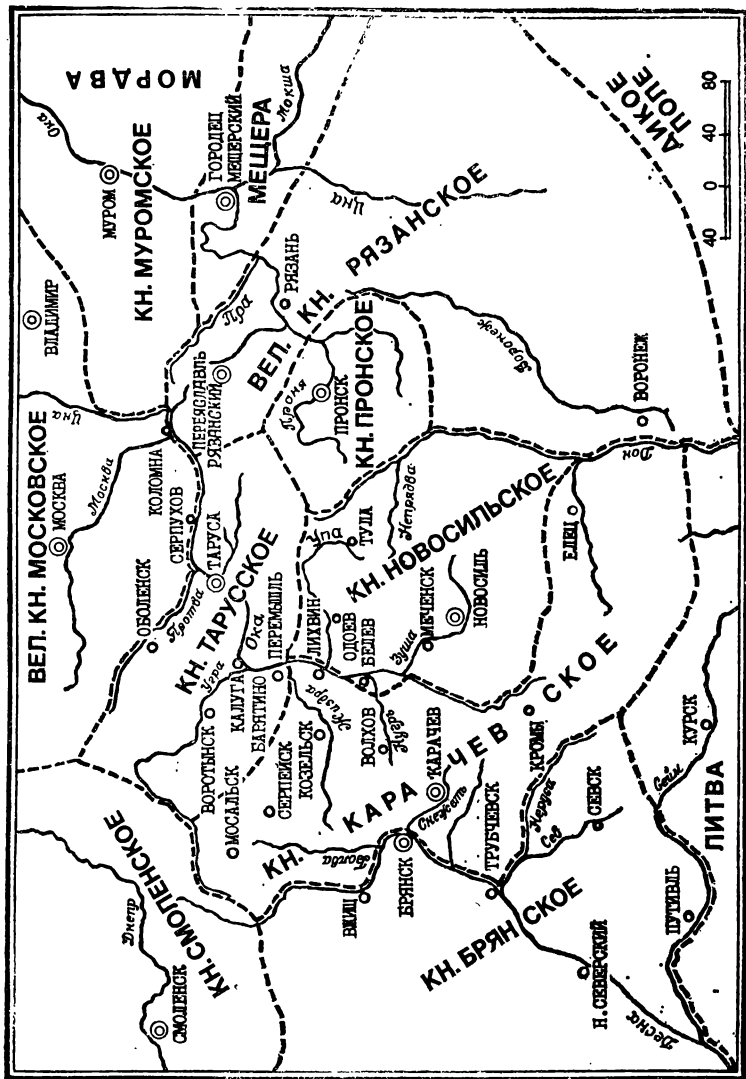
Но именно полная неуверенность в том, что мне удастся их издать, если даже они и будут написаны, заставляла меня иной раз выходить из рамок эпохи. Впрочем, эти вводные материалы сами по себе настолько интересны, что читатель, надеюсь, не посетует на меня за их включение.

Конечно, далеко не достаточно одних интересных материалов и увлекательной фабулы для того, чтобы произведение стало полноценным, и критика, вероятно, не обнаружит в моем романе особых литературных достоинств, а недостатков найдет немало. Но я все же думаю, что книга моя будет полезной. Я написал ее, быть может, без достаточного художественного мастерства, но с любовью к нашему русскому прошлому и, мне кажется, с правильным его пониманием.

Уругвай, 1957 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Княжич

ГЛАВА 1

В хоромах Пантелеймона Мстиславича, князя земли Карачевской, царят растерянность и уныние.

В просторной, но низкой горнице, смежной с опочивальней князя, жарко и душно. Сквозь слюду невысоких окон заходящее июльское солнце льет рассеянный свет на стоящие у стен резные дубовые лари и червонит бороды троих бояр, понуро сидящих на скамье у двери в опочивальню. Воевода Семен Никитич Алтухов, нестарый еще человек с мужественным лицом, которому придает особую выразительность белый от времени шрам, пересекающий левую щеку, комкая короткую темную бороду, ходит из угла в угол по толстому ковру, застилающему весь пол горницы. Из открытых дверей крестовой палаты* доносится тихий, временами усиливающийся женский плач.

Какой-нибудь частому назад, приняв вестника, прискакавшего с брянских рубежей с худыми вестями, престарелый князь Пантелеймон Мстиславич сильно разволновался и, не успев даже отдать нужных распоряжений, повалился вдруг навзничь, где стоял. Лицо его побагровело, глаза зашли под лоб, из горла вырывался протяжный, мучительный хрип. Перепуганные бояре и слуги, подняв его с пола, перенесли в опочивальню и постельничий Тишка стремглав кинулся на поиски карачевского ведуна Ипата, на все княжество славившегося умением заговаривать кровь и врачевать болезни. К счастью, Ипат оказался дома и минут двадцать тому назад был введен в опочивальню князя, потребовав чтобы оттуда удалились все, кроме помогавшего ему Тишки.

— Экую беду послал Господь, — негромко промолвил сидевший ближе всех к двери тучный боярин Опухтин. — Не выдюжит князь. Одна уже приключилось

* Крестовая палата — домовая церковь.

ему то самое — годов пять назад — опосля блинов. И тогда еле выходили. Ну, а теперь стар стал, не выдюжит...

— Не каркай, боярин, — приостанавливаясь, сказал воевода Алтухов, — князь наш крепок еще, а Господь милостив... Ну, что, Тишка? — быстро обратился он к постельнику, появившемуся в эту минуту на пороге опочивальни...

— Ипат князю жилу отворил, почитай, с полжбана руды* выпустил, — вполголоса поведал Тишка, прикрывая за собой дверь, — а в сей час над тем жбаном чегось нашептывает и коренья туды крошит.

— Ну, а князь как?

— Князь-батюшка враз хрипеть перестал, очами водит и, видать, чегось молвить хочет, да голосу нет. А как дальше будет, баит Ипат, на то воля Божья.

— За попом бы послать, — крестя длинную седую бороду, промолвил сидевший поодаль боярин Тютин.

— Отец Аверкий тута уже. В крестовой палате с княжной да с Аришей о здравии князя молятся, — отозвался боярин Шестак. — А за княжичем послано-ль?

— Оно-то послано, да где его теперь сыщешь? Почитай, с утра поскакал со своим Никишкой лисиц травить.

— То всем ведомо, каких лисиц он травит, — зло ухмыльнулся в рыжую бороду боярин Шестак. — По всему Карачеву лисенята с его обличьем бегают!

— Ты помолчал бы, боярин, — не глядя на него, хмуро промолвил Алтухов, — а то сам знаешь, какой у княжича с вами разговор. За то и плетете на него невесть что.

— Да я что? Знамо дело, молодость. Кто в таких годах Богу не грешен? Я к тому только, что ежели надобно Василия Пантелеича борзо сыскать, так послали бы кого в Заречную слободу, до кашаевой усадьбы...

В этот момент входная дверь с шумом распахнулась и в горницу стремительно вошел высокий и ладный молодой человек в охотничьих сапогах и в сером, расшитом черными шнурами кафтане. На узком серебряном поясе его, спереди висел небольшой, но богатый украшенный черкесский кинжал. От всей фигуры вошедшего веяло силой и удастью. Красивое лицо его, обрам-

* Руда — кровь.

ленное темно-каштановой бородкой, было бледно и взволнованно.

— Что с батюшкой? Сказывайте! — быстро спросил он, большими карими глазами окидывая собравшихся, почтительно вставших при его появлении и отвешивающих поясные поклоны.

— Плох князь Пантелей Мстиславич, — ответил воевода Алтухов. — Видать, мозговой удар с ним приключился. Зараз Ипат ему кровь пустил. Бог милостив, авось обойдется.

— С чего ж то родителю содеялось?

— Вестник с худыми вестями прибыл. Опять люди брянского князя Глеба Святославича наши села пожгли и полон угнали. Ну, знамо дело, князь-то и расстроужился.

— А где тот вестник?

— Во дворе дожидается, княжич. Ничего родитель твой и приказать не успел.

— Добро, Семен Никитич, пришлешь его ко мне сей же час, — распорядился княжич Василий, открывая дверь в опочивальню.

Войдя, он увидел грузное тело отца, лежащее под образами, на широкой лавке, покрытой узорчатыми коврами. В центре божницы, беред большим, потемневшим от времени образом архангела Михаила, — драгоценнейшей реликвией карачевских князей, унаследованной ими от славного предка их, святого Михаила Всеволодовича, князя Черниговского, — теплилась лампада из венецианского стекла, оправленная золотом. Непрерывный свет ее слабо освещал седую бороду князя и бледное лицо его с широко открытыми глазами, смотревшими теперь прямо на сына.

— Батюшка, что это с тобой приключилось? — участливо спросил Василий, опускаясь перед лавкой на колени и прижимаясь губами к безжизненно свесившейся руке отца.

Лицо больного исказилось жалкой гримасой. Видно было, что он силится что-то сказать, но голос ему не повиновался и с губ, как бы с трудом отлипая от них, сползали в тишину комнаты лишь тягучие, ничего, кроме страдания, не выражающие звуки.

— Не труди себя, княже, — промолвил, приближаясь к постели, Ипат, которого княжич сразу и не приметил. — Хвала Господу, смерть стороною прошла. Те-

перь токмо дай себе роздых да покой и не печалуйся: через день-два говорить будешь лучше прежнего.

Василий при этих словах быстро поднял голову и глянул на знахаря.

— Истину кажешь? Жив будет батюшка?

— Господь велик! Не один годок проживет еще наш пресветлый князь, родитель твой. Вовремя меня отыскал ваш слуга.

Лицо Василия осветилось радостью. Поднявшись на ноги, он запустил руку в карман кафтана, но там оказалось лишь несколько мелких серебряных монет. Оглянувшись по сторонам, он взял стоявший на подоконнике серебряный кубок, покрытый затейливой резьбой, всыпал в него деньги и протянул знахарю.

— Ну, спаси ты Христос, Ипат. А я навеки должник твой за батюшку! — с чувством промолвил он.

— Благодарствую, княжич. Рад служить славному роду вашему.

Василий снова взглянул на отца. Лицо его приняло теперь более спокойное выражение, но все же глаза, казалось, настойчиво требовали чего-то.

— Почивай, батюшка, набирайся сил, — сказал Василий, — а я сей же час велю отцу Аверкию во здравие твое молебен отслужить да сам допрошу давешнего вестника. И, не мешкая, поведу отряд по следу проклятых брянцев. Коли не успели они уйти за Десну, даст Бог, отобью наших людишек. А наших опоздаю отбить, — глебкиных в полон угоню!

При этих словах лицо старика выразило полное удовлетворение. Казалось, именно это он и желал сказать сыну. Он закрыл глаза и стал дышать ровнее. Перекрестившись на лик архангела и кивнув Ипату, Василий на цыпочках вышел из опочивальни и тихонько прикрыл за собою дверь. В передней горнице теперь еще прибавилось народа.

— Благодарение Господу, лучше родителю, — ответил он на обращенные к нему со всех сторон вопросительные взгляды. — Ипат говорит, жив и здоров будет. Пусть протопоп во здравие князя немедля молебен готовит. А ты, Семен Никитич, — обратился он к воеводе, — давай мне вестника.

— Тут-ка он, княжич, давно тебя дожидает.

От стены отделился и отвесил Василию земной поклон невысокий, но крепко сбитый крестьянский парень в лаптях, холщовых портах и изорванной в клочья ру-

бахе. В русских курчавых волосах его запеклась крѣзь, на щеке виднелся припухший багровый рубец.

— Сказывай! — окинув его взглядом, приказал княжич.

— С села Клинова мы, что по тую сторону Ревны, поприщ * сорок отселя будет, — начал парень. — Ну, вот, вышли мы утресь на косовицу, а они, значит, брянцы-то, из лесу-то и налетели! И давай, значит, нас имать и вязать! Мужиков и баб, всех повязали. Ну, кой-кто все же утек. Налетели они, стало быть, опосля на село, а там уже людишки упреждены были, — все в лес схоронились, одни старики пооставались. Ну, со зла они возьми да и подпали село...

— Погоди, — прервал его Василий. — Сколько же их было, брянцев-то?

— Да почитай, сотни две конных.

— А вел их кто, тебе ведомо?

— Ведомо, пресветлый княжич! Вел их самолично дружек княжий, воевода Голофеев.

— Ну, добро, дальше сказывай!

— Ну, погнажи нас, значит, в лес. По пути высмотрел я местечко и стрибнул было в заросли, но только достал меня один вой ** плетью по рылу, руки скрутил и привязал ремнем до своего седла. Чуток не доходя Ревны, загнали нас всех на полянку; оставил воевода при нас четырех караульных, а все прочее воинство повел грабить село Бугры, что от нас поприщ с пяток. Ну, а караульные наши всему полону велели сесть в кучу посреде поляны; консей своих, всех вместе, привязали к дереву, а сами сели в холодке закусывать и брагу пить. Ну, а я, значит, до одного из коней остался пристроملенный. Только помалу я свои путы о стремя перетер, у трех коней неприметно отпустил подпруги, а четвертого, какой получше, отвязал, сиганул на него да и махнул в лес! Караульные крик подняли, но только покуда они коней своих заседлали, я уже далече утек. Лес этот я знаю, как свою избу, меня в ем не словишь! Ну и пригнал, значит, сюды...

— Молодец, парень! Как звать-то тебя?

— Лаврушкой звать, пресветлый княжич.

— Добро, Лаврушка, ступай отдохни. Иванец, — обратился княжич к одному из слуг, — отведи парня в

* Поприще — верста.

** Вой — воин, ратник.

людскую, прикажи там его накормить и напоить, да выдать ему новые порты и рубаху!

Однако Лаврушка уходить не спешил и, переминаясь с ноги на ногу, просительно поглядывал на княжича.

— Ну, чего еще хочешь? — приветливо спросил Василий.

— Дозволь, пресветлый княжич, послужить тебе! Повели взять меня в твою дружину. Живота не жалеючи, буду за тебя биться, с кем укажешь. Конь у меня есть теперь ладный, с седлом и со всею справой.

— А семья твоя что скажет? Нешто у вас и без тебя работников достает?

— Никого у меня нету, княжич. С малых годов сирота я. Господа ради у чужих людей вырос.

— Ладно, — с минуту подумав и оценивая парня взглядом, сказал Василий. — Коли так, оставайся: мне ратные люди нужны. Только запомни: не за меня ты будешь биться и не за князя, родителя моего. Будешь ты биться за землю родную, за то, чтобы люди наши могли спокойно пахать и косить, и не угонял бы их в неволю ни злой сосед, ни поганый татарин! Ну, ступай теперь с Богом.

— Спаси тя Христос, за милость твою, пресветлый княжич! А уж я послужу тебе верно, — кланяясь в землю, промолвил просиявший Лаврушка и, неловко повернувшись, направился к двери.

— погоди, — остановил его Василий. — Сумеешь ты ночью вывести нас через лес, прямыми тропами, на след Голофеевой шайки?

— Вестимо сумею, княжич! Они с полоном да с награбленным добром за один день на брянскую сторону нипочем не уйдут. Заночуют в лесу, и завтра мы их, как Бог свят, настигнем!

— Ну, ин ладно. Ступай подкрепись и отдохни, не вдолге и выступим.

— Допрежь чем выступать, надобно бы тебе, Василий Пантелеич, с нами вместех думу подумать, — сказал боярин Опухтин, когда за Лаврушкой закрылась дверь горницы. — Досе наша беда не столь еще и велика: ну, угнали у нас с полста смердов. Может, еще по-хорошему и обратно их стребуем. А налетишь ты сейчас да посекешь в горячах брянцев, — гляди, они на нас и большой войною пойдут.

— Когда это Глеб Святославич что-нибудь добром

отдавал? Не дело говоришь ты, боярин. После мора людишек у нас вовсе мало осталось. Что же, будем теперь глядеть, как последних угоняют?

— Людишки, то еще куда ни шло... А вот не навлек бы ты беды и на всех нас. Потому и говорю: надобно наперед думу подумать.

— Я и сам разумею, что делать, — резко ответил Василий, — и куда ты гнешь, тоже ведаю. Ежели бы погромили боярскую вотчину, ты бы первый закричал: бей и жги всякого! А до вольных людишек вам, боярам, нужды нст. Поразорили их, пожгли, в полон увели, — ин ладно, не наше! Пускай, мол, пропадают сироты, только бы брянского князя не избидеть, а то, чего недоброго, осерчает он и под одну статью со смердами бояр карачевских учнет громить. Вот она, ваша думка, бояре!

— Молод ты еще, княжич, — выступил вперед боярин Шестак, — а речей таких мы ни от родителя твоего, ни от деда не слыхивали! Боярскую честь на Руси спокон веку все князья уважали. Ну, а тебе, видать, смерды ближе, нежели боярство родовитое, — язвительно добавил он.

Лицо Василия вспыхнуло гневом, но он сдержался и, лишь сощурившись на тщедушного Шестака, надменно ответил:

— Ну, для меня, чей род от века княжит над всею Русью, ты, боярин, по родовитости недалеко ушел от любого смерда*. Ты вот маленьких людей хулишь, а не видишь того, что на смерде да на ратном дворянине вся наша земля держится. Они ее и кормят, и от врагов боронят, и потому всякий разумный князь должен им быть отцом и заступником. А вы, «родовитые», только о себе печалуетесь да под себя норовите подгрести все, что зацепить можно: и княжево, и смердово!

— Срамные слова говоришь ты, Василий Пантелеич, — наливаясь темною кровью, зашипел боярин. Шестак, — и кабы ни был в сей час недужен твой батюшка...

— Ты, Иван Андреич, моего батюшку сюда не приплетай, — повысил голос Василий, — я сам за себя умею ответ держать! А лучше помыслил бы ты о себе да о том, чтобы не пришлось нам спасать тебя от твоих

* Смердами, сиротами и людишками в средневековой Руси называли крестьян.

же кабальных смердов. Мне ведомо, что деется в твоей вотчине, которую, к слову сказать, не дюже законно ты владеешь.

— В вотчине моей я господин, мой в ней и закон! — задыхаясь, прохрипел Шестак. — А тебе княжич...

— Помолчи, боярин, хватит! — крикнул Василий. — Я свое сказал, а коли тебе неймется, тогда дай срок, — я тебе рога обломаю! Кончена дума, бояре, прошу всех в крестовую на молебен! А ты останься, Семен Никитич, с тобою есть еще разговор.

Бояре, негодуяще бормоча и утирая платками вспотевшие лысины, направились в крестовую палату, откуда уже тянуло пряным запахом ладана и слышались возгласы протопопа Аверкия. Вскоре в горнице остались только княжич и воевода.

— Слыхал, Семен Никитич, — спросил Василий, когда последняя боярская спина исчезла за дверью, — сколь хочется им меня в свою веру обратить? Пусть пождут, я им еще покажу, кто здесь хозяин!

— Не тронь ты их лучше, Василий Пантелеич, — угрюмо промолвил Алтухов. — Того зла, что они на Руси сеют, ты один все равно не выведешь, а сила у них большая. С ними свяжешься, — не будет тебе спокойной жизни.

— Страшен сон, да милостив Бог, — беспечно ответил Василий. — Ну, да не о том сейчас речь. Я так смекаю, что Лаврушка правду сказал: брянцы со всем полоном в наших лесах заночуют. Прямо на Брянск они от Бугров не пойдут: Пашка Голофеев не дурак и разумеет, что на этом пути мы их легко перехватить можем. Скорее всего пойдут они правым берегом Ревны и, не доходя Десны, лесом срежут к переправе у Свенского монастыря. Ты как мыслишь?

— Мыслю, как и ты: больше им переправиться негде. От Бугров туда поприщ пятьдесят, — до ночи они с полоном и половины не пройдут. Стало быть, настигнуть их не столь трудно.

— Добро! Как месяц взойдет, так и выступим. Бери две сотни воев да скажи, чтобы хорошо подкормили коней: пойдем быстро и налегке. Лаврушке дашь саблю или копье, что пожелает. А все прочее он завтра сам добудет, — видать, парень не промах. Ну, так с Богом!

— Иду, княжич. Все будет исполнено.

* * *

Боярин Шестак с трудом дождался окончания молебна. Он, по привычке, истово крестился и клал поклоны, как и все, но смысл происходящего и возгласы протопопа проходили мимо его сознания. В груди его кипели гнев и возмущение. Дерзости княжича давно были боярину не в диковину, но сегодня он был задет особенно чувствительно: род его и впрямь был не слишком знатен, а небольшую вотчину, унаследованную от отца, он увеличил во много раз, пользуясь всякими средствами. Были среди них и такие, о которых боярин и сам не любил вспоминать, и уж совсем не терпел, когда на них намскали другие.

По окончании молебна он нарочно задержался в крестовой, вступивши в долгую беседу с отцом Аверкием, а когда все разошлись, вышел в горницу и приоткрыл дверь в княжью опочивальню.

Старый князь неподвижно лежал под божницей, глаза его были закрыты, грудь дышала ровно. Казалось, он мирно спит. На широком ларе у окна, подстелив овчину, спал постельничий Тишка. Знахарь, сидевший у изголовья княжьей постели, поднял голову на скрип открывшейся двери.

— А ну, выдь сюда, Ипат, — поманил его в горницу боярин. — Хочу распытать тебя о здравии князя, — сказал он, отводя знахаря к дальнему окну. — Сказывай, будет он жив?

— Сегодня смерть мимо прошла, — уклончиво ответил Ипат, — а когда возвратится за князем, о том лишь Бог ведает. Может, завтра, а может, допреж того и всех нас посетит.

— Ты не вилай языком, колдун! Сказывай правду!

— Не гневайся, боярин. Сам ведаешь, бывает правда, за которую и батогов получить недолго.

— Коли правду скажешь, меня не бойся, а бойся, коли солжешь: за тобою я тоже кое-чего знаю. Сказывай, как на духу: выживет князь?

— В эти дни не умрет, но недолго и протянет, — подумав, ответил Ипат. — Жизнь его теперь на волоске: чуть что и оборвется.

— Истину кажешь?

— Истину, боярин. Больше, как три месяца, не проживет.

Шестак замолчал и задумался, ероша толстыми пальцами редкую рыжую бороду. Потом, пристально глядя на ведуна, спросил:

— А сын твой Ивашка тута?

— А где ему быть? Вестимо, тута.

— Он, поди, не забыл еще, как княжич Василий лстось его при девках плетью отходил?

— Ты это к чему, боярин? — насупившись, спросил Ипат.

— А вот к тому. На большое-то княжение али не Василий ныне сядет?

— Знамо, он. Ну и что?

— Да ништо... Ты вот что, Ипат: сей же час снаряжай своего Ивашку в Козельск. Коня пусть возьмет на моей конюшне. Накрепко накажи ему пересказать княвью Титу Мстиславичу мое слово: старшой-де братец его, князь Пантелей Мстиславич, дюже плох и больше, как до Покрова, не протянет. Разумеешь?

— Разумею, боярин. Будет сделано.

— Да гляди, язык закуси покрепче и сыну накажи тож. А то у княжича рука тяжелая, чай твой Ивашка помнит! Пушай не жалеет коня и гонит во весь дух. За три дня обернется, полгривны ему от меня. Да пусть скажет козельскому князю, что недолге я и сам к нему буду.

— Ладно, боярин, все сделаю, как велишь.

— Ну, с Богом!

ГЛАВА 2

Первая половина XIV века, к которой относится это повествование, принадлежит к одному из самых мрачных периодов русской истории. Русь, разделенная на враждующие между собой удельные княжества, управляемые сильно размножившимися потомками Рюрика, уже целое столетие изнывала под тяжестью татарского ига.

Нашествие монголов, в силу феодальной раздробленности страны, не встретило общего организованного отпора. Но по отдельности все русские князья, во главе своих дружин и наскоро собранных народных ополчений, смело вступали в неравный бой, предложения о сдаче гордо отвергали и мужественно встречали смерть.

Своим отчаянным сопротивлением многие русские города заслуженно стяжали себе неувядаемую славу. Маленький город Козельск, где княжил отрок Василий из рода князей Черниговских, своей беспримерной стойкостью на два месяца задержал продвижение всей та-

тарской орды и пал только тогда, когда все защитники его были перебиты, а раненый князь Василий, как гласит преданье, утонул в крови. Татары прозвали Козельск злым городом и срыли его до основания.

С легендарным мужеством защищался и Киев. Преданье говорит, что татары ворвались в город лишь тогда, когда гора мертвых тел снаружи сравнялась по высоте с крепостными стенами. Все стотысячное население Киева, включая женщин и детей, продолжало биться с татарами на улицах города, защищая каждую его пядь. Доблесть киевского воеводы Дмитра произвела на победителей такое впечатление, что, вопреки своему правилу истреблять поголовно все мужское население особенно упорно защищавшихся городов, хан Батый не только пощадил ему жизнь, но, лично выразив восхищение его мужеством, приказал отпустить на свободу. А сам златоглавый Киев, один из красивейших городов мира, насчитывавший около шестисот церквей и по величине соперничавший с Константинополем, был обращен в груды развалин.

Почти с таким же героизмом защищались и другие русские города, и многие из них были татарами разрушены до основания. В обширнейшем княжестве Рязанском, принявшем на себя первый удар монгольских полчищ, не уцелел ни один город. Летопись того времени отмечает: «изменися земля Рязанска и не бе в ней ничто видети — токмо дым и пепел».

Конечно, оказывая подобное сопротивление татарским завоевателям, русский народ не ставил себе задачей защиту своих западных соседей. Он защищал свои домашние очаги и независимость родной земли, а о том, что ценою его неисчислимых жертв была спасена Европа, вероятно, не думал. Но факт остается фактом, и многим европейским народам следовало бы вспомнить об этом, хотя бы в трудные для России минуты.

По плану Чингиз-хана этот завоевательный поход его непобедимых полчищ должен был закончиться на берегах Атлантического океана. И вне всякого сомнения, план этот был бы осуществлен, если бы совершенно неожиданное для татар героическое сопротивление Руси не задержало их на четыре года и не вымотало настолько, что от дальнейшего продвижения на Запад пришлось отказаться. Правда, несколько лет спустя Батый предпринял новый поход на Европу, но она получила время подготовиться, и татарам, которые все же

дошли до стен Вены и Венеции, пришлось повернуть обратно: слишком рискованно было продолжать завоевание Европы, имея за спиной такого грозного противника, как Русь, хотя бы и поверженная.

* * *

Важнейшие жизненные центры Русской земли — города Киев, Чернигов, Владимир, Суздаль, Рязань, Переяславль, Москва, Муром и множество других — в результате татарского нашествия были совершенно разрушены. Их приходилось не восстанавливать, а строить наново. И это требовало огромных жертв, тем более трудных, что в борьбе с татарами страна обезлюдела, благосостояние ее было в корне подорвано, победители наложили на уцелевшее население тяжелую дань, а княжеские раздоры и междоусобия не прекращались даже и под татарской властью.

Однако в начале второй четверти XIV века в беспросветной тьме, нависшей над Русью, занимаются первые проблески рассвета: умный и волевой хозяин незначительного тогда Московского удела, князь Иван Данилович, прозванный Калитой *, всеми правдами, а более неправдами, получает от золотоордынского хана Узбека ярлык ** на великое княжение, переносит из Владимира в Москву кафедру главы русской церкви — митрополита Феогноста и понемногу начинает объединять вокруг Москвы русские земли, раздробленные на множество удельных, фактически самостоятельных княжеств.

Весьма важным и благоприятным для Руси обстоятельством явилось то, что Иван Данилович сумел добиться права самому собирать дань, которую страна выплачивала победителям. Вслед за ним это право получили и другие князья. Прежде же дань собирали особые татарские уполномоченные баскаки, и их наезды на Русь всегда сопровождались злоупотреблениями и насилиями. На баскаков управы не было: по положению, определенному для них еще Чингиз-ханом, они стояли выше князей и военачальников. Они имели право вмешиваться во внутренние дела побежденной страны, творить в ней суд и расправу и отчитываться в сво-

* Калита — денежная сума, кошель.

** Ярлык — грамота, указ великого хана.

их действиях только перед великим ханом. Новая система сбора дани не только избавляла страну от этого зла, но и давала великому князю возможность удерживать в своих руках часть собранных средств. Он их употреблял на укрепление мощи своего княжества и его расширение: некоторые соседние уделы он просто покупал у их владельцев.

Таким образом, Иван Данилович Калита, каковы бы ни были его нравственные качества, в истории нашей Родины является первым искусным строителем, начавшим строить из феодального хаоса то единое и могучее целое, которое впоследствии выросло в великое Российское государство.

* * *

В числе разрушенных дотла русских городов находился и Чернигов *, бывший столицей огромного Черниговского княжества, по территории и количеству городов едва ли не самого крупного на Руси. Последним его князем был Михаил Всеволодович, зверски убитый в Орде в 1246 году и причисленный православной церковью к лику святых мучеников.

Стоит отметить, что вопреки весьма распространенному мнению он был казнен вовсе не за отказ изменить своей вере. Никто его к этому не принуждал: татары не были религиозными фанатиками, отличаясь, наоборот, полнейшей терпимостью и даже уважением к чужим верованиям. Они не только не стремились отвести русских от православия, но и своим не возбраняли принимать его. Достаточно напомнить, что старший сын Батыя, хан Сартак, и его жена были православными. Есть несколько крестившихся татар, впоследствии причисленных русской церковью к лику святых. Таков, например, святой Петр Ордынский, племянник Батыя, умерший монахом в 1290 году. Святой Петр, мученик казанский, тоже был татарин. Память первого из них празднуется 30 июня, второго — 24 марта. Были и другие.

Нет, на совесть князя Михаила Всеволодовича в Орде никто не посягал. Но при приближении к ханскому трону от всех иностранцев татарский обычай требовал соблюдения особого унижительного ритуала: нужно бы-

* Города Сновск, Хоробр, Дрогош. Вжиши исчезли без след.

ло проходить между «очистительными кострами», подвергаться окуливанию дымом, согнувшись проходить, а иногда и проползать под низко натянутой веревкой и разговаривать с ханом, стоя на коленях. Исключений не делали ни для кого. Из всех русских и нерусских князей, послов и папских легатов, являвшихся в Орду, один лишь великий князь Михаил Черниговский наотрез отказался выполнить эти требования и предпочел смерть унижению. Но даже Батый, взбешенный непреклонностью русского князя и отдавший уже приказ о его немедленной казни, не отказал ему в желании причаститься перед смертью у православного священника. И только после этого, по знаку хана, палачи бросили бесстрашного и гордого черниговского князя на землю и затоптали его ногами. Такой же участи подвергся и находившийся с ним боярин Федор Зюзин.

После смерти Михаила Всеволодовича княжество Черниговское, как таковое, перестало существовать. Оно было разделено между четырьмя сыновьями князя Михаила, образовав самостоятельные, но в общем порядке подчиненные золотоордынскому хану княжества: Брянское, Карачевское, Тарусское и Новосильское*. Из них преобладающее значение имело Брянское княжество, доставшееся старшему из братьев, Роману Михайловичу, который перенес в Брянск епископскую кафедру из разрушенного Чернигова и на Руси считался крупной величиной. Но это княжество было и самым беспокойным, что обуславливалось характером его князей, а еще того более — географическим положением: на западе оно граничило с Литвой, постепенно захватывавшей окраинные русские земли, а на севере — с крупным княжеством Смоленским, не упускавшим случая расширяться за счет соседей. В силу этого брянским князьям беспрестанно приходилось обороняться то от Литвы, то от Смоленска. Впрочем, они в долгу не оставались и сами не раз нападали на Смоленск, а также на своего менее воинственного восточного соседа — княжество Карачевское.

Ко всему этому вскоре прибавились и внутренние неурядицы: потомки и наследники Романа Михайловича вступили между собой в жестокую и бесконечную борьбу за княжеский стол. Их усобицы для всего края

* В него входило и Нов. Северское. В него входило и Глуховское.

были особенно тяжелы, ибо с легкой руки Романа Михайловича, боровшегося с Литвой при поддержке татар, у брянских князей вошло в обычай обращаться к татарам за помощью в своих войнах с русскими соседями и друг с другом. Ордынские отряды грабили и разоряли население, и без того доведенное до нищеты постоянными войнами. В конце концов дошедший до отчаяния народ начал восставать против своих князей, и последний из них был убит своими собственными подданными. Опережая события, о которых рассказывается в этой книге, отметим, что после этого ярлык на княжение в Брянске получил смоленский князь Василий, но в том же году и Брянское, и Карачевское княжества были захвачены Литвой, под властью которой оставались полтора столетия.

Карачевское княжество досталось Мстиславу Михайловичу *, третьему из сыновей святого Михаила. Его столицей сделался Карачев — один из древнейших русских городов, упоминаемый летописями уже под 1146 годом и превратившийся впоследствии в захолустный уездный городок Орловской губернии. Кроме Карачева, в состав этого княжества входили, со своими областями, города Козельск, Болхов, Звенигород **, Мосальск, Елец, Серпейск, Лихвин и некоторые другие. Города Орла тогда не существовало. Он возник на три столетия позже в качестве небольшой крепостцы, прикрывающей Москву от набегов крымских татар. Ему не везло: его неоднократно разрушали татары, несколько раз он выгорал дотла и лишь в 1796 году стал губернским городом.

Читатель, знакомый с русской историей только в объеме курса средней школы, о существовании Карачевского княжества едва ли что-нибудь слышал. В учебниках истории о нем не только ничего не сказано, но даже не упоминается его название. Объясняется это тем, что в период объединения русских земель вокруг Москвы оно находилось под властью Литвы, в формировании Российского государства, таким образом, за-

* Здесь мы не принимаем во внимание Ростислава, старшего из сыновей князя Михаила, который, женившись на дочери венгерского короля Бэлы IV, переселился в Венгрию и получил от тестя в удел княжество Мачевское, в Карпатах.

** Точное местоположение этого Звенигорода, давно не существующего, является спорным вопросом. Надо думать, что он находился в самой южной части Карачевского княжества.

метной роли не играло, а правившие им князья не отличались достаточно беспокойным нравом, чтобы обратить на себя внимание летописцев и историков. А вместе с тем это княжество просуществовало без малого триста лет, и территория его вначале была довольно значительна: по занимаемой площади оно превышало многие европейские государства, даже такие сравнительно крупные, как нынешние Австрия и Венгрия. Применительно к позднейшей карте России, оно занимало Орловскую губернию, за исключением Брянского и Трубчевского уездов, больше половины Калужской губернии, значительную часть Тульской и Курской и небольшую часть Воронежской. Правда, через несколько десятков лет оно разделилось между ближайшими потомками Мстислава Михайловича на шесть княжеств: Карачевское, Козельское, Болховское, Звенигородское, Мосальское и Елецкое. Но Карачевское среди них продолжало оставаться главным, а остальные считались его уделами и сохраняли некоторую зависимость от Карачева, вначале вполне реальную, а позже — скорее традиционную. Все эти княжества в совокупности носили в народе название земли Карачевской.

В Карачеве, на так называемом большом княжении, всегда сидел старейший член рода, — не по возрасту, конечно, а по порядку династического старшинства. В пределах своей земли этот князь, в отличие от удельных, назывался великим или наибольшим князем. Из пяти же карачевских уделов первым по значению считался Козельский, вторым — Звенигородский, а последним — Мосальский.

По характеру своему карачевские князья в полную противоположность брянским, были не воинственны, а домовиты и спокойны. За славой они не гонялись, усобиц избегали, старину блюли крепко, были рачительными хозяевами, о подданных своих заботились больше, чем соседние князья, и народ их любил. В войны и распри с соседями они вступали, лишь обороняя свое, но сами на чужое не посягали. Бывали среди них неизбежные в то время споры о старшинстве, бывала и зависть, но в общем жили они тихо. Исторические источники сохранили о Карачевском княжестве и его князьях очень немного сведений, к тому же, весьма отрывочных и разрозненных. Драматический случай, отмеченный русскими летописями и послуживший основной темой этой книги, является, кажется, единственным, нарушив-

шим патриархальное течение жизни этого глухого лесного угла феодальной Руси.

После смерти князя Мстислава Михайловича, прожившего долгую жизнь, ему наследовал его старший сын Святослав. О нем известно лишь то, что в 1310 году, защищая свою вотчину, он пал от руки напавшего на Карачев брянского князя Василия Александровича. Сыновей у него не было, и на большое княжение вступил после него следующий по старшинству брат — Пантелеймон Мстиславич. Из двух младших братьев Тит Мстиславич получил в удел княжество Козельское, а Андрей * Мстиславич — Звенигородское.

В момент начала нашего повествования, в 1338 году, князю Пантелеймону Мстиславичу было уже под семьдесят. Его единственным сыном и наследником был княжич Василий.

ГЛАВА 3

На небе еще не погасли последние отблески поздней вечерней зари, когда из открытых башенных ворот карачевского кремля вытянулся на дорогу отряд, насчитывающий сотни две всадников. Почти все они были одеты в тягилы — толстые стеганные кафтаны, неплохо защищающие от сабельных ударов, — низкие меховые шапки и шаровары, заправленные в высокие смазные сапоги. Сотники, десятники и некоторые рядовые воины были в кольчугах и легких металлических шлемах — шишаках.

Вооружение их не отличалось однообразием: у одних за спинами виднелись луки и колчаны со стрелами, другие были вооружены копьями и сулицами **. Но саблю или меч имел почти каждый. Лишь очень немногие предпочитали этому оружию боевой топор — чекан, да у отдельных мастеров паличного боя были привешены к седлам тяжелые, окованные железом дубины — палицы.

Во главе отряда, несколько опередив его, ехали воевода Алтухов, Василий Пантелеймонович и его стремянной Никита Толбугин. Княжич, не любивший обременять себя тяжелым доспехом, выехал налегке: в том же

* В родословных книгах он назван Адрианом. Очевидно, у него было два имени, что часто встречалось у русских князей того времени.

** Сулица — метательное копье, дротик.

охотничьем кафтане, только на голову надел золоченый шлем — ерихонку да к поясу пристегнул кривую угорскую саблю. Никита, чернобородый мужчина лет тридцати, богатырского роста и сложения, был в кольчуге и шишаке. Под стать всаднику был и его массивный гнедой конь, перед которым даже высокий и стройный аргамак Василия казался жеребенком.

Никита Толбугин не был коренным карачевцем. История его появления в этом княжестве была не совсем обычной. Отец его, сын боярский* Гаврила Толбугин, служил в дружине брянских князей и, сложив свою голову в одной из бесчисленных усобиц, оставил семнадцатилетнему Никите небольшую вотчину под Брянском. На попечении юноши оказались также мать и сестра, бывшая на два года младше его. Через год мать умерла от оспы, сестра вскоре вышла замуж, и ничем более не связанный сын боярский Никита Толбугин, с детства считавший военную службу единственным достойным мужчины занятием, по примеру отца поверстался в дружину брянского князя Дмитрия Святославича. Благодаря своей необыкновенной силе, отваге и исполнительности он быстро выдвинулся, и несколько лет спустя князь и воеводы стали назначать его старшиной отдельных отрядов и давать ответственные поручения. Все, казалось, складывалось для него хорошо и сулило ему дальнейшие милости князя. Но судьба распорядилась иначе.

Лет за пять до описываемых здесь событий князь Дмитрий Святославич, воспользовавшись некоторыми затруднениями своего двоюродного брата, князя Ивана Александровича Смоленского, пошел на него войной и осадил Смоленск. Но город отчаянно защищался, и осада затянулась. Тогда Дмитрий Святославич, по скверному обыкновению брянских князей, позвал на помощь татар. Они подобных приглашений обычно не отвергали, ибо для них это была возможность безнаказанного грабежа и легкой наживы. Появившись на смоленских землях в качестве союзников брянского князя, татары принялись грабить русские деревни и угонять жителей в плен.

Никите это сильно не нравилось. С каждым новым днем осады он становился все более хмурым. К тому, что русские воюют с русскими, он привык, это казалось

* Дети боярскими назывались в то время служилые дворяне.

ему в порядке вещей, — дело, мол, домашнее. «Но самим же наводить на Русь басурманов, — думал он, — это уж совсем негоже».

Однажды осадный воевода послал его с донесением к князю Дмитрию Святославичу. До княжеской ставки было верст восемь, и путь лежал через большое смоленское село, где как раз в это время бесчинствовал отряд татарской конницы. При виде того, как ненавистные каждому русскому монголы вытаскивали из домов убогие крестьянские пожитки и вязали руки лучшим ремесленникам, предназначенным, как обычно, для увода в Орду, в груди Никиты поднялась тяжелая, удушливая злоба, едва на заставившая его вмешаться в дело. Но он поборол это желание, понимая, что татары его просто убьют и все равно ограбят село.

«Нечего сказать, славные дружки у нашего князя», — с ненавистью подумал он и к ставке подъехал мрачный как туча.

Когда Дмитрий Святославич, оповещенный о прибытии гонца, вышел из своего шатра, Никита слез с лошади, поклонился и, не глядя князю в глаза, доложил то, что ему было приказано.

— Добро, — сказал князь, — можешь идти.

Но гонец не двинулся с места и, подняв голову, в упор глянул на князя.

— Что еще? — спросил Дмитрий Святославич, несколько удивленный выражением лица своего дружинника.

— Пошто, княже, призвал ты поганых татар русскую землю зорить? — вновь наливаясь злобой, глухо спросил Никита. Князь Дмитрий от столь неслыханной дерзости в первый момент лишился дара речи, но, придя в себя, гневно закричал:

— Ты пьян, холоп! Как смеешь ты мне, своему государю, такое молвить?!

— Не пьян я, Дмитрий Святославич, и холопом ничьим отродясь не был! До сей поры был я твоим верным воином и не жалел за тебя головы. А ныне постиг, что творишь ты кайново дело, и больше я тебе не слуга! С тем оставайся здоров, со своими татарами! — с этими словами Никита повернулся к князю спиной и сделал шаг к своему коню.

— Вязать ворюгу! * — закричал князь, хватаясь за

* Слово «вор» в то время означало: изменник.

саблю. Поблизости находились пять или шесть дружинников, которые, повинаясь приказу, не очень охотно набросились на Никиту. Но он в минуту расшвырял их, как котят, и, даже не повернув головы в сторону потрясавшего саблей князя, вскочил на коня и ускакал.

Отказавшись служить брянскому князю, Никита не нарушил ни законов, ни обычаев своего времени: в средневековой Руси каждый боярин и сын боярский имели право поступать на службу к любому князю и по своей воле могли его когда угодно оставить и перейти к другому, даже не русскому. Это так называемое право отъезда, несмотря на то что князья всячески старались его ограничить и постепенно урезывали, просуществовало до Ивана Грозного, который его окончательно отменил после отъезда в Литву князя Андрея Курбского.

Но Никита Толбугин не только отъехал от князя Дмитрия Святославича, а еще и оскорбил его. Обид же брянские князья никому не прощали, и за дерзость свою Никита поплатился вотчиной. В то время денежного жалованья служилым дворянам не платили. Они получали часть воинской добычи да кое-когда подарки от князя. В основном же должны были жить и снаряжаться на доходы от своей вотчины, а если таковой не имели, — с того поместья, которое князь им давал за службу, как тогда говорили, «в кормление». В случае отъезда поместье, конечно, отбиралось. Родовых вотчин князья отбирать не могли, но иногда, пренебрегая этим, в отместку отбирали и их. Так случилось с Никитой, и ему волей-неволей пришлось покинуть родные края, чтобы искать счастья на службе у другого князя. Далеко ехать ему не пришлось: Карачев, стольный город соседнего княжества, находился от Брянска в пятидесяти верстах. Карачевские князья считались добрыми, справедливыми государями, а потому, покинув Брянщину, Никита отправился прямо туда и предложил свои услуги князю Пантелеймону Мстиславичу.

Окинув оценивающим хозяйским взглядом фигуру богатыря и выслушав без утайки рассказанную историю его отъезда от брянского князя, Пантелеймон Мстиславич принял его в свою дружину и выделил ему небольшое поместье близ Карачева. Он и сам немало зла терпел от Дмитрия Святославича, а потому чувства Никиты были ему понятны. На службе у нового князя Никита Гаврилович, обладавший всеми качествами образцо-

вого воина, сразу завоевал общее уважение, а своим честным, прямым характером особенно полюбился Василию, который вскоре взял его к себе стремянным *. Никита в свою очередь привязался к княжичу всей душой и за него готов был идти в огонь и в воду.

* * *

Перейдя по низкому деревянному мосту реку Снежить, отряд двинулся по пыльной, извивающейся между холмами и оврагами дороге и вскоре втянулся в высокий кустарник, незаметно перешедший в густой темный лес. В начале пути в нем заметно преобладали лиственные деревья, но, по мере отдаления от города, их становилось все меньше, пока, наконец, вокруг отряда не сомкнулся могучий сосновый бор, в котором лишь местами, на редких и тесных полянах, виднелись исполинские, в несколько обхватов, дубы да кое-где черные ели вонзали в лунное небо свои острые вершины.

Свет луны почти не проникал сквозь толщу огромных ветвей, с обеих сторон перекрывавших узкую просеку, по которой двигались всадники. Но сбиться с пути было трудно: дорога была прямая, да и дружинники, будучи коренными жителями лесного края, отлично разбирались даже в незнакомом лесу; этот же лес они хорошо знали.

Наконец дорога пошла заметно под уклон, и твердая почва под ногами коней стала сменяться более мягкой, песчаной. Чувствовалась близость реки. Было уже за полночь, когда навстречу потянуло сырой прохладой, в лесу сделалось светлее и сквозь поредевшие сосны передние всадники увидели перед собой посеребренную лунным светом тихую поверхность Ревны.

— Отдых! — скомандовал княжич, подъезжая к самой воде и соскакивая с коня.

Попарно выезжая на берег, дружинники спешивались, привязывали лошадей и, отломив от ближайшего дерева веточку, подходили к реке. Здесь каждый, истово перекрестившись и бросив веточку в воду, чтобы задобрить водяного, принимался утолять жажду прохладной речной водой. После этого, не теряя времени, все расседлали коней и принялись устраиваться на отдых.

— Поприщ сорок позади оставили, — промолвил

* Стремянный — древний придворный чин, официально — заведующий лошадьми, но по существу — нечто вроде личного адъютанта.

воевода Алтухов, снимая шлем и подходя к княжичу, сидевшему, опираясь спиной на ствол огромной сосны. — До Бугров тут рукой подать.

— Садись, Семен Никитич, — сказал Василий. — Покуда люди и кони маленько отдохнут, давай поразмыслим, что дальше делать. Никита, покличь-ка Лаврушку!

— Тут-ко я, княжич, — отозвался Лаврушка, ожидавший этого зова и потому вертевшийся поблизости.

— А ну, подойди сюда.

Парень приблизился. Он был по-прежнему в лаптях, но в новых портах и рубахе. На боку висела тяжелая сабля, которую он то и дело оправлял с заметной гордостью.

— Ишь ты, какой хват! Прямо воевода, — засмеялся, глядя на него, Василий. — А рубить-то саблей ты умеешь?

— Не случилось, пресветлый княжич, — признался Лаврушка, — да авось Господь поможет. На брянцев-то я столь лют, что хоть чем их крушить готов.

— Ну, того долго ждать тебе не придется. А сейчас сказывай: далече ли отсюда та поляна, с которой ты от брянцев утек?

— Да ежели прямиком, — поприща три, не более. Я тут одну тропку знаю, по ей враз туды выйдем.

— Ладно, поедешь рядом со мной, в голове отряда. А с той поляны по следу пойдем.

На небе уже занимался рассвет, когда, отдохнув и напоив лошадей, отряд тронулся дальше. Лаврушка очень скоро вывел его на поляну, куда накануне брянские воины сгоняли пленных. Отсюда расходились три лесных тропы, но даже неопытный человек безошибочно определил бы, по какой из них ушли нападавшие: такая ватага конных и пеших людей, конечно, оставила за собой многочисленные и хорошо заметные следы.

Как и предполагал Василий, брянцы пошли вдоль берега Ревны, по направлению к Десне. Было очевидно, что, не рискуя блуждать в незнакомом лесу, они решили добраться до переправы, придерживаясь берега реки. Это удлиняло им путь верст на двадцать.

— Теперь не уйдут, — сказал княжич. — Пусть даже шли они до глубокой ночи, — все одно более тридцати поприщ не сделали и теперь стоят станом где-либо в лесу, не дойдя Десны. До Свенской переправы им еще столько же; стало быть, хватит на целый день.

С полоном-то не раскочешься! Мы их к полудню настигнем, даже не томя коней.

— То истина, Василий Пантелеич, — отозвался воевода, — но можно и лучше сделать: разделим тут наши силы. Половина пойдет по следу и насядет на брянцев с тылу, а другая, пройдя напрямик через лес, отрежет им путь к переправе. Так мы их с двух сторон займаем!

— Ладно придумал, Семен Никитич! — одобрил Василий. — Давай так и сделаем. Только ровно ли пополам людей делить?

После короткого совещания княжич и воевода выработали следующий план: полторы сотни дружинников, под начальством Василия, Лаврушка прямыми тропами выведет в засаду, перерезав путь отступающим. Алтухов с пятьюдесятью всадниками пойдет по следу и, догнав брянский отряд, будет скрытно идти за ним на небольшом расстоянии, чтобы ударить с тыла в тот момент, когда впереди начнется сражение.

Сговорившись обо всем, Василий и Алтухов со своими отрядами по двум различным дорогам углубились в лес. Лаврушка на ладном и крепком коне, которого накануне увел у брянцев, ехал рядом с Василием. В дремучих зарослях этого леса он чувствовал себя как дома и уверенно вел отряд по едва приметным тропкам, иногда столь узким, что двигаться можно было только гуськом. Часов в десять утра они вышли на широкую просеку, ведущую к переправе через Десну. Убедившись, что на ней нет следов, указывающих на недавнее прохождение отряда, Василий облегченно вздохнул и приказал, соблюдая полную тишину, двигаться навстречу брянцам с тем, чтобы отыскать удобное место для засады. Вскоре оно нашлось. Здесь дорога выходила на узкую, но длинную поляну с опушками, густо поросшими молодым ельником. Это позволяло укрыть всадников у самой дороги и напасть на противника внезапно с обеих сторон.

— Ну, лучшего места и искать нечего, — сказал княжич, внимательно осмотревшись кругом. — Ты, Никита, бери половину людей и расставь их за елками, справа от дороги, а я с другой половиной останусь слева. Как только вся их сила вытянется на поляну, я велю затрубить в рожок и налетим разом по всей длине, чтобы никто из них и опаматоваться не успел. Да глядите все: тех, кто станет сдаваться, зря не сечь! Старайтесь живьем поболее народа взять.

— Навряд ли станут они шибко обороняться, — заметил Никита. — За такого князя, как Глеб Святославич, кому охота живота лишиться?

— Ну, это как знать! Народ брянский князем обижен, в том спору нет, но воев своих он к грабежу приохотил и долю им дает немалую. Они не столь княжью выгоду будут защищать, сколь свою, и награбленного добра легко не отдадут. Ну, да о том гадать нечего, не вдолге узнаем.

По расчетам Лаврушки, брянцы должны были подойти сюда не раньше полудня, а потому, выслав им навстречу дозор, Василий приказал воинам отдыхать и кормить коней. Часа через полтора дозорные донесли, что брянский отряд находится в трех верстах и движается по просеке без соблюдения каких-либо мер предосторожности. До переправы отсюда оставалось не более семи верст, и люди Глеба Святославича считали себя почти дома.

— По местам! — скомандовал Василий, и через две три минуты самый внимательный взгляд не заметил бы вокруг поляны ничего подозрительного. Только шелестели вверху колеблемые легким ветерком вершины деревьев да густо толпились по опушкам леса молодые ели, вызолоченные полуденным солнцем.

ГЛАВА 4

Вскоре в чаще леса послышались голоса и мерный стук копыт идущей шагом конницы. На поляну стали выезжать всадники, едущие попарно. Они были одеты и вооружены так же, как и карачевские воины, только металлических доспехов и кольчуг тут виднелось гораздо больше.

Впереди всех, на статном вороном жеребце ехал в богатых доспехах мужчина лет тридцати, с пышными русыми усами и гладко выбритым подбородком. Поза его была небрежна, взгляд лениво-рассеян. Полуденное солнце припекало изрядно, и всадник ехал с непокрытой головой, — шлем его мирно колыхался на луке седла.

— Пашка Голофеев, — пробормотал княжич Василий, внимательно глядевший на дорогу из-за ближайших елей. — Вот бы этого пса живым взять! За него князь Глеб полсотни смердов в обмен не пожалеет.

Между тем отряд вытянулся уже почти через всю поляну. За головной сотней дружинников следовало де-

сятка два телег, груженных награбленным скарбом. За ними плелась довольно длинная цепочка пленных крестьян, связанных попарно за руки и по практике, заимствованной от татар, скрепленных одним общим ремнем. Сзади шла вторая сотня всадников. Ехали они вразвалку, громко разговаривая и перебрасываясь шутками. Многие поснимали с себя не только шлемы, но и кольчуги, перекинув их перед собой поперек седел. По всему было заметно, что они считают набег удачно законченным и о какой-либо опасности не помышляют.

Резкий звук рожка прорезал тишину леса. Опушки поляны внезапно ожили и на растерявшихся брянцев с устрашающим криком с двух сторон обрушились карачевские воины. Многие еще не успели сообразить, что произошло, и схватиться за оружие, как были уже выбиты из седел или заарканены. Но остальные быстро пришли в себя и на поляне завязалась жестокая схватка. В ней все перемешалось. Из-за тесноты поляны о применении луков и даже копий не приходилось и думать; дрались лишь оружием короткого боя: саблями, палицами и чеканами. Особенно лютая сеча разгорелась вокруг пленников и телег с добром. Брянцы и впрямь с добычей расставаться не любили и защищали ее отчаянно.

Лаврушка, находившийся в засаде рядом с Василием, выскочил на дорогу как раз напротив своих связанных односельчан. В первую минуту боя здесь, кроме нескольких человек охраны, никого не было и потому, воспользовавшись тем, что княжич ловко смахнул с седла ближайшего конвойного, он, размахивая саблей, подскочил к цепочке пленных, в нескольких местах перерубил соединявший их ремень и даже успел кое-кому освободить руки. Но сейчас же брянцы хлынули сюда с обеих сторон, и Лаврушке пришлось туго. Саблей он владел плохо, но был мускулист и ловок, а легкая рубаха, составлявшая весь его доспех, не стесняла свободы движений. К тому же жгучая ненависть к этим людям, ни за что разорившим его родное село, удваивала его силы.

От первого наскочившего на него брянского воина он отбилсЯ довольно удачно: быстро пригнувшись к гриве коня, избежал сокрушительного удара меча, просвиставшего над его головой, а затем, разом выпрямившись и махнув наудалую саблей, он с радостью увидел, что противник его валится с седла. Однако ра-

дость эта была преждевременной: другой брянский дружинник — один из вчерашних караульных — здоровый детина, вооруженный пудовой палицей, узнал Лаврушку и направил на него коня.

— А, это ты, чортов хорек! — закричал он. — Ну, пожди, зараз я те научу, как из полона бегать и чужих коней уводить!

Лаврушка поднял было саблю, но могучий удар окованной железом дубины выбил ее из его неопытных рук. Палица вновь взметнулась кверху и на этот раз размозжила бы голову беззащитному теперь Лаврушке, если бы Василий, рубившийся рядом, не пришел на выручку: наскочив сбоку на верзилу, он махнул саблей и страшная палица вместе с отсеченной рукой покатилась под ноги коням.

— Спаси тя Христос, княжич, как ты меня спас! — крикнул Лаврушка, не чаявший остаться в живых.

— Ништо, — ответил Василий. — Подбирай-ка саблю, да вдругораз не плошай!

— Да ты, сынок, возьми-ка лучше вот эту штуку, — сказал один из развязанных Лаврушкой крестьян, подавая ему упавшую на землю палицу. — Она нашему брату куды сподручней сабли!

Лаврушка принял новое оружие, для пробы взмахнул им в воздухе и сразу понял, что земляк его говорит дело. Через минуту его палица уже мелькала над головами брянцев в самой гуще свалки.

Княжич, между тем, старался пробиться поближе к Голофееву, но это было нелегко, так как он находился по другую сторону дороги, загроможденной в этом месте телегами. Вокруг них шла сейчас горячая схватка.

Брянский воевода, так и не успевший надеть шлема, скатившегося у него с седла при первой же сшибке, посмеиваясь, вертелся на своем жеребце среди нападающих, отбивая удары и ловко действуя саблей. Он был искусным воином, прошедшим у всегда воюющих брянских князей хорошую боевую школу, а потому вскоре вокруг него расчистилось место и на земле уже лежало несколько сраженных им карачевских дружинников. Остальные невольно подались назад.

— А ну, пахари, наскакивай, кто еще желает попробовать брянского гостинца! — куражился Голофеев. — Вы, чай, у своих святых князей больше приучены саблями дрова колоть, чем рубиться! Пользуйся, карачевщина! Сей день всех обучаю бесплатно!

— Погоди, Пашка, может, и я тебя кой-чему выучу! — крикнул Никита Толбугин, пробиваясь к нему на своем исполинском коне.

— А, здорово, перевертыш! — узнал старого сослуживца Голофеев. — Ну, как? Отдохнул у князя Пантелея Мстиславича от ратного дела? Небось, коров у него доишь?

— Я-то не дою, а вот тебя мы, как приведем в Карачев, к этому делу и приставим, — ответил Никита, замахиваясь тяжелым мечом. Но Голофеев, знавший, что теперь встретился с серьезным противником, был начеку и легко отбил удар.

Начался поединок, в котором возможности сторон казались равными. Голофеев уступал Никите по силе, но зато превосходил его ловкостью и навыком. Он перестал зубоскалить и все внимание свое сосредоточил на острие сабли. В короткий срок он сбил с противника шишак и задел его щеку. Рана была пустяшная, но лицо Никиты залилось кровью, и Голофеев снова повеселел.

— Подожди, колода, сейчас я из тебя наколю лучины, — начал он, но кончить не успел: под ударом Никиты сабля его переломилась надвое, а в следующую секунду, сорванный с коня могучей рукой великана, он уже барахтался на земле, и двое карачевцев вязали его ремнями.

Эта победа Никиты решила исход сражения, которое уже подходило к концу. Люди княжича Василия всюду теснили брянцев. Развязавшие друг друга пленники, вооружившись, чем попало, крушили их с тыла и вязали упавших на землю или сдавшихся. Увидев, что схвачен их воевода, немногие еще защищавшиеся брянцы побросали оружие. Лишь человек сорок, находившихся в самом хвосте колонны, успели повернуть коней и вскачь пустились назад по дороге. Зная, что там они столкнутся с отрядом Алтухова, Василий тотчас послал следом за ними с полсотни всадников, чтобы зажать их с двух сторон. Алтухов в это время уже подходил к поляне. Попав между двух огней, беглецы предпочли в новый неравный бой не вступать и сдались по первому требованию.

— Ну, с полем тебя, Василий Пантелеич, — сказал воевода, подъезжая к Василию. — Быстро ты управился! Мы всего лишь на версту позади их держались и то ко времени не подоспели. Однако много вы их накро-

шили, — добавил он, оглядывая усеянную телами поляну.

— Чтобы в другой раз добре поразмыслили, допрежь чем идти в нашу землю разбойничать, — ответил княжич, снимая шлем и вытирая платком вспотевшую голову. — Но их тут больше повязанных валяется, нежели убитых. Разбери-ка, Семен Никитич, что к чему и наведи счет и порядок. Да погляди, чтобы раненым немедля была помощь оказана.

Алтухов тотчас приказал освобожденным крестьянам подобрать раненых и отнести их на берег ручья, протекавшего в нескольких саженьях от поляны. Убитых он велел складывать отдельно у дороги. Дружинники под наблюдением Никиты тем временем собирали пленных, ловили коней и сносили в кучу взятое у брянцев оружие.

Через полчаса итоги сражения были подведены. Карачевский отряд потерял убитыми восемь человек и более двадцати были ранены, из них пятеро тяжело. Победителям досталось больше полутораста пленных, около двухсот лошадей и много оружия. Брянцы потеряли тридцать воинов убитыми и человек пятнадцать было у них тяжело раненых.

— А среди взятых, окромя Голофеева, есть иные дети боярские? — спросил Василий, когда воевода доложил ему обо всем.

— Есть четверо, княжич.

— Добро, Семен Никитич, пойдем-ка поглядим, что там за люди да наведем суд и расправу.

Осмотрев пострадавших, раны которых обмывали у ручья, а затем перевязывали, обложив предварительно листьями подорожника, Василий и Алтухов вышли на дорогу. Справа от нее стояла толпа пленных брянцев, слева — группа отбитых крестьян. Глянув в их сторону, княжич заметил, чуть поодаль от других, милостивую девушку лет семнадцати, стоявшую рядом с воином, лица которого ему не было видно. Воин был в высоких сапогах, в кольчуге и шлеме, на боку его висела сабля. Он держал девушку за руку и что-то говорил. Слов не было слышно, но по выражению ее лица нетрудно было догадаться, о чем у них шел разговор.

— Эге, парень, видать ты не любишь время терять, — сказал Василий, подходя к этой паре и коснувшись плеча воина рукоятью плети. Дружинник быстро обернулся, и княжич с удивлением узнал Лаврушку.

— Вон что! — вымолвил он. — Где же это ты такими знатными доспехами разжился?

— Ссек с седла одного врага, пресветлый княжич, ну и завладел его справой. В самую пору все на меня пришлось!

— Ну, молодец! Теперь ты дружинник что надо. Вижу, и невесту себе завоевать успел?—добавил Василий, переводя взгляд на смущенно потупившуюся девушку.

— Да вот, оказалась она среди тех людей, что брянцы из Бугров угнали...

— Теперь разумею, пошто ты так рвался в битву: зазнобушку свою выручить спешил! Ну, что ж, значит невдолге и свадьба?

— Не отдают за меня Настю родители, — сокрушенно промолвил Лаврушка. — Бают, голь я перекатная.

— Какая же голь, ежели ты ныне княжий дружинник? Не печалуйся, да и ты, Настенька, не кручинься. Коли потребуется, сам буду вашим сватом, авось мне не откажут!

Оставив просявшую при этих словах пару, Василий обратился к столпившимся вокруг крестьянам:

— Ну, как, мужики? Все свое добро понаходили?

— Благослови тя Христос, пресветлый княжич, спаситель наш, — загалдели крестьяне, кланяясь в землю. — Все, как есть, в сохранности оказалось. Туточки на телегах все и было покладено!

— Добро, значит, в этом убытка вам нет. Кто у вас тут староста?

— Ежели тебе от Клинковской общины, то я староста, твоя княжеская милость, — выступил вперед седобородый крестьянин. — А бугровский — вона раненых пользует!

— Нет, мне ты и надобен. Как звать-то тебя?

— Ефимом звать, пресветлый княжич. Робкин я, сын Степанов.

— Скажи, Ефим, сильно погорело ваше село?

— Да, почитай, ничего не осталось, — ответил староста. — Ведь энти аспиды каждую избу порознь подпалили, а в ту пору еще и ветер был.

— Сколько же у вас всего дворов?

— Восемь дворов, батюшка.

— А Бугры тоже спалили?

— Не, Бугры только пограбили. Видать, дюже поспешали они, анафемы.

— Хвала Господу! А как мыслишь ты, староста, во что станет отстроить ваше село?

— Да что ж, лесу-то нам не куплять, — вишь сколько его Господь вырастил на потребу людям! А ежели на каждый двор, сверх того, прикинуть серебром гривны* по две, так лучше прежнего построиться и зажить можно.

— Добро, — сказал Василий, — получите по три гривны на семью. Да родителя стану просить, чтобы на два года ослобонил вас от податей. Ну, а теперь разбирайте телеги и езжайте с Богом. До ночи домой поспеете.

Отойдя от крестьян, земно кланявшихся и выкрикивавших слова благодарности, Василий приблизился к пленным брянцам. Они толпились по другой бок дороги и, слушая, что княжич говорил смердам, толкали друг друга локтями и переглядывались: в Брянщине такого не бывало.

— Ну, вот что, — жестко сказал Василий, обращаясь к ним. — С воеводой вашим и с боярскими детьми разговор у меня будет особый, а сейчас слово мое к простым воям: взял я вас с бою, на своей земле и с поличным: с захваченными у нас людьми и добром. Войны промеж Брянском и Карачевом нет, и мог бы я вас всех казнить, аки татей и разбойников, либо обратить в холопство. Но я того не хочу, ибо ведаю: не своей охотой пошли вы на это подлое дело, а исполняя приказ. Того, кто вас послал, судить будет Бог, вас же я отпускаю на волю. Запомните мое слово да перескажите другим: карачевские князья ни одной русской земле не вороги, чужого они не ищут, но за свою вотчину и людишек стоят крепко, — то вы сегодня и сами видели. Кони ваши, оружие и доспехи взяты нами в честном бою и, вестимо, останутся нам. Вы же берите своих убитых да раненых и ступайте с Богом. А ежели кто из вас вдругораз попадетсЯ мне за разбоем, разговор с ним будет уже иной: прикажу повесить на первом суку. Тому верьте, ибо слово мое крепко.

* Гривна — основная денежная единица древней Руси. Существовали три типа гривны: золотая, серебряная и кунная. Их стоимость и соотношение менялись в зависимости от эпохи. В XIV веке серебряная гривна заключала около 200 граммов чистого серебра. Золотая гривна ценилась в 6,5 раза дороже, а кунная — в 4 раза дешевле серебряной.

— Спаси тя Христос; княжич, — раздались голоса из толпы. — Нешто мы по своей воле пришли? Не дает Господь Брянщине добрых князей, — вот и сами маемся, да и соседям поперек горла стоим!

Из гущи пленных, раздвигая локтями других и подталкивая друг друга, вышли на дорогу три молодых воина. Не говоря ни слова, они опустились на колени и поклонились Василию в землю.

— Сказывайте, чего хотите? — строго спросил княжич.

— Дозволь нам остаться, твоя княжеская милость, — за всех ответил один из воинов. — Тебе и родителю твоему, князю Пантелею Мстиславичу, хотим служить!

До конца XV века все вольные люди, не попавшие еще в прямую зависимость от вотчинников, были свободны покинуть земли одного княжества и переселиться в другое. Князь, от которого они уходили, конечно, старался удержать их всеми правдами и неправдами, но в новых местах их обычно принимали охотно, давали им землю и на несколько лет освобождали от податей. Таким образом, просьба, высказанная брянцами, не заключала в себе ничего необычного, и Василий ответил:

— То ваше право, коли вы вольные люди, а не холопы, и я это право уважу. Ежели воями хотите служить, велю принять вас в дружину, а коли желаете хозяйствовать — получите землю и помощь. Но глядите сами: как бы семьям вашим не приключилось худа от брянского князя.

— В дружину твою хотим, княжич, а люди мы вольные и семей у нас нету. Бобыли мы все трое!

— Кабы не семьи да не худоба, почитай, все бы до вас утекли, — раздались голоса. — Разве у нас жисть? А уйти и не мысли: князь Глеб Святославич на расправу куды как лют!..

Еще несколько брянцев выразили желание остаться на службе у карачевских князей. Приказав всем им возвратить коней и оружие, Василий распорядился, чтобы раненых и убитых карачевцев положили на крестьянские телеги, а к себе велел привести Голофеева и пленных боярских детей.

Через несколько минут Никита подвел всех пятерых к огромному дубу, у подножия которого сидел Василий. Как и у остальных, руки у Голофеева были связа-

ны за спиной, но глядел он самоуверенно, даже вызывающе.

— Тебя, Голофеев, по совести, надо бы повесить, — сказал княжич, сдерживая гнев, — поелику ты есть тать и разбойник доброхотный, а не приневоленный. Но я хочу через тебя же исправить то зло, что причинил ты нашей земле. А посему вот тебе мой сказ: будешь ты в железах сидеть у меня в яме* до той поры, покуда князь твой не пришлет за тебя в откуп двадцать пять гривен серебра. И пойдут те гривны на отстройку деревни, что ты спалил. Но это не все: восемь моих дружинников вы сегодня посекали насмерть, а пятерых изувечили. Из тех восьми убитых пятеро были семейные. Каждой осиротевшей семье и каждому искалеченному воину кладу по пять гривен и то серебро дадите вы, дети боярские, и ты, Голофеев, коли хотите выйти на волю. Конь и доспех у тебя таковы, что любому князю впору, — добавил он, обращаясь к Голофееву, — но Никита Толбугин одолел тебя в честном бою, и ты обычай знаешь: все это принадлежит теперь твоему победителю. Захочешь откупить, ладься с ним, коли будет на то его согласие.

— А не мыслишь ты, княжич, — ухмыляясь, сказал Голофеев, — что вместо откупа князь Глеб Святославич через седмицу сам придет с дружиною вывести меня из твоей ямы, разметавши по бревнышку ваш Карачев?

— Что ж, коли захочет, пусть попробует. Яма та просторная, там и для него места хватит.

— Ты, видать, запамятовал, как не столь еще давно князь наш, Василий Александрович, дядю твоего родного, Святослава Мстиславича, в самом Карачеве живота лишил!

— Замолчи, собака! — в бешенстве закричал Василий, вскакивая на ноги. — Как смеешь ты передо мною похвалиться тем каиновым делом? Богом клянусь: еще слово выпустишь из своего поганого рта и велю тебя повесить на верхушке этого дуба! А откуп твой не двадцать пять гривен, а пятьдесят! Коль пожалеет за тебя князь твой отдать столько серебра — через месяц тебе голову долой!

Голофеев прикусил язык и сразу утратил свою самоуверенность. Он почувствовал, что Василий без ко-

* Ямой называлась тюрьма, камера заключения.

лебаний приведет свою угрозу в исполнение, и потому счел за лучшее его больше не раздражать.

Никита отвел пленных дворян к коновязи и, не развязывая им рук, всех по очереди, как малых ребят, поднял и усадил верхом на лошадей. Василий тем временем быстрыми шагами вышел на дорогу, где Алтухов уже собрал дружину и закончил приготовления к походу.

— По коням! — скомандовал княжич и отряд тронулся в обратный путь.

ГЛАВА 5

Город Карачев, насчитывавший в XIV веке около четырех тысяч жителей, стоял на правом, возвышенном берегу реки Снежети. Укрепленная его часть, в старину называвшаяся детинцем или кремлем, занимала пространство площадью около семи десятин, имеющее форму неправильного пятиугольника, окруженного рвом и земляным валом.

Поверх этого двухсаженного вала высилась городская стена, составленная из «городниц», т. е. из ряда толстых бревенчатых срубов, приставленных вплотную один к другому. Внутренность этих срубов-клетей заполнялась землей и щебнем. Это образовывало солидную по тем времена крепостную стену высотой сажени в четыре, а толщиной в две. Таким образом, верх стены представлял собою довольно широкую площадку, откуда защитники города отражали во время осады приступы нападающих, сваливая на них камни, поливая кипятком и засыпая стрелами. По внешнему краю этой площадки, для ее защиты от неприятельских стрел, тянулось заборало — невысокий забор из толстых дубовых горбылей, с прорезанными в нем скважнями или бойницами. На всех углах стены были выведены бревенчатые башни — вежи. Такая же башня высилась над главными городскими воротами, выходящими на север. Другие — малые — ворота были без башни и выходили на юг, к реке.

Внутри этого защищенного стенами пространства помещалась вся основная часть города. Здесь находился обширный княжеский двор с жилыми хоромами и службами, две церкви, дворы и хоромы нескольких карачевских бояр, дома старших служилых людей, оружейные мастерские и склады. За исключением одного

каменного храма, служившего усыпальницей карачевских князей, весь город был построен из дерева.

Стоит отметить, что эту приверженность наших предков к деревянным постройкам многие почитатели Запада и хулители России всегда склонны были объяснять двумя причинами: недостатком культуры и бедностью. Однако множество, как доньше сохранившихся, так и обнаруженных при раскопках каменных церквей, выстроенных почти на заре нашей истории во всех крупнейших городах Руси, совершенно опрокидывает такое предположение. Многие из этих древних церквей поражали современников своим величием и роскошью отделки. Киевский Софийский собор, построенный в начале XI столетия, до сих пор является одним из самых замечательных образцов мировой архитектуры. Все это доказывает, что в древней Руси не было недостатка ни в искуснейших зодчих, ни в мастерах каменной кладки, ни в материальных средствах. И если предки наши, строившие эти великолепные каменные храмы, сами предпочитали жить в деревянных дворцах, хоромах и избах, то скорее всего потому, что в условиях сурового русского климата они были удобнее, суше и теплее.

Вплотную к карачевскому кремлю, или собственно городу, примыкал разделенный на улицы посад, в котором жил народ попроще, главным образом торговый люд, семьи воинов, находившихся на постоянной службе в Карачеве, и различные умельцы: швецы, сапожники, седельники, плотники, шорники, оружейники, чеканщики и другие. Гончары и кожевники, ремесло которых нуждалось в близости воды, составляли чуть ниже города отдельную слободу, спускавшуюся к самой реке и частично перекинувшуюся на левый ее берег. В расположении посадских изб и дворов, огороженных деревянными тынами, не было заметно никакого порядка, и поэтому соединяющие их улицы были причудливо извилисты. Но все они выводили путника на довольно обширную площадь, где стояла посадская церковь и находились торговые ряды. Карачевский посад не был защищен внешними стенами, и потому в минуты опасности все его население покидало свои жилища и укрывалось за стенами кремля, принимая посильное участие в его обороне.

Княжеский двор, окруженный высокой стеной из заостренных наверху дубовых бревен, представлял собой как бы внутреннее укрепление. Напротив въездных

ворот, в передней части этого двора, стояли обширные жилые хоромы с теремом посредине, выведенные из толстых сосновых бревен на высоком каменном основании и крытые крутой тесовой крышей. По фронту этот дворец-изба занимал сажень двадцать. К средней части его фасада примыкало высокое, ступеней в десять, крыльцо, крытое трехскатной крышей, спереди опиравшейся на две деревянные колонны, покрытые затейливой резьбой. Ею же были изукрашены перила крыльца, наличники и ставни невысоких окон. В тереме окна были большие и широкие, и выходили они на все четыре стороны. На высоком древке, укрепленном на крыше терема, по обычаю, завезенному сюда из Польши, развевался стяг князей Карачевских: на голубом шелковом полотнище — архангел Михаил с поднятым мечом в руке, стоящий на золотом хлебном снопе.

В передней части двора, по бокам ворот и вдоль боковых стен, тянулись помещения княжеских дружинников *. Позади хором, также примыкая к стенам двора, шли всевозможные службы: амбары, погреба, мыльни **, сушильни, людские, поварни, конюшни и прочее. Непосредственно за дворцом был разбит небольшой, но тенистый сад, в котором ютилась княжеская баня; за садом шел огород, а в самом конце двора помещались псарня и коровник.

Дворец князя и все его обширное хозяйство обслуживало человек двести дворовых людей *** и челяди, состоявшей как из вольных людей, так и из холопов, т. е. лиц, попавших в силу обстоятельств на положение рабов. Такими обстоятельствами могли быть нарушения закона, женитьба на рабыне без согласия ее хозяина и добровольная продажа самого себя в холопство. Но основная масса холопов состояла из пленных. В те времена русские удельные князья без конца воевали друг с другом и нередко причиной этих войн являлось желание пополнить недостаток в людях за счет соседа.

Но русские князья отнюдь не стремились к установлению рабовладельческого строя и состояние холопства рассматривали, как нечто временное и преходящее. Не-

* В XIV веке дружина уже чаще называлась княжьим двором. В этой книге название дружины сохранено лишь за младшей ее частью, т. е. за личной гвардией князя.

** Мыльня — баня.

*** Дворовыми людьми князя назывались его придворные, слуги же — челядью.

достаток в рабочих руках и в земледельцах побуждал их захватывать побольше пленных, а чтобы они не ушли обратно, обращать их в рабство. Но едва лишь эти рабы-холопы обживались на новом месте, им обычно давали вольную или, снабдив землей, переводили на положение зависимых, а потом и вольных крестьян.

Случаи массового и совершенно безвозмездного освобождения своих рабов были нередки уже в XII и XIII столетиях; позже они стали еще более обычными. Так, например, сын Дмитрия Донского, великий князь Василий I, по завещанию отпустил всех своих холопов на волю. То же самое сделала жена Василия I, великая княгиня Софья Витовтовна. Освобождение рабов энергично проповедывала и православная церковь.

* * *

Прошло две недели с того дня, когда с Пантелеймоном Мстиславичем случился удар. Князь чувствовал себя лучше. К нему постепенно возвратился дар речи, но правая половина тела оставалась почти полностью парализованной, и большую часть времени он проводил сидя у окна опочивальни, в глубоком ковровом кресле, в которое не без труда перебирался с постели, с помощью Тишки и других слуг.

По состоянию здоровья Пантелеймон Мстиславич делами управления почти не занимался. Он как-то ушел в себя, говорил мало и, как бы предчувствуя свой близкий конец, ко всему окружающему относился с вялым равнодушием. Но в Карачеве все шло обычным порядком. Старый князь, желая приучить сына к самостоятельности, последние годы поручал ему решение большинства дел и называл его своим соправителем.

Василий Пантелеймонович занимался делами государства охотно. В это время ему было уже двадцать семь лет. Образование его нельзя было назвать блестящим, но по тем временам, когда многие удельные князья были вовсе неграмотны, оно все же могло считаться изрядным: он умел читать и писать, хорошо знал счет, имел верное представление о всех главнейших государствах Европы и Азии, знал прошлое и настоящее Руси и бегло говорил по-польски и по-татарски. И само собою разумеется, был весьма сведущ в ратном искусстве: не было в ту пору князя, который не умел бы сам водить свои полки и сражаться в первых рядах, подавая своим воинам пример стойкости и отваги.

Большинством своих не военных познаний Василий был обязан старику монаху, отцу Феоктисту, бывшему его наставником, да случайным встречам с заезжими людьми, расспрашивать которых был он великий охотник. Мать его, Ольга Львовна, дочь галицкого князя, была второю женой Пантелеймона Мстиславича; первая умерла в молодых годах, не оставив потомства. От матери княжич тоже почерпнул многое. Она была женщина умная, не придерживавшаяся слепо старины и хорошо понимавшая недостатки феодального строя. Под ее влиянием рано понял их и Василий, а понявши, стал задумываться о том, как их исправить.

Иногда ему казалось, что он нашел правильные пути и видит возможность наладить лучшую жизнь, хотя бы в пределах своего княжества. Он брался за дело с горячностью, присущей его возрасту и характеру, при снисходительном равнодушии отца и тайном, а часто и явном недоброжелательстве его ближайших советников. Брался и вскоре воочию убеждался, что дело обстоит неизмеримо сложнее, чем он думал, что малейшее изменение существующего порядка глубоко затрагивает обычаи, суеверия, самолюбия и интересы ряда лиц и установлений, с которыми ему не под силу бороться уже хотя бы потому, что на них опирается его собственная власть.

Постепенно он осознал, что с плеча тут рубить нельзя и что, если он хочет что-либо изменить, ему предстоит длительная и трудная борьба, требующая не только ума и воли, но и тех качеств, которыми он еще вовсе не обладал: терпения, гибкости и настойчивости.

Задумываясь над тяжелым положением родной земли, Василий видел, что для успешной борьбы с татарскими завоевателями и преодоления растлевающего Русь феодального зла, ей нужен единый крепкий Хозяин, слово которого было бы непререкаемым законом для всех, а власть опиралась бы не на боярскую верхушку, а на доверие и поддержку всей русской народной толпы, которая должна видеть в нем свою единственную и естественную защиту от угнетателей внешних и внутренних. Для появления такого единодержавного Хозяина русская почва еще не была подготовлена, но Василий понимал, что ее уже нужно готовить, и угадывал, в чем должна заключаться эта подготовка: прежде всего не в дальнейшем раздроблении удельных княжеств, а в объединении их в более крупные государственные обра-

зования, затем в борьбе за крепкую княжескую власть и в ослаблении боярского сословия, кровно заинтересованного именно в том, чтобы крепкой, а тем паче единой державной, княжеской власти на Руси не было.

В сравнительно небольшом и патриархальном княжестве Карачевском бояр было немного и особо заметной роли они не играли. Но и тут они были такими же, как везде: спесивыми, думающими лишь о собственной выгоде и непоколебимо уверенными, что государственный аппарат должен служить только их интересам. И если верховный носитель власти подобной точки зрения не разделял и старался подчинить интересы крупных помещиков-бояр общим интересам страны, они любыми путями стремились поставить у власти другого князя, более покладистого, не останавливаясь для этого даже перед изменой и предательством.

Князь Пантелеймон Мстиславич все это понимал и, не давая боярам особой воли, все же старался с ними ладить. В важных случаях он «думал» с ними «думу», т. е. советовался по делам управления. Василий на этих совещаниях обычно тоже присутствовал и видел, что бояре редко давали князю полезный совет, но зато из всякого положения старались извлечь выгоду для себя. Познав им истинную цену, княжич стал обходиться без их советов и не скрывал от бояр своей неприязни.

Конечно, не все русские бояре были одинаковыми. История указывает нам немало боярских имен, заслуживающих полного уважения. Их носители оказали родине важные услуги и были ценными помощниками своим государям. Но, во-первых, своих личных и сословных интересов они тоже никогда не забывали, а во-вторых, они все-таки были довольно редким исключением. В Карачеве подобным исключением являлся Семен Никитич Алтухов, который по роду и положению тоже был боярином. Но будучи прежде всего военным, он привык подчиняться воле князя без особых мудрствований, к тому же был честен и умен. Василия он понимал и в общем ему сочувствовал, хотя в глубине души некоторые его затеи считал блажью, свойственной молодости, и в возможность их осуществления не верил. Остальные же бояре относились к княжичу с плохо скрываемой ненавистью и хорошо понимали, что их ожидают трудные времена, когда он займет княжеский стол.

Совсем иным было отношение Василия к детям боярским, т. е. к мелкопоместному дворянству, в котором он видел надежную опору в предстоящей борьбе с боярством. Этот слой средневекового русского общества не был еще развращен ни властью, ни богатством и родной земле своей давал гораздо больше того, что получал. Служилый дворянин жил обычно доходами с небольшого поместья, не превышающего сотни десятин, и с юношеских лет до самой смерти почти не слезал с коня и не выпускал из рук оружия. Если он и не находился постоянно в дружине или при особе князя, то обязан был по первому зову явиться в строй «конно, людно и оружно», т. е. приведя с собой нескольких воинов, вооруженных и снаряженных на его собственный счет. Войны в то время не прекращались, и это значило, что дворянин за право пользоваться своим скромным поместьем, платил пожизненной ратной службой, которая оканчивалась обычно его смертью на поле брани. Служилое дворянство составляло хребет каждой княжеской дружины и, конечно, завидовало боярству. Если Василий хотел успешно бороться с последним, — любовь и преданность дружины были ему совершенно необходимы. Он был слишком прям и безыскусственен, чтобы намеренно искать популярности, но этого и не требовалось; в воинской среде он был любим и почитаем за свои личные качества: за отвагу, справедливость, щедрость, доступность и открытый нрав. При случае он любил повеселиться в компании с молодыми дворянами.

Любил Василия и простой народ, чувствовавший его отношение к боярам и видевший в нем своего защитника от их произвола. Конечно, имел княжич и недостатки, создавшие ему некоторое количество врагов: был горяч и несдержан, а в гневе часто терял власть над своими поступками и словами. Но жертвы подобного гнева обычно его заслуживали, и потому, кроме пострадавших, княжича мало кто осуждал за подобные вспышки.

* * *

С того дня, когда Василий разгромил брянский отряд, в сердцах карачевцев жила постоянная тревога: хорошо зная нрав князя Глеба Святославича, все были уверены, что он этого дела так не оставит. Со дня на

день можно было ожидать появления его дружины под стенами Карачева.

Сам княжич, учитывая общее положение дел в Брянске, о котором он был хорошо осведомлен через своих «доброхотов», сильно сомневался в том, чтобы Глеб Святославич рискнул сейчас затеять серьезную войну. Но все же подготовиться и принять некоторые меры предосторожности следовало. По его распоряжению у мест возможной переправы через Десну были поставлены дозоры с хорошо налаженным вестовым гоном, благодаря чему о начале враждебных действий брянского войска Карачев мог быть оповещен уже через три часа. Кроме того, в самый Брянск были посланы верные люди с наказом внимательно наблюдать за всем происходящим и обо всем важном немедленно извещать Василия. На случай возможной осады стены карачевского кремля были, где надо, поправлены, склады пополнены необходимыми запасами, оружие проверено и приведено в боевую готовность. В мастерских и кузницах стучали молоты и пыхтели горны: там ковали мечи, копья и наконечники для боевых стрел.

Но проходили дни, а все оставалось спокойно. Наконец, от лазутчиков стало известно, что, узнав о разгроме своего отряда и пленении Голофеева, князь Глеб пришел в бешенство и хотел немедленно идти на Карачев. Но, как только слух о новом походе проник в народ, начались серьезные волнения. Непрекращающимися войнами своих князей Брянщина была доведена до крайности и могла решиться на все. При таком положении дел Глеб Святославич боялся уйти с дружиной из города, вполне основательно опасаясь, что брянцы его обратно не впустят, а пригласят к себе другого князя, что на Руси случалось уже не раз. Даже в войске своем он не был уверен: в нижних слоях его, пополняемых из крестьян, давно зрела ненависть к князю, подогретая теперь рассказами отпущенных Василием пленных, вернувшихся из неудачного набега. Карачевского княжича открыто сравнивали с Глебом Святославичем, и это сравнение никак не шло на пользу последнему.

Князь Глеб хорошо понимал, что в его государстве дело клонится к мятежу. Конечно, еще можно было его предотвратить, но для этого надо было идти на уступки, чем-то облегчить положение народа, вообще предпринять какие-то серьезные шаги, а какие именно,

князь не знал, да и не хотел знать. Он был храбрым воином, но плохим правителем, а идти перед кем-либо, и тем паче перед своими же поданными, на уступки было не в его обычае.

В эти дни ему особенно не хватало Голофеева, бывшего одним из его ближайших советников и любимцев. Голофеев был неглуп, отчаян и горазд на выдумки, он мог бы теперь подсказать князю — что делать. Но Голофеев сидел в плену в Карачеве. Конечно, выкупить его Глебу Святославичу было нетрудно, но посылка выкупа казалась ему унижением перед карачевскими князьями и как бы признанием того, что он не в состоянии отбить своего воеводу силою оружия.

ГЛАВА 6

Гонца, привезшего новости из Брянска, Василий принял во время полдника, в малой трапезной карачевского дворца, куда к трапезе приглашались только лица самые близкие к княжеской семье.

Это была небольшая, в четыре окна, горница со стенами, облицованными гладко зыструганными досками из мореного дуба, украшенными резьбой и трофеями охоты. Здесь были огромные лосиные, оленьи и туры рога, чучела птиц, кабаньи и волчьи головы, развешенные вперемежку с рогатинами, топорами, луками и прочим охотничьим оружием. На полу, закрывая его сплошь, лежало несколько медвежьих шкур. По всему было заметно, что владельцы этих хором любят охоту и отдают ей немало времени.

За столом в этот день никого из посторонних не было: Василий полдничал вдвоем со своей младшей сестрой, княгиней Еленой Пантелеймоновной Пронской. Впрочем, в Карачеве все еще, по привычке, продолжали называть ее княжной, что к ней подходило гораздо больше: от роду ей, правда, шел двадцать второй год, но маленькая, хрупкая, с детскими ямочками на лице, которому придавали особенную прелесть большие голубые глаза, опущенные длинными ресницами, она казалась почти девочкой.

Года два тому назад она вышла замуж за пронского княжича Василия Александровича и покинула отчий дом. Но сейчас Пронск готовился к войне с Рязанью и, не желая подвергать жену опасностям возможной осады, Василий Александрович, души не чаявший в Елене,

поспешил отправить ее в Карачев, к отцу. Детей у них еще не было. Брат и сестра горячо любили друг друга. Их мать умерла, когда Елене было всего тринадцать лет, и девочка всюю своею осиротевшей, но уже требующей отклика душой привязалась к Василию. Он в свою очередь привык делиться с нею своими мыслями и планами, которые встречали в душе Елены не только понимание, но и восторженное сочувствие.

Подробно расспросив гонца о положении в Брянске, Василий отпустил его и сказал вошедшему с ним Никите:

— Садись, Никитушка, потрапезуй с нами. А коли уже полдничал, медку холодного испей.

— Благодарствую, Василий Пантелеич, — не чинясь, ответил Никита, отстегивая меч и подсаживаясь к столу. — Все утро маялся с молодыми воями, обучая их сабельному и копейному бою. И лгать не стану: в глотке изрядно пересохло.

— Вот и промочи ее во здравие, — сказал Василий, сам наливая ему меду в оправленный серебром отрезок турьего рога, вместимостью в добрую кварту, — да и закуси заодно.

На столе стояло несколько серебряных и резных деревянных блюд с холодными закусками. Тут были копченый лосиный язык, студень из поросячьих ножек, рыбий балык, икра и соленые рыжики. По знаку Елены, один из двух прислуживавших за столом отроков поставил перед Никитой кованую серебряную тарелку, а рядом положил нож и двузубую металлическую вилку. В русских княжеских и боярских домах вилок начали пользоваться с XII века, тогда как при дворах западноевропейских королей, в том числе французских и английских, ее начали применять лишь в конце XVII века, а до этого обходились пальцами.

— Ну, будь здоров, Василий Пантелеич, и ты, княгинюшка! — сказал Никита, принимая кубок и осушая его до дна. — Теперь знаем, что войны у нас с Брянском не будет. Можно и гулять.

— Что войны не будет, то я и наперед ведал, — промолвил Василий. — Глебу Святославичу не до нас. Самому бы в Брянске усидеть.

— Оно-то так, только мыслил я, что он этого в расчет не возьмет: уж больно горяч. Сердце разума у него не слушает.

— Не столь он и горяч, как завистлив. Все норюнт

свои болячки чужим здоровьем вылечить. Потому и послал Голофеева наших смердов полонять.

— Навряд ли он добром кончит свое княжение, — заметил Никита.

— Ну, а что ему брянцы могут сделать? — спросила Елена. — Нешто не в его руках сила?

— В его руках дружина, Аленушка, — ответил Василий, — да и то до времени. Народ же сильнее всякой дружины. Княжескую власть он чтит и иной себе не мыслит, ибо знает, что в государстве, как в семье: коли нет единого хозяина, то и порядка нет. Недаром говорится, что без князя народ сирота. Но ежели князь первым против порядка прет — тут уж не обессудь: народ долго терпит, но, как лопнет у него терпение, он и не таким, как Глеб Святославич, от себя путь указывает! Киевляне, к примеру, своею волей не одного великого князя согнали. Вспомни хотя бы предка нашего, Игоря Ольговича. Бывало такое не однажды и в иных княжествах.

— Но ведь он добром стола своего не схочет покинуть! Поди, учнет воевать против своего народа?

— Вестимо, учнет, коли жив останется, — вставил Никита. — Да еще татарву наведет на свою землю. У брянских князей тропка в орду хорошо проторена.

— Покуда он из Брянска не выйдет и при нем дружина остается, скинуть его и впрямь нелегко, — сказал Василий. — Потому и не идет на нас. Он теперь вроде как пришитый к своему столу!..

Трапеза, между тем, продолжалась своим чередом. Когда сидящие за столом отведали закусок и крепких водочных настоек, которые отроки наливали им в небольшие серебряные чарки, — двое слуг, в белых до колен рубахах, синих шароварах и мягких кожаных ноговицах, внесли в трапезную серебряную мису со шами и пирог с мясом. За этим последовала лапша с курицей, жареный поросенок и блюдо из дичи. К жаркому были поданы вина: красное грузинское и рейнское. Наконец подали заедки*: свежие фрукты, вареные в меду ломти дыни и орехи, а к ним сладкое греческое вино и мальвазию.

Елена Пантелеймоновна ела и пила очень мало, зато Василий и Никита отдали должное и яствам, и питьям.

* Засдки — сладкое, десерт.

— Доколе же, Господи, земля наша будет кровью исходить? — с тоской промолвила Елена, продолжая начатый разговор. — Ведь не столько от татар ныне Русь страдает, сколь от усобиц княжеских.

— То истина, сестра. Еще и хуже будет, коли станет и далее дробиться Русь наша на уделы. Ей нужны не десятки князей, а один. Сбирать надобно землю нашу, а не дробить! Вон московский-то князь, Иван Данилыч, кажись, правильно взялся: всеми правдами и кривдами, и мечом, и мошной, и ярлыками ханскими мнет под себя соседних князей, одного за другим! И сегодня он на Руси уже большая сила, а погляди, с чего начал: Москва-то совсем недавно была не важнее нашего Карачева.

— Сколько крови-то пролить надобно, чтобы всю русскую землю воедино собрать!

— По крайности не зазря та кровь будет пролита, княгинюшка, — заметил Никита. — А досе льется она за то, что каждый для себя хочет урвать кусок от тела матери.

— На куски давно порвали, — сказал Василий, — а ныне уже те куски на кусочки дерут. Рюриковичей-то все больше нарождается, и каждый хочет хоть на одной волости государем сидеть. Вот взять хотя бы и наше княжество: дед наш, Мстислав Михайлович, над всей Карачевской землей единым государем был. Родитель наш тоже таковым почитается, да уж оно не то: в Козельске сидит дядя Тит Мстиславич, а в Звенигороде — Андрей. Правда, крест они старшему брату целовали, но думка у них одна: как бы и себе стать вольными государями над своими вотчинами! Покуда князь, батюшка наш, жив, они еще терпят: под его рукою быть им не столь уж обидно. А коли, не дай Бог, помрет родитель и на большое княжение я встану, — думаешь, так гладко все и обойдется?

— Того быть не может! — горячо сказал Елена. — Неужто духовную отца своего, Мстислава Михайловича, преступить посмеют? Должны они крест целовать тебе, Васенька!

— Коли будут видеть мою силу, крест они, может, и поцелуют. Но только и станут ждать случая, чтобы то крестоцелование свое порушить.

— Сами не смогут, а помощи им в таком воровском деле никто не даст!

— Как знать! Вон дядя-то, Андрей Мстиславич, он тебе из печеного яйца цыпленка высидит! Для попов он первый на Руси человек; женат на литовской княжне и родичу своему, великому князю Гедимину, без масла в душу залез; дочку выдал за новосильского князя, — этот хотя и не вельми большой государь, зато близкий сосед. Словом, он себе друзей и силу подкапливает...

— Господи, ужели же и мы, Карачевские, промеж собой воевать учнем? Неужто же, Васенька, нельзя предварить такую беду?

— Можно, Аленушка. Для этого надобно глаз за всеми иметь, а наипаче силу свою крепить. Таков уж наш век: только силу и чтут, а коли слабость твою увидят, налетят, как волки! К слову, Никита, как там идет обучение молодых воев?

— Ладно идет, княжич. Народ подходящий. Сам ведаешь, в дружину мы берем людей отборных. К лошади все привычные, да из лука бьют знатно: ведь тут с малолетства всякий начинает промышлять зверя и птицу. Ну, а рукопашный бой постигают борзо, день-деньской только тому их и учим.

— А Лаврушка как?

— Лаврушка, почитай, всех лучше. Сметлив, силен да и старателен. Добрым воином будет!

— А брянцы, что до нас перешли?

— Этих и учить не надобно: вои бывалые.

— Добро, коли приживутся, поможем им у нас корни пустить. Да и Лаврушке, малость погоды, надобно пособить избу на посаде поставить. Пускай женится на своей Насте.

В этот момент дверь отворилась и в трапезную вошел дворецкий. Это был благообразный седой старик, более полувека служивший карачевским князьям и для всех, кроме членов княжеской семьи, давно уже превратившийся из Феди в Федора Ивановича, что для незнатного человека в те времена почиталось небывалой честью. Поклонившись Василию, он доложил:

— Там, княжич, посланец из Брянска прибыл. Привез князю Пантелею Мстиславичу слово князя своего, Глеба Святославича.

— Батюшке ты о том сказывал?

— Сказывал. Князь велел тебе посла того принимать.

— А кто послом-то прибыл?

— Сын боярский Маслов Степан, сын Афанасьев.

— Сын боярский? — нахмурился Василий.— Знать не почитает Глеб Святославич князей Карачевских достойными того, чтобы боярина к ним прислать! Ладно, по послу у нас будет и прием. Где он, тот сын боярский?

— У крыльца дожидается, княжич.

— В хоромы его не звать, пусть там и стоит. На крыльце его принимать буду, вот как трапезу окончу.

Прошло не менее часа, прежде чем Василий появился на крыльце. Остановившись на верхней ступени, он молча посмотрел на стоявшего внизу брянского посла. Тот, также молча, поклонился в пояс.

— Сказывай! — коротко бросил княжич.

— Князь Брянский, Глеб Святославич, брату своему, князю Пантелею Мстиславичу, поклон шлет и слово: «Пошто ты, князь Пантелей Мстиславич, беглых людшек моих к себе примаешь и помогу им даешь? За то самое войны мои, в малом числе, в вотчину твою посланы были и смердов твоих имали. Войны с тобой не ищу, но ты бы воеводу моего Голофеева и детей боярских брянских в железах доле не держал, а добром бы их пустил, без откупа, на волю. Ино миру промеж нас не быть!»

— Все сказал? — спросил Василий, когда посол умолк.

— Все, что наказано было, княжич.

— Теперь слушай и передай своему князю ответ: князь земли Карачевской, Пантелей Мстиславич, брату своему, князю Глебу Святославичу поклон шлет и слово: «Холопов твоих беглых к себе николи не беру, а вольным людям, отколе бы они ни пришли, место и помогу даю и вперед давать буду, ибо таков на Руси обычай. А Голофеева и детей боярских твоих взял я за татьбу на моей земле и откуп на них положил в пользу людшек, ими побитых и пограбленных. И без того откупа их не отпущу. А коли мир между нами ты порушишь и силою схочешь своих людей отбить, в тот самый час, как дружина твоя подступит к Карачеву, Голофеева велю повесить на башне, чтобы всем добре видать было. Я сказал».

Брянский посол поклонился в пояс и сделал шаг назад.

— Погоди, — сказал Василий другим тоном, — теперь, когда с делом покончено, слово мое будет к тебе: ты на меня обиды не держи, Степан Афанасьич, то

я не тебя, а посла брянского князя на крыльце принимал. А поелику ты больше не посол, а гость, милости прошу в трапезную, нашей хлеб-соли отведать.

* * *

Никите Толбугину не составило труда вторично победать, потчуя брянского гостя, который оказался старым его знакомцем. От крепких настоек и меда язык у сына боярского Маслова скоро развязался и поведал много интересного.

По его словам, народ в Брянске бунтовал почти открыто. По селам и деревням ходили странники и юродивые, предвещая скорый конец света и возмущая смердов против бояр и князя, которого называли они антихристом. На минувшей неделе под самым Брянском были сожжены и разграблены вотчины двух бояр, а все их холопы и кабальные смерды ушли в леса. Была сделана попытка поджечь хоромы самого князя, на что он ответил жестокими казнями. Брянский епископ Порфирий увещевал Глеба Святославича не доводить дела до крайности и пожалеть народ, но князь словамладыки не внял и приказал своим дружинникам на месте рубить голову всякому, кто станет бунтовать, смущать народ или оказывать неповиновение своим господам и властям.

В общих чертах почти все это Василий уже знал от своего лазутчика. Выслушав теперь рассказ Маслова, он окончательно убедился в том, что Глеб Святославич, несмотря на свои угрозы, войну с Карачевом начать не сможет, ибо смута в Брянске заварилась всерьез и надолго...

События вскоре подтвердили правоту Василия. Не прошло и двух недель со дня появления в Карачеве брянского посла, как из Брянска явился другой сын боярский, который сполна вручил Василию откуп, назначенный за Голофеева и других пленников.

— А детей боярских наших их семьи откупают, — добавил он. — Князь же Глеб Святославич о том ничего не ведает.

Выслушав посланного и поняв наивную уловку Глеба Святославича, желающего замаскировать свою уступку, Василий, усмехаясь, ответил:

— То нам все едино, кто за них откуп дает и кто о

том ведает, а кто не ведает. Можешь забирать своих земляков, да посоветуй им вдругораз мне не попадаться!

ГЛАВА 7

В один из следующих дней, вскоре после обеда, Василий в сопровождении Никиты выехал из малых ворот карачевского кремля. Любимый его аргамак Садко сверкал богатым убранством, да и сам княжич был одет сегодня нарядно: на нем был синий, в талию, кафтан из шелковой камки с меховыми оторочками и серебряным шитьем, легкие сафьяновые сапоги, расшитые цветным бисером и низкая соболья шапка с голубым верхом. На поясе висела богато оправленная сабля.

Спустившись к берегу, всадники переехали на левую сторону Снежети, миновали Заречную слободу, пересекли широкую елань и вскоре очутились у ворот небольшой усадьбы, приютившейся в тени высоких, уже слегка позолоченных осенью кленов. Чуть поодаль от нее, вплотную к опушке леса, лепилась невзрачная деревенька в четыре двора. Никита, не слезая с коня, откинул щеколду потемневших от времени тесовых ворот, и оба въехали во двор усадьбы. Навстречу им с громким, свирепым лаем кинулись два лохматых пса, но, не пробежав и половины дороги, замолкли и завиляли хвостами. Эти гости были им, очевидно, хорошо знакомы.

С левой стороны широкого, заросшего травой двора, огороженного крепким дубовым тыном, тянулся длинный и низкий навес, справа — несколько изрядно обветшалых служебных построек. В глубине, напротив ворот, стоял на высокой подклети небольшой, в три сруба, деревянный дом под тесовой крышей, с широким крыльцом-балконом. Сзади, под сенью огромной, в три обхвата, липы, виднелась еще одна низкая бревенчатая постройка, — по-видимому баня, без которой на Руси издревле не обходилось ни одно, прочно обосновавшееся хозяйство. На всем этом, несмотря на некоторые признаки запущенности, а может быть, именно благодаря им, лежала тень того спокойного и ленивого очарования, которое всегда было присуще среднерусским помещичьим усадьбам.

Спешившись и бросив поводья Никите, Василий быстро взошел на крыльцо. Очевидно, его уже заметили из окон дома, потому что дверь в эту минуту открылась,

и на пороге показалась молодая, очень красивая женщина в голубом сарафане и накинутой на плечи белой вязаной шали. При виде входящего в сени княжича свежее, как майское утро, лицо ее заалело румянцем, а большие синие глаза под дугами тонких и темных бровей вспыхнули радостью.

— Васенька, — промолвила она, — приехал таки, родной мой! Заждалась я тебя...

— Здравствуй, Аннушка, — ответил Василий, обнимая так и прильнувшую к нему хозяйку и нежно целуя ее уста и щеки. — Не мог я все это время к тебе быть: родитель вовсе хвор стал, а делов что ни день, то больше.

— Совсем истосковалась я по тебе, — шептала Аннушка, возвращая поцелуи. — Чего-чего уж только не передумала, тебя дожидаячи!

— Что же думала ты, моя ласточка? Но не говори, я знаю сам! Думала ты: завелась у Василия другая зазноба и с разлучницей тою он делит время и шепчет ей слова ласковые...

— Ой, ужели ж то истина? — скорее кокетливо, чем всерьез ужаснулась Аннушка, по всей повадке Василия понявшая, что подобная беда ее пока миновала.

— Стало быть, угадал? — засмеялся Василий, снова ее целуя.

— Угадал, Васенька, — засмеялась и Аннушка. — Уж тебе ли не знать сердца женского, не ведать всех его страхов и помыслов? — с ноткой ревности в голосе добавила она.

— Что было, то ушло, любя моя. А сейчас для меня лишь ты желанна, и с тобою не хочу я мыслить ни о минувшем, ни о грядущем! Был бы я могучим волшебником, — каждый час, проведенный с тобой, обратил бы я в вечность!

— Как сказка золотая, речи твои, мой светлый княжич! И отколе только ты слова такие берешь?

— Для тебя, зоренька, еще и не такие найду!

— Ой, что же это я? — спохватилась вдруг Аннушка, — в сенях тебя держу! Заходи в светлицу, а я сей же миг накажу, чтобы закусить нам подали.

— Не тревожь себя, Аннушка, я не голоден. Вот разве медку холодного велишь поднести, — отказываться не стану.

— И медку поднесу, и закусишь со мною! Ужели хочешь лишить меня такой радости?

— Ну, уж коли то тебе в такую радость, будь по-твоему.

Когда молодая хозяйка вышла из светлицы, чтобы отдать нужные распоряжения стряпухе и служанкам, Василий опустил на крытую ковром лавку и глубоко задумался. В памяти его, день за днем, стала воскресать вся история их короткой любви.

Аннушка была дочерью небогатого и многодетного звенигородского дворянина Спицына, служившего в дружине князя Андрея Мстиславича. Однажды в Звенигород прибыл гонцом от карачевского князя немолодой уже сын боярский Данила Кашаев. Он увидел семнадцатилетнюю Аннушку на какой-то гулянке и сразу влюбился в нее без памяти. С нею он не имел случая перемолвиться ни единым словом, но перед отъездом познакомился с ее отцом, а вскорости прислал и сватов.

Кашаев был мужчиною видным, хорошего роду, имел приличную вотчину под Карачевом и во всех отношениях являлся для Аннушки выгодной партией. А потому ее родители, имевшие еще двух дочек на выданьи, долго ломаться не стали, и участь Аннушки была решена, как тогда водилось, без малейшего ее участия в этом деле. Впрочем, Аннушка отнеслась к этому событию довольно спокойно и если поплакала немного, то больше для порядка. Она еще не любила никого. Не любила, разумеется, и Кашаева, которого едва видела. Но отвращения он ей тоже не внушал, и она рассудила, что если, выдавая замуж, родители с ее желанием все равно не посчитаются, то судьба ее сложилась не столь уж плохо.

Вскоре сыграли свадьбу, и Аннушка переселилась в вотчину своего мужа. Кашаеву было под сорок, но человеком он оказался хорошим, жену любил, и жили они ладно. Может быть, Аннушка по-настоящему полюбила бы мужа и была бы с ним вполне счастлива, если бы в глубине ее души не таилось скорее подсознательное, чем явное, чувство обиды, что он приобрел ее, как вещь, не постаравшись даже расположить к себе и не поинтересовавшись, свободно ли ее сердце?

Так прошло около трех лет. За год до описываемых здесь событий Данила Кашаев, по поручению князя Пантелеймона Мстиславича, отправился однажды, во главе десятка дружинников, в город Елец и по пути встретился с отрядом ордынского посла Кутугана, ехавшего в Смоленскую землю. Кутуган был ханского

рода, и потому, по установленным еще при Батые порядкам, при встрече с ним полагалось сойти с коня и стать на колени. На Руси этот обычай давно никем не исполнялся; не исполнил его, конечно, и Кашаев, к тому же и не знавший, с кем он встретился.

Кутуган ехал в Смоленск по поручению великого хана Узбека наводить там порядки, а потому по дороге не упускал случая показать свою власть. Он приказал своим охранникам стащить русских с коней и поставить на колени насильно. Кашаев, не знавший ни одного слова по-татарски, ничего не понял из того, что кричали окружившие его татары, но когда один из них ударил его плетью по лицу, он выхватил саблю и снес обидчику голову. Через несколько минут его собственная голова, а также головы всех его спутников, отделенные от туловищ кривыми татарскими саблями, лежали в придорожной канаве.

Аннушка, которой едва пошел двадцать второй год, осталась вдовой, с годовалой дочкой на руках. Вотчина, унаследованная от мужа, давала ей возможность безбедного существования, но жизнь ее, протекавшая в обществе нескольких дворовых людей, была печальна и одинока.

Василия она впервые увидела на похоронах мужа, но, поглощенная своим горем, не обратила на него особого внимания. Зато он был поражен редкой красотой ее и тронут ее несчастьем. После отпевания он приблизился к ней, в теплых словах выразил свое сочувствие и спросил, чем может князь помочь семье своего верного слуги? Она ответила, что ей ничего не нужно, но в душе сохранила к нему чувство признательности, и в дальнейшие дни одиночества не раз вспоминался ей его ласковый голос. Василий же ни на минуту не мог забыть Аннушку. Казалось, нежный образ ее раскаленным резцом вырезан в его памяти и стал ее неотъемлемой частью. Он легко увлекался женщинами, любовь испытал уже не однажды, но на этот раз чувство его было глубже и сильнее.

Через месяц Василий просил у отца дозволения отправить вдове Кашаевой несколько возов различных припасов и подарков, в виде вспомоществования. Это было в порядке вещей, семьям убитых дружинников княжеская казна всегда оказывала подобную помощь. Но Василий просил гораздо больше обычного, да и в голосе его слышалось князю что-то особое. Он пони-

мающе глянул на потупившегося сына и с легкой усмешкой сказал:

— Женить тебя надобно, Василий. Путаешься ты невесть с кем, а давно уже пора тебе помыслить о своей собственной семье и о продолжении рода.

— Еще успеется, батюшка, — ответил Василий, как всегда отвечал, когда отец заводил разговор о его женитьбе. — Жениться мне надобно с пользою для государства нашего, а также, чтобы за жену не было стыдно перед людьми. А невесты такой я покуда не вижу.

— Не видишь потому, что не ищешь, — проворчал старый князь и дал Василию просимое разрешение. Единственного сына своего он нежно любил, гордился им и стеснять его свободы не хотел.

Василий отправил Аннушке княжеские дары, а через несколько дней поехал к ней в сопровождении Никиты, чтобы узнать, как он сам себя старался уверить, все ли ею получено и не нужно ли еще чего? Это их свидание было недолгим. Аннушка сдержанно и просто благодарила Василия за заботу, он был почтителен и несколько натянут. Ее траур сковывал ему язык, и она понимала это. Словами ничего в этот день не было произнесено, но глазами было сказано, а чувствами понято многое. С этого дня и она уже думала о нем беспрерывно.

В следующий раз Василий приехал только через два месяца, показавшиеся им обоим двумя столетиями. Был ноябрь, земля уже покоилась под толстым покровом снега, но, когда заоченевший в дороге княжич вошел из сеней в Аннушкину горницу, ему показалось, что сама весна шагнула к нему навстречу. В этот миг слова были излишни, и он молча сжал ее в объятиях.

С тех пор он ездил сюда так часто, как только позволяли ему обстоятельства, и привязывался к Аннушке все больше. Она была жизнерадостна, с нею никогда не бывало скучно, а любящим сердцем своим умела безошибочно улавливать все оттенки его настроений. Много раз, пытаясь разобраться в своих чувствах, Василий спрашивал себя, что это: более ли сильное, чем обычно, увлечение или же настоящая, единственная в жизни человека любовь? Сам себе в том не признаваясь, он страшился последнего. Страшился, ибо понимал, что в этом случае неравенство положений встанет на их пути к счастью почти непреодолимой стеной. Пойдя напролом, жениться на Аннушке он, конечно, мог. Но это зна-

чило бы лишиться благословения отца, вызвать негодование всей родни и стать на Руси притчей во языцех. Даже на боярских дочерях князя женились очень редко; брак же его со вдовой безвестного служилого дворянина неминуемо был бы воспринят всеми, как недостойный и даже скандальный.

Конечно, в маленьком Карачеве, где каждый шаг Василия был на виду, вскоре все узнали об этой связи. Но, кроме личных недоброжелателей княжича, никто их строго не судил: оба они были людьми свободными от каких-либо семейных уз и всякий понимал, что венчаться они не могут, а нравы в те времена не отличались чрезмерной строгостью. Все же, отправляясь в Кашаевку, Василий всегда звал с собою Никиту, который, приехав в усадьбу, тотчас находил себе какое-либо занятие: чаще всего брал один из охотничьих луков покойного Данилы Ивановича и уходил в ближайший лес на охоту, а иногда принимался наводить порядок в хозяйстве Аннушки, указывая дворовым, что и как надо сделать или починить. Случалось, что у них что-нибудь не ладилось, тогда он брался за дело сам и любо было посмотреть, как все спорилось в его богатырских руках.

Сегодня день был погожий, и Никита предпочел охоту. Пока Аннушка хлопотала на кухне, он вошел в дом, поглядел на задумавшегося княжича, снял со стены лук и колчан со стрелами и молча исчез.

Вскоре из сеней бесшумно вошла смуглая босоногая девушка и стала проворно собирать на стол. Ее появление вывело Василия из задумчивости. Он поднял голову и рассеянным взглядом скользнул по стенам светлицы. Они были обшиты гладко выструганными березовыми досками, принявшими от времени мягкий янтарно-розовый цвет. Вдоль одной из стен, почти всю ее ширину, стоял довольно высокий деревянный ларь с украшенной резьбой крышкой. Над ним в несколько рядов тянулись полки, уставленные посудой и домашней утварью. На трех других стенах были развешены резные деревянные блюда, вышивки, оружие и охотничьи трофеи покойного хозяина. Убранство горницы дополняли несколько широких, крытых домоткаными коврами лавок и обеденный стол, стоявший посредине. Все эти вещи и отдельные части простой и скромной обстановки казались так хорошо обжитыми и так гармонично сложенными между собой, что, выйдя

отсюда, их немыслимо было вспомнить и представить себе порознь или расположенными в каком-либо ином порядке. Два низких окна были затянуты полупрозрачными пленками из высушенных бычьих пузырей. Оконная слюда стояла тогда очень дорого и была доступна только богатым людям. В комнатах, когда окна бывали закрыты, всегда царил полумрак, и, в случае надобности, их освещали лучиной, а в более состоятельных домах — восковыми свечами.

Но вот появилась и Аннушка. Сев за стол, она была непритворно счастлива и оживленна, веселый смех ее то и дело рассыпался по горнице. Как бедняку нерастраченная еще серебряная гривна кажется несметным богатством, так и ей этот подаренный судьбою вечер мнился неисчерпаемым морем радости. Любимый был с нею, и не хотелось думать о том, что за считанными минутами счастья последуют, как всегда, тягостные дни тоски и одиночества, что подлинная его жизнь проходит где-то стороной и никогда не сольется с ее жизнью...

Однако, по мере того как двигалось время, неумолимо приближая час новой разлуки, смех ее звучал все реже, и теперь уже Василий, хорошо понимавший причину этого, нарочитой веселостью и шутками старался поддерживать ее бодрость. Наконец он поднялся и стал прощаться. Аннушка вышла проводить его на крыльцо.

Стоял сентябрь, и желтая осенняя седина уже настойчиво вплеталась в зеленые кудри природы. Были поздние сумерки. С реки поднималась лиловая дымка тумана и, как тихая грусть, наплывала на луг. В невеселом, притихшем лесу однообразно и вяло перекликались сычи.

— Ох, ноет мое сердце, Васенька, — тихо сказала Аннушка, прижимаясь к Василию, — будто какое несчастье чувствует...

— Полно, звездочка! Какое несчастье может чувствовать, коли счастье наше еще на заре своей?

— Сама не ведаю. Прежде того не бывало, а вот ныне все чаще мне мнится, будто ходит вокруг неминуемая злая беда и скоро найдет нас...

— Не думай о том, Аннушка, то блажь пустая. Много радости еще у нас впереди. Ну, прощай, родная, Христос с тобой, — добавил он, целуя ее. — Вскорости опять к тебе буду!

— Прощай, Васенька. Храни тебя Господь от всякого

зла, — стараясь скрыть слезы, промолвила Аннушка, крестя Василия, — ан и сам ты себя береги, любимый мой!

* * *

На обратном пути княжич, еще поглощенный своими чувствами, долго молчал. Молчал и Никита, ехавший рядом с ним, понутив голову и думая о чем-то своем.

— Эх, Никитушка, — промолвил, наконец, Василий, — хороша все-таки жизнь, особливо когда любишь и когда тебя любят!

Никита ничего не ответил, только вздохнул тяжело. Это удивило Василия, и он обернулся к своему стремянному.

— Ты что это голову повесил? Али николи не любил?

— Любил, княжич, — помолчав, ответил Никита. — Да и сейчас люблю.

— Ишь ты, а мне и невдомек было! Кто же она?

— Того не спрашивай, Василий Пантелеич. Даже и тебе сказать не могу.

— Вот что! Ну, пожду, — женишься, тогда и узнаю.

— Не узнаешь, потому что женою моей ей николи не быть.

— Пошто так? Али не люб ты ей?

— Не люб. Да и не ведает она о любви моей.

— Пошто ж ты ей не открылся?

— То бы и прежде ни к чему не привело: не ровня я ей... Ну, а ныне за другим уж она.

Внезапная догадка озарила Василия, и он с сочувствием посмотрел на своего верного слугу и друга.

— Ну, коли так, делать, конечно, нечего, — после долгого молчания промолвил он. — В жизни нашей, видеть, не все ладно устроено: многим дороги к счастью заказаны... Но ты не дюже кручинься. Другую тебе надобно искать, да и полно!

— Нет, Василий Пантелеич, другую искать не стану, — грустно сказал Никита.

— Что, аль зарок дал?

— Зарока не давал, да сердце, кажись, само зареклось...

Разговор оборвался, и через несколько минут всадники молча въехали в ворота кремля.

ГЛАВА 8

Едва успел Василий войти в свои покои и отстегнуть саблю, как к нему явился дворецкий и объявил, что князь Пантелеймон Мстиславич уже два раза посылал за ним и ожидает в своей опочивальне.

— Ан приключилось что, Федя? — спросил встревоженный Василий.

— Кажись, ничего нет, — ответил дворецкий, — и пошто тебя князь звал, мне не ведомо.

— А здоров ли родитель?

— Сам знаешь, княжич, какое теперь его здоровье. А хуже ему вроде не стало.

Не задавая больше вопросов, Василий направился в опочивальню отца. Пантелеймон Мстиславич сидел в своем кресле возле стола, на котором горело в серебряном свечнике несколько толстых восковых свечей. Возле окна, позевывая, сидел на лавке постельничий Тишка.

Перекрестившись на божницу, Василий в пояс поклонился отцу и спросил:

— Ты звал меня, батюшка?

— Садись, — не отвечая на его вопрос сказал князь, указывая глазами на лавку, стоявшую по другую сторону стола, — разговор у нас будет долгий... Тишка, выйди отсель, да сюда никого не пускать, покуда сам не позову.

Василий сел на указанное ему место и взглянул на отца. За последнее время князь заметно постарел. Борода его и длинные, еще густые волосы были совершенно белы, а на лице появились несколько новых морщин. Но глаза были ясны и глядели на сына твердо и сосредоточенно.

— Настала пора говорить нам о главном, — медленно начал он. — Чую, близок мой час. Смерть может прийти внезапно, а еще того раньше, может, снова лишусь я языка. Потому и призвал тебя, чтобы наставить на княжение, поколе есть еще время...

— Полно, батюшка, что это ты? Бог даст, поживешь еще немало годов, — начал было Василий, но старик сурово оборвал его:

— Помолчи и слушай! Не баба я, чтобы меня байками утешать! Смерти не страшусь и готов предстать перед престолом Господним, ибо совесть моя чиста. А ты готовься ко княжению и верши его так, чтобы в смертный час свой то же самое мог сказать.

Пантелеймон Мстиславич помолчал минуту и затем продолжал:

— Ты уже не отрок, а зрелый муж. Править государством можешь, да и навык к тому уже имеешь немалый. Но все же многому надобно тебе еще научиться и во многом себя обуздать. Допрежь всего, ты больно скор да горяч, а княжеством управлять — то не за зайцами гоняться. Многие твои думки я знаю и вот что тебе скажу: прежде чем в чем-либо ломать старину — сколь бы худою она ни казалась, — сто разов прикинь и так, и эдак, что из того произойти может? Помни твердо: по старине будешь править — проживешь спокойно и люди тебя поддержат. Порушишь старину — наживешь ворогов множество и может дело так обернуться, что и другим добра не содеешь, а и сам упадешь.

Теперь другое, — продолжал он после небольшой паузы, — с боярами ты очень уж крут. Спору нет, потачки им давать нельзя. Будешь слаб — всю твою власть приберут к себе и учнут лихоимствовать да народ кабалить. В былые времена были они князю первые помощники, ну, а теперь зажирили и многое о себе понимать стали, — сильный князь ныне им никак не с руки. Однако ломать их надобно с умом и не до конца. С умом, ибо они сильны и пойдут на все: вспомни хотя бы князя Суздальского, Андрея Юрьевича, ими убиенного... Почему до конца их ломать не след, о том речь будет впереди. Княжеской власти потребна опора, и ведаю я, что опорой власти своей мыслишь ты сделать боярских детей. На твой век оно, может, и не плохо. Но ежели о грядущем помыслить, то все это к тому же самому и вернется: наберут иные дети боярские богатства да силы, а там и за властью потянутся.

Помолчав немного, как бы собираясь с мыслями, старый князь продолжал:

— Единственной верной и вечной опорой княжеской власти должен быть народ, и ты это помни всегда. Народ — сила великая, и не ищет он ни богатства, ни власти, а токмо защиты от богатых и властных. И в князе своем должен он видеть, допрежь всего, именно такого защитника. Крепкая княжеская власть нужна ему, как заслон от наибольших врагов его — крупных вотчинников. Стало быть, коли хочешь иметь прочную опору в народе, такую защиту надобно ему давать. И по той же причине негоже крушить боярство до кон-

ца: поколе оно есть и народ опасается его усиления, он за умного и доброго князя крепко держаться будет. Уразумел ты мысль мою?

— Уразумел, батюшка. Великою мудростью благоловил тя Господь!

— Ладь и с попами, — продолжал князь. — Знамо дело, из них многие очи к небу возводят, а по земле руками елозят. И руки те загребушие. Кое-что им надобно давать, ибо в православии главная сила всей земли нашей русской: только оно ее воедино связывает и, покуда крепко оно, с ним земля наша против всех врагов устоит. А потому всякую поруху вере нашей православной, отколе бы она ни шла — от римского ли папы, али от своих домашних еретиков, — надобно выжигать каленым железом. Татары же, благодарение Создателю, на веру нашу ни в чем не посягают и церковь нашу чтут. К слову, татары-то ныне уже не те, что прежде. Редко мы их на земле своей и видим. Ежели бы не наши русские усобицы, так и вовсе сбросить их со своей шеи было бы возможно. И час тот уже недалек: Русь крепнет, а Орда расшатывается. Поколе жив еще царь Узбек, государство его сильно, а умрет он и почнется у них развал. Недаром Узбековы сыновья уже загодя друг дружку режут.

Но с татарами твое дело маленькое, — слегка передохнув добавил Пантелеймон Мстиславич, — один ты в поле не воин. А коли встанет на них вся Русская земля, то и ты вставай. Почин тому кто-нибудь из великих князей положить должен: московский либо тверской. Сам ты войны ни с кем не ищи, но вотчину свою, а наипаче дружину, крепи. То тебе всегда сгодится: вон уже и Литва на нас рот разевает, да и с Брянском тебе будет хлопот вдосталь.

— С Брянском я управлюсь, батюшка, — сказал Василий. — Глеб Святославич там такую кашу заварил, что у меня в самом народе брянском пособники и доброты сыщутся. И притом немало.

— То мне ведомо. Ведомо и другое: разумом ты силен, сердцем чист и рука у тебя твердая. Править государством нашим будешь ты добре, в том сомнения не имею. Однако все, что я досе сказал, то еще не главное. Ждет тебя кой-что и потруднее...

Князь оборвал свою речь и глубоко задумался. Видно было, что ему неприятно и тяжело переходить к новой теме, но он сделал над собою усилие и продолжал:

— О дядях твоих говорю, о братьях моих молодых. Трудно тебе с ними будет. Я их в Карачев призову и, коли приедут, при жизни своей заставлю тебе крест целовать. Но могут и не приехать, отбредутся чем-нибудь... Чую я, добром они под твоей рукой ходить не сходят: как же они, мол, старики, Мстиславичи, а ты братанич их! * Но право твое на большое княжение нерушимо, ибо за мной ты старший в роду нашем. Также прямо и в духовной родителя моего указано, что после смерти моей княжить в Карачеве надлежит тебе.

При последних словах Пантелеймон Мстиславич здоровой рукой откинул крышку резного кипарисового ларца, стоявшего на столе, достал оттуда свернутый в трубку лист и протянул Василию.

— На, читай в голос,— сказал он.

Повинуясь отцу, княжич бережно развернул пергамент. Это была духовная грамота ** его деда Мстислава Михайловича, первого князя Карачевского. Она была написана на квадратном листе тонкой телячьей кожи, выделанной до глянца. Текст ее был четко выведен черною, а заглавная буква киноварью. Василий приблизил документ к свечнику и прочел:

«Яз, раб Божий Мстислав, а во святом крещении Михайла, княж-Михайлов сын, соизволением Господним князь и государь Карачевской земли, а также князь Козельский, Болховский и Звенигородский, Елецкий князь да Мосальский, да иных городов земли нашей, готовясь предстать перед Богом, детям моим завещаю:

Старшему сыну моему, Святославу, княжить в Карачевской земле. Володеть ему стольным городом Карачевом, да Ельцом городом, да Мосальском, с волостями и уездами, а младшим братьям своим быть ему отца вместо. А второму сыну моему, Пантелеймону, даю город Козельск, а сыну Титу Звенигород, а сыну Андрею Болхов-город, все с волостями и уездами. И чтить им старшего брата своего Святослава отца вместо и из воли его не выходить.

А коль преставится сын Святослав, то на большом княжении во Карачеве сидеть старшему его, Святослава, сыну, а коли сынов ему Бог не даст, то сидеть на большом княжении старшему по нем брату, князю

*Братанич — племянник, сын старшего брата; сын младшего брата назывался «брательнич».

** Духовная грамота — духовное завещание.

Пантелеймону, а по смерти его,— паки старшему его, Пантелеймона, сыну. И тако наследие наше во потомстве держать, а молодым по роду князьям большого князя всегда чтить отца вместо и из воли его не выходить. А большому князю молодых не обижать. И меж собою жить всем дружно, чужого не искать и тяжб да усобиц не заводить. А кто заведет, того большой князь казнить волен.

Аще же кто волю мою в том порушит, да падет на того мое проклятие во веки и пусть не со мною одним, а со всем родом нашим готовится стать перед Господом.

Писана лета 6791 * месяца ноября в 8, на память святого Архангела Михаила».

Следовала подпись, а внизу листа, скрепляя концы плетеной тесьмы, продетой сквозь пергамент, висела большая печать красного воска. На ней хорошо можно было разобрать неровную круговую надпись: «Печать Князя Мстислава Михайловича». В центре печати виднелся оттиск изображения архангела Михаила, с мечом в руке, окруженного облаками.

— Ну вот,— сказал Пантелеймон Мстиславич, когда Василий кончил читать и свернул пергамент,— сам видишь, сомнения тут быть не может. Духовную эту по смерти моей возьми и береги ее, как святыню. В ней вся твоя сила. И с нею в руках дядьев твоих заставь крест целовать, коли я того сделать не успею. Только, хотя они крест и поцелуют, добра ты от них не жди. Перво-наперво каждый из них схочет в своем уделе вольным государем быть, и это бы еще полгоря. А то могут вместих супротив тебя подняться, чтобы с большого княжения ссадить... И ты вот куда гляди: Тит Мстиславич все с татарами якшается, а Андрей Мстиславич с Литвой. Опасайся больше Андрея. Тит спесив и коли пойдет, то напролом, а Андрей хитер. Этот с виду будет покорный и ласковый, а с тем и тебя, и Тита спробует обойти...

— Не единожды и я о том помышлял, батюшка,— промолвил Василий, когда старый князь умолк и, казалось, погрузился в раздумье.— Но только тут я тоже кое-чего удумал, и мнится мне, что обломать их сумею, хотя, может, и не вдруг.

— Тому верю,— сказал Пантелеймон Мстиславич,—

* 1283 год по Р. Х.

но княжение твое будет зело трудным, и ты к этому будь готов. Наипаче же в делах своих николи не забывай, что ты правнук родной великого Михаила Черниговского, который лютую смерть предпочел унижению. Свято блюди честь рода нашего, ибо по высоте и древности нет ему равного, быть может, на целой земле.

— Славными предками нашими клянусь, — взволнованно сказал Василий, — что бесчестья роду нашему от меня николи не будет!

— Добро, сын. А теперь слушай последнее мое слово: жениться тебе надобно. Оно бы давно пора, да неволить тебя до времени я не хотел.

— Батюшка, — начал было Василий, но отец оборвал его:

— Помолчи! Шашни твои со вдовой Кашаевой мне ведомы. Но всякому овощу свое время и блажь ту, вступивши на княжение, тебе надобно прекратить. Князю без семьи быть негоже, да и о наследнике нужно помыслить. О невесте для тебя подхожей я думал немало, и коли хочешь послушать доброго моего совета, — женился бы ты на княжне Ольге, дочери муромского князя Юрия Ярославича. Все, кто ее видел, называют, что собою она писаная красавица, умна и годов ей не более двадцати. Род ее тоже не хуже нашего. Сказать правду, я уже князю Юрию Ярославичу намека на то сделал и знаю, что породниться с нами он тоже не прочь. Остальное в твоих руках, и ты о том крепко подумай. Я же так мыслю, что лучшей невесты, чем Ольга Юрьевна, тебе и желать нечего, и чаю, будет она тебе доброй женой. Ну вот, теперь я тебе все сказал и, как придет мой час, покину сей мир спокойно. А сейчас подойди: благословлю тебя, и ступай с Богом.

Василий подошел к отцу и опустился на колени. Князь плохо повинующейся ему рукой перекрестил его трижды, потом нежно поцеловал в лоб. Стоя на коленях и припав губами к руке отца, Василий беззвучно плакал.

ГЛАВА 9

За время долгого княжения Мстислава Михайловича, весьма заботившегося о восстановлении своих земель, город Козельск, до основания разрушенный ордой Батыя, не только отстроился полностью, но и вы-

рос по количеству населения. Только укреплен он был значительно слабее, чем прежде: как Мстислав Михайлович, так и сын его Пантелеймон, владевший Козельском до вступления на карачевский стол, были миролюбивы и предпочитали расходовать средства на поднятие благосостояния края.

Таким образом, в XIV веке Козельск лишь в центральной своей части был обнесен крепким, стоящим на земляном валу тыном из дубовых бревен да в самой возвышенной своей точке имел деревянную сторожевую башню, являвшуюся скорее противопожарным сооружением, чем военным. Внутри огороженного пространства, недалеко от обрывистого берега реки Жиздры, стояли княжеские хоромы, построенные еще Пантелеймоном Мстиславичем. Это было приземистое, скромное по виду строение, состоящее из нескольких соединенных между собой деревянных срубов, с высоким крыльцом и традиционным теремом посередине. В настоящее время здесь жил со своим многочисленным семейством князь Тит Мстиславич, перешедший в Козельск из Звенигорода после того, как старший брат его вступил на большое княжение.

Князь Тит был рачительным хозяином и по натуре весьма прижимистым человеком. Будучи не самостоятельным, а зависимым князем, т. е., по существу, лишь крупным помещиком с княжеским титулом, он на показную сторону жизни особого внимания не обращал, роскошью пренебрегал и дружину держал очень небольшую, хорошо понимая, что воевать с кем-нибудь все равно не сможет. Зато он обладал изрядным количеством пахотных крестьян, отлично наладил все отрасли своего обширного, охватывающего целый уезд, хозяйства и денежки из него водились.

Он был честолюбив, но это было честолюбие помещика, а не князя: Тит Мстиславич жаждал не столько власти, сколько богатства и во власти видел прежде всего способ быстрого и легкого обогащения. Как следствие такого образа мыслей мечты его не останавливались на достижении независимости в Козельском уделе. Он прекрасно понимал, что такая овчина не стоит выделки: для достижения подобной независимости нужно будет идти на большие жертвы, а чем они окупятся даже в случае успеха? Останется та же земельная площадь, то же количество рабочих рук и те же хозяйственные возможности, а расходов прибавится, и притом

немало: надобно будет держать большую дружину, да и жить придется пошире, как подобает самостоятельному государю.

Нет, ему бы не пустяками заниматься в маленьком Козельске, а сесть на большое княжение в Карачеве! Шесть или семь городов с богатыми и обширными уездами прибавились бы тогда к его вотчине, десятки тысяч смердов обогащали бы его казну. Вот это хозяйство! И всем сыновьям хватило бы уделов. А так — куда их пристроишь? По деревням сажать, как детей боярских, что ли? Вестимо, покуда в Карачеве княжит старший брат, Пантелеймон, об этом и помышлять грешно. Но Пантелеймон стар и здоровьем слаб. Коли он умрет, неужто на большом княжении сидеть мальчишке Василию? А ведь сядет и ничего тут, пожалуй, не сделаешь: на его стороне и сила, и право. Такова была воля отца и государя Мстислава Михайловича, чтобы братанич держал под рукою своею родных дядьев. И угораздило же родителя так распорядиться наследием и такую обиду нанести младшим своим сыновьям!

Так думал князь Тит, и мысли эти особенно настойчиво стали одолевать его после того, как боярин Шестак пригнал в Козельск гонца с извещением, что Пантелеймон Мстиславич тяжело захворал и дни его сочтены.

Через две недели после событий, описанных в предыдущей главе, в трапезной козельского князя, за широким дубовым столом, крытым вышитой полотняной скатертью, сидели, потягивая мед, четверо собеседников: сам хозяин, Тит Мстиславич, невысокий и худощавый мужчина угрюмого вида, с изрядно уже поседевшей рыжей бородой; его старший сын, Святослав, человек лет тридцати, тоже невысокий и рыжий, чем-то напоминающий лису; знакомый уже нам боярин Шестак и, наконец, князь Андрей Мстиславич Звенигородский. Это был высокий, крепкий мужчина, весь облик которого дышал внешним благообразием. Волнистая русая борода его веером стелилась по груди, лицо было чисто и бело, а ласковые голубые глаза глядели на собеседника почти с детской доверчивостью. Словом, у Андрея Мстиславича была выгодная внешность: она сразу располагала к нему людей. И разве что очень тонкий наблюдатель заметил бы в его словах и манерах нечто наигранное и рассчитанное: князь Андрей так хотел и так привык нравиться окружающим, что совершенно произвольно уже применял для этого целый ряд мелких, вы-

работанных практикой и перешедших в привычку присмов.

Вот и сейчас, картинно откинувшись на спинку резного кресла и поглаживая унизанной перстнями рукой свою великолепную бороду, он подчеркнуто внимательно слушал державшего речь боярина Шестака.

— Так вот,— говорил боярин,— как сведал я о том, что князь Пантелей Мстиславич вызвал к себе Василия и с глазу на глаз наставлял его ажно за полночь, я в тот же час послал гонца в Звенигород, чтобы упредить тебя, Андрей Мстиславич, а сам через седмицу, сказавши всем, что еду в свою дальнюю вотчину, пустился в путь и прямо в Козельск! Ныне же надобно нам, всем вместе, подумать о грядущем и о том, что ждет нас после смерти Пантелея Мстиславича.

— А пошто мыслишь ты, боярин, что смерть его столь близка? — угрюмо спросил князь Тит.

— Тому признаков есть немало. Допрежь всего, так Ипат баит, а он в этих делах гораздо сведущ. Да и без Ипата видать, что великий князь день ото дня слабнет. Знать, и сам он свою близкую кончину чувствует, коли ночью призывал сына и наставлял его на княжение.

— Отколе тебе ведомо, что наставлял? Мало ли о чем отец с сыном могут гутарить.

— Нет, Тит Мстиславич, тут ничего иного быть не могло: старый князь, допрежь чем призвать Василия, велел принести ему из крестовой палаты ларец с духовной грамотой покойного государя Мстислава Михайловича. И тот ларец я у него в опочивальне, на столе, своими глазами видел. Стало быть, ясно, что разговор у них был о наследии.

— Да, пожалуй, что так,— не меняя позы, вставил Андрей Мстиславич.— И по той духовной родителя нашего, царство ему небесное, на большое княжение надлежит теперь вступить Василию Пантелеичу, коему мы крест целовать должны и чтить его отца вместо.

— Ужель так и сказано в духовной деда? — подавшись вперед, спросил княжич Святослав.

— Так и сказано. И еще добавлено, что ежели кто из князей земли Карачевской с тем не согласится и схочет выйти из-под руки Василия,— так он того князя казнить волен.

— Стало быть, нет у нас иного пути, кроме как под Васькину руку,— с тоской и яростью сказал князь Тит.

Последовало длительное молчание. Шестак натужно дышал, у Святослава Титовича на крепко сжатых скулах перекатывались тугие желваки, князь Тит нервно барабанил по столу концами пальцев. Только Андрей Мстиславич сохранял полное спокойствие и даже как будто улыбался слегка в свою холеную бороду.

— Ужели же вы, князя Мстиславичи, потерпите такую поруху чести вашей и старшинству? — промолвил наконец Шестак.

— Такова отцова воля, — отозвался Тит Мстиславич.

— Не могло быть на такое его воли! — крикнул Шестак. — Ведь когда преставился он, Василия еще и на свете не было! Откуда мог знать князь Мстислав Михайлович, как дело-то обернется? Ужели мыслите вы, что схотел бы он родных сынов своих отдать на глумление какому-то мальчишке? Не мог он того желать!

— Что пользы о том гадать, коли имеется написанная им духовная грамота, в коей точно указан порядок наследования? И ежели всем ведомо, что после брата Пантелеймона княжить в Карачеве надлежит сыну его, Василию?

— Не знаю, кому оно ведомо, — не унимался Шестак, — а только мыслю я, что воля покойного князя Мстислава Михайловича со смертью его окончилась. Не мог он ведать грядущего, а потому и волю свою на него простираť не в праве. Дела нынешние живым надлежит решать, а не мертвым!

— Тебе хорошо языком трепать, боярин, — сказал князь Тит, — а родитель наш вечному проклятию предаѣт того из потомков своих, кто волю его нарушит.

— То пустое, Тит Мстиславич! Не ведал ведь он, как жизнь-то сложится, когда такое писал. Ныне же не проклянет, а благословит он с небес того, кто землю нашу родную спасет от Васькиной лихости!

Снова последовало продолжительное молчание.

— Ну, пускай бы даже мы почали оспаривать у Василия большое княжение, — вымолвил наконец Тит Мстиславич, — так ведь он с этой духовной отправится в Орду, и великий хан, без сомнения, подтвердит его право. А нам эта тяжба головы может стоить. Сами ведаѣте, каков еѣсть хан Узбек: коли сочтет нас виновными, выдаѣст Василию головой либо сам казнит.

— То истина, ежели Василий сможет показать ему духовную нашего родителя, — небрежно заметил князь Андрей.

— А пошто не псказать, коли она в его руках?

— Ну, а вдруг она затеряется? Без нее-то дело о на-
следии зело спорное. И кто еще знает, на чью сторону
станет царь Узбек.

— Вестимо, не на Василеву! — оживился Шестак.—
Ведь ты, Тит Мстиславич, с ханом хорош. И коли зая-
вишь свои права на карачевский стол, ол тебе, а не ко-
му иному, ярлык даст! О Василии же он ежели чего и
слышал, то лишь недоброе, от брянского князя. Да той
худой его славе мы еще и от себя пособить сумеем.

— Хан ко мне милостив,— медленно сказал Тит, пе-
ред которым вдруг развернулись новые, его самого по-
разившие возможности.— Да вот только...

— Ну, чего ты еще нашел, Тит Мстиславич? — с жа-
ром перебил Шестак. — Даст он тебе ярлык на большое
княжение, как свят Господь, даст! А на Руси ханское
слово все споры решает.

— Так-то оно так. Да ведь духовная все же в руках
у Василия.

— То и лучше, что в его руках,— многозначительно
промолвил Андрей Мстиславич.— Человек он молодой,
в таких делах небрежительный... Сунет ее куда-нибудь,
а после и сам не сыщет.

— Ну, это бабушка надвое гадала,— усомнился
князь Тит,— а такое дело, какое мы затеваем, на авось
псгоже начинать.

— Ты мне поверь, братец! Я вещий сон видел на-
медни, а меня сны николи не обманывают,— почти ве-
село сказал Андрей Мстиславич.— Потеряет ту духов-
ную братанич наш!

— Ну, а все же, коли не потеряет?

— Потеряет,—уверенно повторил князь Андрей.— А
ежели бы и не потерял, ты с ханом веде дело так,
будто отродясь о ней и не слыхивал. Коли попадет она
в руки Узбека, скажешь: знать не знал и ведасть не ве-
дал об этой духовной, потому и затеял тяжбу.

— Ты не сомневайся в этом, Тит Мстиславич,— го-
рячо поддержал Шестак,—я тоже чую, что духовная нам
помехой не будет. Решайся же! Один ты можешь спасти
всех нас и всю землю Карачевскую от лихой беды, от
Василева беззакония! Тебя всем миром просим на вели-
кое княжение, а в случае чего и перед ханом, и пред
всей Русью поддержим. Молви только согласие свое.
Ведь и честь, и богатство сами к тебе в руки просятся!

Тит Мстиславич, в душе которого врожденная порядочность еще боролась с соблазном, при напоминании о богатстве решился окончательно. Проведя ладонью по лбу, покрывшемуся испариной, он глухо вымолвил:

— Ну, коли так, согласен! Чего же делать-то будем?

— Не теряя дня, собирайся в Орду,— ответил Шестак.— Вези царю Узбеку подарки и проси ярлык на карачевский стол.

— Да ведь брат-то, Пантелеймон, жив еще!

— Ну и что с того? Ты Узбеку доведи, что, мол, карачевский князь, Пантелей Мстиславич, при смерти и дело о наследии надобно загодя решить, дабы опосля смуты не произошло.

— А ежели хан о Василии спросит?

— Спросит аль не спросит, ты ему сам скажи: Василий-де шалый и желторотый хлопец, и татарам наипервейший к тому же недоброхот. А наипаче напирай на то, что ты есть, после князя Пантелеймона, старший в роде, что ты сын родной первого карачевского государя, а Василий ему токмо внук.

— А ты что скажешь, брат Андрей?

Андрей Мстиславич минутку подумал, потом ответил:

— Мыслю я, что Иван Андреич дело говорит. Все мы тебя старшим почитаем и после Пантелеймона тебя хотим большим князем. Но только ехать тебе самому в Орду никак негоже: об отъезде твоём всем станет ведомо и Карачев всполошится. Небось, и дети малые догадаются, пошто ты к хану поехал как раз теперь, когда большой князь при смерти.

— Кто ж тогда поедет? — подозрительно покосился на брата Тит Мстиславич.— Ты, что ли?

— Зачем я? Мне ехать тоже не след. Мое родство с Гедимином может все дело испортить: хан, чего доброго, подумает, что мы для Литвы стараемся. А пошли ты в Орду вот хотя бы Святослава.

— Меня? — удивленно спросил молчавший до сих пор княжич Святослав Титович.

— Ну, тебя же! Ты зрелый муж, и голова у тебя разумная. Дело это не хуже кого другого обделаешь, а о том, что ты к хану поехал, в Карачеве никому и вдомек не станет.

— То истина! — обрадованно воскликнул князь Тит, которому не очень хотелось самому тащиться в

Орду и унижаться перед ханом. — Собирайся в путь, Святослав, тебе, вверяем мы судьбы наши!

— Чту волю твою, батюшка, и клянусь, что доверие твое и дяди Андрея оправдаю, — вставая и кланяясь, ответил польщенный княжич.

Андрей Мстиславич благосклонно улыбнулся племяннику и ласково похлопал его по плечу. Он знал, что дело попало теперь в надежные руки. Тит Мстиславич был простоват и по-своему честен. Невзрачный на вид Святослав был, наоборот, далеко неглуп, хитер и упорен. Он завидовал Василию и ненавидел его, как только человек, обиженный природой и судьбой, может ненавидеть их общего баловня. Возможность собственными руками сокрушить Василия наполняла его восторгом, не говоря уже о том, что, удачно выполнив возложенную на него задачу, он, как старший сын Тита Мстиславича, и себе самому обеспечивал в будущем большое княжение.

«Этот будет стараться не за страх, а за совесть, — удовлетворенно подумал Андрей Мстиславич, глядя на сияющего племянника, — и от Василия меня избавит. А от иных я и сам избавиться сумею».

— Ну, добро, — сказал Тит Мстиславич, — в Карачеве, стало быть, я сяду. Ты, Андрей, из Звенигорода, вестимо, перейдешь в Козельск. А с Василием все же мы как сделаем? Оставить его вовсе без удела вроде негоже, да и хан на это едва ли согласится...

— А что на него смотреть, на Ваську скаженного? — воскликнул Шестак. — Пушай валится, куда хочет! А хану его можно так расписать, что не токмо без удела — без головы его оставит!

— Ну, это ты позабудь, боярин! Я такого греха на душу не приму, да и другим не позволю. Помни, что в Василии тоже течет кровь князей Черниговских, и не пристало нам пускать его по миру! Как мыслишь ты, князь Андрей, не дать ли ему Звенигород?

— Звенигород, брат дорогой, я хотел бы тоже за собой оставить. Сам ведаешь, двое сынов у меня. Федору, по смерти моей, Козельск бы остался, а Ивану — Звенигород.

Скупой Тит Мстиславич при этих словах сильно помрачнел, но понял, что при сложившейся обстановке отказать брату нельзя, и потому, скрепя сердце, сказал:

— А Василию в таком разе что же мы выделим?

— Василию можно Елец отдать.

— Видишь, твоим сыновьям два лучших удела, а моим что же останется, коли Елец Василию отдадим?

— Как что останется? Побойся Бога, брат! Святослав по тебе Карачев наследует, Ивану дашь Болхов, Федору — Мосальск.

— А Роману что?

— Да ведь Роману-то и десяти годов нету! Дашь ему Кромь, когда подрастет. Только и Елец, без сомнения, твоим будет, ибо Василий, по гордыне своей, навряд ли согласится на что иное, окромя большого княжения. Вернее всего, набуянит он тут и придется ему уносить от ханского гнева ноги куда подальше.

— Ну, ин ладно, на том и порешим. Только вот я о чем думаю: что ежели помрет брат Пантелеймон прежде, чем ярлык у нас будет? Ведь тогда Василий заступит на карачевский стол, и мы тому помешать никак не сможем.

— Зачем мешать? Пускай его заступает. А когда вернется Святослав с ярлыком,—попросим его честью из Карачева. Не станет же он с ханом Узбеком воевать!

— Оно так, да все ж лучше бы по-хорошему сделать, без драки. Василий-то больно горяч.

— Обойдется. Время есть, еще что-нибудь надумаем. Вестимо, лучше бы пожил Пантелей Мстиславич до возвращения Святослава. Тогда дело куда проще бы сделалось.

— Не пришлось бы еще нам Василию крест целовать!

— Коли о том речь зайдет, отказываться покуда нельзя, но и целовать негоже. Будем чем ни есть отговариваться.

— Ну, стало быть, на том и стали! Наливай, Святослав, кубки. Выпьем за удачу дела нашего, и да поможет нам Господь!

Собеседники еще долго сидели в трапезной, обсуждая второстепенные вопросы, стараясь предусмотреть все и наставляя Святослава Титовича, как вести дело с ханом и что ему говорить. Наконец, когда во дворе пропели вторые петухи, все встали.

При выходе Андрей Мстиславич, как бы невзначай обратился к Шестаку с вопросом:

— А ведомо-ль тебе, Иван Андреич, где сейчас хранится отцова духовная?

Шестак пристально и понимающе взглянул на звенигородского князя.

— Досе хранилась всегда в крестовой палате, в алтаре. А вот как потребовал ее к себе Паителей Мстиславич, с той поры я ее там не видел. Или она в опочивальне князя, или Василий к себе унес. То я могу вызнать точно.

— Вызнай, Иван Андреич. Не помешает.

ГЛАВА 10

Через три дня княжич Святослав, сопровождаемый десятком дружинников и снабженный богатыми дарами для хана Узбека, великой хатун^{*} и наиболее влиятельных татарских сановников, выехал в Орду. В целях сохранения тайны всем было сказано, что он послан отцом с подарками к рязанскому князю Ивану Ивановичу, дочку которого Тит Мстиславич сватал для своего второго сына Ивана.

Отправив посла, все остальные участники заговора возвратились к своим обычным делам. Мрачный и раздражительный, Тит Мстиславич, стараясь заглушить в себе суеверный страх и голос совести, настойчиво твердивший, что он заслужил посмертное проклятие отца, с головой ушел в хозяйственные заботы. Спокойный и со всеми ласковый Андрей Мстиславич после долгого разговора с глазу на глаз с боярином Шестаком отправился к себе в Звенигород, а Шестак, замечая следы, проследовал из Козельска в свою вотчину, навел там порядки и в конце октября возвратился в Карачев.

В стольном городе тем временем жизнь текла своим чередом. Давно минул праздник Покрова Пресвятой Богородицы, прошел и Дмитриев день, а князь Пантелеймон Мстиславич, вопреки тайным предсказаниям ведуна Ипата и своим собственным предчувствиям, не только продолжал жить, но и чувствовал себя значительно лучше. Он начал даже покидать свое кресло и, опираясь на палку, самостоятельно передвигаться по горнице.

В городе, да и во всем княжестве, царили мир и тишина. Беспокойный сосед, князь Глеб Святославич, всецело поглощенный борьбой со своими бунтующими подданными, карачевских рубежей больше не тревожил.

^{*} Хатунь — главная жена хана.

Бдительность и сторожевую службу в Карачеве вновь ослабили, семейные дружинники жили по домам, запасаясь дровами и подготавливая свои хозяйства к суровой зиме. Во владениях карачевских князей голод вообще был редкостью; нынешний же год выдался особенно урожайным. Крестьяне наполнили зерном закрома, легко уплатили положенные подати и будущего не страшились. По деревням варили брагу, правили свадьбы и весело готовились к зиме.

В связи с этим общим благополучием у Василия забот было немного. Почти все свободное время он проводил на охоте или в усадьбе у Аннушки. Последние встречи их были, впрочем, не очень радостны. Василий и прежде отдавал себе отчет в том, что рано или поздно ему придется отказаться от Аннушки и взять себе жену из княжеского рода, быть может вовсе ему чужую и нелюбимую. Но он отгонял от себя мысли об этом не близком еще, как ему казалось, будущем. После же ночного разговора с отцом он вдруг ясно ощутил, что это будущее надвинулось почти вплотную и что дни его счастья с Аннушкой сочтены. Теперь это счастье ему казалось особенно ярким, а мысль о необходимости отказаться от него — особенно мучительной.

Аннушка, проводившая большую часть времени в одиночестве и занятая только своими мыслями о Василии и об их отношениях, давно уже осознала неминуемость такого конца и была к нему лучше подготовлена. Она полностью отдавала себе отчет в том, что с уходом Василия в ее жизни ничего не останется, кроме тоски и воспоминаний, ибо другого она полюбить не сможет и не захочет. И все же она была готова принять этот сокрушающий удар безропотно, как расплату за недолгое счастье, подаренное ей судьбой. Правда, она пришла к этому не сразу: вначале все существо ее восставало против необходимости уступить любимого другой женщине; ее заранее сжигала ревность к этой еще неизвестной сопернице. Но постепенно она примирилась с этим, и любовь ее мало-помалу приняла характер самоотречения.

Когда Василий, после долгих и мучительных колебаний, сказал ей наконец, что отец сватает для него княжну Муромскую, Аннушка, вся поникнув, долго сидела молча, потом подняла на него наполненные слезами и тоской глаза и, запинаясь, вымолвила:

— Так и должно быть, Васенька... Ну, что ж... Все говорят, что княжна Ольга Юрьевна красавица. Дал бы Господь, чтобы и душою она была так же хороша, как лицом... Только бы было тебе с нею счастье.

* * *

В один из ноябрьских дней, едва на востоке наметились первые признаки рассвета, Василий в сопровождении Никиты выехал из городских ворот. На обоих были короткие меховые полушубки, шапки-ушанки и теплые валеные сапоги, снизу подшитые кожей. У каждого за плечами были лук и колчан со стрелами, на поясе — длинный нож, а в руках охотничья рогатина*. С полдюжины крупных поджарых собак весело суетилось вокруг всадников. Все это не оставляло никаких сомнений в целях их поездки: накануне выпал обильный снег и сегодня любого зверя легко было обнаружить и взять по свежему следу.

Выехав из города и миновав мост, охотники направились вниз по берегу Снежети. Верстах в десяти отсюда течение реки описывало крутую петлю, образуемая нечто вроде низменного, заросшего кустами и высокой травой, полуострова с узким перешейком, упирающимся в густую чащу леса. Привлеченные хорошим пастбищем, животные забредали из лесу на этот полуостров и, никем не тревожимые, часто задерживались тут подолгу. Особенно любили эту излучину дикие кабаны, ночью копавшие здесь корни, а днем отлеживающиеся в густом кустарнике, дающем им надежное убежище. Место это было идеальным для охоты: став на перешейке и пустив на полуостров собак, охотник мог быть уверен, что вспугнутая дичь его не минует. Сюда-то и направили своих коней Василий и Никита, не раз уже здесь охотившиеся.

— Ну, расскажи, как же тебе ездилось? — спросил Василий, когда всадники въехали в лес, укрывший их от холодного ветра, не очень располагавшего к разговорам.

Никита только накануне возвратился из довольно долгой поездки. По поручению Пантелеймона Мстиславича он ездил приглашать удельных князей на семей-

* Рогатина — короткое, аршина в три, копьё с широким обоюдоострым лезвием и поперечиной у его основания.

ный совет, связанный с тяжелой болезнью большого князя. Но это, разумеется, было лишь предлогом, пользуясь которым Пантелеймон хотел заставить своих братьев поцеловать крест Василию. Дело надо было провести с умом, поэтому его не доверили простому гонцу.

— Ездилось-то хорошо, Василий Пантелеич, да только пользы от моей езды вышло немного,— ответил Никита.

— Что так?

— Видать, твои дядья почуяли, зачем их призывают. Небось, их теперь в Карачев и золотом не заманишь!

— Это я и наперед знал. Поведай все ж, как тебя там принимали да жаловали?

— Да что ж, приехал я сперва в Звенигород. Чай сам знаешь, какие они там медовые,— усмехнулся Никита.— Встретила меня на крыльце сама княгиня Елена Гимонтовна, обласкала, прямо как родного сына. Но вот, говорит, беда: уехал князь Андрей Мстиславич в Литву, и, когда возвратится, никому не ведомо. Знамо дело, обнадежила, что как только назад будет он из Литвы, в сей же час отправится в Карачев. Но только сдается мне, что долго нам его ожидать придется.

— А как мыслишь ты, точно ли он в Литву ехал?

— Едва ли. Больше похоже, что дома схоронился.

— Али ты что приметил?

— Приметил, что у них хоромы полны попов. Оно, правда, в Звенигороде их николи мало не бывает, но тут сразу учуял я, что неспроста такое сборище. И после сведал, что съехались они на освящение церкви святого Адриана, которую недавно закончил постройкой князь Андрей. Вот и помысли: возможное ли дело, чтобы ту церковь без него святили? А ежели Андрей Мстиславич и впрямь куда отлучился — могла ли не знать княгиня, когда он воротится, коли наш с нею разговор был октября тридцатого, а на первое ноября празднуется память святого Адриана?

— Да, шито белыми нитками. Ну, а дальше что было?

— Дальше поехал я в Козельск. Здесь мне уже все иной прием был оказан. Встретил меня какой-то сын боярский, спрашивает — что надо? Говорю: посланец из Карачева к козельскому князю. Ввел он меня в пустую горницу и, не промолвив слова, ушел. Долго я там сидел один, наконец входит княжич Иван. Смотрит

волком. А батюшка, говорит, сильно недужен. Спрашиваю, а что ж такое ему приключилось? Посклизнулся, отвечает, вчерась на лестнице и дюже спину себе повредил. Лежит и вовсе двинуться не может.

Так что же, спрашиваю, тебе, что ли, княжич, обсказать, с чем я прислан? Нет, говорит, сейчас батюшку знахарь пользует, а как кончит, я тебя туда проведу. Ладно, кончил свое дело знахарь — вводят меня в опочивальню князя. Тит Мстиславич лежит на лавке под образами, руки на брюхе складены — ну, вот сейчас умрет! А у самого рожа красная, и в глаза не глядит. Сказывай, говорит, с чем прислан? Я обсказал. Поохал он чуток и молвит: «Сам видишь, какое мое здоровье. Вот ты братцу, Пантелею Мстиславичу, о том и доведи. Скажи ему, что как только на ноги встану, тотчас его волю исполню и в Карачев приеду. Но когда это будет — одному Богу ведомо, потому что дюже мне худо».

— С тем, значит, ты и уехал?

— С тем и уехал. Но только, ночуя в Козельске, вызнал я ненароком от княжеской челяди, что назад тому месяца полтора гостил у Тита Мстиславича князь звенигородский и что был там в ту пору также наш боярин Шестак.

— Ого! Это неспроста. Видать, они что-то промеж собою затеяли.

— Как Бог свят, Василий Пантелеич! Люди баили, что они, все трое, да еще княжич Святослав с ними, затворившись в трапезной, совещались целый день и целную ночь, аж до вторых петухов. И даже слуг туда не допускали. Остерегись, Василий Пантелеич: это супротив тебя они чо-сь заводят.

— Поживем — увидим. Не думаю, чтобы они сейчас пошли далее разговоров: для дела у них еще кишка коротка. Но поглядывать будем.

Тем временем собеседники приблизились к цели своей поездки. Не доезжая шагов трехсот до перешейки, они спешились, привязали в укромном месте своих лошадей, и Никита взял всех собак на сворку, чтобы они раньше времени не спугнули дичь. Затем оба вышли на перешеек и принялись тщательно изучать следы на снегу, чтобы знать заранее, какие звери проследовали на полуостров и с кем им предстоит встретиться.

В ту пору этот огромный лесной массив, воспетый в русских былинах под названием Брынского леса, изо-

биловал всевозможной четвероногой и пернатой дичью. Не говоря уж о зайцах, лисицах, куницах, белках, выдрах и других некрупных пушных зверях, водившихся здесь в несметных количествах, по лесным речкам встречались целые поселения драгоценных бобров. Не была редкостью также и рысь. Встреча в лесу с медведем была заурядным явлением, а волки, собираясь зимою огромными стаями, держали в постоянном страхе редкие лесные деревни. В топких низинах, укрываясь в камышах и кустарниках, нежились дикие кабаны, по берегам рек и озер паслись целые стада оленей и лосей, а кое-где встречался еще и воспетый русской народной поэзией лесной исполин — тур, окончательно истребленный два-три века спустя.

Из пернатых постоянными и многочисленными обитателями этих лесов были глухари, тетерева и рябчики, а летом в лесных озерах появлялись лебеди и несметное множество гусей и уток.

В жизни обитателей этого края охота играла важную роль: она давала мясо для пищи, шкуры для всевозможных домашних поделок и меха для одежды и продажи. Несмотря на несовершенство охотничьего оружия (лук, нож да рогатина) и опасность многих видов охоты, ею занимался с малых лет почти каждый мужчина. И немало было таких, которые к концу жизни убитых медведей и лосей исчисляли десятками, а более мелких зверей сотнями и тысячами.

Для Василия и Никиты не составило особого труда разобраться в принадлежности и характере следов, испещрявших заснеженный перешеек. Они точно установили, что на полуострове находится с полдюжины диких свиней, что туда забредал довольно крупный лось, вскоре снова ушедший в лес, и, наконец, что по перешейку долго топталось несколько волков, которые, однако, дальше не пошли. Остальные письмена, оставленные на снегу лапами более мелких четвероногих, не стоили внимания.

— Дивлюсь,— промолвил Василий, когда осмотр был закончен,— почему оттуда сразу ушел обратно сохатый? *

— И пошто туда не зашли волки, хотя они и шли по следу свиней? — добавил Никита.

* Сохатый — лось.

— Может, секача * побоялись?

— Едва ли. Может, просто сытые были и потому решили с секачем не связываться. А может, и испугались чего-либо.

— Чего бы им испугаться, коли там никого, кроме свиней, нету? Ведь сохатый и тот раньше ушел.

— Ума не приложу. Следов тут больше ничьих не видать.

— Может, какой зверь туда еще до вчерашнего снегопада забрел?

— Чего б он там досе делал? Да и какой зверь? Медведь в эту пору уже в берлоге спит... Разве что нечисть какая?

— Ну, уж сказал! Нечисти волки бы не испугались. Да чего тут долго гадать? Спускай собак и зараз узнаем, кто там есть!

Собаки, почуявшие свиней, уже давно заливались истошным лаем и рвались из рук Никиты. Получив свободу, они стремглав кинулись на полуостров и вскоре исчезли в кустах, не переставая лаять.

Охотники между тем расположились шагах в пятидесяти друг от друга, по краям перешейка, так, чтобы, кроме него, держать под обстрелом и обе излучины реки на тот случай, если зверь вздумает уходить по льду. Противоположный берег в этом месте спускался к воде крутым обрывом и взобраться на него не смогло бы ни одно крупное животное. Воткнув возле себя в снег рогатины и проверив, легко ли вынимаются из ножен ножи, Василий и Никита наложили по стреле на тетивы луков и устремили глаза на полуостров, где, судя по яростному лаю, собаки уже увидели кабанов.

Вскоре впереди раздался треск ломаемых кустарников и на перешеек со злобным хрюканьем выскочило небольшое стадо диких свиней. Увидев перед собой охотников, животные на мгновение остановились в нерешительности, но затем, следуя примеру своего вожака, все разом бросились в проход между ними, устремившись к спасительной опушке леса.

Воздух одновременно прорезали две стрелы, в стаде раздался болезненно-яростный рев, и двое животных, падая, вскакивая и снова падая, завертелись на снегу, в то время как остальные с быстротою ветра скрылись в лесу. Свинья, в которую стрелял Никита,

* Секач — старый кабан, вожак стада.

после нескольких судорожных прыжков опрокинулась на спину и задергалась в конвульсиях. Стрела угодила ей в бок с такой силой, что наконечник ее вышел из другого бока. Но секач, которому стрела Василия пронзила шею, несмотря на тяжелую рану и кровь, хлещущую у него из пасти, вскоре твердо стал на ноги и, пригнув к земле голову, вооруженную страшными клыками, бросился на своего противника.

Василий почти в упор выпустил в него вторую стрелу, глубоко ушедшую зверю в холку, а затем, видя, что кабан продолжает бежать как ни в чем не бывало, схватился за рогатину. Он метил животному в левую часть груди, но в последний момент секач сделал судорожное движение головой, благодаря чему острое вонзилось правее, не задев сердца.

Всею тяжестью своей огромной туши кабан навалился на рогатину и, вогнав ее в себя по самую поперечину, продолжал яростно напирать, заставляя Василия быстро пятиться и не давая ему возможности высвободить свое оружие.

Положение охотника сделалось критическим: за спиной его находился берег, загроможденный обледелеными камнями и корягами, к которым быстро припирал его разъяренный кабан. Упасть — значило погибнуть, а еще несколько шагов — и удержаться на ногах будет невозможно... К счастью для Василия Никита был уже близко. Подбежав к кабану, он левой рукой схватил его за ухо, а правой дважды погрузил ему в бок свой длинный нож. Напор на Василия сразу ослабел, секач покачнулся, захрипел и почти без движения рухнул на землю.

— Ну, спасибо, Никита, вовремя ты подоспел! — промолвил Василий, снимая шапку и обтирая ею вспотевший лоб. — Еще чуток, и опрокинул бы меня этот дьявол.

— Ништо, княжич... А здоровенный секачище! Должно пудов на двадцать вытянет, — добавил Никита, рассматривая саженную тушу, расprostертую у его ног.

— Да, такого не часто встретишь. Ловко ты его, однако, за ухо поймал... погоди, а собаки? — вскричал Василий. — Куда же собаки-то подевались?

Действительно, собаки не преследовали выскочивших из кустов свиней и никакого участия в травле не принимали, чего в пылу охоты никто не заметил. Однако их захлебывающийся лай слышался теперь совсем

близко. Василий и Никита одновременно обернулись в сторону полуострова и остолбенели от неожиданности: не далее чем в тридцати шагах, глядя на них налитыми кровью глазами и нахлестывая себя хвостом по лоснящимся крутым бокам, стоял огромный, совершенно черный бык, с длинными, широко расходящимися рогами, концы которых грозно устремлялись вперед. Распаляя себя, он рыл передней ногою землю, временами, как бы нехотя, отмахиваясь своей страшной головой от бесновавшихся вокруг собак.

— Тур! — хриплым голосом выдохнул Василий, как зачарованный глядя на лесного царя. — Да какой!

— Давай, княжич, не то уйдет! — прошептал в ответ Никита, в пылу охотничьей страсти не помышляя, как и Василий, о смертельной опасности, на которую они шли. — Подбирай скорее свой лук и будем бить его разом!

Василий бегом кинулся к луку, лежавшему в нескольких шагах и, подобрав его, возвратился на прежнее место. Никита тем временем, не спуская глаз с тура, выдернул рогатину Василия из туши кабана и воткнул ее в землю, рядом. Затем снял свой лук и наложил самую надежную стрелу с зазубренным стальным наконечником. Василий последовал его примеру.

— Добро, что я сегодня своего Перуна взял, — пробормотал Никита, — словно бы чуял такую встречу!

Перуном у него назывался трехаршинный лук, сделанный из толстого смолистого корня лиственницы, оплетенного для прочности лосиными жилами. Кроме того, в средней своей части он был обложен роговыми пластинками. Натянуть его тетиву было под силу только такому силачу, как Никита, но зато пущенная им стрела пробивала насквозь человека в кольчуге.

Между тем тур, который решил, очевидно, с боем прорываться в лес, пригнул голову к земле и двинулся вперед, набирая разбег перед атакой. Но в этот момент на него яростно набросились собаки, не решавшиеся приблизиться, пока он стоял на месте. С быстротой и ловкостью, необычайной для такого огромного животного, тур обернулся и взмахнул головой. Одна из собак с распоротым брюхом взметнулась в воздух и отлетела шагов на десять; остальные бросились наутек. Тур не стал их преследовать, а вновь повернулся к людям, которые сейчас находились от него не далее двадцати шагов.

— Пока хорошо стоит и не нагнул башки,— быстро сказал Никита,— целим ему оба в левую сторону груди... Готов? Ну, с Богом!

Свистнули две стрелы и почти рядом вонзились в широкую грудь животного. Испустив страшный рев, тур поднялся на дыбы, опустился, рухнул на колени передних ног, но сейчас же снова вскочил и, не переставая устрашающе реветь, ринулся на людей. Еще по одной стреле вонзилось в тушу зверя, не причинив ему существенного вреда. На третий выстрел времени уже не было.

— В сторону сигай! — крикнул Василий, бросая лук и хватая рогатину.— Пусть проскочит! Колоть будем, когда обернется, иначе с ног свалит!

Перед самой мордой тура охотники отпрыгнули в разные стороны. Промчавшись с разбега еще несколько шагов, уже теряющий силы лесной исполин обернулся, отыскивая глазами врагов, и в этот момент две рогатины глубоко вошли ему в грудь. Он еще рванулся вперед, заставив поняться навалившихся на рогатины охотников, рванулся второй раз, уже значительно слабее, наконец, издав предсмертный тоскливый рев, рухнул на колени и медленно повалился на бок.

— Вот это добыча! — сказал Василий, выдергивая рогатину и тяжело дыша.— Вдвоем насилу одолели!

— Да, поле у нас сегодня, что и говорить, удачное,— отозвался Никита.— Но и работы предстоит немало: нужно снять шкуры и разделать туши.

— Голову этого тура надобно целиком зачучелить и повесить на стене в хоромах,— сказал Василий.— Да и секач того достоин. Ишь, какие клыки!..

Немного отдохнув, охотники принялись за дело. Через час снятые шкуры, отрезанные головы и лучшие куски мясных туш были подняты на ветви ближайших деревьев, чтобы их не растащили волки, пока за добычей будут присланы из города сани.

День уже начинал клониться к вечеру, когда Василий и Никита выехали из лесу и увидели всадника, во весь опор скачущего им навстречу. Оба пришпорили лошадей и вскоре перед ними осадил взмыленного коня Лаврушка. Лицо его было бледно.

— Скорее, князь, скачи в Карачев,— взволнованным голосом сказал он, забыв даже приветствовать Василия,— повсюду тебя ищем!

— Сказывай, что случилось? — крикнул Василий, вмиг заражаясь его волнением.

— Родитель твой, князь Пантелей Мстиславич, представился!

ГЛАВА 11

Пантелеймон Мстиславич ушел из жизни спокойно и без страданий! Последние дни он чувствовал себя совсем хорошо и заметно оживился. Накануне смерти лично принял вернувшегося из поездки Никиту и обстоятельно расспросил его обо всем. К известию о том, что братья его увильнули от посланного им приглашения, он отнесся по виду спокойно и только пробормотал:

— Ну, того и ожидать следовало... Знаю я их.

Ночью он спал хорошо, утром долго беседовал с боярами и пообедал с аппетитом. Затем, по обычаю, отправился отдохнуть, а в три часа вошедший в опочивальню Тишка нашел его мертвым. Лицо князя было величаво и спокойно. Очевидно, он умер во сне и не заметил, как перешел в другой мир.

Его похоронили в церкви святого архангела Михаила, рядом с отцом и старшим братом Святославом. Покойного князя все любили, и потому на похороны его собралось множество народа, но ни Тита, ни Андрея Мстиславичей не было. Вместо них из Козельска прибыл княжич Иван Титович, а из Звенигорода — оба сына князя Андрея, Федор и Иван.

На большое княжение согласно родовому старшинству и порядку наследования вступил Василий Пантелеймонович, что всеми было принято как должное и не встретило никаких возражений ни в одном из карачевских уделов. Молчал Козельск, молчал и Звенигород. Бояре по отношению к новому князю держали себя почтительно, ничего не просили и в советчики не навязывались. Жизнь во всей Карачевской земле продолжала течь тихо и совершенно нормально.

Такая тишина и покорность вначале удивили Василия и даже показались ему подозрительными. Но шли дни, ничто не нарушало общего согласия, все его распоряжения, правда не выходящие пока из рамок обычного, исполнялись без возражений, и Василий постепенно успокоился.

— Кажись, обошлось,— решил он.— Должно быть, смекнули, что лучше на рожон не лезть.

Благополучно, как казалось сложившаяся обстанов-

ка вскоре сосредоточила мысли Василия на тех внутренних мероприятиях, о необходимости которых он давно думал. В основном они сводились к тому, чтобы ограничить рост и значение боярства и укрепить положение свободных крестьян, постепенно втягиваемых боярами в кабалу.

Общественные отношения на Руси испокон веков развивались своими, собственными путями, весьма несхожими с практикой иных народов. Но невзирая на то, что многие из этих народов считали Русь отсталой и варварской страной, на любом этапе истории эти отношения были у нас более справедливыми и гуманными, чем на Западе.

Нагляднее всего это видно из сопоставления основных юридических норм. В то время, когда в западных странах даже незначительная провинность влекла за собой бесчеловечные пытки и казни, древнее русское законодательство почти не знало иных карательных мер, кроме денежного штрафа и церковного покаяния. Телесные наказания были у нас редкостью. Древнейший наш судебник — «Русская Правда», составленный Ярославом Мудрым и дополненный его сыновьями в XI веке, даже за убийство человека не определяет ни пыток, ни смертной казни. Несколько десятков лет спустя Владимир Мономах, под влиянием греческого духовенства, вводит «урезание носа» за особо тяжкие преступления против религии и семейной морали. Но в его же «Уложении» мы находим такую статью:

«Аще кто зуб рабу своему выбьет, или рабе своей, — на свободу да отпустит в зуба место».

Из этого видно, что наши правовые нормы начала XII века, не в пример Западу, требовали гуманного обращения с рабами и даже за легкое увечье обязывали отпускать их на волю. Согласно тому же Мономахову «Уложению» не только за изнасилованье, а даже за покушение на насилие над рабой своей господин обязан был дать ей вольную. Стоит сравнить это с «правом первой ночи» *, существовавшим в Западной Европе не только во времена Мономаха, но и значительно позже.

Если в Древней Руси кое-когда и применялась смертная казнь, то не в порядке соблюдения законов, а скорее в обход этого порядка. Во времена татарского вла-

* Согласно этому «праву» при выходе замуж крепостной крестьянской девушки первую брачную ночь она проводила не с мужем, а со своим господином.

дычества нравы ожесточились, и смертная казнь стала более частым явлением, но все же она и тогда не нашла себе места в писаном русском законодательстве. Впервые официально ввел ее в свой Судебник 1497 года великий князь Иван III, женившийся на византийской принцессе Софии Палеолог и в угоду ей и ее окружению начавший заводить в Москве римско-византийские порядки. И недаром в своей знаменитой переписке с Иваном Грозным князь Андрей Курбский писал, имея в виду Софию Палеолог и ей подобных: «В предобрый русских князей род всеял дьявол злые нравы наипаче женами их, коих поимовали от иноплеменников».

Испокон веков, еще задолго до принятия Русью христианства, основным занятием здесь было земледелие, и все население Русской земли делилось на сельские общины, подбиравшиеся, главным образом, по родовому признаку. Каждая такая община, по существу, представляла собой экономически независимую единицу и все, что нужно, производила для себя сама.

С оформлением восточных славян в государства, управляемые князьями, наряду с крестьянскими общинами стали появляться отдельные крупные земельные собственники — бояре, хозяйства которых обслуживались челядью или холопами, т. е. зависимыми людьми, в ту пору, главным образом, захваченными на войне пленниками, которые, однако, не были в полном смысле этого слова рабами. Вообще рабства в тех законченных формах, в которых оно широко практиковалось на Западе, на Руси никогда не существовало. Даже в седой древности рабство у славянских племен носило лишь временный характер, весьма гуманный по сравнению, например, с Римом. Византийский писатель VI века Маврикий Стратег пишет о славянах: «Пленников своих они не держат в вечном рабстве, но, ограничивая срок плена определенным временем, предлагают им на выбор: за известный выкуп возвратиться к себе домой или же остаться на положении людей свободных и друзей».

Самое слово «челядь» происходит от «чадо», «чадь», т. е. «дети». «Холоп» — от слова «хлопец», что означало приблизительно то же самое. Таким образом, по идее это были не рабы, а младшие члены общей хозяйственной семьи.

Постепенно увеличиваясь, боярские поместья требовали все больше рабочей силы, которая стала вербо-

ваться главным образом из безземельных крестьян — освобожденных холопов, людей, изгнанных из общин, обедневших неудачников и т. п. Появляется новая категория зависимых людей, так называемые закупы.

Закуп получал от помещика землю, коня, сельскохозяйственные орудия, а иногда и денежную помощь, обязуясь со своей стороны известную часть времени работать на барщину, — иными словами за все полученное платить помещику своим трудом на его полях: Несколько позже барщина почти повсеместно была заменена частично или полностью оброком, т. е. платой продуктами своего труда. Это для крестьян было выгоднее: не отрываясь для барщины от своего собственного хозяйства, они получали возможность вести его лучше и производить больше.

Бояре, конечно, старались выжать из своих закупов как можно больше и их закрепостить, но верховная княжеская власть этому обычно не сочувствовала и не содействовала. Отношения бояр и закупов были точно определены и защищались законом. Закуп без согласия господина уйти не мог, но в то же время рабом не являлся и обязан был выполнять только ту работу, которая положена ему по договору, в остальном оставаясь свободным человеком. Если хозяин начинал с ним обращаться как с рабом, по закону он терял на него все права. С другой стороны, если закуп пытался бежать и его ловили, он обращался в холопа, то есть переходил в разряд зависимости, которую условно можно назвать рабской. Но только условно, ибо все эти виды зависимости носили, по существу, крепостной, а не рабский характер. Западноевропейский или восточный раб был вещью, а русский холоп был личностью. Он мог, по закону, обзавестись семьей, совершать торговые и денежные сделки, выступать истцом и свидетелем в суде, приобретать движимое и недвижимое имущество, передавать его по наследству или по завещанию, мог в любой момент выкупиться на волю. Классический же раб ни одного из этих прав не имел и зависел всецело от воли своего хозяина.

Таково было положение людей зависимых — холопов и закупов. Но они отнюдь не составляли большинства: вся основная масса сельского населения состояла из свободных крестьян — смердов, которых называли также сиротами, черными людьми, а позже — черносошными крестьянами. Они жили своими общинами и

платили в княжескую казну подать, которая вносила^{сь} обычно натурой. Каждый член общины владел определенным земельным участком на правах полной собственности, т. е. мог его продавать, арендовать, передавать по наследству или завещанию. Кроме того, он пользовался общинными угодьями, принадлежавшими всем вместе: пастбищами, лугами, лесом, озерами. Каждая община располагала запасными землями для наделения людей пришлых, которых сход соглашался принять в общину, а также для расширения наделов малоземельным или многосемейным. Земли было достаточно, и владения некоторых крестьянских общин исчислялись сотнями квадратных верст.

Община пользовалась довольно широкими правами самоуправления. Она сама выбирала своих старост и десятских, а общие дела решала сходом или «миром». Правление общины раскладывало подати по своему усмотрению и само собирало их для внесения в княжескую казну. Сход разбирал все тяжбы и судил за преступления, кроме самых тяжких. Словом, своею хозяйственной жизнью, внутренним устройством и бытом община распоряжалась сама, и вышестоящие власти в ее повседневные дела обычно не вмешивались.

Конечно, границы общинных владений редко бывали точно определены, и это иногда давало повод к злоупотреблениям со стороны соседней-помещиков, старавшихся захватить спорные земли. Если стороны не приходили к полюбовному соглашению, община имела право и возможность искать защиты своих интересов у князя. И обычно ее находила, ибо, в случае недовольства, крестьяне могли сняться с места и перейти в другое княжество, а князю это было невыгодно: он лишался плательщиков податей и резервов воинской силы. Людей в ту пору всюду не хватало,—любой князь охотно принимал к себе новоселов, давал им землю и обычно помогал стать на ноги.

Позже, под влиянием целого ряда причин, все это значительно изменилось к худшему. Но в XIV веке положение крестьян на Руси было далеко не плохим и ему с полным правом могли позавидовать крестьяне любой другой страны.

Этому крестьянскому благополучию сильно угрожал рост боярских владений, постепенно вовлекавший в зависимость от бояр все большее количество людей, прежде свободных. Это не значит, что бояре захватывали

их силой или присваивали себе земли вместе с их свободным населением. Такие факты бывали, но скорее как исключение, тем более что вотчиннику рабочие руки были, пожалуй, нужнее увеличения земельной площади, а их он этим путем не приобретал: не желая попасть в зависимость от помещика, крестьяне с захваченных им земель могли перейти на свободные, в которых тогда еще не было недостатка.

Опасность заключалась в ином: среди свободных крестьян тогда, как и во все времена, бывало немало таких, которые в силу различных причин и обстоятельств не преуспевали в собственном хозяйстве и попадали в затруднительное положение. Бояре, в погоне за нужной им рабочей силой, охотно ссужали таких людей деньгами и всем необходимым, с тем чтобы долг был после отработан. Польстившись на боярскую помощь, эти неудачники попадали таким образом в кабалу, образовав новый слой зависимых людей, так называемых кабальных смердов. Боярство широко пользовалось таким способом закрепощения свободных крестьян, расшатывая этим не только общину, но и сами устои государства.

Василий надеялся положить этому предел, с одной стороны всячески препятствуя дальнейшему расширению боярских вотчин, а с другой — оказывая от государства самую широкую помощь нуждающимся крестьянам.

Для более близкого ознакомления с крестьянскими нуждами он решил предпринять несколько поездок в глубь своего княжества, и в частности присмотреться к жизни тех общин, которые непосредственно граничили с боярскими владениями.

Обдумав, откуда начинать, Василий послал за Лаврушкой.

— Ты давно в своем селе не был? — спросил он, когда парень явился на зов.

— На минувшей седмице туды ездил, — ответил Лаврушка.

— Небось и в Бугры заглядывал к своей Насте?

— То истина, княже: и в Бугры я наведалься.

— Ну, как? Настины родители теперь отдают ее за тебя?

— Еще бы не отдали! — самодовольно ответил Лаврушка, превратившийся уже в ладного и подтянутого воина. — Вот как закончу на посадe рубить избу, так

и свадьбу справим. У нас уже все обговорено с Настей.

— Что же, давай вам Бог. А от меня будет вам к свадьбе подарок: конь да корова.

— Премного благодарны тебе, пресветлый князь! Без тебя николи не бывать бы нашему счастью.

— Ладно, оставим это. А сейчас ты мне вот что скажи: отстроилось уже ваше Клинково после того пожара?

— Давно отстроилось, княже. Сейчас куды лучше прежнего показывается.

— Ваша община, кажись, с вотчиной боярина Шестака соседствует?

— Точно, княже. Наказал нас Господь таким соседством...

— Чем же вам боярин не люб?

— Больно уж сутяжен. У его, должно, утроба из семи овчин сшита: что ни увидит, так и норовит заглотнуть. Да и другое есть...

— Что ж другое?

— Любит он народ кабалить. Доведет человека до нужды и сам же после помощь предлагает. А у его лишь попользуйся чем,— после не вывернешься!

— Ну, добро, завтра поутру собирайся. Поедешь со мной, хочу я сам поглядеть, как Клинково ваше построилось.

ГЛАВА 12

К полудню следующего дня Василий, в сопровождении Лаврушки и еще нескольких дружинников, въезжал уже в село Клинково, новенькие избы которого были в беспорядке рассыпаны по пологому склону холма, спускавшегося к небольшой речке. На другом ее берегу поднималась стена векового леса, который широким полукругом охватывал земли общины. Клинково насчитывало восемь дворов, но к нему были приписаны еще две близлежащих деревни, одна в три, другая в четыре двора. В те времена более крупные крестьянские поселения считались редкостью.

Изба клинковского старосты Ефима Робкина, рубленая на невысокой подклети, где в зимнее время помещались телята и свиньи, стояла в глубине довольно большого двора, по одну сторону которого находился сарай, а по другую — конюшня. За избой, ближе к берегу реки, на участке, который летом служил

огородом, виднелась небольшая закопченная банька, а возле нее — огромная куча дров, заготовленных на зиму.

Когда Василий и его спутники въехали во двор, сюда уже сбегались со всего села люди, узнавшие высокого гостя. Староста, несмотря на мороз выскочивший из избы в одной рубахе, растерянно кланялся князю и от волнения не мог вымолвить ни слова.

— Ну, здравствуй, старик,— улыбаясь сказал Василий.— Чай узнал меня?

— Как мне тебя не узнать, батюшка князь! — воскликнул староста, обретая дар речи.— Кабы не доблесть твоя, да не помога, на эвтом месте ничего бы none не было, окромя пустого пожарища. Век того не забудем, как ты нас от брянцев отбил.

— Ну, то дело давнее. А ныне каковы у вас дела?

— Все слава Богу, твоя княжеская милость. Село, вишь, отстроили, урожай сняли добрый, чего ж нам ещe? Да ты зайди в избу погреться-то, не побрезгуй нами, батюшка!

В избе было темно и дымно, так что, войдя в нее, Василий сперва ничего не видел, кроме слабо мерцающего огня лучины. В то время труб в деревнях не делали, все избы были курными и дым из печи вытягивался в небольшое волоковое окошко, проделанное в стене и снабженное заслонкою. Значительная часть дыма оставалась при этом внутри, клубясь под потолком целыми облаками.

Освоившись немного с темнотой, Василий огляделся кругом. Внутри изба представляла собой одну общую горницу, аршин восемь в длину и шесть в ширину, с деревянным полом. Закопченные бревенчатые стены были проконопачены мхом и паклей, а небольшое световое окно — затянуто бычьим пузырем. Слева от печи стоял большой, грубой работы стол и пара таких же скамей, а вдоль всей стены тянулась полка с кухонной утварью. Справа шли широкие полаты, занимавшие добрую треть горницы. Они составляли как бы внутренний второй этаж, служащий спальней всему семейству. Под полатами Василий увидел какие-то кадки, мешки, связки кож и множество иной хозяйственной рухляди. Тут же висели веники и пучки сухих трав, составляющие домашнюю аптеку. Среди всего этого добра разгуливало, вдобавок, несколько кур.

Хозяйка, хлопотавшая у очага, и двое парней, си-

девших на лавке, при входе князя отвесили земные поклоны.

— Мои молодшие,— пояснил староста, кивнув в сторону парней,— старшие-то уже своими семьями живут. Ну, старуха, поднеси дорогому гостю меду!

— Погоди, хозяин,— сказал Василий.— Вашего меду я с охотой отведаю. Но ведь время обеденное, а вы, небось, гостей не ждали. Так вот, позвольте и мне вас кой-чем попотчевать. Да зови и других в избу, чтобы хоть по одному человеку от каждого двора было. Заодно и побеседуем.

Лаврушка принес торбу, из которой извлек объемистую сулею с водкой, копченого гуся, окорок и большой кусок жареного мяса. Пока он с помощью хозяйки резал и раскладывал еду на столе, изба наполнилась народом.

Крестьяне пили охотно, но есть при князе стеснялись и на вопросы отвечали односложно. Только лишь после второй-третьей чарочки робость их стала понемногу рассеиваться. Заметив это, Василий начал наводить разговор на интересующие его предметы.

— Сколько же у вас всего земли? — спросил он.

— Орáмой землицы у нас наберется чуть поболее тысячи двухсот четей*,— подумав, ответил староста.— Ну, кроме того, имеются, вестимо, луга и лес. Помаленьку его подсекаем и тоже запахиваем.

— А мужиков сколько в общине?

— С парнями и отроками у нас в Клинкове мужских душ двадцать восемь, в Гавриловке тринадцать да в Лесках девять.

— Стало быть, пахоты выходит вроде как по двадцать пять четей на душу?

— Ну, энто как сказать... Колись так было. А поне кто как преуспел; у одних больше стало, а у иных и вовсе меньше. Есть у нас, к примеру, безлошадные, так куды ж им по двадцать пять четей?

— Кто же у вас тут самый бедный?

— А вот Ксе́нев Илья,— указал староста на приземистого чернобородого мужика средних лет.

— Сколько же у тебя земли, Илья? — спросил у него Василий.

— Ноне только пять четей осталось, твоя княжеская милость,— ответил мужик.

* Четь или четверть — полдесятины, немного более полугектара.

— А остальная куда ушла?

— Да вишь, как оно получилось,— начал рассказывать Ксенов,— от родителя, значит, мы с братом Трофимом наследовали без малого сорок четей. Два коня тоже-ть было. Ну, стали вместех хозяйевать, не делясь. По-первах все ладно шло, а потом повернуло да и пошло как под откос... Один год был неурожай,— пришлось зимою смолотить сеянное жито. А весною что сеять станешь? Ну, ударили челом соседу, боярину Шестаку. Ссудил он нам зерна двадцать мешков. Посеяли, а на этот год град нам все повыбил,— отдавать зерно нечем и сеять, обратно, нечего. Вдругораз одолжил нам боярин зерна и денег трошки ссудил, но только за все это взял закладную на землю. Далее одного коня у нас волки съели, а на одном остатнем чего наработаешь? Э, да что тут долго рассказывать! Пошла вся наша земля боярину Шестаку, только вот пять четей нам и оставил, да и то сколько в ногах у его поваляться пришлось! Брат Трофим еще трошки помаялся, да и сам к нему в кабалу пошел, а я вот еще шебаршусь покедова, да тоже, видать, этим кончу...

— Вот оно как,— промолвил Василий.— Но только свободному человеку в кабалу идти, это уж последнее дело. Надобно тебе снова на ноги становиться, Илья! Подати ты как платишь, как и все другие?

— Не, мы, безлошадные, платим только четвертую часть супротив обычной раскладки.

— Ладно, от податей и от числа * тебя на пять лет ослобоняю вовсе. Пришлю тебе также коня. Староста, сколько у вас еще безлошадных?

— Окромья Ильи, есть еще один.

— И ему будет от меня конь. А запасные земли у вас есть?

— Чуток есть, твоя княжеская милость.

— Прирежь из них Ксенову четей семь, да и другим малоземельным, коли таковые имеются, тоже добавь, чтобы меньше двенадцати четей ни у кого не было. А как обзаведутся вторым конем, еще по восемь четей им дашь.

— Да ведь земля-то опчая,— возразил староста.— Я без согласия мира ее раздавать не волен.

— Твоя правда, мир уважать надо. Но ведь тут, почитай, все в сборе, вот и решайте сейчас. А я послу-

* Числом называлась дань, собираемая для татарского хана.

шаю, — есть ли средь вас такие, которые своему же брату помочь не схотят.

— Да чего тут решать? — загудели со всех сторон голоса. — Знамо дело, добавить им пашни! Без лошадей, вестимо, ента земля ни к чему им была, а ежели князь им коней дает, о чем толковать?

— Вот и ладно, — сказал Василий. — Стало быть, дело решено.

— Слов не найду благодарить тебя, батюшка князь! — со слезами на глазах сказал Ксеньев, кланяясь Василию в землю. — Ведь это я прямо как вдругораз родился!

— Может, есть у кого какие просьбы аль жалобы? — спросил Василий.

Последовало долгое молчание. Потом в дальнем углу народ начал перешептываться, и наконец оттуда вытолкнули вперед дюжего мужика с курчавой русой бородкой.

— Обижает нас прикащик боярина Шестака, Федька Никитин, — кланяясь Василию, сказал он. — Где только возможно, норовит нам поруху сделать, аспид!

— Что ж он такое делает?

— А чего удумает, то и делает. То, к примеру, боярским стадом наши поля потравит, а то нашу худобу к себе загонит и опосля откуп требует, вроде бы она боярский хлеб топтала. А летось, вот, пригнал на мой луг косарей и велел им все сено выкосить да свезти в боярскую усадьбу. Разогнался я косить, — ан там уже ни травинки нету!

— Ну, а ты что, смолчал?

— Пошел я до его, а он крик поднял. Ты что, говорит, сукин сын, видал, как я твое сено косил да возил? А коли не видал, помолчи, не то шкуру спущу! А чего там было видать, коли люди, что мой луг косили, сами мне о том сказывали!

— А боярину ты не жалился?

— Жалился и боярину. А он говорит: «Не может того быть, чтобы мой прикащик такое содеял. На чорта нам твое сено, коли у нас свое девать некуда? То, — говорит, — без сумления, кто-либо из вашей же общины украл. Только ты, — говорит, — не печалуйся, я тебе, коли хочешь, своего сена одолжу, опосля отработаешь».

— Во, во! — раздались голоса. — У его завсегда так! Что хошь предлагает, а вот поддайся, возьми, — только

и очухаешься, как пойдешь по миру али влетишь в ка-
балу!

— Это дело я разберу,— нахмурившись, сказал Василий,— и сено свое ты обратно получишь. Как звать тебя?

— Иваном звать, Купреевым, всесветлый князь.

— Ладно, что еще есть у вас?

— Железом бы нам трошки разжиться, батюшка князь,— сказал кто-то из толпы.— Пашем мы деревянной сохой-косулей, а земля у нас, сам ведаешь, из-под лесу: что ни колупни, то и корень! Было бы железо,— наковки можно бы поделать на сохи, а то и окованный подсошник пустить, для отвалу. И пахать бы можно поглубже, и работа бы спорее пошла.

— Это ты дело говоришь! Дам вам железа, да и кузнеца хорошего пришлю, коли потребуется. Ежели эта затея у вас себя оправдает, мы и в других местах то же заведем. Ну, что ж,— добавил Василий,— коли все сказали, на том беседу нашу закончим. Пособляйте один другому и до кабалы своих не допускайте. А в случае, кто станет вас обижать али беда какая приключится, доводите о том прямо мне, вот хотя бы через земляка вашего, Лаврушку. А пока бывайте здоровы...

Из Клинка Василий со своими людьми направился прямо в усадьбу боярина Шестака. Лицо его было хмуро; за всю дорогу он не проронил ни слова.

Въехав на боярский двор, загромаженный всевозможными службами, и не обращая внимания на заметавшуюся во все стороны боярскую челядь, он сурово спросил выбежавшего ему навстречу дворецкого:

— Боярин дома?

— В Карачеве он, твоя княжеская милость,— кланяясь в землю, ответил дворецкий.

— Позвать сюда прикащика Никитина!

Струсивший дворецкий бегом кинулся исполнять приказание. Через несколько минут перед князем предстал высокий чернобородый детина с красной рожей и заплывшими медвежьими глазками. Он старался держаться с достоинством, но это ему плохо удавалось.

— Ты прикащик? — спросил Василий, не отвечая на его поклон.

— Я самый и есть. Чего изволишь, твоя княжеская милость?

— Это ты летось приказал у клинковского смерда

Ивана Купреева выкосить луг и свезти сено в боярскую усадьбу?

— Врет он, батюшка князь! Не верь ему, анафеме! Пропил он, должно, свое сено, а теперь...

— Ты врешь, разбойник, а не он! — загремел Василий, напирая на побледневшего прикащика конем.— Сказывай, пошто ты такую татьбу учинил?

— Воля твоя, княже, а только не ведаю я ничего о том сене,— смиренно произнес Никита.— За ништо меня ласшь.

— Ладно,— сдерживая бешенство, промолвил Василий,— созвать сюда всех ваших косарей! Я их сей же час сам допрошу, и, ежели хоть один покажет, что ты посылал его косить у Купреева, через пять минут после того будешь висеть на воротах. А ну, малый! — обратился он к одному из боярских холопов, с любопытством наблюдавших за происходящим,— живо зови сюда косарей, да по пути прихвати и добрую веревку!

Малый повиновался со всей быстротой, на какую был способен, а сразу обмякшего прикащика начала потряхивать мелкая дрожь.

— погоди, пресветлый князь,— запинаясь вымолвил он,— теперь вроде припоминаю я, что был такой грех... Смилуйся, батюшка, спьяна меня нечистый попутал! — завопил он, падая на колени.

— Вишь, как слова мои о веревке тебе сразу память прочистили! — зло усмехнулся Василий.— Ты о ней почаще вспоминай. Коли хоть одна еще жалоба на тебя будет, не помилую. На первый раз отсчитайте ему пятьдесят плетей,— обратился он к дружинникам, которые, к великому удовольствию боярской челяди, не мешкая принялись за дело.— А все то сено чтобы сегодня до ночи было свезено на двор к Купрееву и складено, где он укажет! Ты, Лаврушка, тут останься и пригляди за этим, а вы догоняйте, как управитесь,— сказал он воинам, поровшим прикащика, направляясь с остальными к воротам.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Князь Земли Карачевской

ГЛАВА 13

На высоком и крутом нагорьи, над стремниной реки Десны, тянутся к небу неприступные стены и башни брянского кремля, с трех сторон осыпанного ютящимися в зелени избами обширного посада.

Неповторимый по величавой красоте своей вид открывается отсюда на бескрайное море лесов, затопившее холмы и равнины, и на своенравную красавицу Десну, далеко внизу, средь обрывистых берегов, уносящую свои быстрые воды в зеленую даль.

Не многие русские города по древности своей могут соперничать с Брянском. В числе нескольких других укрепленных городков он был заложен в X веке, в период борьбы князя Владимира Святого с вятичами. От большинства этих городков вскоре не осталось ни следа, ни памяти. Но город Брынь, как он тогда назывался, уцелел и разросся, что обуславливалось его выгодным географическим положением: он стоял у слияния двух судоходных рек, Десны и Болвы, и имел прямое водное сообщение с Киевом. Сюда стекалась дань, вносимая в княжескую казну народом северо-восточной окраины Киевского государства; отсюда эта дань по Десне и Днепру сплавлялась в столицу. Вскоре по этой же водной дороге пошла бойкая торговля: из Брыни в Киев потекли меха и продукты лесного промысла; в обратном направлении шли городские товары, ткани, оружие и хлеб.

При татарском нашествии город этот, к тому времени переименованный в Дебрянск, пострадал меньше, чем другие крупные центры Черниговского княжества, и это обеспечило ему положение главного города края. Он имел все предпосылки к тому, чтобы развиваться и вырасти в одну из крупнейших русских столиц, но собственные князья оказались для него хуже татар: их беспрестанными войнами и усобицами вся брянская область была опустошена, а городская торговля парали-

зована. Вместо того чтобы расти и богатеть, Дебрянск, теперь уже чаще называемый Брянском, стал быстро приходить в упадок.

Князя на брянском столе сменялись часто и едва один из них добирался до власти, на него тотчас ополчался кто-нибудь из родичей. Наконец, кроме Глеба Святославича, в живых почти никого из них не осталось. Однако народу от этого не стало легче: прежде, в период усобиц, каждый, хотевший удержаться у власти князь в какой-то степени все же вынужден был считаться со своими подданными. Глеб Святославич, оставшись один, перестал с ними считаться совершенно. Как следствие этого, страна постепенно пришла к состоянию хронического, принявшего устойчивые формы мятежа, в медленном развитии которого силы князя таяли, а силы народа крепили и созревали для окончательного взрыва.

Князь со своей дружиной чувствовал себя в безопасности лишь за высокими городскими стенами, за которыми укрылись так же и те боярс, вотчины которых были пожжены и разграблены холопами. Вокруг стен простирался огромный посад, настроенный по отношению к городу явно враждебно и являвшийся главным очагом недовольства.

Это еще не было осадой, но с каждым днем становилось все более на нее похожим. Отдельные дружинники или небольшие их группы уже не рисковали отдаляться от стен, ибо на них сыпались угрозы, оскорбления и насмешки, а в случае ответа — камни и все, что попало под руку. Не раз бывало, что дружинников ловили и разоружали, а некоторые и сами перебежали к посадским. Но и верных защитников у князя еще оставалось немало. Временами из кремлевских ворот появлялся большой и хорошо вооруженный отряд, который разъезжал по посаду, наводя суд и расправу: избы особенно приметных мятежников грабили и жгли, а их самих в случае поимки вели на торговую площадь и тут рубили им головы или били плетью. Иногда сильный отряд дружинников отправлялся в глубь страны и через некоторое время возвращался в город с обозом продуктов, отнятых у сельских жителей. Оказавших неповиновение смердов тоже пригоняли с собой и развешивали на кремлевских стенах в паиздание прочим.

В одно морозное зимнее утро шагах в ста от запертых ворот кремля стояла небольшая группа посадских

людей, наблюдая, как на городской стене двое катов* готовились вешать очередную жертву: оборванного чернобородого мужика со скрученными за спиной руками. Тут же, возле виселицы, стояло несколько княжеских дружинников.

— Глянь, что делают, анафемы! — с негодованием произнес один из зрителей. — Нету дня, чтобы кого-либо не казнили. Эдак они скоро нас всех переведут!

— Веревки не хватит, — сквозь зубы процедил другой.

— Ну, пождите, аспиды! — крикнул третий. — Придет наш час, так вашими же кишками вас давить будем!

— Стой, братцы! Да это никак Прошку Бугаева вешают?

— Он самый и есть! Когда ж это схватили его князьки каты?

— Эй, Прошка! — закричал кто-то во весь голос. — Разом сигай со стены вниз! В снег упадешь — не убьешься, а тут мы тебя в обиду не дадим!

Но несчастный пленник явно не мог уже воспользоваться этим советом: один из палачей крепко держал его сзади за связанные руки, а другой надевал ему на шею петлю. Однако голос товарища он услышал и поднял голову.

— Прощевай, родимая земля! — крикнул он. — Воздайте за меня, братцы, мучителям моим!

В эту секунду каты дружно навалились на свободный конец веревки, и тело Прошки, судорожно подергиваясь, поднялось на аршин над стеной. Посадские снимали шапки и с минуту стояли молча. Смерть была в Брянске заурядным явлением, но все же каждый невольно подумал, что завтра на месте Прошки может оказаться он сам.

— Пошто погубили человека, лиходеи? — выходя из оцепенения, крикнул Прошкин приятель стоявшим на стене. — Али креста на вас нет?

— Князь велит — всех перевешаем! — отозвался со стены один из дружинников.

— Упырь он проклятый, а не князь! Подожди, сучий выкормыш, невдолге и сам задрыгаешь на веревке, рядом со своим князем!

Выпущенная из бойницы стрела свистнула над головой кричавшего. Толпа, не переставая выкрикивать

* Кат — палач.

угрозы и ругательства, подалась немного назад. Ворота кремля распахнулись и оттуда выехал конный отряд дружинников человек в семьдесят. Все они были в кольчугах и при полном вооружении. Впереди всех, в шлем-ерихонке и золоченом бахтерце *, надетом поверх малинового кафтана, гарцевал на караковом жеребце воевода Голофеев.

Практика уже давно научила посадских, что делать в случае подобных вылазок. Сейчас же все бросились в ближайший из оврагов, пересекавших посад, где конница достать их не могла. Оттуда по дну оврага и закоулкам выбрались на торговую площадь, служившую центром общественной жизни посада, где легко было затеряться в толпе, а в случае крайности — дать дружный отпор нападающим.

На площади в этот день было особеннолюдно и даже шел кое-какой торг, что теперь случалось редко. Открыли лавки мелкие купцы; гончары, шорники и древорезчики выложили свои немудреные товары; бабы с лотков и разостланных на снегу рогож торговали дотканым холстом, вяленой рыбой, сухими травами и всякой снедью. Ни мехов, ни чего-либо ценного не было видно: такие вещи продавались лишь с оглядкой, из-под полы, ибо в эти трудные времена спрос на них был невелик, зато княжьи люди норовили отобрать их, пользуясь всяким случаем.

Возле рыбного ряда однорукий верзила в лаптях и кожухе, по самые глаза заросший дремучей курчавой бородой, водил ученого медведя. В окружавшей их толпе то и дело раздавались взрывы смеха и одобрителные восклицания.

— А ну, Миша, покажь добрым людям, как боярин на нашей земле хозяйнуёт,— говорил вожатый, обращаясь к своему питомцу. Медведь, свирепо рыча, распластался на брюхе, подгребая под себя снег и все, до чего мог достать. Вытянув лапу, он зацепил когтями вязку рыбы, лежавшую на рогоже ближайшей торговли, и тоже поволок под себя. Баба всплеснула руками и заголосила.

— Не бойся, тетка! — под общий хохот успокоил ее верзила.— Мишка не всамделишный боярин; он твою

* Бахтерец — древний русский доспех, сделанный из соединенных между собой металлических пластин.

рыбу отдаст. Энто он только так, для показу. А совесть у него не боярская.

— Ай да ведмедь! — восторженно воскликнул один из зрителей, тощий и рябой мужик, одетый, несмотря на мороз, в легкий дырявый зипунишко.— Стало быть, и он с боярами вставался!

— Видать, не дюже близко,— сказал другой.— Шуба на ём все ж таки осталась. Не то, что на тебе!

— А зачем мне шуба? — бойко ответил рябой.— О нас князь радеет: шубы нет, так он нас плетью греет!

— Для тепла он уже по пятеро мужиков в один кафтан согнал!

— Бают люди, кто новой подати не внесет, тех станут в Орду продавать!

— Там таких, как ты, не купляют! Гляди, что от тебя осталось: борода да кости!

— Энто как сказать,—ответил обиженный.— Добавь еще трошки ума, а у тебя и того нету. Пошто ты такой дурак?

— Вода у нас такая в колодце. То от ее.

— Вона! А князь наш, случаем, не пил вашей водички?

Все снова засмеялись, и громче всех торговка, у которой Мишка уволок рыбу. Вынув из возвращенной ей вязки самую крупную рыбину, она сунула ее вожатому:

— Вам с боярином на хозяйство. А ну, может, он еще чего знает?

— Как не знать? — ответил однорукий. — Ен все знает. Покажи, Мишук, как князь Глеб Святославич народ свой жалует!

Медведь с ревом навалился на своего хозяина, согнул его пополам и принялся тузить лапами по спине. В толпе снова раздался хохот, но сразу же оборвался: в увлечении зрелищем никто вовремя не заметил, что на площадь въехал отряд дружинников и что воевода находится уже в нескольких шагах. Теперь все шархнулись в стороны.

— Ты, Федька, эти штуки брось,—сказал Голофеев, вплотную наезжая на вожатого.— Мне ведомо, чему твой медведь обучен. И коли не велю тебя бить плетью, то потому лишь, что был ты добрым воем и на княжей службе руку потерял. Однако гляди: не уймешься, так все сполна получишь!

— А я что? — нимало не испугавшись, ответил од-

норукий.— Мне тоже-ть жить чем-то надобно. Покуда князь меня кормил, я ему, как сам ты сказал, служил справно. А без руки я ему стал ненадобен: сунул в остатнюю руку гривну, да и ступай куды хошь! Теперь меня не князь, а ведмедь кормит!

Другому бы Голофеев таких вольных речей не спустил. Но он уважал воинскую доблесть и потому лишь ответил своему бывшему дружиннику:

— Кормись как можешь. Но коли не хочешь, что-бы я твоего кормильца убить велел, народ мне не баламуть.

— Нас не ведмедь, а твой князь взбаламутил,— крикнул из толпы рябой.— Вот его и вели убить!

— Это кто сказал? — обернулся Голофеев.— А ну, взять этого собачьего сына! — приказал он передним дружинникам.

— Сам ты собачий сын! — крикнул кто-то с другой стороны, явно желая отвлечь внимание от рябого и дать ему время затеряться в толпе.

— Схватить и этого! — распорядился воевода.

Несколько дружинников спешили и, расталкивая толпу, кинулись исполнять приказание. Один из них, обогнав товарищей, совсем было настиг рябого, но вдруг ему преградил дорогу саженного роста детина.

— Куды прешь? — спокойно спросил он.

— Уйди с дороги, не то худо будет! — крикнул дружинник. Но детина не двинулся с места.

— Не сверенчи,— сказал он, не повышая голоса,— не то сворочу тебе рыло, а воеводе скажу, что так и было.

Дружинник схватился за саблю, но в ту же секунду на него обрушился пудовый кулак, и он упал как подкошенный. Пока сюда проталкивались отставшие воины, ни рябого, ни его защитника уже и близко не было. Но другого крикуна успели схватить. Это был приземистый рыжий мужик с огромным багрово-сизым носом. Взглянув на него, Голофеев усмехнулся.

— Ну, повесить тебя я всегда успею,— сказал он.— С такой вывеской сыскать тебя немудрено. Всыпать ему, ради первой встречи, сотню плетей!

Четверо дружинников растянули рыжего на снегу и спустили ему штаны. Двое других стали по бокам и приготовились сечь.

— Эй, воевода! — крикнул кто-то из толпы.— Ты сго сечь не мог! То грех великий. Брянский мужик но-

не свят: при таком князе, как наш, ен всякую седмицу говееет!

Голофеев оставил этот возглас без внимания и подал знак своим людям. На носатого мужика посыпались хлесткие удары.

— Он не понимает! — крикнули с другой стороны. — Не так ты его величаешь. Рази ж он воевода?

— А кто же он? — отозвались из толпы.

— Бери выше!

— Как так — выше?

— Да так! На ем ноне аж два чина: собачий сын и дурачина!

По площади прокатился взрыв хохота.

— А ну, молчать, свиное племя! — накаляясь, крикнул Голофесв. — Еще такое слово услышу и велю вас саблями разогнуть!

В этот момент толпа почтительно расступилась и к месту порки, позванивая веригами, приблизился высокий костлявый старик с седой впрозелень бородой и длинными, спутанными в колтун волосами. Он был невероятно грязен и одет в жалкие лохмотья, едва прикрывавшие его худое тело. Но несмотря на лютый мороз, он, казалось, не испытывал холода. Это был юродивый Степа, почитаемый в Брянске за святого.

Юродство с древних времен было на Руси обычным и весьма почитаемым явлением. Приняв на себя подвиг отречения от всех жизненных благ и удобств, что в глазах народа придавало им ореол святости, и зачастую прикидываясь дурачками, юродивые широко пользовались своим положением в обличительных целях, не боясь говорить правду в глаза кому угодно. «Христовы угоднички» или «люди Господни», как их тогда называли, находились, по общему убеждению, под особым покровительством Божиим, а потому даже такие государи, как Иван Грозный и Борис Годунов, суеверно страшась небесной кары, а вместе с тем и народного гнева, терпеливо сносили их обличения.

— Пошто воеводу убиваете, слуги антихристовы? — грозно закричал старик воинам, поровшим посадского, и даже попытался вырвать у одного из них плеть.

— Окстись, Степа, — сказал последний. — Нешто мы воеводу секем? Это вор и взмутчик!

— Это он-то вор? — мотнул юродивый бородой в сторону лежащего на снегу мужика. — Это мученик свя-

той! Он на себя удары ваши примаает, а убиваете вы не его, а воеводу!

— Ну, кто там меня убивает, Степа? — досадливо промолвил Голофеев. — Нешто не видишь: вот он я, перед тобою. Жив и здоров на коне сижу!

— Вижу, Паша! Ан иное я тоже вижу: вот на эвтом же самом месте лежит в крови твое растерзанное тело. И дух от его смрадный, как от издохлого пса!

— Уйди от греха, Степа! Богом тебя прошу!

— А ты меня не гони, Пашка! Я тебе во как надобен: кто, как не я, помолится о грешной душе твоей, антихристу проданной?

— Что ты мелешь, безумный? Какому антихристу душа моя продана?

— Антихрист, как и Господь, один. Ныне Глебом Святославичем он прозывается! Князю тьмы служишь ты, Пашка, а не князю земному!

— Убрать отсюда этого дурака! — теряя терпение, крикнул своим дружинникам Голофеев. Но слова юродивого, в которых чувствовалась огромная сила убеждения, так подействовали на воинов, что они не решились выполнить приказание. В народе между тем начался сильный ропот.

— Только троньте Божьего человека, ироды! Живыми отседа не выпустим! — раздались крики. Это уже было не прежнее зубоскальство, а грозное предостережение, и Голофеев это понял. Но он не принадлежал к числу робких и отступить перед толпой не привык.

— Чего стоите? — крикнул он воинам. — Сказано вам гнать его взащей!

В тот же миг увесистый булыжник угодил ему в середину груди. Раздался звон доспеха и Голофеев покачнулся в седле. Град камней, поленьев и осколков льда посыпался на дружинников.

— Сабли вон! — крикнул Голофеев. — Разгоняй эту сволочь, а заводил вяжи!

Вся площадь мигом пришла в движение, как растревоженный муравейник. Вооружаясь, чем попало, посадские сдвигали вместе сани и переворачивали ларьки, чтобы укрыться от натиска конницы. Началась всеобщая свалка, в которой сперва трудно было что-либо разобрать. Однако через несколько минут стало очевидно, что верх берут дружинники. Под умелым руководством Голофеева они вскоре прижали своих противников к одному краю площади и кое-кого успели даже связать.

Но в тот момент, когда их победа казалась уже несомненной, из боковых улиц, в тылу у отряда, на площадь стремительно вырвались потоки новых людей.

Эти были вооружены уже гораздо основательней: в руках у них мелькали колья, вилы, охотничьи рогатины и, — что хуже всего для конницы, — косы. Впереди всех скакал на невысоком коньке человек лет пятидесяти, в шлеме и с саблей в руке. Его появление все посадские встретили восторженными криками. Это был сын боярский Дмитрий Шабанов, в прошлом заслуженный воин, а ныне открытый враг Глеба Святославича и любимец всего брянского народа.

Положение сторон резко изменилось: дружинники оказались зажатыми с двух сторон в середине площади, причем неприятель численно превосходил их, по крайней мере в десять раз. Самым благоразумным было бы, не принимая неравного боя, отойти по одной из боковых улиц к кремлю, но отчаянный Голофеев, надеявшийся к тому же на лучшее вооружение и на выучку своих людей, о том и не думал. Оставив два десятка всадников для обеспечения тыла, он повернул остальных лицом к новому противнику. Но посадские теперь тоже имели опытного начальника.

— Эй, не дури, Голофеев! — крикнул он, выезжая вперед. — Уводи своих, покада большая кровь не пролилась! Миром вас отпустим!

— Гляди, какой ты добрый! — усмехнулся Голофеев. — Только щалишь! Отсюда мы вместе уйдем: я на коне, а ты у меня на аркане!

— Эх, Павел Ильич! Славный ты воин, а идешь супротив своего народа!

— Эх, Дмитрий Романыч! Славный ты воин, а идешь супротив своего князя!

— Не хочет более народ этого князя!

— Коли не хочет, пусть пробует согнать! А мне этот князь в самый раз, вот я за него и стою! Вперед, ребята! — крикнул Голофеев. — Секи всех в крошево!

На площади вновь разгорелся жестокий бой. В воздухе мелькали сабли и колья, слышались звуки глухих ударов, топот ног и рев озверелых людей. Посадские пустили в дело косы, и лошади дружинников падали одна за другой, с подрезанными ногами. Невозмутимый великан, недавно защищавший рябого, оторвав от ближайшего забора длинную жердь, вломился в самую гущу конников, круша направо и налево. Красноносый

мужик, которому, благодаря вмешательству юродивого, вместо сотни плетей успели дать не больше десятка, примостившись подле груды гончарных изделий, с завидной меткостью швырял в княжких людей горшки, кувшины и миски. Гончар, сразу смекнувший, что в такой свалке его хрупкий товар все равно не уцелеет, сам подавал ему «снаряды».

Шабанов, почти не принимая непосредственного участия в сражении, умело руководил действиями посадских людей, появляясь на своем коньке всюду, где их натиск начинал ослабевать. Благодаря этому, перевес вскоре начал склоняться на их сторону.

Голофеев, сваливший уже не одного противника, заметив, какой урон производит в его рядах великан с жердью, начал пробиваться к нему. Улучив минуту, он уже замахнулся саблей, но в этот миг глиняный горшок, ловко пущенный красноносом, попал ему в голову и, разбившись о шлем, разлетелся в куски.

— Ото тебе за мою «вывеску», собачий воевода! — крикнул мужик.

Этот, незначительный сам по себе, случай имел, однако, для Голофеева скверные последствия: пока он поправлял шлем, от удара насунувшийся на глаза, один из посадских успел пропороть ему рогатиной ногу, у самого бедра. Воевода усидел в седле и, преодолевая жестокую боль, несколько минут еще отбивался саблей от нападающих противников. Но, чувствуя, что слабеет, и видя, что продолжать сопротивление бессмысленно, он приказал своим людям пробиваться в боковую улицу и отходить.

Напрягая последние силы и истекая кровью, он лично проследил, чтобы все раненые дружинники были подобраны, а потерявшие лошадей — пропущены вперед. И сам покинул площадь последним.

Шабанов приказал никого не преследовать.

ГЛАВА 14

Разнеся по домам раненых и подобрав убитых, которых оказалось всего семь человек, народ столпился вокруг боярского сына Шабанова.

— Ну, Дмитрий Романыч, а теперь чего делать станем? — спросил один из посадских. Видимо, он играл не последнюю роль в только что развернувшихся событиях, ибо голова его была обмотана грязной тряпицей, из-под которой еще сочилась кровь,

— Чего тут спрашивать! — крикнул другой. — Надобно подымать народ да идти на кремль! Али станем ждять, покуда нас всех изведут помалу?

— Тоже вякнул! А чаво ты с дрекольем исделаешь супротив эдаких стен да княжьих лучников?

— Может, чего и сделаем! Все лучше, нежели ожидать, покуда тебя схватят и вздернут!

— Коли до войны дойдет, не все вои встанут за князя. Есть немало таких, что на нашу сторону клонятся.

— Ну, как же! Видать, сегодня уже один на твою сторону склонился и тебе ухо стесал! Пожди теперя, покуда новое вырастет!

— В леса надобно уходить, вот что!

— Али ты сдурел? Зимою в лесах мы враз с голоду да с холоду повыздыхаем, а князь, как сидел в тепле да в сыте, так и будет сидеть!

— Эх, братцы, видать, нам только и осталось ходу, что из ворот да в воду!

Шабанов, дав людям накричаться, сделал знак, что хочет говорить. Крикунов начали толкать под бока, и вскоре на площади установилась относительная тишина.

— Мыслю я так, — негромко начал Шабанов, — поелику Глеб Святославич народу не люб, его все одно силою сгонять придется. Сам он по добру не уйдет. Однако тут кто-то правильно сказал: одним нам, посадским, идти с дрекольем против кремля и дружины — это, вестимо, не дело. И другую истину я тут слышал: войско не все пойдет за князем, ежели промеж нас учнется война. Коли мы разумно повернем дело, дабы не слыть ворами либо мятежниками, может, у князя и вовсе немного будет защитников. Есть на Руси обычай: во дни смуты вече народное должно молвить свое слово, и, что оно скажет, — тому и быть! Коли князь народу не люб, вече вольно ему от себя путь указать и призвать другого. Так не раз и не два на Руси бывало! И хотя под татарами мы сей обычай не часто вспоминаем, силу свою он и доныне не потерял. А посему совет мой будет таков: ни мало не медля, созвать народное вече, и пускай оно скажет свою волю!

— Истина! Золотые слова твои, Дмитрий Романыч! — закричали кругом. — Созвать ноне же вече! Что оно порешит, на том и станем все, как один человек!

— А где созывать-то его будем? — спросил кто-то.

— Как где? Да вот здесь и созовем!

— А ежели князь о том сведает да велит дружинникам взять нас в сабли? Тут много не навечуешь!

— Не посмеет, пес! Вече — энтó право народное.

— А что ему право? Плевать он хотел! Ежели бы он право наше уважал, нешто бы мы его гнали из Брянска?

После долгих пререканий было решено собирать вече на площади, но в колокол при этом не бить, чтобы в кремле не догадались, в чем дело. Кроме того, Шабанов посоветовал на всякий случай загородить все улицы, идущие со стороны кремля, и приходить на сход вооруженными кто чем может.

Пока бирючи* отправились в слободу и ближайшие села скликать народ, оставшиеся принялись за работу. Через три часа входы со всех улиц, кроме одной, были завалены бревнами, камнями, глыбами льда и снегом. Площадь очистили от всего лишнего и посредине соорудили из бочек и досок помост для старшин.

Народ между тем подваливал со всех сторон, и вскоре вся площадь оказалась заполненной. На помост взойшли земский и торговый старосты, Дмитрий Шабанов и еще несколько наиболее уважаемых лиц, имена которых выкрикивали из толпы. Посадский протопоп, отец Евтихий, долго отказывался от этой чести, не зная, как отнесется к тому владыка Исаакий, но в конце концов махнул рукой и тоже влез наверх.

Закричал бирюч, призывая всех к молчанию. Земский староста замахал шапкой и объявил вече открытым. Протопоп снял с себя наперсный крест, благословил старшин и толпу, после чего выступил вперед Шабанов и низко поклонился народу.

— Братья! — крикнул он. — Народ православный! Пошто мы сегодня собрались — всем вам ведомо. Времени у нас мало: всякий час могут сюда нагрянуть княжьи люди. Так давайте без лишних баек и споров решать судьбу земли нашей Брянской, и да осенит нас Господь своею премудростью!

По площади прокатился гул одобрительных голосов. Многие, скинув шапки, осеняли себя крестным знамением. Выждав, пока все снова затихло, Шабанов продолжал:

* Бирюч — глашатай.

— Каков есть князь наш Глеб Святославич и как печется он о народе своем, каждому ведомо. Так вот, пусть вече скажет, допрежь всего, свое слово: люб ему князь сей али не люб? И надобно ли ему из Брянщины путь указать?

— Не люб он нам! — раздались отовсюду крики. — Пропади он пропадом, антихрист проклятый! Наладить его отселя к нечистому духу! Не хотим такого князя!

— На энтот весь мир, как один человек, стоит! — крикнул, протискиваясь вперед, рябой мужичок, принимавший столь деятельное участие в утренних событиях. — Да ведь князь-то добром не уйдет! Как сгоним-то его, братцы?

— О том речь впереди, — ответил Шабанов, — а сперва надобно с одним делом покончить. Стало быть, Глеба Святославича мы не хотим. Но не зря говорится, что без князя земля вдова! Значит, перво-наперво надобно думать: кого звать к себе князем? И может статься, что тот новый князь сам пособит нам старого согнать!

— Истина!

— Где там истина! То наихужее, что может быть: заварят они тут кашу, а мы — хлебай! Один на другого татар призовет, а тот на его — литовцев либо смоленцев и вконец землю нашу разорят!

— Всем еще памятно, как тут брянские-то князья друг дружку чубасили!

— Самим надобно энтото согнать, а уж опосля нехай другой жалует!

— Самим сгонять, это тоже-ть не просто! Сколько крови-то нашей прольется!

— Надобно сперва свой выбор сделать, — сказал Шабанов, — а тогда уже и прикинем, может ли нам пособить тот новый князь али нет. Кого хотите к себе князем, православные?

— Да чего ж? Из брянских князей, окромя Глеба Святославича, почитай, один Дмитрий Александрович остался!

— Ну и нехай остается, бодай его козел! Не хотим мы его!

— Не хотим боле князей из энтото поганого роду!

— Из иных русских земель князя надобно звать! Брянскими мы уже во как сыты!

— Одного из московских княжичей можно призвать!

— Не хотим московских! Москве только покажь

сюды дорогу, — почухаться не успеешь, как она всю землю нашу под себя подомнет! Энтим пальца в рот не суй!

— Смоленского Василия!

— Бери его себе, а нам не надо! С ими, со смоленскими, войны не оберешься, а нам бы хоть чуток тихо пожить!

— Из смирных князей надобно выбирать и не драчливого роду!

— Так тогда, что ж? Смирнее карачевских нету! Энти николи сами не воюют; только обороняются, когда на них кто лезет!

— И добре обороняются! Всем, чай, памятно, как летось Василий Пантелеич Карачевский нашему воинству налатал!

— Его и звать! Лучшего князя не сыщем!

— Вот это князь! Погляди, как у его люди живут!

— Василия Пантелеича хотим к себе князем!

— Смоленского княжича хотим! — заорал кто-то из кучки торговых людей. — Смоленского Василия!

— Пойди ты к лешему, живоглот, со своим смоленским! Знаем, пошто ты за его кричишь!

— Корысть торговую выше блага земли родной ставишь, чортов толстосум!

— Карачевского Василия!!

Растолкав народ, к помосту пробился однорукий Федька, водивший медведя, и, подняв над головой свою культияпку, закричал на всю площадь:

— Братцы! Поглядите сюды! Вот энту руку мне Василий Пантелеич самолично отсек! Через его я калекой стал! А все же я здесь громче всех кричать буду: его хотим к себе на княжение! А руку он мне отсек, когда летось повел нас Голофеев карачевских смердов полонять, а Василий Пантелеич нас в лесу настиг. И рубанул он меня, спасая парнишку холопа, коего я мало не разможжил!

— И я там был! — закричал кто-то из толпы. — Весь отряд наш карачевцы тогда полонили и всех до единого Василий Пантелеич велел отпустить без откупа. Вот это князь!

— У такого и в ногах поваляться стоит того ради, чтобы принял нас под свою руку!

— Надось сказывал мне сват мой из карачевского села Клинкова, — крикнул рябой, — что приехал до них князь Василий Пантелеич и повелел всем, кто по-

беднее, земли прирезать, а безлошадным подарил коней. А прикащика боярского, что народ обижал, присудил плетью сечь!

— Это настоящий князь, а не такой, что у народа как чирей на спине сидит!

— Его давай на княжение! Василия Пантелеича! — закричали кругом. — Об иных и слышать не хотим!

Замахав шапкой, Шабанов не без труда восстановил на площади тишину.

— Воля народа ясна, — сказал он. — И лучшего выбора не могли мы сделать. Но помнить следует, что Василий Пантелеич в своей вотчине княжит и едва ли схочет ее покинуть...

— А кто велит ему свою вотчину покидать? — крикнул однорукий Федька. — Пушай в Брянском, и Карачевом володеет!

— То еще и лучше, — закричали со всех сторон. — Соседи мы! Коли воедино сведем два наши княжества, всем от того польза произойдет! Гляди, какая сила получится! Никто сюды с войной сунуться не схочет!

— И я также мыслю, — сказал Шабанов, — но надобно знать, что сам Василий Пантелеич на это скажет. Ведь Глеб-то Святославич еще в Брянске сидит и сила при нем немалая. Может статься, не схочет князь Василий свой народ в войну с ним втравливать.

— Сами своего змся наладим! Пушай только согласится Василий Пантелеич у нас княжить!

— Знамо дело! Коли даст он свое согласие, сразу учнем народ подымать. А может, он нам и оружия чуток подбросит!

— Добро, — промолвил Шабанов, — тогда больше и толковать не о чем. Надо засылать к нему послов наших и звать его на княжение.

— В сей же час посылать! Выкликай, народ, кого в послы?

— Шабанова, Дмитрия Романыча!

— Гостя * Фрола Зуева!

— Староста Бобров, Анисим Ильич, нехай сдет!

— Отца Евтихия!

— Не можно мне, чада мои, без благословения владыки в такое дело встrevать, — сказал протопоп, подходя к краю помоста, — а владыка Порфирий, сами ведаете, в отъезде. Мыслю я, что выбор ваш он одобрит

* Гость — крупный купец.

также, как и я одобряю; однако от лица церкви первое слово ему надлежит сказать, а не мне. Других выбирайте, братие, да не токмо от старшины, а и молодых людей не обходите: дело это всенародное!

— Истина! Гончара Фому давай!

— Ивашку Клеща!

— Федьку однорукого!

— Окстись ты! Куды я, такой красивый, да еще с ведмедем пойду? Других кричи!

— Андрюху Бохина!

— Матвея Никитина!

Вскоре состав посольства определился, и выборным было наказано отправиться в Карачев на следующий же день.

— Да чтоб с худыми вестями не ворочались! — напутствовали их. — Хоть землю у ног Василия Пантелеича лбами своими протрите, а чтоб его согласие было.

ГЛАВА 15

В середине декабря в Карачев приехал с небольшим отрядом воинов и слуг муж Елены Пантелеймоновны, княжич Василий Александрович Пронский. Сухощавый и подвижной блондин с гладко выбритым подбородком, он выглядел моложе своих тридцати двух лет, а по характеру был весельчак и балагур. С его приездом патриархальная тишина карачевского дворца сменилась шумным оживлением, которому, впрочем, не суждено было долго длиться: княжич приехал за женой и через несколько дней должен был выехать вместе с нею обратно в Пронск.

За первым же ужином, к которому, по случаю приезда такого гостя, были званы также карачевские бояре и кое-кто из дворян, Василий Пантелеймонович, опечаленный предстоящей разлукой с сестрой, постарался отсрочить ее отъезд.

— Куда тебе спешить? — говорил он княжичу. — Делов у тебя важных в Пронске нету, ну и погости здесь подолее! А то потянешь Елену в эдакую даль по самым лютым морозам.

— И рад бы я, братец, да нельзя: родитель мой — человек строгий и не только княжество, а и нас, сынов своих, держит в страхе Божьем. Коли наказал он мне к Рождеству Христову быть назад в Пронск, стало быть, надобно ехать. А мороз русскому человеку не страшен.

— Окромя мороза, вам и Рязань угрожает. Лучше бы Елене здесь переждать, поколе минет у вас опасность войны.

— Э-э, тезка! Та опасность, кажись, николи не минет, — так что же, нам с женою до старости порознь жить?

— А как у вас ныне с Рязанью?

— Живем, как братья родные... как Каин да Авель, — усмехнулся княжич. — Рязанский князь Коротопол никак того забыть не может, что Пронск прежде рязанским уделом был. Спит и во сне видит, как бы это снова на него лапу наложить. В минувшем году уже собрал он против нас большую рать, да не вышло: припугнул его князь Московский, Иван Данилович. Мы же, пока суд да дело, времени терять не стали и Пронск, который и прежде был зело крепок, еще гораздо укрепили. Потому Елене и можно туда смело ворочаться: зубы на нас Коротопол по-прежнему вострит, только ежели теперь сунется, — беспрременно их под нашими стенами оставит. Еще, гляди, как бы мы его самого из Рязани не выгнали!

— Не боишься, Аленушка, ехать к таким забиякам? — шутливо спросил Василий.

— Чего же, братец, бояться? Война и здесь может случиться.

— С кем она тут будет? Глеб Святославич воюет со своими подданными; ему не до нас. А иные соседи у нас смирные.

— А в уделах у тебя все спокойно? — спросил княжич.

— Все слава Богу, хотя и есть люди, коим весьма бы хотелось дядьев моих взбунтовать, — сказал Василий Пантелеймонович, покосившись на боярина Шестака. — Княжение свое не войнами крепить хочу, а миром и правдой, которая у меня будет одна для всех: и для больших, и для малых. К слову, боярин, — обратился он к Шестаку, — ведомо ли тебе, что наместник прикащику твоему, Федьке Никитину, приказал я дать пятьдесят плетей за разбой?

— То мне ведомо от моих людей, — ответил Шестак. — Только зря тебе его оговорили, княже, и напрасно ты тем наговорам веру дал. Коли не спешил бы ты рушить старые обычаи и предоставил то дело мне, я бы в том лучше разобрался,

— Разбирать там было нечего, поелику твой холоп сам повинную принес. А вот про какие порушенные мной обычаи ты говоришь, я что-то в толк не возьму.

— Говорю я про то, что на Руси спокон веку суд над холопом вершит его господин. А ты тот обычай порушил и сам моего холопа судил и казнил.

— Стало быть, князь, по-твоему, не может в своем государстве судить и казнить разбойника, ежели он чей-то холоп? Не слыхал я что-то о таком обычае!

— За своих холопов перед князем я ответчик, но я же им и судья, — не унимался Шестак.

— Сдается мне, князь Василий, что не разумеешь ты своего боярина, — вмешался в разговор княжич Пронский, — а дело тут ясное: в обиде он на тебя за то, что ты велел дать плетей его прикащику, а не ему самому, понеже он за холопов своих ответчик!

Шестак привскочил на лавке, но за столом раздался дружный взрыв хохота, и дело обернулось шуткой.

— Коли так, не серчай, боярин, — сквозь смех промолвил Василий. — Я тебя обидеть не хотел. То лишь по моему незнанию обычая вышло.

— Это все шутки, князь, — пробурчал Шестак, — а человека ты ни за что высечь велел.

— Повинную он принес при всей твоей челяди, — переставая смеяться, жестко ответил Василий, — а коли мыслишь ты все же, что вины на нем нет, стало быть, он на себя чужую вину принял. Я в то дело въедаться не стал, а ежели ты имеешь к тому охоту, дознайся от него правды, и я тогда истинному виновнику втрое велю насыпать!

— То не беда, что вздул ты Фому за Еремину вину, — засмеялся Пронский. — Чай, Фоме оно на пользу пойдет, а Ереме на острастку. Скажи-ка лучше, братец, где ты добыл такую важную турью голову, что вон там на стене висит? Что-то я в прошлый приезд ее не видел.

— Этого тура мы вдвоем с Никитой взяли в минувшем месяце, недалеко от Карачева. И тогда же вон того секача: видишь, голова над дверью?

— Видать, знатный был секачина. Но турьих рогов таких я отродясь не видывал!

Разговор за столом перешел на охотничьи воспоминания и более не возвращался к острым темам. Но когда гости разошлись и члены княжеской семьи остались одни, Василий Александрович, бывший человеком неглупым и очень наблюдательным, сказал шурина:

— Сдается мне, братец; что с боярами тебе будет немало мороки, ежели ты и впрямь общую правду для всего народа установить мыслишь. То им не на руку. Покуда ты с Шестаком беседовал, я другим на рожи поглядывал и вижу, не жалуют они тебя.

— То мне ведомо, — ответил Василий. — По их разумению, князь для того и поставлен, чтобы им в кашу масло лить. А поелику знают, что я того делать не стану, рады бы меня в ложке воды утопить. Только руки коротки.

— Все же ты опасайся их. Есть оружие, которым ни тебе, ни мне честь наша не позволяет воспользоваться, а им оно как раз по руке: имя ему подлость. Оно и в слабых руках сильно, и тем оружием бояре не одного князя свалили.

— Упустили они свой час, — усмехнулся Василий. — Измены али воровства какого ждал я от них, как вступал на княжение. И ведаю, затевали они что-то, да, видать, сорвалось у них. А теперь не скоро дождутся случая.

— Может, и так. Но все же на твоём месте я бы зорко за ними поглядывал. Берегись бед, пока их нет!

Несмотря на то что Василий уже привык к общей покорности и бдительность его значительно притупилась, слова зятя произвели на него некоторое впечатление. Придя к себе в опочивальню и сбросив кафтан, он глубоко задумался.

Ему было очевидно, что бояре, сами по себе, не представляют серьезной опасности ни для княжества, ни для него лично: он был достаточно силен, чтобы в случае надобности скрутить любого из них. Опасность может возникнуть лишь тогда, когда они найдут себе пособников более сильных, чем они сами.

На кого же они могут рассчитывать? На золотоордынского хана? Эту мысль Василий тотчас отбросил: в интересах хана было защищать спокойствие и порядок в подвластных ему русских землях и он, конечно, никогда не поддержит бунтовщиков, выступающих против своего законного князя, исправно платящего дань в Орду. Да они и сами к хану не посмеют сунуться.

Брянский князь едва ли пойдет на такое дело, а если бы даже и хотел, то не сможет: ему, дай Бог, самому на своем столе удержаться — не то что соседних князей спихивать. Нет, пожалуй, бояре могли рассчитывать только на его удельных князей. Но они сидят ти-

хо и его вступление на Карачевский стол приняли без возражений, как должное. Правда, крест они еще не целовали, но ведь он и сам пока не поднимал о том разговора. И стоит ли его поднимать? Пожалуй, нет надобности, — подумал Василий. — Поелику они во всем покорны, какая нужда обижать их лишним напоминанием о том, что они, старые люди, обязаны повиноваться воле своего племянника? Лучше привести их к крестоцелованию малость погодя, когда оба пообтерпятся и поймут, что он вовсе не ищет их унижения. Остановившись на этом, самом благоразумном, как ему казалось, решении, Василий успокоился и крепко заснул.

Через несколько дней Елена с мужем уехали из Карачева. Василий и Никита, провожавшие их до ближайшего ночлега, возвратились домой мрачные и подавленные, за всю дорогу едва обменявшись несколькими словами: каждый был поглощен своими невеселыми думами.

Никита любил Елену Пантелеймоновну с того самого дня, когда впервые ее увидел. Другой, менее скромный и бескорыстный человек, на его месте, вероятно, пытался бы добиться взаимности. Все-таки он был дворянином старинного рода, хорошо принятым при карачевском дворе, — брак его с Еленой, хотя и был бы неравным, все же находился в пределах возможного. Но Никита любовь свою к дочери крупного владетельного князя и своего государя считал безнадежной и едва ли не кощунственной. Глубоко затаив ее в душе, он за все эти годы ничем не выдал своих чувств ни Елене, ни кому-либо другому, если не считать того разговора при возвращении с охоты, который позволил догадаться о них Василию.

Когда княжна вышла замуж, Никита не очень убивался: сам он никаких надежд не питал и знал, что все это должно кончиться именно так. Но другие женщины его не привлекали; незаметно для себя он привык жить лишь памятью о Елене и последние месяцы, когда он мог говорить с ней и видеть ее каждый день, чувствовал себя почти счастливым. Теперь же, с ее отъездом, для него потускнели все краски мира.

Василий, проводив сестру, тоже остро почувствовал пустоту и одиночество своего холостяцкого существования. Правда, оставалась Аннушка, но ее жизнь протекала в стороне, видаться они могли лишь урывками, и Василия уже не удовлетворяли эти украденные у судьбы

минуты счастья. Он сознавал, что так жить ему больше не пристало и надо обзаводиться собственной семьей, но жалость к Аннушке все время заставляла его откладывать свое сватовство к княжне Ольге Муромской.

Чувство тоски и одиночества, охватившее Василия, обострялось вынужденным бездельем: после отъезда Елены целую неделю валил снег, затем ударили свирепые морозы. Жизнь в Карачеве замерла; все отсиживались по домам, и, если бы не густые столбы дыма, повсюду поднимавшиеся из печей, город казался бы мертвым нагромождением снежных холмов, наметенных на руины древнего поселения, сотни лет назад покинутого людьми.

Однажды, когда Василий, поглощенный своими невеселыми мыслями, сидел у пылающего камина, дворецкий ему доложил, что прибыли какие-то люди из Брянска и просят допустить их к князю.

— Кто такие? — вяло спросил Василий, не сразу переходя от своих дум к действительности.

— Шестеро их пришло, княже. Старшим у них сын боярский — Дмитрий Романов сын Шабанов, а с ним торговые люди Анисим Бобров да Фролка Зуев, да еще гончар и двое посадских, запомятовал я имена-то их.

«Это, видать, что-то необычайное», — подумал Василий, а вслух сказал:

— Ладно, води их в переднюю горницу, да с морозу поднеси им по доброй чарке, а я сейчас выйду.

Когда через несколько минут князь вошел в приемную палату, шестеро сидевших там посетителей поднялись со скамей и низко поклонились, касаясь руками пола.

— Будь здрав, князь-государь Василий Пантелеймонович, да хранит тебя Господь на долгие годы, — промолвил стоявший впереди всех пожилой мужчина с сильной проседью в бороде. По подбитому мехом кафтану военного покроя и висевшей на боку сабле Василий сразу понял, что это и есть боярский сын Шабанов. Двое из его спутников были в крытых сукном лисьих шубах, остальные в нагольных тулупах.

— Будьте здоровы и вы, добрые люди, — приветливо ответил Василий. — Сказывайте, с чем пожаловали?

— Чай, ведомо тебе, княже, какое лихолетье переживает ныне наша Брянская земля, — не сразу начал Шабанов. — Непрестанными усобицами князей наших народ разорен дочиста. Некому пахать, некому сеять: все

здоровые смерды, способные к работе, кто голову сложил, кто воротился домой увечным, а остальные в княжье войско поверстаны. По деревням только и остались бабы, детишки да старцы немощные, кои не выходят из нужды и голода. Не лучше и в городах. Ремесленные умельца не кормит, торговля замерла: брянцам покупать не на что, а со стороны — кому охота торговать с нами, коли в земле нашей нет ни закона, ни порядка? Князь же наш, Глеб Святославич, наиглавный в тех бедах виновник, заместо того, чтобы народ свой пожалеть, еще пуще его душит и выколачивает из людишек последнее...

— Погоди, — перебил Василий. — Все горести земли Брянской мне ведомы, и отколе идут они я тоже добре разумею. Но того, что хулишь ты здесь князя Глеба Святославича, мне слушать не пристало. Не я его вам на княжение ставил, не мне и судить его.

— Мы у тебя суда на Глеба Святославича не ищем, — ответил Шабанов. — Мы сами, весь люд брянский, его судили, и приговор наш единокупен: не хотим больше такого князя, ибо не защитник он своего народа, а первый ему лиходей и кат. Коли оставим его, он и вовсе всю землю нашу обезлюдит. Ты не мятежников зришь перед собой, княже, а выборных брянских людей, вечем народным посланных к тебе челом бить: избави нас от великой беды и смуты, прими над землею нашей княжение! — С этими словами Шабанов и его спутники повалились перед Василием на колени.

Василий, который, судя по первым словам Шабанова, полагал, что брянцы будут просить какой-нибудь помощи в борьбе против своего князя, был настолько изумлен этим неожиданным челобитьем, что в первый миг даже растерялся.

— Да как же так? — промолвил он. — Ведь я не свободен. У меня своя вотчина есть... Да вы встаньте с колен-то... Аль мыслите вы, что я землю отцов своих оставляю другому, а сам к вам пойду!

— Пошто ее другому оставлять? — сказал Шабанов, поднимаясь с колен. — Будешь княжить и там, и тут. Сольем два государства наших под твоею единой рукой! Каждой стороне от того будет выгода. Давно ли Брянск и Карачев частями единого княжества Черниговского были, наибольшего на Руси? Вот к тому и надобно обратно идти.

— Пошто меня-то призываете вы? Или мало вам на Руси других князей, более старших и славных, нежели я?

— А ну их, этих старших да славных! — махнул рукой Шабанов. — Мы как раз не славного, а обыкновенного да разумного князя хотим! Хватит с нас славных-то! Тебя к себе на княжение просим потому, что ты всем брянцам люб. Оно и не диво: всем ведомо, как в твоей вотчине люди живут. И дед твой, и отец были государи мудрые и смирные, о народе своем пеклись, войнами да усобицами его не разоряли, — знаем, что и ты такой. Не зря в Бряншине тебя всем прочим князьям в пример ставят. Пожалей, батюшка Василий Пантелеич, народ наш горемычный, уважь челобитье его!

— Уважь, батюшка князь! Всем миром тебя о том просим! — повторили и другие выборные, снова опускаясь на колени.

Василий, уже оправившийся от неожиданности, глубоко задумался. То, что предлагали ему эти люди, было не только разумно, но и отвечало его собственным представлениям о пользе раздробленной на уделы Руси. Перед ним открывалась возможность объединить под своей властью два сравнительно крупных княжества и тем положить во всем этом крае конец раздорам и усобицам, зачинщиками которых всегда являлись неугомонные брянские князья.

Он уже готов был дать свое согласие, но сейчас же ему пришло в голову другое соображение: Глеб Святославич со своей дружиной сидит еще в Брянске и добром оттуда, конечно, не уйдет. Значит, надо будет идти на него войной. Удобным для себя моментом легко могут воспользоваться оба Мстиславича, которые попытаются отделить Козельск и Звенигород, а то и захватить Карачев. Тогда, вместо умиротворения, весь край окажется залитым кровью и в глазах народа единственным виновником этого будет он, Василий, погнавшийся за чужой вотчиной. Нет, прав был отец, — в таких делах надобно учитывать все и нельзя поддаваться первому чувству, сколь бы оно ни казалось благонамеренно.

— Брянский народ я благодарю за высокую честь и в челобитной ему не отказываю, — медленно сказал Василий после продолжительного раздумья, — но и принять ее не могу, доколе князь Глеб Святославич будет находиться в Брянской земле. Коли есть еще люди, которые за него стоят, стало быть, не все у вас хотят меня.

князем. Значит, неминуема война, — прольется много крови и моих, и ваших людей. Я же ищу мира и не хочу, чтобы мои подданные помыслили, что ради возвеличения своего повел я их на убой. А посему вот вам мой сказ: силою выгонять Глеба Святославича из Брянска я не стану, а коли вы сами ему от себя путь укажете, тогда приду и буду у вас княжить. И земли наши воедино соединим.

— Того мы от тебя и ожидали, — также подумав, ответил Шабанов. — Вестимо, ежели дал бы ты нам в помощь своих воев, либо пособил оружием, все это дело куда скорее бы завершилось. Однако перечить тебе не станем и волю твою уважаем. Коли ты своих людей бережешь, стало быть, и нас беречь будешь, когда сядешь у нас князем. А что сядешь, в том у нас сомнения теперь нет, ибо Глеба Святославича мы, с помощью Божьей, и сами сгоним! У людишек наших силы вдвое прибудет, как узнают они, что дал ты согласие свое. Ну, а пока прощай, княже, и спаси тебя Христос за то, что не отвернулся от нас и уважил мольбу страждущей земли нашей!

— Недостойн был бы я любви вашей, коли отпустил бы вас от себя голодными в такой холод, — усмехнулся Василий. — Прошу в трапезную! Закусим и побеседуем за чарочкой об иных делах.

ГЛАВА 16

Томительно долго тянулся студеный январь. Плотнo укpывшись горностаевой шубой снегов, земля спала глубоким сном. Ледяные цепи зимы крепко сковали природу. Под тяжестью искрящихся снежных пластов, в насыщенном холодном воздухе неподвижно стыли темные лапы елей. Даже звери попрятались по укромным убежищам и норам, а о человеке и говорить нечего: коли не было в том крайней нужды, он старался не покидать своего жилища и жался поближе к очагу, в котором ни днем, ни ночью не погасал огонь.

В деревнях и селах, по очереди собираясь в каждой избе, бабы чесали кудель, пряли нитки и ткали, негромко напевая. А когда надоедало петь, пугали друг друга страшными рассказами об упырях и оборотнях, об озорных проделках лешего, о русалках и другой нечисти. Или слушали длинную, как зимняя ночь, сказку о непобедимых богатырях и прекрасных царевнах,

которую заводила какая-нибудь бывалая старуха. Мужчины, делая вид, будто их мало интересуют все эти бабьи рассказы, тут неторопливо правили свои зимние дела: чинили сбрую, катали валенки или сучили лески и пленки из конского волоса.

Однообразно тянулось время и в княжеских хоромах. Со дня отъезда сестры Василий лишь два-три раза навестил Аннушку да однажды ходил с Никитой в лес брать из берлоги медведя. Все же остальное время коротал преимущественно в своей трапезной, в обществе Никиты, Алтухова и других ближних дворян. От скуки пили и ели гораздо больше обычного, вспоминая прошлое Русской земли, обсуждая ее настоящее и делясь мыслями о будущем. Вокруг было тихо и все, казалось, предвещало Карачевской земле мир и спокойствие.

В первых числах февраля в Карачев неожиданно приехал князь Андрей Мстиславич Звенигородский. Василий, несколько удивленный его появлением, насторожился, но тем не менее принял дядю с подобающим радушием.

— Ну, вот и я, братанич дорогой, — ласково говорил князь Андрей, тоскратно целуясь с Василием. — Не обессудь, что я тебя по старой привычке так называю. Ведаю, ныне ты над нами великий князь и надлежит мне чтить тебя в отцово место, — с добродушным смешком добавил он.

— Полно, Андрей Мстиславич. Княжеские дела — одно, а семейственные — иное. И нету к тому причин, чтобы менять наши родственные обычаи.

— Рад это слышать от тебя, Василий Пантслеич! Сам ведаешь: как сына тебя люблю и лучше иных разумею, что большого княжения из нас всех ты наиболее достоин! От сердца тебя поздравляю и первый перед тобою голову клоню, — с этими словами Андрей Мстиславич и в самом деле низко поклонился племяннику.

— Что ты, дядя Андрей! — обнимая его, воскликнул Василий, невольно поддаваясь обаянию этих льстивых слов. — Не по службе приехал ты, а как дорогой гость и как равный!

— Не только гостевать я приехал, а наипаче долг свой пред тобою исполнить. И поверь слову, Василий Пантелеич, доселе не мог я этого сделать: изрядно позадержался у тестя в Литве, а как добрался до дому, гляжу — делов накопилась целая прорва. Только вот сейчас и удалось вырваться.

— Не разумею я, о чем говоришь ты, Андрей Мстиславич?

— Крест тебе целовать я приехал.

— Ну, какой в том спех? Я тебе и так верю.

— Нет, не говори, Василий Пантелеич! Это надобно оделать немедля. Беспременно сыщутся злые языки, которые станут тебе на меня всякое нашептывать. Так вот, я и хочу, чтобы промеж нас все ясно и чисто было, и ты бы сам мое к тебе усердие видел!

— Воля твоя, но знай: я тебя к тому не понуждаю.

— Знаю, родной. Но сам я хочу исполнить то, что мне моя совесть велит. Ты предвари отца протопопа, чтобы готов был, а то мне сегодня же в обрат ехать надобно: княгиню свою оставил вовсе хворой.

— Ну, по крайности, сперва хоть потрапезуем похристиански!

— От этого отказываться, вестимо, не стану. Только допрежь всего хочу я сходить во храм Михаила архангела, поклониться праху возлюбленного братца Пантелеймона Мстиславича, родителя твоего. Как горевал я, получивши весть о его кончине! Веришь: цельную ночь плакал, как махонький! Ехать на похороны было уже поздно, но я в тот же час отписал Покровскому монастырю восемьсот четей земли и две деревни на вечное поминовение его праведной души...

Пока Андрей Мстиславич совершал свое паломничество, Василий, не переставая удивляться усердию дяди, послал звать к обеду отца Аверкия и бояр.

Трапеза затянулась надолго. Звенигородский князь был в ударе и обстоятельно рассказывал обо всем, что видел и слышал в Литве, а боярин Шестак задавал ему бесконечные вопросы, выпытывая все новые подробности. Наконец, когда начало смеркаться, князь Андрей спохватился, что ему скоро надо ехать, и поднялся из-за стола.

— Что же, Василий Пантелеич, — сказал он, — исполним главное, коли ты готов. Так уже буду я спокоен, что даже в мыслях не попрекнешь ты меня гордыней либо каким тайным умыслом. А ты, боярин, — обратился он к Шестаку, — сделай милость — прикажи моим людям, чтобы зараз коней готовили.

Шестак ушел и долго не возвращался. Остальные тем временем последовали за Василием в крестовую палату. Войдя туда, Андрей Мстиславич приблизился к алтарю, преклонил колени и истово помолился. Затем

поднялся, оглянул иконостас и промолвил, обращаясь к Василию:

— Что-то не вижу я здесь образа Архангела, коим великий дед мой покойного родителя благословил.

— Тот образ в моей опочивальне, в божницу вделан, — ответил Василий.

— Воля твоя, Василий Пантелеич, а хотел бы я крестоцелование свое свершить пред ликом семейной святыни нашей. Не можно ли его сюда принести?

Василию была хорошо известна необычайная набожность звенигородского князя, а потому желание это показалось ему вполне естественным. И он ответил:

— Сюда принести трудно: всю божницу и с лампадами придется подымать. А ежели хочешь, пойдем отсюда в опочивальню и там отец Аверкий тебя ко кресту приведет.

— Добро, пойдем! Спаси тебя Господь, братанич, за то, что просьбу мою уважил, — сказал Андрей Мстиславич. Протопоп взял с аналая массивный золотой крест, и все отправились в княжескую опочивальню.

Подойдя к божнице, освещенной ровным светом лампад, князь Андрей стал на колени и распростерся ниц перед образом архангела Михаила. Все остальные тоже преклонили колени. Свершив краткую молитву, отец Аверкий благословил присутствующих крестом, и все поднялись на ноги; только Андрей Мстиславич еще некоторое время продолжал класть поклоны, шевеля губами и истово крестясь. Наконец, он тоже встал и промолвил:

— Счастлив ты, Василий Пантелеич! Счастлив, что в доме твоём находится эта великая святыня нашего славного рода. Пресвятой Архангел, воевода небесного воинства, почует здесь, и с таким хранителем не страшны тебе все земные вороги!.. А в этом ларце, что стоит под образом, должно быть, хранится духовная государя Мстислава Михайловича, покойного батюшки моего?

— Да, она, — ответил Василий, подходя к ларцу и опуская руку на его крышку. — Может, желаешь прочесть ее перед крестоцелованием, дабы не иметь сомнения в том, что все свершается согласно воле первого князя земли нашей?

— Что ты, Василий Пантелеич! Какие могут быть у меня сомнения? Я ту духовную добре знаю и еще раз

читать ее нет мне никакой надобности. Да и время мое на исходе. Давай приступим, отец Аверкий!

Священник с крестом в руке подошел вплотную к божнице и стал рядом с Василием. Андрей Мстиславич, устремив глаза на лик Архангела, поднял правую руку и отчетливо, без заминки, словно делал это уже не раз, произнес:

— Яз, недостойный раб Божий Адриан, а во святом крещении Андрей, князь звенигородский, перед сими святынями клянусь: братанича моего, Василия Пантелеймоновича, старшим в роду почитать и из воли его не выходить, поколе он большим князем земли Карачевской будет. В том призываю Господа и святой крест Его целую!

С последним словом он шагнул вперед и приложился губами ко кресту, протянутому ему отцом Аверкием. Затем низко поклонился племяннику, который обнял его и троекратно поцеловал.

Василия немного удивили слова произнесенной клятвы и на мгновение ему показалось, что звенигородский князь оставляет себе какую-то лазейку. Но эта мысль сейчас же рассеялась.

«Поелику большим князем земли Карачевской я остаюсь до смерти своей либо пока сам не покину княжения, — подумал он, — дядюшка сказал правильно. А что он многоглаголен и цветистую речь любит, то давно всем ведомо».

— Ну, вот, — промолвил князь Андрей, — теперь я перед тобою и перед совестью своей чист. Что же до брата моего, Тита Мстиславича, — чай, ты сам ведаешь, что он чуток с норовом... Ты не помысли, будто я про него худое хочу сказать, — спохватился он, — только мнится мне, что сам он сюда для крестоцелования не явится, как я сделал. А ежели ты его спесь уважишь и однажды самолично к нему в Козельск наведаешься, он тому будет рад и там же тебе крест поцелует.

— Я с этим не спешу, — ответил Василий, — а совет твой мне люб. Дядя Тит Мстиславич годами всех нас старше и чести моей не убудет, ежели я его старость уважу. Как только время выберу, первым поеду к нему в Козельск. Только мнится мне, что лучше повременить с этим до лета, дабы не помыслил он, будто мне не терпится его крестоцелование принять.

— Истина, родной, истина! Мудр ты не по летам, и с таким князем процветет и возвыится земля наша!

Во время этого разговора некоторые из бояр уже вышли из опочивальни в переднюю горницу. Однако, находившийся в их числе Шестак вскоре торопливо вошел обратно и крикнул испуганным голосом:

— Никак горим, княже!

— Как горим? Где ты увидел?

— Что-сь во дворе полыхает. Сквозь окна передней горницы большой огонь виден!

Все поспешно бросились из опочивальни. Один лишь Андрей Мстиславич замешкался в ней немного, прикладываясь к образу архангела Михаила. Но через минуту и он присоединился к остальным, так что небольшой задержки его никто в сумятице не заметил.

Слова Шестакова всех взволновали не на шутку, ибо в те времена, когда все строилось из сухого дерева, а борьба с огнем велась лишь с помощью ведер и топов, пожары являлись страшным и частым бедствием, уничтожавшим целые города.

К счастью оказалось, что во дворе горел сенной сарай, стоявший несколько особняком от других построек. Сена в нем тоже было не много. Сбежавшиеся люди под личным руководством Василия закидали огонь снегом, и вскоре пожар был потушен. От чего он произошел, осталось невыясненным.

— Дивное дело, — говорили люди. — Отколь там огонь мог взяться? Ведь и близко никого не было!

— Не иначе, как издаля, из какой-либо печи искру переметнуло!

— Должно так. Но вот диковина: сарай был весь снегом занесен, да к тому и ветра нет!

— Может, домовой? Либо кикимора осерчала?

Посудачив, все разошлись, и на том дело кончилось, ибо злого умысла тут подозревать было нельзя: кто стал бы поджигать почти пустой сарай, стоящий в стороне от других строений?

Едва покончили с пожаром, князь Андрей, повозка и люди которого были уже готовы, заторопился с отъездом.

— Куда ты поедешь на ночь глядя? — удерживал его Василий. — Волки теперь большими стаями ходят. Оставайся ночевать, а завтра поутру тронешься.

— Благодарствую, Василий Пантелеич. И рад бы остаться, но не могу: обещал своим, что назад буду без промедленья, да и самого меня нездоровье жены тре-

вожит. А волки нам не страшны: ночь будет лунная и со мною человек двадцать слуг.

И сердечно распрощавшись с Василием, он уехал.

ГЛАВА 17

Вечером того самого дня, когда в карачевском дворце происходили только что описанные события, в новенькой пятистенной избе Лаврушки, стоявшей на самом краю посада, было тепло илюдно. Вокруг большого, не успевшего еще потемнеть стола, неторопливо беседуя, сидело за трапезой несколько человек. Молодая хозяйка Настя, с лицом, раздумявшимся от жара, ловко орудовала у печки, время от времени подкладывая в стоявшие на столе миски всякой снеди.

Не прошло и месяца с того дня, как молодые справили свою свадьбу, и Насте тут все еще казалось необычным: и просторная изба, выглядевшая хоромами по сравнению с ее прежним деревенским жильем, и новая добротная утварь, и обилие соседей, а главное — то уважение, с которым они относились к ее мужу, еще недавно безродному деревенскому пареньку. Новая жизнь казалась Насте почти сказкой, а потому хозяйничала она с охотой и усердием. Все спорилось в ее умелых руках, все вокруг блистало чистотой и порядком.

Сегодня был «прощеный день» — конец масленицы, и перед вступлением в великий пост люди предавались веселью и чревоугодию. После катания с гор, кулачных боев и других уличных потех Лаврушка позвал к себе на блины двух неженатых приятелей-дружинников, а Настя пригласила соседку, с которой успела особенно подружиться: молодую еще вдову Фросю с десятилетним сынишкой Сеней. Под вечер неожиданно пришли еще двое. Это были односельчане Насти: дед Силантий и молодой веселый мужик Захар Дубикин, присланные своей общиной с челобитной к князю.

Сейчас вся эта братия сидела за столом, хорошо освещенным горящею с двух сторон лучиной, и, справившись с огромной миской наваристых щей, приканчивала уже не первую стопку промасленных блинов, которые хозяйка то и дело подкладывала на плоскую деревянную тарелку.

— Эх потрафило тебе, Лавруха, — говорил Захар Дубикин, запивая очередной блин глотком браги. —

Живешь ноне, что твой боярин! Ведь год назад и сам ты о таком помыслить не мог!

— Истина, Захар! Кабы не князь наш, дай ему Бог сто лет жизни, не видать бы мне ничего этого. Так по сиротству своему и остался бы на деревне последним человеком.

— В народе бают, что Василий Пантелеич дюже правильный князь. Сказывают, для его все едино, что боярин, что смерд.

— То так и есть, — подтвердил один из дружинников.

— Вот же, вот! — сказал дед Силантий. — Потому и порешили мы прямо ему бить челом с нашим делом.

— А какое у вас дело? — полюбопытствовал второй дружинник.

— Да вишь, имеется там у нас один луг спорный. Спорности-то в ем, положим, никакой нету; энтот луг завсегда нашей общине принадлежал. Да только от деревни он далеко, и мы его годов пять али шесть не косили, — сена нам покедова и с ближних лугов хватает. Ну, а теперя почал его выкашивать боярин Опухтин, — его вотчина с нашими землями смежается. Вот, значит, и опасаемся мы, как бы тот луг боярин у нас и вовсе не оттяпал.

— А что думаешь! У бояр это скоро.

— Вот же, вот! Летось мы боярскому прикащику сказывали: коли боярину сена не хватает, пушай покедова косит. Только луг наш. А прикащик в ответ: «То еще бабушка надвое сказала, ваш аль не ваш! У вас, баит, на энтот луг грамоты нету, стало быть, луг боярский, а не ваш». Грамоты у нас и точно нету, но нету ее покеда и у боярина. Ну, значит, как стало всем ведомо, что новый князь человек правильный, мир и порешил ударить ему челом, чтобы дело это по закону урядить.

— Не сумлевайся, дед, — сказал Лаврушка. — Князь вас в обиду не даст. Он бояр не дюже жалует. А вот ты поведай лучше, как сегодня над вами леший надсмехался!

— Да что тут сказывать? Одно слово — удружил, проклятый! Как есть сбил с пути и в таком месте к тому ж, которое я не хуже своего двора знаю!

— Часа три по лесу блукали, — подтвердил Захар, — уже не чаяли и на дорогу выбраться, да спаси-

бо дед Силантий тоже не лыком шит: знал, как лешему нос утереть!

— Расскажи, дедушка, все, как оно было, — попросила Настя, подкладывая на стол блинов. — Да и блинчики кушай!

— Благодарствую, хозяйюшка. Кажись, уже сыт по горло.

— Ништо, дед Силантий, — сказал Лаврушка. — Блин не клин, брюха не расколется! Ешь да рассказывай!

Силантий не заставил себя долго упрашивать. Он взял с тарелки румяный и лоснящийся блин, свернул его в трубку, обмакнул в миску со сметаной и неторопливо съел, оставив лишь самый краешек, который швырнул под печку. Затем допил брагу и туда же выплеснул из чарки последние капли. Он был человек бывалый и обычный вежливости соблюдал строго: сидя в гостях, не забывал почтить домового.

— Стало быть, так, — начал он свой расказ. — Выехали мы с Захаром с самого ранья и к полудню нам уже недалече до Байкова оставалось. Но только мы из лесу к деревне начали сворачивать, глядим — у самой дороги на пне мужик сидит. Мужик как мужик, не дуже старый, борода кучерявая, седоватая. На нем тулуп, а сбоку котомка. Сидит, значит, и прямо на нас глядит. Захар и крикни ему: «Здорово, земляк! Пошто тут на морозе сидишь? Гляди, порты ко пню примерзнут!»

А мужик хоть бы что, только пуще на нас вылупился. Начал я смекать, что дело нечисто, и говорю тихонько Захару: «Брось ты его чипать, а стебани-ка лучше коня, чтобы он нас поживее отседа унес!»

Тут и Захар уразумел, что энто за мужичек, и давай коня кнутом полосовать! Покатили шибко и назад не оглядаемся. Только не проехали и полпоприща, посклизнулся наш конь и захромал на всю! Видим: нипочем до Карачева не дойдет. Делать нечего, оставили его вместе с санями у Захарова кума в Байкове, а сами пешки пошли. Оттель до города поприщ десять, а прямиком по просеке и восьми не наберется. Только, значит, свернули мы на тую просеку, глядим: впереди через нее волк перебежал. Ну что ж? Всякому ведомо, что коли волк дорогу перебежит, энто к добру. Обратно же, днем волк не страшен. Идем, стало быть, дальше. Часа полщи, только видим: просека кончается и кругом такая глухомань, какой я в тех местах не видывал. Не иначе,

думаю, как забрали мы от просеки вправо, по прогалине. Поворотили в обрат, вышли на истинную просеку, идем будто правильно. Глядь, впереди снова волк через дорогу шмыгнул! Чего, думаю, он, анафема, тут мотается?

Одначе идем. Поприща два отмахали, — опять просека в чащобе уперлась, и дальше дороги нету! Вернулись чуток назад, взяли по тропке влево, идем. Невдольге видим — снег впереди притоптан, стало быть, кто-сь перед нами шел. Пригляделись, а это наши же следы! Захар баит: «Сбились мы, дед Силантий, начисто!»

А я и сам вижу, что сбились, только ума не приложу, как оно могло приключиться, коли я теми местами разов с сотню хаживал? Тут меня и осенило: то не волк был, а леший, принявший волчью личину. И он, значит, над нами потешается, с пути нас сбивает. Говорю Захару: «Так, мол, и так, покладем ему на пенек краюху хлеба; может, он подobreет и отступится». Ну, поклали и дальше идем. Только дороги нет, как нет. Вдруг в ельнике как заверещит, как захохочет да захлопает крыльями! У нас индо шапки попадали!

Ну, говорю, Захар, хлеб нипочем не помогает. Видать, дюже ты лесного хозяина обидел своей надсмешкой. А Захар с лица побелел и спрашивает: «Чего ж теперя робить станем?»

Я говорю: отвод есть верный. Надобно нам всю одежонку с себя поснимать и надеть ее наыворот. Враз на дорогу выйдем. А Захар баит: «Неужто, дед Силантий, все скидать? Гляди, морозище какой!»

Оно и правда. Ну, думаю, спробуем сперва одни тулупы да шапки выворотить; коли леший не дюже осерчал, может, на том смилуется. Только куды тебе! Еще гуще да темней чащоба пошла. А день уже к вечеру клонится. Видим, время терять больше нельзя. Сели на снег и давай с себя все скидывать да наизворот выворачивать...

— Неужто догола раздеваться пришлось? — спросил Лаврушка.

— А что станешь делать? Не пропадать же в лесу? Все, как есть, с себя постаскивали и наыворот надели; даже-ть портянки на другую сторону перемотали. Так нас мороз пронял, что как кутята трусимся!

Ну, говорю, Захар, теперя бегим, что есть мочи, чтобы отогреться.

Только разгон взяли, коли глянь, а вот она и дорога! Враз я то место признал: поприщах в трех от Карачева вышли.

— Так, значит, и пришли в город во всем вывороченном? — спросил один из дружинников.

— Когда уже кресты на церквах Божьих увидели, шапки и тулупы снова надели, как подобает. А порты и рубахи уже тута, в избе, обратали.

— То добро еще, что ты верный отвод знал, — сказал Лаврушка. — А меня учили: надобно левый сапог либо лапоть на правую ногу надеть, а правый — на левую.

— Иной раз и это помогает, — промолвил Силантий, — но одежду выворотить куды верней.

— Как же вы сразу-то лешего не rozpoзнали? — спросила Фрося. — Ведь у его глаза кругловатые, а бровей и вовсе нету.

— Поди распознай, коли у его шапка была на самый нос пасунута! — ответил Захар. — Да и думки у меня не было к ему приглядаться: эка невидаль — среди бела дня мужик у дороги сидит!

— Дедусь, а, дедусь! — обратился к Силантию внимательно слушавший Сеня. — Значит, тот мужик, что на пне сидел, энто и был леший?

— Он и был, детка, — ответил старик. — Он же и на коня нашего порчу навел.

— А как же он опосля волком стал?

— Обернулся волком, и все. Ему энто все одно, как тебе тулуп надеть.

— Какое же его истинное обличье? — не унимался Сеня.

— У нежити своего обличья нету, — пояснил дед, — она только под чужой личиной бывает видима. Леший, к примеру, может принимать личину мужика, волка и филина. Деревом тоже оборачивается. Водяной, тот всего чаще берет видимость пузатого старика с зелеными усами, а иной раз колесом либо бороной по воде плавает. Полевик, энто пьяным мужиком по полю шатается али копной стоит.

— А домовый, дедушка, каков из себя?

— Домового, сынок, из живых людей никто толком не видел, и тебя не приведи Господь увидеть. Он человеку только перед самой смертью показывается, когда уже тот никому рассказать не может. А вполпоказа

иной раз является он человеку перед большой бедой. И ведомо только, что махонький он, белый да лохматый.

— А пошто он перед бедой приходит? Рази ж он злой?

— Приходит, чтобы человека о беде предупредить. А коли ему уважение оказывать, он тогда не злой. Да оно и леший не злой, только что пошутковать над людьми любит.

— А водяной?

— Водяной, энтот похуже. Он дурить с тобою не станет, а враз тянет на дно. Однако и его умеючи задобрить можно.

— Откедова же, дедусь, вся эта нежить взялась?

— То бывшее воинство дьяволово, — пояснил деd Силантий. — Однова восстал дьявол на Бога и привел с собою рать несметную. Но воевода Господен, архангел Михаил, энту рать нечистую разбил во прах и низвергнул с небес. Попадали слуги дьяволы на землю и оборотились кто лешим, кто водяным, кто иной нечистью.

— А какая еще нечисть бывает, дедушка? — допытывался Сеня.

— Да отвяжись ты от человека, репей! — прикрикнула на сына Фрося. — Глядите на его: десяти годов еще нету, а уже все ему знать надобно!

— Нехай учится, — сказал Лаврушка, — то ему на пользу пойдет. А ну, братцы, еще по чарочке! — обратился он к приятелям, подливая им браги.

— А вот и закушенье, — сказала Настя, ставя на стол миску с холодцом. — Отведайте, будьте ласковы!

— Эх, была не была, — сказал Захар, придвигаясь к миске. — Сыт уже я, да на хорошую еду еще кишку найду!

— Это так, — поддержал младший из дружинников. — На лакомый кусок в брюхе всегда сыщется уголок.

— Деда, — тихонько толкнул Сеня старика Силантия, — а волкулак, энто тоже леший?

— Эко сказал! Волкулак, энто оборотень, человек, обернутый в волка либо колдовством, либо своей охотой.

— И всякий может в волка оборотиться?

— Коли знает заговор, то может. Для этого надобно сыскать в лесу гладкий пень, покласть на него шапку и, сказавши заговор, кувырнуться через тот пенек. А что-

бы вдругораз человеческий образ принять, в обрат надобно кувырнуться. Но ежели, покуда ты волком бегаешь, кто-либо шапку твою унесет, оставаться тебе волком на веки вечные, либо доколе тебя в том волке кто-нибудь не признает и по имени не окликнет.

— А как колдуны людей в волков оборачивают?

— С наговором накладывают на человека волчью шкуру либо обманом заставляют его переступить через веревку, свитую из волчьей шерсти. Колдуны да ведьмы любят и сами волками оборачиваться, и с таким оборотнем повстречаться — не дай Господь: ен, как упырь, крови человеческой ищет.

— Как же распознать, деда, волкулак энто али обнаковенный волк?

— У волкулака зубы завсегда черные, как деготь, а глаза красные. Иной раз бывает, что у его усы чело-вечи.

— А коли на ем шкура обвислая, будто на вырост шитая, — добавил Захар, — энто, значит, не простой волкулак, а колдун либо ведьма в волчьем образе. И только, когда такой оборотень крови надуется, тогда на ем и шкура натягивается впору.

— Помнишь, дедушка Силантий, — вставила Настя, — как в запрошлом году, осенью к нам на деревню волкулак забег? Вот страху-то было!

— Как же, помню. Он тогда к каждой избе подбегал и все норовил внутрь заглянуть.

— Ох, и испужались мы! Как увидели, что он от избы к избе бегают, дверь приперли снутри дрючком, а сами все на полати сбились и ну Богу молиться!

— Ну и что же было? — спросила Фрося.

— Худого он никому не сделал. Обежал всю деревню и утек обратно в лес, — сказала Настя.

— Тут дело известное, — пояснил Силантий. — Покуда он волком-то рыскал, кто-сь у него шапку с пенька украл. Вот он ее и шукал повсюду.

— Это что, — сказала Фрося. — А вот летось приезжала моя кума из Смоленщины и сказывала, что у них колдун целую свадьбу в волков оборотил: и людей, и лошадей, — всех до единого!

— Ну, уж это, мабуть, того, — усомнился Захар. — Чтобы целую свадьбу...

— Да уж, кума мне врать бы не стала! Я ее добре знаю: она такого греха на душу не возьмет!

— Как же такое случилось?

— Выдавал там один богате́й дочку замуж. И в самый тот час, когда уже готовились в церкву, к венцу ее везти, зашел к им во двор странник и вроде наби́вался, чтобы и его на свадьбу позвали. Ну, а отец-то невесты и укажи ему на ворота. Ухмыльнулся тот странник и ушел, не промолвив ни слова.

Вот, значит, съездили в церкву, в соседнее село, обвенчали молодых и под вечер, на трех либо четырех повозках, в обрат ворочаются. Веселье, вестимо, песни; лошадей гонят всюю, и наземь никто не глядит. А тот странник положил в перелеске на дорогу веревку из волчьей шерсти, и только, значит, свадьба через тую черевку с разгону пронеслась, так все разом волками по полю и рассыпались!

— Вот это да! — воскликнул Лаврушка. — Видать, силен был колдун! Так, значит, все и пропали?

— А вот погоди. Ну, стало быть, дома ждут молодых из церкви, а их нет и нет. Уже на ночь глядя сгонял кто-то на село; там ему говорят: давно, мол, обвенчались и в обрат уехали. Мать дома плачет, убивается, не знает, что и думать. Только уж под утро слышит — волк под самым окном избы воет, да так жалостливо, ну прямо как человек плачет! Ночь была светлая; выглянула мать в окно и видит: сидит прямо перед ней волчица, на нее глядит, а у самой слезы из глаз так и льются! И надоумил ее тогда Господь, крикнула она во весь голос: «Марьюшка, да ужель это ты?!» И враз ее дочка вновь человеком стала.

Ну, рассказала она, что с ими произошло, и поели-ку все те волкулаки близ деревни бегали, — по малости их всех родные опознали, и, кого окликали по имени, тот снова сам собою оборачивался. Только лишь кони пропали вчистую!

— Хвала Господу, что так кончилось, — промолвил дед Силантий. — А кабы колдун на них особый наговор положил, так и деревни бы своей не нашли. Забежали бы невесть куды, где их никто не знает, и остались бы волками навеки!

— Да, чего только не бывает на свете, — отозвался Лаврушка. — Ну-ка, Настя, подбрось нам блинков, покада нас никто не заколдовал!

— Чур тебе, безумный! — испугалась Фрося. — Нешто можно такое говорить? Как раз беду накличешь!

— Ништо, — успокоил ее Лаврушка. — Гляди, я за сучок держусь, стало быть, меня нечистая сила слышать не может!

— Дедушка, а какая еще нежить бывает? — тихонько спросил Сеня у старика.

— Ох, много ее на свете, сынок! Русалки всякие: водяницы, берегини, лесовки, полудницы... А то есть еще кикиморы.

— А какая она, кикимора?

— Она домовому сродни. Только домовый живет в избе под печкой, поелику он дышит не воздухом, а избяным да человеческим духом. Ну, а кикимора больше по клетям да овинам прячется. Сама она мала и худа, как щепочка, голова у ей с орешек, но шуметь здорова и, коли осерчает, никому не даст спать цельную ночь. Большого вреда от нее человеку не бывает, только курей она любит таскать. Одначе супротив этого имеется верное средство: в курятнике надобно повесить дырявый камень либо горлышко от битого кувшина. Уж тогда кикимора туды не сунется.

— Ой, чуть не запамятовала! — воскликнула Настя. — Лаврушенька! Намедни впервой снеслась наша Чернушка. Я энто яичко супротив волков приберегла.

— Яйцо супротив волков? — удивился младший из дружинников. — Энто как же?

— Али ты не знаешь? Первое яйцо от черной курицы — энто самое верное дело, чтобы волки твою худобу в поле не трогали.

— А чего же делать-то надобно с тем яйцом? Ай волка яишней кормить?

— Тоже скажешь! То яйцо надобно ночью разбить посредь выгона, где твоя скотина пасется. И коли сделаешь это, покеда оно свежее, на цельный год его силы достает.

— Ну, вот, завтра, в ночь я энто дело и справлю, — сказал Лаврушка. — У нас теперя два коня, один другого краше, да корова, княжий Насте подарок. Так что оберегаться надобно и от волков, и от дурного глазу.

— Ты, никак, рехнулся? — спросил дед Силантий. — В первый день великого поста колдовать пойдешь и хочешь, чтобы с того колдовства прок получился?

— Батюшки, и правда! — воскликнула Настя. — В посту не можно того робить! А коли ждять, яйцо всю силу потеряет.

— Чего же делать-то? — спросил Лаврушка.

— Энтай же ночью надобно ийти, — сказал Силантий. — Далече ли у вас выгон-то?

— Какое, далече! Вот, сразу за околицей, рукой подать. Давай, Настя, яйцо. Зараз я туды и схожу, а вы тута беседуйте и угощайтесь; я невольге ворочусь! — с этими словами Лаврушка надел полушубок, подпоясался поясом с саблей, взял поданное Настей яйцо, завернутое в тряпицу, и вышел из избы.

Перешагнув порог, он сразу же погрузился в густую тьму: стояла уже глубокая ночь, и небо было затянуто облаками. Однако через минуту глаза его немного освоились с темнотой, и он бодро зашагал по направлению к выгону.

После рассказов об оборотнях и прочей нечисти в пустом и темном поле было изрядно жутко, но все же Лаврушка благополучно добрался до его середины, разбил там чудодейственное яйцо, с молитвой вылил его содержимое на землю, перебросил скорлупки через левое плечо, как учили его сведущие люди, и с чувством исполненного долга направился к дому. Не успел он сделать и десяти шагов, как пошел густой снег, сразу же начавший скрывать от его глаз черные контуры посадских изб и кое-где мерцавшие огоньки.

«Эге, — подумал Лаврушка, — так и без лешего заблудиться недолго!»

Чтобы избежать этой опасности, он переменял направление и двинулся напрямик к ближайшему забору, упершись в который, свернул вправо и вдоль околицы пошел к своей избе. Он был уже недалеко от цели, когда вдруг совсем близко ему почудились голоса.

Лаврушка приостановился, прислушиваясь. Да, никаких сомнений быть не могло: впереди него, очевидно у ворот ближайшей избы, разговаривали двое мужчин, которых в хаосе мятущихся снежных хлопьев он различить не мог.

«А ну, послушаем, кто это и о чем точит ласы в такую ночь», — подумал он и, прижавшись к забору, сделал несколько бесшумных шагов в сторону разговаривающих. Оставаясь сам невидимым на фоне темного забора, Лаврушка приблизился к ним почти вплотную и теперь мог различить фигуру всадника, темнеющую на улице у ворот. Второй собеседник стоял в приоткрытой калитке и почти не был виден.

— Зима зимой, а гривна тоже на снегу не валяется, — отчетливо донеслись до Лаврушки слова всадника,

голос которого показался ему очень знакомым. — Коли желаешь получить ее, надобно ехать немедленно.

— А чаво пересказать-то надо?

— Князю козельскому от меня передашь, что вещий сон Андрея Мстиславича исполнился. И ничего больше.

— Какой такой сон?

— Князь знает, какой, а тебе знать незачем. Так вот, завтра же выезжай и, как воротишься, получишь гривну. А ежели хоть слово лишнее кому сболтнешь, после на себя пеняй!

— Ну, а коли к завтраму мятель не уймется, боярин?

«Ага, это Шестак, — догадался Лаврушка, — как есть его и голос».

— А отец у тебя для чего колдун? — ответил Шестак. — Скажи ему, он мятель враз заговорит.

— Не всякий раз то удается, боярин.

— Коли не удастся — день переждешь. Запомнил крепко, что сказать-то надобно козельскому князю?

— Запомнил, боярин.

— Ну, так с Богом! — с этими словами всадник тронул коня плетью и почти мгновенно исчез в снежной посыпи. Одновременно захлопнулась калитка, и от нее послышались удаляющиеся шаги. Постояв еще с минуточку, пошел своей дорогой и Лаврушка.

«Вот оно что! — сообразил он. — Второй, стало быть, Ивашка, сын колдуна Ипата. Как это я их избу сразу не распознал? Ох, сдается мне, что тут дело дюже нечисто! Завтра беспрременно обо всем этом Василия Пантелеича упрежу!»

* * *

На следующее утро Лаврушка слово в слово передал князю подслушанный ночью разговор.

— Ладно, ступай, — выслушав его, ответил Василий. — А службу твою я не забуду.

Оставшись один, он крепко задумался. Было совершенно очевидно, что оба его дяди и Шестак находятся в постоянной связи и продолжают плести какую-то таинственную паутину. Но что за этим скрывается и что означает «вещий сон Андрея Мстиславича», Василий понять не мог.

«Должно быть, Шестак дает знать Титу Мстиславичу, что звенигородский князь мне крест поцеловал, —

подумал он, — поелику ничего иного вчера тут не было. Но пошто с такой вестью спешно, в самую мять, посылать гонца? Нет, тут, пожалуй, что-то другое кроется. Ну, ладно, проживем — увидим. А за Шестаком надобно будет присматривать: видать, он не оставил мысли моих удельных взбаламутить».

ГЛАВА 18

При удаче путешествие из Козельска в столицу Золотой Орды можно было совершить за месяц, но у княжича Святослава Титовича оно отняло значительно больше времени.

Прямая дорога на Сарай шла через земли Карачевского княжества, и потому ею нельзя было воспользоваться, не выдавая своих намерений. В целях сохранения тайны, Святославу пришлось ехать через великое княжество Рязанское, что удлиняло и без того неблизкий путь верст на пятьсот.

Выехал княжич в конце сентября, и в дороге его захватили осенние дожди. Многочисленные в этих местах болота, легко проходимые летом, теперь превратились в неодолимые препятствия, на объезд которых приходилось тратить часы и дни. Глубокая и цепкая грязь, покрывшая дороги, позволяла лошадям идти только шагом. Святослав рассчитывал, выйдя на среднее течение Волги, спуститься к Сараю водным путем, но на его несчастье ледостав в этом году был ранний, и, когда в середине ноября он добрался до Волги, ее уже сковывал лед.

На измученных конях, по пустынным и диким местам, где завывали холодные ветры да волки, пришлось сделать еще около тысячи верст, и лишь к концу декабря Святослав Титович, исхудалый, обветренный и озлобленный неудачами пути, прибыл в ханскую ставку.

Новый Сарай или Сарай-Берке, находившийся на девяносто верст ниже нынешнего Царицына, на левом берегу Волги, был основан младшим братом Батыя, ханом Берке. Сам Батый свою столицу — Сарай-Бату — построил неподалеку от того места, где сейчас стоит город Астрахань. Чтобы лучше понять, почему этот богатый и цветущий город не удовлетворил хана Берке, необходимо слегка коснуться истории Золотой Орды.

Чингиз-хан, еще при жизни своей, разделил все завоеванные им земли между четырьмя сыновьями, из которых старший, Джучи-хан, получил необъятную терри-

тсрию, простиравшуюся от Енисея до Дуная, а на юге охватывавшую среднеазиатские земли, известные впоследствии под общим названием Западного Туркестана, Хорезм *, Кавказ и Крым.

Предстояло еще завершить покорение некоторых входивших сюда областей, в том числе и Руси. Это сделал в последующие годы сын Джучи, великий татарский полководец Бату-хан, которого русские летописцы, беспощадно искажившие все татарские имена, называли Батыем.

Это движение монгольских полчищ на запад должен был возглавить сам Джучи-хан, тоже покрытый славой воин. Завоевав Хорезм, он на некоторое время задержался там, пополняя свои силы и готовясь к походу на Европу. Но второй сын Чингиз-хана, Чагатай, ненавидевший старшего брата, сумел убедить отца в том, что Джучи замышляет измену и подбивает побежденных хорезмийцев и кипчаков ** на восстание, которое он сам хочет возглавить.

Поверив этому, Чингиз-хан послал в Хорезм своих людей с приказанием уничтожить непокорного. Осенью 1226 года его воля была исполнена: во время охоты предательским ударом сзади Джучи-хану был перебит спинной хребет.

Стоит отметить, что те немногие сведения о личности Джучи-хана, которые до нас дошли, рисуют весьма привлекательный образ: это был благородный, гуманный и смелый человек, не боявшийся говорить правду в глаза даже своему страшному отцу. Ему он был верен и предан, но не одобрял его жестокого обращения с покоренными народами. Его великодушное отношение к подвластным ему хорезмийцам и кипчакам подало повод к клевете Чагатая.

По смерти Джучи, выделенный ему колоссальный улус *** должен был наследовать его старший сын, Ичан-хан ****. Однако последний, отдавая должное исключительным дарованиям своего брата, Бату-хана, добровольно уступил ему первенство, оставив за собой

* Хорезм — древнее ирано-тюркское государство, позже известное под названием Хивинского ханства.

** Кипчаки — половцы.

*** Улус — собственно означает совокупность племен и народов, подчиненных одному хану или князю, но подразумевает и занимаемую ими территорию. В этом смысле имеет значение удела.

**** Некоторые источники называют его Орда-Ичен.

в качестве подчиненного удела зауральские и среднеазиатские кочевья, получившие название Ак-Орды или Белой Орды *.

Этот жест Ичана является, кажется, единственным и неповторимым в истории чингизидов, где почти каждый хан добирался до престола по трупам вырезанных им родственников. К его характеристике следует добавить, что несколько позже он и Белой Ордой поделился, по собственному почину, с младшим своим братом, Шейбани-ханом. Батый до самой смерти глубоко чтит Ичана, не стыдясь публично оказывать ему все знаки уважения как старшему. И если он в своей жизни кого-нибудь действительно любил, то, пожалуй, только Ичана.

Когда умер Батый, фактически явившийся основателем независимой Золотой Орды, — как было названо это огромное государство, — ему наследовал его старший сын, Сартак. Это был гуманный человек, побратим Александра Невского и большой друг русских. И он, и жена его были православными. Если бы ему суждено было остаться на ханском престоле, несомненно, дальнейшая история Руси, да, вероятно, и Орды, сложилась бы иначе. Но несколько месяцев спустя он умер от яда. Ханом был объявлен его малолетний сын Улагчи, при регентстве Баракчины, главной жены Батыя. Однако через год был отравлен и он. На золотоордынский престол вступил виновник обоих этих отравлений, младший брат Батыя, Берке-хан.

Злобное и завистливое ничтожество, он ненавидел обоих старших братьев, из которых Ичан подавлял его своим бескорыстием и благородством, а Батый — титулом джехангира, «покорителя мира». Не зная, чем унизить память Батыя, он берет Баракчину в качестве второстепенной жены и в скором времени предаёт её позорной и жестокой казни: приказывает утопить в мешке с кошками. Не желая жить в построенном Батыем городе, он основывает другой и в течение всей своей жизни не жалеет средств и усилий, чтобы сделать его больше, богаче и красивее Сарая-Бату. И если он не вполне достиг своей цели, то несколько десятков лет

* Русские летописцы эту орду ошибочно называют Синей. В действительности же Кок-Ордой или Синей Ордой называлась орда Батыя, которую в наших летописях именуют Золотой. Последнее название сохраняется в этой книге во избежание путаницы.

спустя его труды завершил хан Узбек, значительно расширивший этот город и украсивший его великолепными дворцами и мечетями.

Все подвластные Золотой Орде страны внесли свою подневольную лепту в строительство этого города, порожденного завистью и ненавистью. Из Руси сюда сплавляли по рекам лучшие древесные материалы, с Урала шли караваны голубого гранита и отделочных камней, из Крыма везли мрамор, из Персии — ковры и драгоценную утварь для ханских дворцов. Из Хорезма привозили части стен, покрытые бесценными изразцами и художественной мозаикой, из Самарканда и Бухары — целые блоки разобранных храмов, дворцов и мавзолеев, являвшихся непревзойденными архитектурными творениями. Тысячи мастеров зодчества, художников, ваятелей, резчиков, древообделывцев, каменщиков, кровельщиков и других, привезенных сюда в качестве рабов или по вольному найму, дни и ночи работали в этом городе, воздвигая дворцы, мечети и дома, выкладывая торцами широкие центральные улицы, украшая общественные здания и жилища татарской знати, в которые по трубам проводили воду из Волги.

В результате этих усилий на ровной, как стол, местности вырос обнесенный земляным валом город с двухсоттысячным населением. Он был так велик, что за день его нельзя было объехать на лошади. В нем было много дворцов, выстроенных из голубого камня и мрамора или выложенных желтыми и красными, с золотом, изразцами. Красотою и богатством отделки выделялись также здания монетного двора, общественных бань, арсенала, оружейных мастерских, мавзолеев и медресе*. Было здесь несколько десятков великолепных мечетей с тонкими минаретами, взлетающими к небу, как пламенная молитва фанатика-дервиша. Были и пять православных церквей, католический костел, храмы буддийские, конфуцианские, браминские, шаманские и всех прочих существующих в Азии религий.

Это было полное смешение всех мыслимых архитектурных стилей и форм, где русское стояло рядом с египетским, а китайское — с византийским или мавританским. Но вся эта хаотическая смесь создавала городу какое-то свое собственное, оригинальное и отнюдь не отталкивающее лицо. Некоторые арабские историки,

* Медресе — духовное училище.

побывавшие в Сарае-Берке, называют его одним из красивейших городов их времени.

Однако, несмотря на это, Старый Сарай, являвшийся крупным торговым и ремесленным центром, долго еще сохранял свое значение, и несколько ханов, следующих за Берке, предпочитали держать свою ставку там. Только Узбек, пятьдесят лет спустя, окончательно перенес столицу Золотой Орды в Сарай-Берке, обязанный ему своим блестящим завершением.

Расцвет этого города обуславливался также его географическим положением: через него шли все важнейшие пути караванной торговли Европы с Азией.

Сюда стекались пряности из Индии, ковры из Персии, меха из Сибири, парча и пурпур из Византии, хлеб из Киевщины, сукна из Фландрии, драгоценная утварь из Венеции, оружие из Дамаска, стекло из Сирии, тропические фрукты из Египта, виноград из Крыма, вина из Франции, Венгрии и Грузии.

Европейским купцам не нужно было больше ездить в Китай за шелками; их можно было всегда купить на рынках Сарая, где каждый находил к тому же спрос на свои собственные товары. Сарай-Берке сделался как бы центральным базаром Европы и Азии. Генуэзские, венецианские, византийские, русские, китайские, еврейские, армянские и прочие купцы имели тут собственные караван-сарай, т. е. обнесенные высокими стенами кварталы, где находились их жилища, склады, постоянные дворы и рынки. В Сарае-Берке можно было встретить торговца любой национальности мира и купить все, что угодно, начиная с прекрасной восточной рабыни и кончая лучшими шампанскими винами.

Богатство города, помимо торговли, постоянно умножалось продуктами грабежа и поступающей дани. Десятую часть достояния всех покоренных татарами стран и народов всасывала в себя Орда.

Сами татары вырабатывали очень немного товаров, не отличавшихся к тому же ни богатством выбора, ни мастерством производства. Войлок, кожи, шорные изделия, грубые шерстяные ткани, примитивная керамика, оружие и кумыс — вот все то, что они умели производить своими руками и чем, собственно, ограничивались их потребности и воинов и кочевников.

Богатство ордынца измерялось главным образом количеством его коней. У каждого рядового воина их

было не меньше двух, у начальников, даже невысоких, они исчислялись табунами. Великолепная татарская лошадь, резвая и выносливая, давала кочевнику почти все, что ему было нужно: еду, питье, жилище, средство передвижения, залог победы над врагом и возможность грабежа. Излишки своего конского поголовья Орда продавала в Индию.

Конечно, Сарай производил множество всевозможных товаров и изделий отличного качества, поступавших как на внутренний, так и на внешний рынок. Но все это делалось руками огромного количества ремесленников-рабов, которых татары тщательно отбирали в покоренных ими землях и отправляли в Орду. Среди них было немало людей исключительно высокого мастерства. Так, например, русский золотых дел мастер и резчик по кости Кузьма из Сарая был специально вызван в монгольскую столицу Каракорум, где сделал императору Гуюк-хану трон из слоновой кости и золота, долго изумлявший всех непревзойденной тонкостью своей работы.

Труд искусных умельцев в Орде хорошо оплачивался; обычно все они быстро выкупались из рабства, имели в Сарае свои дома и достигали благосостояния, иногда, по-видимому, значительного. По свидетельству католического епископа Плато-Карпини — главы посольства папы Иннокентия IV к Гуюк-хану, этот самый русский мастер Кузьма, находившийся в то время в Каракоруме, приютил у себя и более месяца содержал на свой счет все папское посольство, ожидавшее приема у императора.

Простых ремесленников селили в Сарае отдельными кварталами, распределяя их по отраслям мастерства и вовсе не считаясь с национальностью. Были отдельные кварталы и улицы кузнецов, оружейников, шерстобитов, кожевников, медников, гончаров, ткачей, резчиков и других. В каждом из таких ремесленных центров были свои торговые ряды; кроме того, в городе имелась огромная площадь для общих базаров.

Дома более зажиточных людей и знати были выстроены из камня, жилища ремесленников — из самана и глины. По мере удаления от центральной части столицы к ее окраинам улицы становились все уже и грязней, дома лепились все теснее друг к другу. Садов в Сарае не было вообще; он был совершенно лишен каких-либо признаков зелени. Посреди города находился большой

искусственно сделанный пруд, но вода в нем была загрязнена и для питья не годилась. За исключением высшей знати, имевшей водопроводы, все население города вынуждено было питьевую воду возить из Волги или покупать на улицах у водовозов.

Татары медленно и с трудом привыкали к оседлой городской жизни. Едва лишь наступало тепло, как все монгольское население города, включая и самого великого хана, выкочевывало в юрты, шатры и кибитки, которые по обоим берегам Волги покрывали все видимое глазу пространство вокруг столицы. В течение целого лета огромный город казался наполовину вымершим, и только лишь с наступлением осенних холодов кочевники постепенно возвращались в свои дома, да и то не все: многие оставались зимовать в юртах, по ту сторону городского вала.

Привычка к походным условиям жизни была у татар так велика, что некоторые ханы, включая и Батю, на зиму приказывали в одном из залов своего дворца устанавливать шатер, в котором и проводили большую часть времени.

ГЛАВА 19

По прибытии в Сарай княжич Святослав прежде всего отправился в русский квартал, разыскал там брянского купца Зернова, с которым Тит Мстиславич вел кое-какие торговые дела, и при его содействии в тот же день нашел вполне приличное помещение для себя и своих людей.

Это был небольшой каменный дом в центральной части города, с двориком и сараями, в которых удалось разместить слуг и лошадей. Сам Святослав Титович и сопровождавший его пожилой сын боярский Степан Колемин, вместе с привезенными дарами, поместились в двух низких, но просторных горницах дома. Их убранство непритязательному козельскому княжичу показалось даже роскошным: полы и стены почти сплошь были покрыты пестрыми коврами, на широких и низких диванах лежало множество шелковых подушек, а на стоявших по углам резных деревянных этажерках были расставлены узорчатая керамика, бронзовые светильники и малахитовые безделушки. Круглые полированные столы возвышались над полом едва на четверть, за

ними ели, сидя на подушках, прямо на полу, поджав под себя ноги.

Но что в зимнюю пору было едва ли не самым важным, в одной из горниц имелось отличное отопление: это была сложенная из камня печь, от которой дым и горячий воздух проходили по широкому глиняному дымоходу вдоль внутренних стен. Только лишь при виде татарского топлива Святослав брезгливо поморщился: дрова тут ценились чуть ли не на вес золота и почти все дома отоплялись аргалом*.

Помывшись в бане у купца Зернова и отоспавшись после утомительного путешествия, княжич приоделся и отправился к местному православному епископу, чтобы завязать полезное знакомство, а заодно разузнать кое-что о характере хана Узбека, придворных порядках и приближенных к хану лицах, посредничеством которых можно было бы воспользоваться. О цели своего приезда он решил до поры до времени распространяться как можно меньше.

Владыка Даниил, епископ сарайский и подольский, был еще нестарый человек, высокого роста и представительной наружности. Его пронизательные, светящиеся умом глаза, казалось, просматривали собеседника насквозь. Он был ставленником великого князя московского, Ивана Даниловича, а последний умел подбирать людей, особенно для таких ответственных мест, как ханская ставка, куда все соперничающие русские князья приезжали с жалобами друг на друга, а чаще всего на самого Ивана Даниловича. При том неизменном уважении, которым пользовалось у татар русское духовенство, сарайский епископ в глазах хана имел порядочный вес и часто своими силами мог защитить в Орде интересы московского князя. Если же случай того требовал, он своевременно оповещал Москву.

Епископ принял княжича несколько настороженно: он знал, что русские князья в Орду зря не приезжают. Однако, когда Святослав, назвав себя, подошел под благословение, почтительно поцеловав ему руку и от имени отца своего просил принять в дар массивную золотую чашу для сарайской епархиальной церкви, владыка смягчился, а из дальнейшего разговора понял, что это сравнительно мелкий проситель, не имеющий никакого отношения к московским делам. Он ласково всту-

* Аргал — кизяк, плитки из высушенного навоза.

пил в беседу с козельским княжичем и несколькими ловко поставленными вопросами прижал его к стенке: Святославу стало ясно, что нужно или развязывать язык, или стяжать недоверие владыки и лишить себя его возможного содействия. Почти без колебания он избрал первое.

Рассказав о цели своего приезда, карачевские дела он осветил, разумеется, по-своему: о духовной грамоте князя Мстислава Михайловича не обмолвился ни словом, а просто сказал, что ввиду тяжелой болезни большого князя, его брат Тит Мстиславич, как следующий по старшинству, заранее желает оформить у хана свои права наследия, дабы избежать смуты и усобицы, если кто-нибудь из младших князей вздумает эти права оспаривать. Владыку Даниила, которого дела окраинных княжеств интересовали весьма мало, это объяснение вполне удовлетворило. Он в свою очередь осветил Святославу положение дел в Орде и дал ему несколько полезных советов.

Возвратившись домой, Святослав Титович глубоко задумался. От епископа он узнал, что получить у хана прием будет очень трудно, ибо раздраженный нескончаемыми распрями северных князей, то и дело приезжающих в Орду с жалобами и доносами друг на друга, Узбек последнее время никого из русских на глаза к себе не пускал. В подтверждение этого владыка сослался на пример тверского княжича Федора Александровича, уже более двух месяцев живущего в Сарая, тщетно домогаюсь приема.

Но сидеть, ожидая у моря погоды, было нельзя. Святослав отлично понимал, что в его миссии быстрота является залогом успеха: если умрет Пантелеймон Мстиславич и до хана дойдет весть о том, что в Карачеве мирно княжит его сын Василий, дело заговорщиков будет обречено на провал. Надо было добраться до Узбека теперь же во что бы то ни стало, а для этого необходимо было заручиться помощью влиятельных лиц.

Прежде всего следовало добиться приема у хатун и путем подарков постараться склонить ее на свою сторону. Святослав знал, что хан Узбек женат на дочери византийского императора Адриана, и был уверен, что именно с нею ему придется иметь дело. К его большому удивлению, владыка Даниил сказал, что никакого влияния на хана она не имеет и что в особой милости у него молодая, недавно взятая им жена Тайдула. Но к ней

тоже нужно было найти какой-то подход. По словам епископа, особым расположением хана пользовались темники* Абдулай и Киндык. Последнего сейчас в Сараяе не было, и княжич решил начать с Абдулая.

На следующий же день Святослав отправился к нему в сопровождении сына боярского Колемина, хорошо говорившего по-татарски, и двух слуг, несших подарки.

Абдулай жил неподалеку от ханского дворца, в красивом, мавританского стиля доме, который и по внешности, и по внутреннему убранству тоже смело можно было назвать дворцом. Но старый воин, всю жизнь прошедший в походах, в глубине души не очень радовался этому великолепию. Задумчиво бродя по обширным, неизвестно для чего нужным залам своего дворца и с опаской переставляя ноги, разъезжающиеся на скользком паркете, он с грустью думал о прелести войлочного шатра, где все так привычно и удобно, где каждая вещь всегда находится под рукой. Но что поделаешь? Великий хан желает, чтобы татарские князья, его приближенные, жили теперь во дворцах, а воля великого хана — это воля Аллаха...

Русского княжича Абдулай принял сразу, по долгой практике зная, что подобные посетители не являются с пустыми руками.

В большой, сплошь убранный дорогими коврами комнате, куда его провели, Святослав увидел пожилого одноглазого татарина, сидящего, поджав ноги, на низком диване. Приложив руку ко лбу и сердцу, княжич поклонился Абдулаю и сказал несколько слов стоявшему сзади Колемину. Последний выступил вперед и, в свою очередь низко поклонившись, перевел по-татарски, что сын козельского князя Святослав, находясь в Орде, счел своим долгом лично приветствовать столь славного баатура**, как эмир Абдулай, о воинской доблести и мудрости которого знает вся Русь.

Добродушно кивнув головой, татарин указал гостю на стопку подушек, лежавшую рядом, и сказал на довольно сносном русском языке:

— Садись, князь. Я не раз бывал на Руси и немного знаю ваш язык. Хорошо ли доехал ты?

Святослав ответил, что доехал он вполне благополучно, и сделал знак слугам, стоявшим у двери. Те по-

* Темник — командир десятитысячного отряда, тумена.

** Баатур, богадур, батырь — витязь, богатырь.

дошли и с низкими поклонами положили к ногам Абдулая дамасскую саблю в драгоценных ножнах и пачку в сорок бобровых шкурок. Единственный глаз татарина зайскрился удовольствием. Почти не обратив внимания на меха, он взял саблю, вынул ее из ножен и с видом знатока внимательно осмотрел клинок. Потом осмотрел и ножны и, поцокав языком, промолвил:

— Спасибо, князь. Ты не мог сделать лучшего подарка старому воину. Садись же и поведай, что привело тебя к нам?

Затем он громко крикнул что-то по-татарски, и через минуту двое слуг внесли и расставили на круглом столике достархан*: кумыс в серебряном кувшине, вареные в меду фрукты, финики, орехи и другие сласти.

Абдулай сам налил княжичу кумыса**, и Святослав, мастерски скрывая свое отвращение, бережно принял кубок и осушил его до дна. Он знал, что тут недопустимы никакие вольности: кумыс считался у татар священным напитком; отказаться от него значило смертельно оскорбить хозяина, а непочтительно о нем отзывавшись или пролив, хотя бы нечаянно, на землю, можно было поплатиться головой.

Выполнив сей неприятный долг и закусив кусочком рахат-лукума, Святослав вкратце рассказал о цели своего приезда и выразил надежду, что знаменитый эмир, достоинства и мудрость которого по справедливости столь высоко ценит великий хан, поможет ему в этом деле.

Абдулай задумался, поглаживая пальцами свои жидкие висячие усы. Он не хотел обманывать Святослава или обещать ему то, что не сможет исполнить, ибо, как всякий татарин, по натуре был глубоко честен. Правда, эта татарская честность носила несколько своеобразный характер и потому ускользнула от внимания русских летописцев, бывших к тому же далеко не беспристрастными судьями. Для них татарин был прежде всего поработителем родины, «поганым», и для его описания существовала только одна краска: черная.

Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что самый жестокий и разнузданный грабеж во время военных и карательных действий был у ордынцев вполне

* Достархан — угощение, сладости.

** Кумыс — хмельной напиток, приготовляемый из перебродившего кобыльего молока. В переводе означает «серебряное питье».

обычным явлением. С их точки зрения, это и было то, ради чего воюет воин. Это была законная плата за тяжелую службу и смертельный риск его ремесла, ибо никакого иного вознаграждения он не получал. Но в то же время воровство, мошенничество, обман в торговой сделке и даже простая ложь были в Орде почти неизвестны. За бесчестный поступок, даже вполне обычный и широко практикуемый среди других народов, татарина ожидала немедленная казнь. Честность была, пожалуй, самой сильной чертой татарского характера, — она прошла через века и сохранилась до наших дней. В дореволюционное время каждая приволжская рабочая артель, отправляясь на заработки, старалась включить в свой состав какого-либо татарина, чтобы доверить ему денежную и хозяйственную часть: его национальность служила гарантией того, что ни одна копейка не пропадет и никто не будет обижен.

Ордынцы любили подарки и взятки, но хорошо понимали, что даются они не за прекрасные глаза и что в обмен за них потребуется какая-то услуга. И обещав оказать ее, татарин по мере сил и возможностей старался свое обещание выполнить. Поэтому Абдулай после довольно долгого раздумья сказал:

— Плохое время ты выбрал. Великий хан Узбек, да живет он тысячу лет, сильно гневен на русских князей. Трудно будет устроить, чтобы он тебя принял. Я это сделаю, но нужен подходящий случай и обманывать тебя не хочу: ждать придется, может быть, долго. Хану я хорошо о тебе скажу. Только смотри: великий хан, да продлит Аллах его дни, справедлив, и, если твое дело правое, обиженным от него не уйдешь. А коли ты с обманом и неправдой пришел — пеняй потом на себя.

Святослав рассыпался в благодарностях и заверил, что дело его никакого обмана не таит. Затем сказал, что отец его, князь Козельский, много слышавший о непревзойденной красоте и мудрости хатуни Тайдулы, прислал ей поклон и подарки, которые теперь же нужно передать по назначению. Абдулай понимающе улыбнулся.

— Ну, это легче сделать, — сказал он. — Хатунь Тайдула, да сохранит Аллах красоту ее на долгие годы, любит русских и любит подарки. Ты будешь извещен о дне, когда она пожелает тебя принять.

С витиеватыми выражениями благодарности и щедрыми пожеланиями всех милостей Аллаха, Святослав

простился с темником. После этого разговора настроение его заметно повысилось.

«Один пособник уже есть, — с удовлетворением думал он, — и дело мое, кажись, налаживается. Худо только, ежели ждать придется долго... Ну, ничего, впереди еще Тайдула. Коли придусь ей по душе, она, небось, сумеет дело ускорить. Абдулай-то еще когда свой случай найдет, а она, поди, всякую ночь тот случай имеет!»

В ожидании приема у Тайдулы Святослав Титович верхом, а иногда и пешком, прогуливался по городу, дивясь его величине и с любопытством приглядываясь к окружающему. Самым большим городом, какой он до сего времени видел, был Смоленск, теперь он казался ему жалкой деревней в сравнении с Сараем. Все для него тут было ново, все поражало своей необычностью.

За исключением церквей, он никогда не видел ни одной каменной постройки, а здесь не было ни одной деревянной. В Козельске даже появление какого-нибудь заезжего поляка было событием, а тут на улицах и площадях, кроме татар и русских, сотнями толкались арабы, греки, персы, китайцы, половцы и Бог весть кто еще, и никто тому ни мало не дивился. Он никогда не мыслил, что вода представляет собой какую-то ценность, а здесь ее возили по городу в огромных глиняных кувшинах и продавали за деньги. И притом возили не на лошадях, а на верблюдах. Святослав их никогда прежде не видел и потому к первому же подошел вплотную, чтобы рассмотреть забавного уroda поближе. Очевидно, этот осмотр затянулся дольше, чем требовали правила верблюжьего приличия, ибо флегматичное животное, пожевав губами, пустило вдруг в княжича ловко нацеленный плевок, после которого прогулку пришлось прекратить и идти мыться и переодеваться.

Но самым интересным были огромные базары, где люди говорили на множестве языков, но все же как-то сговаривались и понимали друг друга. А о товарах уж и говорить нечего: Святослав в жизни своей не видел и сотой доли того, что было тут выставлено. Он часами ходил по рядам, рассматривал изумительной выделки индийскую парчу, оружие, выкованное лучшими мастерами Востока, замечательные венецианские доспехи, делающие воина совершенно неуязвимым, стеклянную и золотую посуду тончайшей художественной работы, великолепные персидские ковры, драгоценные украше-

ния и безделушки и множество иных вещей, назначения которых он никогда и не знал. Кое-что щупал руками, даже торговался, но не покупал ничего: был прижимист, в отца.

Так прошло дней десять. Святослав начал уже беспокоиться, не обманул ли его Абдулай, когда наконец от имени последнего явился нукер* с извещением, что хатунь Тайдула примет русского княжича завтра, за час до полудня. Он пояснил, что прием состоится в ханском дворце, куда надлежит войти через боковой, восточный вход, предъявив начальнику караула серебряную пайцзу**, которую тут же вручил Святославу.

На следующий день, немного раньше назначенного срока, Святослав Титович, одетый во все самое лучшее, сверкающий золотым шитьем, в сопровождении своего переводчика и слуг с подарками, находился уже в покоях Тайдулы.

Комната, где его оставил битакчи***, поразила княжича своим великолепием. В отличие от всего, что он до сей поры видел в богатых татарских домах, стены ее вместо ковров были сплошь покрыты бирюзового цвета мозаикой со сложнейшим серебряно-белым узором. Сводчатый потолок был темно-голубого цвета и с него свисала на тяжелой серебряной цепи своеобразная люстра, составленная из семи масляных светильников, сделанных из полупрозрачного опалового стекла с голубой и серебряной росписью. На светлом паркетном полу, инкрустированном перламутром, перед каждым из двух стоявших здесь диванов лежало по огромной шкуре белого медведя.

Убранство комнаты завершали разбросанные по полу высокие шелковые подушки, служившие сиденьями, полированный, орехового дерева столик, выложенный слоновой костью, и несколько таких же этажерок, уставленных драгоценными вещами, которых Святослав не успел как следует разглядеть, ибо в этот момент появился битакчи и торжественно объявил, что богохранимая и несравненная хатунь Тайдула сейчас очастливит эту комнату и всех в ней находящихся своим появлением. Позже Святослав узнал, что самых знатных посетителей ханша принимает в особом приемном

* Нукер — дружинник, служилый дворянин.

** Пайцза — серебряная, золотая или бронзовая пластинка с выгравированной на ней надписью. Служила как бы охранной грамотой.

*** Битакчи — дворцовый чиновник, придворный.

зале и что он, следовательно, не был отнесен к этому разряду.

Битакчи широко распахнул двери, и в комнату вошла, в сопровождении двух богато одетых монголок, совсем молодая, высокая и стройная женщина, в которой лишь слегка косой разрез больших лучистых глаз да угольно черные волосы изобличали татарку. Тонкие, круто взлетающие брови, безукоризненной формы нос, маленький, чуть подкрашенный ротик и все остальные черты ее юного, почти не тронутого косметикой лица гармонично складывались в столь пленительное целое, что сразу становилось понятным, почему в нее без памяти влюбился пятидесятисемилетний суровый хан, никогда не знавший недостатка в прекраснейших женщинах.

Она была одета в расшитый серебром голубовато-серый китайский халат, из-под которого виднелись вишневого шелка шальвары и серебряные туфельки на высоком голубом каблуке. Вместо «бокки» — громоздкого головного убора знатных татарских женщин — на ней была низкая бархатная шапочка, расшитая жемчугом и украшенная пером серебристой цапли. Драгоценностей на ней, вопреки обычаю, тоже было немного: два-три кольца с крупными самоцветами, жемчужные серьги да золотой браслет в виде змеи, обвивающей ее левую руку.

С красотой внешности у Тайдулы сочеталась красота духовная, и поработанная татарами Русь ей многим обязана. При деспотичном хане Узбеке она еще не играла заметной политической роли, но когда два года спустя Узбек умер, Тайдула сделалась главной женой его сына, хана Джанибека, на которого имела огромное влияние. Она всегда с симпатией и участием относилась к русскому народу, но после того, как московский митрополит Алексей чудесным образом вернул ей потерянное зрение, она превратилась в неизменную и пламенную заступницу за русских. И если ее мужа даже русские летописи, далеко не снисходительные к татарам, нарекли Джанибеком Добрым, то в этом заслуга Тайдулы.

Джанибек сам по себе отнюдь не был добрым: с татарами, и в том числе со своими родными братьями, он расправлялся с отменной жестокостью. Но, благодаря Тайдуле, в течение пятнадцатилетнего царствования Джанибека, а потом и двух его сыновей, Бардибека и

Науруза, при которых она сохраняла свое влияние на государственные дела, Русь, по словам летописцев, «дышала свободно» и ни один русский князь не был казнен.

Особенное покровительство оказывала она русской церкви и православному духовенству. Из семи дошедших до нас ханских ярлыков, расширяющих права и привилегии русской церкви, три подписаны лично ею, а четвертый — ханом Бардибеком под ее несомненным давлением. Последние годы жизни она жила почти безвыездно в городе Туле, окруженная русским духовенством. Весьма возможно, что втайне она приняла православие.

Увидя вошедшую хатунь, Святослав собирался отвесить низкий восточный поклон, но вместо этого, то ли пораженный ее красотой, то ли решив, что маслом каши не испортишь, он, почти неожиданно для самого себя, повалился на колени и поцеловал пол у ее ног, как это делали перед членами ханской семьи татары.

— Встань, князь, — сказала Тайдула по-татарски. — Встань и скажи, что привело тебя ко мне?

Колемиш сейчас же перевел ее слова. Когда Святослав поднялся и взглянул на ханшу, она уже сидела на диване, подобрав под себя ноги.

Путаясь в словах и сбиваясь, оробевший княжич кое-как объяснил, что приехал в Орду по делу своего отца, князя Козельского, и так как дело это очень спешное, он просит прекраснейшую и мудрую хатунь помочь своим влиянием, чтобы великий хан принял его возможно скорей. Потом, вспомнив вдруг, что не с этого следовало начинать, добавил, что его отец, много наслышанный о ее несравненных достоинствах, шлет ей низкий поклон и скромные подарки, которые он счастлив лично положить к ее ногам.

С этими словами он обернулся к слугам, и те, приблизившись к дивану и преклонив колени, положили перед ханшей две дюжины драгоценных шкурок черной с проседью лисы и открытый ларец из слоновой кости, в котором лежало тройное ожерелье из крупных розовых жемчужин и две золотые застёжки — одна с изумрудом величиною с лесной орех, а другая с таким же рубином.

Вспреки ожиданию Святослава, Тайдула не проявила особого восторга при виде этих дорогих подарков. С таким видом, словно делает это скорее из вежливо-

сти, чем из любопытства, она вынула из ларца ожерелье, немного полюбовалась игрой жемчужин и положила его обратно. Затем на мгновение погрузила свои тонкие пальчики с посеребренными ногтями в грудь лежащих перед нею мехов и сказала:

— Передай мою благодарность и ответный поклон твоему почтенному отцу, да продлит Аллах его дни. Не сомневаюсь, что милостивый и справедливый хан, наш повелитель, исполнит его просьбу. Но какое влияние может оказать слабая женщина на того, чья государственная мудрость сияет над нами, как солнце? Поверь, что тот день и час, когда великий хан тебя примет, будет наиболее угоден Аллаху. Я же со своей стороны могу лишь желать, чтобы это случилось скорее.

Задав Святославу еще два-три незначительных вопроса, Тайдула поднялась и отпустила его довольно холодным кивком головы. Отвешивая поклоны и бормоча пожелания, княжич выпятился за дверь, чувствуя, что его подарки пропали даром и что он не произвел здесь выгодного впечатления.

В этом он не ошибся. Едва за ним закрылась дверь, на прекрасное лицо ханши напоззла брезгливая улыбка. Судя по тем князьям, которых она видела до сих пор, у нее сложилось мнение, что русские — это красивые, сильные и мужественные люди, не роняющие своего достоинства даже перед лицом грозного хана Узбека. А этот невзрачный рыжий человечек, униженно пресмыкавшийся перед нею, был так на них не похож.

— Не знаю, каков его отец, — сказала хатунь своим приближенным, — но этот лисенок мне не нравится. И помощи моей просил он едва ли для доброго дела. Уберите это, — добавила она, небрежно поведя головой в сторону подарков, и быстро вышла из комнаты.

ГЛАВА 20

Для княжича Святослава потекли нудные дни ожидания. Прошел январь, а никаких перемен в его положении не было. Через несколько дней после приема у Тайдулы он снова был у Абдулая, на которого возлагал теперь все свои надежды. Но ответ эмира был мало утешительный: подходящего случая говорить с ханом у него еще не было и надо ждать.

В начале февраля, обуреваемый нетерпением и тре-

вогой, княжич опять отправился к Абдулаю и, думая, что, может быть, мало ему дал, прихватил с собой золотой кубок и богато оправленный кинжал. Татарин с благодушным видом принял подарки, но снова ответил, что надо ждать. А когда разочарованный Святослав принялся настаивать, ссылаясь на важность и спешность своего дела, Абдулай невозмутимо ответил:

— Я думал, что ты благоразумнее, князь. Ты приехал по важному делу, зачем же так спешишь провалить его? Я знаю, что великий хан сейчас гневен, потому и жду. Но коли ты того хочешь, завтра же скажу ему о тебе. Только на себя пеняй, ежели вместо приема хан прикажет тебе убираться из Орды.

Разумеется, Святослав этого не захотел и больше не надоедая Абдулаю, поняв, что нужно запастись терпением.

Чтобы убить медленно тянущееся время, он с утра до вечера бродил по городу, но шумные базары центра ему прискучили, и он стал посещать более отдаленные кварталы, с любопытством приглядываясь к особенностям местной жизни.

Его сильно удивляла праздность, которой тут предавались мужчины. Татарин считал, что его дело — война, и почти все хозяйственные и домашние работы лежали в Орде на рабах и на женщинах. Однако в положении последних не было заметно приниженности, обычной для других мусульманских стран. Женщина здесь не закрывала своего лица чадрой и не была вынуждена прятаться от посторонних; она пользовалась полной свободой и в правах была равна мужчине. В решении семейных и родовых дел ее голос нередко получал перевес.

В заседаниях курултая*, как нам известно из многих сохранившихся документов, ханские жены принимали участие наравне со своими мужьями. Бывали случаи, когда женщина стояла во главе государства. Так, например, на императорском престоле в Каракоруме после смерти Куинэ, внука Чингиз-хана, в течение нескольких лет находилась императрица Огюль-Гаймиш. В царствованье малолетнего хана Улагчи, как уже было упомянуто, Золотой Ордой правила вдова Батыя, Баракчина.

* Курултай — верховный совет татарской знати, созывавшийся иногда для решения особо важных государственных и династических дел.

В семидесятых годах XIV столетия в Сарае чеканила свою монету Тулюбек-ханум.

Не раз заходил Святослав и в кварталы ремесленников-рабов. Собственно, многие из них уже не являлись рабами: рабство у татар не было наследственным и сын раба, рожденный в Орде, становился свободным человеком. Если он был хорошим ремесленником, то мог оставаться в городе и работать в своей мастерской, платя установленный налог. Если он ничего не умел делать и не обнаруживал желания стать воином, ему давали землю и сельскохозяйственные орудия, превращая его в «сабанчи», т. е. полукрепостного крестьянина.

Рабыня, на которой женился татарин, немедленно получала свободу. Это право распространялось и на простую наложницу, если она становилась матерью, ибо по татарскому закону в этом случае она автоматически превращалась в законную жену отца своего ребенка. В силу такого положения незаконнорожденных детей в Орде не существовало.

Пленников, захваченных во время войн и набегов, татары пригоняли в Орду и здесь прежде всего отсортировывали хороших ремесленников. Их первые годы держали под крепким караулом и заставляли работать, причем весь доход от их подневольного труда шел в пользу хана и государства. Потом их обычно переводили на своего рода оброк, т. е. представляли им жить и работать самостоятельно, выплачивая в ханскую казну определенную сумму деньгами или произведениями своего мастерства. В этот период строгого наблюдения за ними уже не было, бежать им не составляло особого труда, но на это отваживались весьма немногие: без специального пропуска иностранцу было почти невозможно выбраться за пределы Орды, а в случае поимки — беглого раба ожидала жестокая казнь.

Что касается остальных пленных, то частично их раздавали воинам для домашних услуг, а всех прочих продавали в рабство в соседние страны, главным образом в Египет.

Святослав с некоторыми русскими ремесленниками вступал в беседы и расспрашивал об их житье, но ответы получал довольно разноречивые. Многие жаловались на тяжелую жизнь и умоляли помочь им отсюда вырваться, другие говорили, что жить и тут можно, а некоторые искусные умельцы в Орде преуспевали и своим положением были довольны. Однако почти все ис-

пытывали тоску по родине и по мере возможности копили средства, в надежде когда-нибудь выкупиться. На жестокое обращение жалоб было сравнительно немного.

Однажды в русском торговом квартале, покупая что-то у купца Зернова, княжич столкнулся у прилавка с высоким и статным мужчиной лет двадцати трех. Русые волосы и голубые глаза сразу изобличали в нем соотечественника, а богатое одеяние и барстванные повадки не оставляли сомнений в том, что он принадлежит к высшей знати. Еще раньше, чем Зернов их познакомил, Святослав догадался, что это и есть тверской княжич Федор, о котором говорил ему епископ.

Это нечаянное знакомство сперва вызвало в нем скрытую досаду: как всякий человек, сознающий, что творит подлое дело, он подсознательно старался держаться в тени и избегать встреч, благодаря которым на Руси могла стать известной его некрасивая роль. Но раз уж факт совершился, делать было нечего. К тому же веселый и добродушный тверич произвел на Святослава приятное впечатление и вдобавок показался ему человеком недалеким.

От Зернова они вышли вместе, и Святослав Титович, живший поблизости, пригласил к себе тверского княжича, на что последний охотно согласился, ибо тоже изнывал в Орде от бесплодного ожидания и смертельной скуки.

В скором времени они уже сидели у горячей печки, около круглого татарского стола, поднятого слугами Святослава на нормальную высоту. На столе стояла большая сулея старого грузинского вина и блюдо с жареной бараниной.

— Не обессудь, князь, — сказал Святослав, — ежели бы ты к нам в Козельск пожаловал, я бы тебя не так принимал. Но эти басурманы и есть толком не умеют. Чай сам знаешь, кроме проклятой кобылятины да баранины, трудно здесь и сыскать что-нибудь. Впрочем, вино у них хорошее.

Федор Александрович поспешил заверить, что столь приятная встреча для него дороже всяких угощений, и приналег на вино и баранину, обнаружив изрядный аппетит и весьма общительный характер. Завязалась беседа. Святослав, не собираясь вдаваться в подробности, сказал гостю, что приехал в Орду по поручению отца, которому по старшинству надлежит получить ярлык на

большое княжение в Карачеве после умирающего князя Пантелеймона Мстиславича. Но к его удивлению, тверской княжич оказался гораздо осведомленнее, чем он предполагал.

— Погоди, Святослав Титович, — перебил он. — Да ведь у князя Пантелеймона был сын Василий. Сказывали у нас, что последние годы он-то и правил княжеством вместо хвораго отца своего. Встречал я кое-кого из карачевцев, — они на него не нахвалятся. Неужто помер он?

— Жив он. Чего ему сделается? — с неудовольствием ответил Святослав. — Только по духовной грамоте деда моего, Мстислава Михайловича, после князя Пантелеймона отцу моему надлежит в Карачеве княжить, — соврал он.

— Ну, коли так, дело иное. Только думается мне, что ежели народ княжича Василия столь крепко любит, не обойдется у вас без усобицы.

— Какая может быть усобица, коли у родителя моего будет Узбеков ярлык на княжение?

— Э-э, брат, не думай! Вон у нас с Москвой, как раз через эти самые ханские ярлыки, боле тридцати годов драка идет, да какая! Сколько княжьих голов уже слетело, а конца еще и не видно!

— Расскажи Федор Александрович, что у вас там творится, — попросил Святослав, обрадованный возможностью отвести разговор подальше от карачевских дел. — До нас слухи разные доходят, а чему верить — иной раз и не знаем. А наиглавное, с чего это пошла промеж вас столь лютая вражда?

— Ну, коли все рассказывать, так нам и седмицы не хватит, — промолвил Федор, — а в коротке изволь, ежели хочешь... Чай ведомо тебе, что, начиная с прапрадеда моего, Всеволода Юрьевича, прозванного Большим Гнездом, великое княжение все время в нашем роду было. Промеж собой у нас, вестимо, кое-какие распри из-за старшинства случались, но из сторонних князей ни один к великому княжению тянуться не дерзал. В году от сотворения мира шесть тысяч восемьсот тринадцатом * вступил на тверское княжение дед мой, Михайло Ярославич, и, как водится, поехал в Орду к хану Тохте за ярлыком. Только глянь, а там уже московский кня-

* 1305 год от Р. Х. До Петра Первого леточисление на Руси велось от сотворения мира.

зишко Юрий Данилович торчит и тоже ярлык на великое княжение просит! А Тохта и рад: кто, говорит, больше заплатит, тому и дам ярлык. Ну, у Москвы в ту пору кишка еще была тонка и ярлык на великое княжение получил мой дед, хотя и недешево это ему стало.

Знамо дело, — продолжал Федор, отхлебнувши вина, — дед на Москву распалился изрядно. Еще бы! Он самым могучим был на Руси государем; кроме Твери, владел также великим княжеством Владимирским; ему покорились Великий Новгород, Псков и иные земли. Уже его не князем, а царем повсюду начали величать, и вдруг — на тебе — какая-то Москва с ним тягаться вздумала! И главное дело, воротившись из Орды не солоно хлебавши, Юрий Данилович не смирился, а зараз же почал новгородцев супротив Твери барабошить. Михайло Ярославич пождал год, думая, что московский князь образумится, а потом собрал рать и повел ее на Москву. Самого города он, правда, не взял, ибо оказался тот зело сильно укреплен, по все же московские земли поразорил и страху на москвичей нагнал. Запросил Юрий Данилович миру, но, получив его, не унялся, а снова принялся за старое, будто ничего и не было. Дед еще года два терпел, а потом снова на Москву пошел. На сей раз покарал он Юрия сильнее: огнем и мечом прошел по его землям и многих людей в полон увел.

На том Москва будто смирилась, и несколько лет все было тихо. Но когда умер хан Тохта, и Михайло Ярославич поехал в Орду выправлять ярлык у нового хана Узбека, Юрий Данилович уговорил новгородцев прогнать тверского наместника и посадил в Новгороде брата своего, Афанасия. Воротившись из Орды с ярлыком, дед того Афоньку из Новгорода, вестимо, прогнал и новгородцев добре поучил. Однако смута там продолжалась и Михайло Ярославич довел до хана о бесчинствах московского князя.

— А хан все время руку Твери держал? — спросил Святослав.

— Вестимо, так, ежели Михайлу Ярославича сразу же великим князем утвердил! Мало того: сам ему наказывал московским князьям потачки не давать. Но вот ты послушай, как дальше-то дело обернулось: вызвал, значит, Узбек Юрия Даниловича в Сарай на расправу, и два года о нем ни слуху, ни духу не было. Все уже думали, что хан его до самой смерти в Орде продержит, а

вдруг возвращается Юрий Данилович, женатый на Узбековой сестре Кончаке, с ярлыком на великое княжение и с татарским войском!

Михайло Ярославич аж обомлел. Но, не желая подвергать русские земли разорению, от великого княжения хотел отступиться добром. И все же Юрий с московской ратью и с татарами пошел на Тверь. Тогда дед со всею силою своею выступил им навстречу и под селом Бартеневым разбил их в прах. Был взят огромный полон; сама Кончака и брат Юрия, Борис Данилович, попали в наши руки. Татар тверичи хотели перебить, но Михайло Ярославич того не допустил.

Ну, ладно. Может, все это и обошлось бы, да, на нашу беду, покуда переговаривались о мире, в Твери умерла от простуды жена Юрия, Кончака, во крещении нареченная Агафьей. И бессовестный пес Юрий тотчас наклепал хану, что его сестру уморили зельем по приказу тверского князя. Узбек их обоих вызвал на суд. Окромя убийства Кончаки, Юрий Данилович обвинил деда в сокрытии собранной для хана дани. Показывал против него также темник Кавдыгай, бывший при татарском войске у Юрия. И по их лживым наговорам Узбек приказал Михайлу Ярославичу срубить голову.

— Я о том слышал, — промолвил Святослав. — Только у нас сказывали, будто дед твой добром сойти с великого княжения никак не хотел и за то пошел на него московский князь с татарами.

— Не верь тому, Святослав Титович! Мыслимое ли дело, чтобы тверской князь Узбековой воле не подчинился? Ведь это значило одному со всею Ордой воевать и всю землю свою отдать на разорение.

— Также и я мыслю. Ну, сказывай, однако, что дальше-то было?

— По смерти деда, великим князем остался Юрий Данилович, а тверской стол занял старший мой дядя, Дмитрий Михайлович. Сидел он в Твери тихо, и с Москвой у него был мир. В ту пору даже оженился другой мой дядя, Константин Михайлович, на дочке Юрия Даниловича, Софье. Так прошло года два, и вдруг нежданно-негаданно Москва поднялась на нас войной за то будто бы, что Дмитрий Михайлович домогался в Орде ярлыка на великое княжение. Тверь к войне не была готова, и дяде пришлось просить мира. Он обязался великого княжения не искать и при этом же случае передал

Юрию Даниловичу две тысячи серебряных рублей * да-
ни, собранной Тверью для хана.

Малое время спустя swei ** напали на Новгород, и Юрий Данилович с войском отправился туда. Свеев он побил и тогда же на реке Неве построил супротив них город Орешек ***, но со всеми этими делами задержался там года на три и те две тысячи рублей так Узбеку и не отдал. Уж не знаю, то ли случая не имел, то ли утаить их мыслил. Сведаль об этом дядя, Дмитрий Михайлович, и не утерпел: за все содеянное нам зло такая у него ненависть к Юрию была, что поехал он в Орду и довел хану об утайке тех денег. Узбек его обласкал и дал ему ярлык на великое княжение. Но два года спустя вернулся из похода князь Юрий и, знамо дело, тотчас поехал к хану обеляться.

В году шесть тысяч восемьсот тридцать третьем **** Узбек призвал их обоих на суд. На том суде, впервой близко встретившись с Юрием, коего он справедливо почитал убийцем своего отца, Дмитрий Михайлович не стерпел его поношений и тут же, на глазах хана, снес ему голову саблей. И за это Узбек повелел казнить его лютой смертью.

— Да, много бед вам Москва наделала, — сказал Святослав, наполняя кубки вином. — Промочи горло, Федор Александрович, да сказывай, что потом было?

— Эх, брат, и вспоминать тошно!.. Узбек после этого все же дал ярлык на великое княжение отцу моему, Александру Михайловичу. А московский стол занял брат Юрия, Иван Данилович, коего не за зря Калитой ***** прозвали: он из-за денег али из-за клочка земли кому хочешь горло перервет! Из зависти он моего родителя возненавидел лютой ненавистью. Не знаю уж, чего он хану наплел, но только не минуло и двух лет, как явился в Тверь двоеродный брат Узбеков, царевич Чол-хан, с большим отрядом татар. Он выгнал всю нашу семью из дворца и поселился в нем сам. Пошел слух, что он в Твери навсегда останется княжить. Его татары начали так обижать и грабить народ, что вскоре не стало никакого терпения. Отец, понимая, чем это пахнет, старался не допустить мятежа, но тверичи его не послушали и

* Рубль — тогда полгривны, гривна, рубленая пополам.

** Swei — шведы.

*** Орешек — впоследствии Шлиссельбург.

**** В 1325 году по Р. Х.

***** Калита — значит денежный мешок, кошель.

восстали. Самого Чол-хана посекали в куски и кинули в огонь, а всех татар, кои не успели убежать, поперебили.

Что же, думаешь ты, сделал тогда змей Калита? Поскакал в Орду и упросил царя Узбека дать ему пятьдесят тысяч татарского войска, чтобы самолично покарать тверичей! Узбек дал, и московский князь с теми татарами разрушил Тверь и иные города наши, а всю землю Тверскую пожег и пограбил. За такое радение хан дал этому иуде ярлык на великое княжение, а мы с отцом бежали во Псков. Псковичи приняли родителя как своего законного князя, а на тверской стол сел дядя Константин. Только этот выродок во всем был покорен родичу своему, Калите, и даже ходил с ним вместе на Псков, супротив родного своего брата.

Ну, вот, — продолжал княжич после минутного молчания, — отец во Пскове сидел смирно и Москву ничем не тревожил. Но кровопивец Калита и там его не оставил: он потребовал у Пскова, чтобы тот выдал ему своего князя. Псковичи отца моего любили и выдать его не схотели. Тогда Иван Данилович, который уже и попов успел прибрать к рукам, заставил митрополита Феоноста отлучить весь Псков от церкви, а сам выслал на нас большую рать. Родитель мой — человек большого сердца: он порешил ехать в Орду и отдаться в руки хана, чтобы не лилась из-за него русская кровь. Однако псковичи, сведав о том, удержали его силой и поклялись защищать до конца. Отцу совесть не позволила принять такую жертву. Он тайно покинул город вместе со мной, и мы бежали в Литву, чем Псков был спасен от разорения московскими войсками.

Через полтора года, с помощью великого князя литовского Гедимина, который доводится нам родственником, мы возвратились во Псков, и отец там княжил более пяти лет. Тем временем гнев хана Узбека поостыл, и назад тому года три отец послал меня в Орду выведать, не допустит ли его хан обратно в Тверь? Узбек мне ответил: «Пускай твой отец сам явится сюда с повинной головой, а я что схочу, то с ним и сделаю». И отец не побоялся приехать. Хану такое бесстрашие пришлось по душе, и он возвратил ему Тверь, дозволив именоваться великим князем тверским. Вестимо, Иван Данилович остался великим князем московским и всех прочих собранных им земель, но такая уж у него подлая натура: тотчас снова почал клепать на родителя моего, коего в прошедшем годе Узбек уже вызывал на допрос

в Орду. Однако он легко оправдался во всем, и хан отпустил его с миром. Ныне же Калита снова довел до Узбека ложь, будто отец мой мутит новгородцев и подбивает их передаться Гедимину. И видать, хан тому веру дал, ибо вот уже более трех месяцев, как я приехал в Сарай с отцовыми оправданиями, а Узбек меня до сей поры на глаза к себе не допускает.

— Экая нам незадача,— промолвил Святослав.— Я вот тоже никак приема добиться не могу.

— Да тебе что? Твое дело такое, что можно и обождать. А у нас, брат, головы на кону стоят.

— Неужто, мыслишь ты, снова до того дойдет?

— Все может случиться. Видать, московский упырь не успокоится, покуда весь род наш не переведет. Сила у него теперь большая. К хану он блином масляным в рот лезет, и хан ему верит во всем.

С этими словами тверской княжич поднялся и стал прощаться. Святослав, понимая, что он расстроен своими воспоминаниями, его не удерживал.

Следует добавить, что рассказ княжича Федора вполне соответствовал действительности и что московские князья-собиратели были весьма неразборчивы в средствах, чтобы избавиться от своих соперников и доконать их. Мнения всех серьезных русских историков сходятся на том, что в этой борьбе тверские князья в нравственном отношении были много выше московских и что именно потому они оказались побежденными.

Но трудно нам, далеким потомкам, осуждать первых московских князей за их действия, которые, сами по себе, лишены, конечно, какой-либо этики. Трудно, ибо действия эти оправданы всем дальнейшим ходом истории и их конечным результатом явилось создание величайшей в мире империи. Раздробленную Русь того времени нельзя было объединить, надевши белые перчатки. Это можно было сделать, пожалуй, только так, как делали московские князья: не боясь пачкать свои руки ни в крови, ни в навозе, не задумываясь над этической стороной своих поступков и пукая в ход все средства, которые им предоставлял случай.

Что же, значит, цель оправдывает средства? В политике, к сожалению, да. Это мы наблюдаем на протяжении всей истории человечества, и не подлежит никакому сомнению, что государственный деятель, не связывающий себя вопросами этики, всегда имеет преимущество над своим более щепетильным противником. И если не-

этичные методы, им применяемые, несут благо его стране и народу, суд истории и потомков его не только оправдывает, но и возносит на пьедестал. Можно это положение одобрять или не одобрять, но факты от этого не перестают быть фактами.

Впрочем, вернее всего, Иван Калита о таких отвлеченных материях, как суд истории и благо потомков, вовсе не думал. Он просто был трудолюбивым, цепким и эгоистичным хозяином, по сегодняшней терминологии — «кулаком» государственного масштаба. С точки зрения чистой этики и морали он был, конечно, явно отрицательной личностью. Но оттого, что именно такая отрицательная личность на соответствующем этапе истории оказалась во главе Московского княжества, оно смогло в дальнейшем превратиться в великую Российскую Империю, и результаты оказались положительными.

Кроме того, не следует забывать, что каждое событие можно рассматривать под различными углами зрения. Кажется, что может быть гнуснее поступка Калиты, который во главе татарского войска пришел разорять Тверскую землю за восстание тверичей против татарского сатрапа? Но если бы он этого не сделал, татары пришли бы сами, подвергнув разорению не только Тверское княжество, но и все другие, лежавшие на их пути. В этом свете гнусный поступок принимает вид подвига, которого Калита не смог бы совершить, если бы придавал значение вопросам этики.

ГЛАВА 21

Только в начале марта настал долгожданный Свято-славом день, когда, наконец, Абдулай известил его, что через три дня хан Узбек принимает прибывших из Египта послов, после чего назначен прием и ему.

Эти три дня прошли у княжича в лихорадочной деятельности, сменившей сонное равнодушие, которое давно им овладело. Он бегал к Абдулаю и другим сведущим лицам, с которыми успел свести знакомство, узнавая все мелочи татарского придворного этикета и того, как надлежит разговаривать с ханом. Что говорить Узбеку по существу своего дела — он уже давно обдумал во всех подробностях.

В назначенный день и час разодетый козельский княжич в сопровождении четырех слуг, нагруженных подарками, без которых к хану являться не полагалось,

подошел вместе с Абдулаем к ханскому дворцу. Он уже не раз любовался этим великолепным зданием, окруженным высокими стенами из голубого гранита. Величественный портал его, легкие круглые башни и огромный купол, венчающий центральную часть дворца, были сплошь покрыты бело-голубой мозаикой и арабесками, с преобладанием тех же цветов. На вершине купола ослепительно сиял освещенный солнцем золотой полумесяц, видимый отовсюду за много верст.

На мраморных ступенях, ведущих к главному входу, по обе стороны стояли ханские тургауды * в чешуйчатых стальных латах и шишаках, вооруженные круглыми щитами и длинными копьями с привешенными к ним красными конскими хвостами.

Абдулай сказал несколько слов вышедшему навстречу начальнику стражи, на что последний ответил почтительным поклоном. Два воина-великана, стоявшие по бокам входа с обнаженными кривыми мечами в руках, по его знаку распахнули двустворчатую, окованную серебром дверь и пропустили Святослава и его спутников внутрь дворца.

Здесь к ним подошел векиль ** и пригласил следовать за собой. Проведя посетителей через ряд помещений, убранных почти со сказочной роскошью, он остановился перед закрытой дверью и, обернувшись к Святославу, сказал, чтобы тот был готов предстать перед «солнцем мира», великим ханом Узбеком. Это означало, что хан находится в соседнем зале и что с этой минуты нужно неукоснительно следовать установленному ритуалу. Святослав уже знал его назубок. Он, творя про себя молитву, отстегнул саблю и передал ее векилю. Последний распахнул двери, и княжич, склонив голову и высоко поднимая ноги, шагнул через порог: наступить на него — значило оскорбить достоинство хана и пасть под мечами стоявших у двери тургаудов.

Старые очистительные обряды, обязательные при приближении иноверца к ханскому престолу, после принятия Ордой магометанства сохранили лишь силу традиции и были значительно упрощены. Вместо окуривания дымом при входе в приемный зал две пожилые татарки покадили на Святослава и его слуг благовонным дымом из небольших золотых кадила. Взамен очи-

* Тургауды — гвардейцы, телохранители.

** Векиль — дворецкий, дворцовый смотритель.

стительных костров его провели между двумя чисто символическими огнями, горевшими на треножниках по сторонам ковровой дорожки, идущей от двери к подножию трона.

Подняв голову, что можно было сделать, только миновав эти два испытания, Святослав увидел в глубине зала хана Узбека, сидящего под пурпурным балдахинном на высоком черном троне, инкрустированном слоновой костью, с подлокотниками в виде двух золотых драконов. Сзади стояло боевое знамя Чингиз-хана: три укрепленных на древке перекладины с висящими на них девятью хвостами тибетских яков. По сторонам трона, на нескольких ведущих к нему ступенях, покрытых коврами, сидело человек пятнадцать ханских родственников и приближенных. Вдоль обеих боковых стен зала неподвижно стояли тургауды в боевых доспехах и с копьями в руках.

Шагах в пяти от трона, на расстоянии сажени друг от друга, были установлены два копьа с натянутой между ними волосяной веревкой, под которой должен был пройти всякий приближающийся к хану иностранец, символизируя свою покорность. Для лиц особо высокопоставленных, если хан к ним благоволил, се протягивали настолько высоко, что можно было пройти лишь слегка нагнув голову. Чем скромнее был ранг посетителя, тем ниже натягивалась веревка, так что иным приходилось проползать под нею на четвереньках. Зацепить ее головой было равносильно оскорблению ханского достоинства, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Святославу ее протянули не высоко, но и не слишком низко, так что можно было пройти снизу, согнувшись в поясице. Но из боязни задеть веревку, он скорчился под нею в три погибели, что вызвало легкую усмешку на лице Узбека. Однако княжич ее не увидел, ибо в этот момент, согласно обычаю, от исполнения которого лишь очень немногих освобождали по личному повелению хана, он встал на колени и, склонившись, поцеловал пол у подножия трона. В таком положении нужно было оставаться, пока хан не произнесет своего слова.

— Подними голову и говори, — выждав несколько секунд, сказал Узбек по-татарски. Это значило, что в продолжении дальнейшего разговора надо было оставаться на коленях. Позволение говорить стоя считалось

уже великой честью, и только лишь самых больших князей хан приглашал садиться, если желал показать им свое особое благоволение.

Едва стоявший сбоку толмач перевел слова Узбека, как Святослав выпрямился и глянул вперед. Перед ним сидел на троне крупный мужчина величественной осанки в остроконечной тюрбетейке и темно-зеленом халате, расшитом золотом и драгоценными камнями. Его лицо, красивое в молодости, теперь обрюзгло и пожелтело, в недлинных опущенных усах серебрилась густая седина.

После Батыея Узбек был самым выдающимся из золотоордынских ханов; в его царствованье Орда находилась в зените своего могущества и расцвета. Это был жестокий, но умный монарх, умевший держать всех в повиновении и установить порядок на территории своей огромной, разноплеменной империи. Он много заботился о расширении торговли, благоустройстве и строительстве городов, в особенности Сарая, блестяще организовал службу связи между подвластными ему землями, но главное свое внимание обращал на область внешних сношений и сумел высоко поднять международный престиж Золотой Орды.

Путем ряда удачно заключенных браков он породнился с византийским императорским домом, с египетским халифом и другими крупными монархами своего времени. В Каире его именем была названа одна из главных площадей, китайский император Тогон-Тэмур, последний из царствовавших там чингизидов, перед ним открыто заискивал, в Европе и Азии все чутко прислушивались к его голосу.

Все это хорошо знал стоявший перед ним на коленях маленький козельский княжич, у которого внезапно слова застряли в горле при мысли о том, что одного движения бровей этого грозного властелина будет достаточно, чтобы смести его с лица земли. Лишь предельным напряжением воли он подавил свое волнение и деревянным голосом произнес заранее заученные слова:

— Здрав будь, всемилостивейший повелитель наш, да продлит Аллах твою драгоценную жизнь на тысячу лет! Тебе, великому хану Узбеку, сыну Тогрулджи-хана, сына Менгу-Темура, внука славного джехангира Бату-хана и праправнука покорителя вселенной, великого Чингиза, тебе, солнцу нашему, отец мой, князь Тит Мстиславич Козельский, низкий поклон шлет и по мало-

сти достатка своего бьет тебе челом недостойными тебя подарками!

С этими словами Святослав снова поклонился в землю, а его слуги положили в это время к ногам хана два сорока собольих и два сорока бобровых мехов, кованое золотое блюдо и на нем, в маленьком хрустальном ларце, редкий по красоте изумруд, величиною в голубиное яйцо. На остальные подарки хан глянул равнодушно, но при виде последнего невольно подался вперед. Всем было известно, что изумруды являются слабостью Узбека, а такой экземпляр даже ему не часто случалось видеть.

— Откуда у вас этот камень? — спросил он, не отрывая глаз от драгоценности.

— Этот смарагд добыт в горах Зобара, на берегу Черного моря, — ответил княжич, — и в нашем роду он наследуется более двух сотен лет, со времен предка моего, князя Олега Святославича Черниговского, который получил его за женою своею, византийской принцессой Феофанией. Самоцвет сей, рядом с прочими смарагдами, подобен тебе, пресветлый хан, среди других владык земных. И он более пристал твоему величию, нежели нам, твоим ничтожнейшим рабам.

— Встань, — милостиво сказал Узбек. — Твоего отца я знаю и считаю его верным слугою. Говори, в чем челобитье его?

Святослав поднялся с колен, торжествуя в душе: изумруд сделал свое дело, благосклонные слова хана и тон его не оставляли в том никаких сомнений.

— Великий хан, — сказал он, — тебе ведомо, что Карачев есть стольный город земли нашей и что ныне княжит там старший брат родителя моего, Пантелей Мстиславич. Но он стар и одержим смертельным недугом, дни его сочтены. Дабы после смерти его не приключилось смуты и усобицы в вотчине нашей, отец мой, о спокойствии края и о выгодах твоих радея, челом тебе, повелителю нашему, бьет: дал бы ты ярлык на княжение в Карачеве, после смерти князя Пантелея Мстиславича, ему, Титу Мстиславичу, поелику его есть старшинство. А другим князьям земли нашей повелел бы ты его как большого князя и государя своего чтить и из воли его не выходить!

— А есть ли сыновья у князя Пантелея? — спросил хан.

— Есть сын Василий. Но он от пьянства нетверд в

разуме стал и ко княжению неспособен, что и сам веда-ет. К тому же наследование карачевского стола идет у нас спервоначалу от брата к брату, а не от отца к сыну, ибо такова была воля первого князя земли нашей, Мстислава Михайловича. Сам князь Пантелей также от старшего брата своего княжение принял.

— Да будет так, — сказал Узбек, немного подумав. — Челобитье отца твоего принимаю и ярлык ему дам. Жду от него, что будет мне верен и смуты в земле своей не допустит. А теперь можешь идти!

Бормоча благодарности, кланяясь и пятась задом, ликующий Святослав покинул приемный зал. А через неделю, получив ханский ярлык и пайцзу на свободный выезд из Орды, он уже тронулся в обратный путь.

ГЛАВА 22

Благодаря весенней распутице и разливу рек Святослав, выехавший из Орды в середине марта, прибыл в Козельск только к концу мая. Впрочем, он не особенно и спешил: его дело было сделано, ханский ярлык бережно хранился у него на груди. Поминутно проверяя, цело ли его сокровище, и ощущая под пальцами приятный хруст высушенного бычьего пузыря, в который из предосторожности был завернут драгоценный документ, он мечтою был уже в карачевском дворце, — он, не козельский княжич, как все еще думают, а будущий великий князь земли Карачевской! Ради этого стоило выпести все невзгоды утомительного путешествия и сарайские унижения, о которых, впрочем, и знать никто не будет, утешал он себя.

В первом же русском поселении, лежавшем на его пути, он узнал о смерти Пантелеймона Мстиславича и о том, что в Карачеве княжит Василий.

«Ништо, — злорадно подумал он, — недолго ты там покняжишь, гордыбака спесивый! Ужо теперь выкинем тебя оттуда в Елец. Небось, еще нам накланяешься!»

Тит Мстиславич встретил сына со всеми внешними проявлениями родительских чувств, но, узнав о полном успехе его миссии, к удивлению Святослава, не проявил особой радости. Все эти месяцы в глубине его омраченного алчностью сознания неприметно и тихо, как мышь, работала совесть, не давая ему покоя и беспрестанно воскрешая в памяти грозные слова отца: «Аще же кто волю мою преступит, да падет на того мое проклятие»

во веки и пусть не со мною одним, а со всем родом нашим готовится стать перед Господом». Под конец Тит Мстиславич до того извелся, что, сам себе не решаясь в том признаться, уже желал в глубине души, чтобы сын возвратился из Орды без ярлыка.

Однако дело было сделано и ханский ярлык, с гордостью врученный ему сияющим Святославом, находился у него в руках. Ярлык, отдающий ему вождяленное княжество Карачевское и вместе с тем бесповоротно навлекающий на него проклятие отца. Отступать было слишком поздно.

Стараясь ни о чем больше не думать и утешая себя тем, что такова, видно, была воля Божья, он на следующий день отправил гонцов к князю Звенигородскому и к боярину Шестаку, прося их без промедления прибыть в Козельск.

Шестак приехал через неделю и, узнав об успехе Святослава, пришел в восторг, близкий к состоянию экстаза. Неумными и бестактными проявлениями своей радости он вконец извел князя Тита за те несколько дней, которые прошли в ожидании Андрея Мстиславича. Наконец приехал и он, и в тот же вечер в трапезной козельского князя, за столом снова сидели четверо собеседников, совещавшихся здесь девять месяцев тому назад.

Святослав подробно рассказал о своем пребывании в Сарае и о разговоре с ханом Узбеком, умолчав о пережитых унижениях и приукрасив, наоборот, выгодные для себя стороны дела. Два или три раза он повторил, что Узбек сразу вспомнил Тита Мстиславича и отзывался о нем с благоволением, называя достойнейшим из русских князей. Нагоняя цену своему отцу, он многозначительно поглядывал на князя Андрея, но последний, казалось, был этим очень доволен и лишь сочувственно кивал головой в такт словам племянника.

Действительно, все складывалось именно так, как хотел Андрей Мстиславич, и сейчас он окончательно уверился в том, что ведет беспроигрышную игру. От Василия он отделался руками козельских князей, причем сделал это так ловко, что сам остался совершенно в стороне. Если бы даже Узбек не дал ярлыка Титу Мстиславичу и признал права Василия, его, князя Андрея, ни в чем обвинить было нельзя: он по своей доброй воле поцеловал племяннику крест и всегда ему был покорен.

С другой стороны, хорошо зная горячий нрав Василия, он был уверен, что с ханской волей последний не посчитается и добром Титу большого княжения не уступит. Следовательно, ему придется или сложить голову в Орде, или бежать при приближении татарского войска, которое в этом случае непременно явится сюда наводить порядок. Стало быть, Василий так или иначе из игры выйдет и на карачевский стол сядет Тит Мстиславич.

Но последнему и в голову не приходило, что всем этим делом он целиком отдал и себя, и сына своего Святослава в руки князя Андрея. Будучи родственником и другом Гедимины, Андрей Мстиславич хорошо знал, что литовцы готовятся к захвату этого края. Если им это удастся, ни Тита Мстиславича, ни сына его Гедимина на княжении не оставит, как явно татарских ставленников, при помощи хана отнявших карачевский стол у законного князя. И единственным кандидатом на большое княжение будет именно он, Андрей Мстиславич.

Если же литовцы почему-либо отложат или проигрывают войну и княжества эти останутся в подчинении у Золотой Орды, он тоже ничего не теряет: на этот случай в его руках находится духовная грамота Мстислава Михайловича. При ее помощи ничего не стоит доказать хану Узбеку, что козельские князья его обманули и незаконно получили ярлык на княжение в Карачеве. Всем известно, что Узбек в таких случаях бывает беспощаден. Правда, грамота доказывает права Василия, но ведь он ими воспользоваться уже не сможет, ибо, если и останется жив, будет находиться в бегах и в опале у хана. Следовательно, карачевский стол будет отдан ему, Андрею Мстиславичу.

Таким образом, сплетенная им паутина, казалось, при любых обстоятельствах обеспечивала ему не только большое княжение, но и переход в его руки всех удельных княжеств Карачевской земли, что и являлось конечной целью его воцелений.

Выслушав рассказ сидевшего рядом Святослава, он одобрительно обнял его рукой за плечи и, слегка прижимая к себе, сказал:

— Ну, молодец ты, братанич! Не зря я советовал тебя, а не кого иного, в Орду послать: знал, что дело наше в надежных руках будет. ловко ты царя Узбека вокруг пальца обвел!

— Истину говоришь, князь! — поддержал и Ше-

стак. — Молод наш княжич карачевский, а разумом мудр: Его радением недолго Васька на большом столе посидел! — с хохотом добавил он.

— Покуда еще сидит, — мрачно сказал Тит Мстиславич, — и добром едва ли с него сойдет. Смеяться рано, боярин. Гляди, не пришлось бы плакать.

— Плакать придется Василию, — ответил Шестак. — Наше дело теперь правое, и супротив ханского ярлыка на Руси никто не выстоит. В случае чего, татары ему мигом мозги прочистят!

— Хоть оно и так, да ведь татары-то не во дворе у нас стоят, как у Василия дружина. Покуда они сюда дойдут, он нас всех повоюет!

— Небось, не посмеет! А коли и пустит в ход силу, то ему ненадолго поможет: подойдут татары, заберут его в Орду на расправу и все одно сядешь ты в Карачеве.

— Эх тебе дались татары, Иван Андреич! — в сердцах сказал князь Тит. — Татар звать — это уж последнее дело: ведь они все земли наши пограбят. На такое можно решиться, ежели одни с Василием не сладим, коли ничего иного уже не останется. Стало быть, надобно сперва самим за него браться!

— Ну и возьмемся! Коли начали говеть, неужто скажем теперь, что брюхи болят?

— Не то говоришь ты, боярин! Взяться можно по-разному. С чего начинать-то будем? Не идти же на него, здорово живешь, войной?

— Послать в Карачев гонца и объявить ему ханскую волю, — вставил Святослав. — Коли схочет на рожон лезть, пусть первый начинает войну: А может статься, у него хватит ума по добру с нами поладить: ведь лучше в Ельце княжить, чем в Орде голову сложить.

Предложение княжича всем показалось разумным, но именно потому оно испугало Андрея Мстиславича, до сих пор не принимавшего участия в споре. Мирное разрешение конфликта нарушало все его планы, ибо в этом случае Василий остался бы чист перед ханом. Поэтому он поспешил сказать:

— Не дело говоришь, Святослав. Ведь это все одно что отдать себя в руки Василия. У него наготове добрая дружина, с которою он, узнав о ярлыке, тотчас пойдет на нас. Покуда мы соберем людей, он захватит наши вотчины, посадит в них своих наместников, а сам, не будь дурак, поскачет в Орду и скажет хану, что на него,

на большого князя, восстали удельные и он, защищая порядок в своей земле, должен был смирить их оружием...

— А ярлык? — перебил Святослав.

— Что ярлык? Он скажет Узбеку, что того ярлыка и в глаза не видывал, а разговорам о нем веры не дал, ибо стол свой занимал по закону, дань хану посылал исправно и никакой вины за собой не знал. Смекаешь, как дело-то может тогда обернуться?

— То истина, — сказал Шестак. — Надобно иначе действовать. И не упреждать Василия о ярлыке, а на людях сунуть его в тот ярлык носом, чтобы не мог опосля отбрехиваться, что, мол, не знал ханской воли.

— Это не легко сделать, — промолвил Тит Мстиславич. — Поедешь к нему в Карачев с ярлыком, обратно, может, и ног не унесешь. А простому гонцу такого дела доверить нельзя: купит его Василий али убьет и опять же скажет, что никакого ярлыка отродясь не видывал.

— Ни в Карачев ехать, ни гонцов посылать негоже, — сказал князь Андрей после небольшого раздумья, — и о ханском ярлыке Василий до поры знать ничего не должен. Надо его добром сюда залучить. Тут разговаривать с ним будет куда сподручней.

— Золотые слова твои, Андрей Мстиславич! — воскликнул Шестак. — Так и надобно сделать. Коли он ни о чем догадываться не будет, приедет сюда без дружины, да и ввалится, как сом в вершу! Тут мы ему при народе прочитаем Узбеков ярлык и попросим чество убраться из Карачева в Елец. А коли не схочет, схватим его и в железах свезем в Орду!

— Зачем везти в Орду? — сказал князь Андрей. — Ежели он супротив ханской воли пойдет, мы и сами покарать его вправе.

— Да уж из рук выпускать не стоит, — промолвил Святослав.

— Вестимо, тут разговаривать с ним было бы легче, — сказал Тит Мстиславич, — да ведь как заманишь его в Козельск, чтобы он ничего не учуял?

— А его и заманивать нет нужды, — ответил Андрей. — Он сам сюда явится, по своей охоте.

— Отколь тебе это ведомо?

— Был у нас разговор. И он мне сказал, что придет в Козельск, чтобы первым почтить тебя, как старшего родича.

Тита Мстиславича эти слова ожгли, как пощечина.

— Почтить меня приедет, как старшего, а я, как Иуда, предать его должен? — глухо вымолвил он.

— Что за слова, брат дорогой, — брезгливо сказал Андрей Мстиславич. — Пошто ему тебя не почтить, коли он уже тебе, своему дяде, на шею сел? Теперь ему это на руку. К тому же не одно лишь почтение у него на уме: такоже мыслит он при этом случае крестоцелование твое принять.

— А твое нет?

— Я уж целовал ему крест в Карачеве, — спокойно ответил князь Андрей.

— Как же это? — не веря ушам спросил Тит Мстиславич. — И теперь ты свое крестоцелование готов порушить, словно бы ничего не было?

— Ничуть. Я целовал ему крест на верность, доколе он остается законным князем Карачевским. А ныне законный князь наш ты, а не он.

— Ну и хитер ты, Андрей! Не пойму только, зачем было душой кривить и крест целовать, коли он тебя не понуждал?

— Ежели бы я того не сделал, духовная родителя нашего и посейчас была бы в его руках.

— А где она теперь, эта духовная?

— У Василия ее больше нет, — уклончиво ответил Андрей Мстиславич.

— Когда же думал он в Козельск быть? — после довольно длинной паузы спросил князь Тит.

— Сказывал, как наступит лето. Но поелику к его приезду мы должны загодя быть готовыми, лучше бы тебе самому день назначить.

— Как же то сделать?

— Оповести его, что по хворости сам не можешь поехать в Карачев и просишь его прибыть в Козельск, дабы принять тут крестоцелование твое. И укажи день.

— Не бывать тому! — крикнул Тит Мстиславич. — Не стану я ловить его на крест святой, как рыбу на червяка! Что хочешь другое придумывай, а этому не бывать!

— Экий ты, братец, кипяток! Ну, изволь другое: позовем его на семейный совет. И у тебя, и у меня, де сыны повзросли, надобно что-то им дать и о судьбе их с большим князем сообща подумать. А поелику спинная хворь тебе сесть на коня либо в повозку не дозволяет, просим мы собрать тот совет в городе Козельске,

— Ну, это уже лучше. А на когда звать-то его?

— погоди. Сегодня у нас восьмое июня. На то, чтобы добре ко всему приготовиться, положим месяц, а лучше полтора. Стало быть, можно звать его на двадцать третье июля — память святого мученика Трофима. Этот день у меня счастливый.

— Ладно, так и порешим. На этих же днях пошлю в Карачев гонца. А как готовиться-то будем?

— Наиглавное людей надобно побольше собрать да вооружить их добре, — сказал Шестак, — чтобы Василий отсель не вырвался.

— Зачем нам много людей? — возразил Святослав. — Что он, на семейный совет, детям на смех, дружину с собой приведет? Небось, приедет только со стрелянным да со слугами, сам-десять, не более.

— А вдруг почует неладное да приведет сотен пять воев, вроде для того, чтобы князя Тита почтить? Тогда не мы, а он здесь хозяином будет, ежели мы без войска окажемся.

— Вот и не надо, чтобы он неладное почуял. А коли мы начнем в Козельске людей собирать, он о том враз сведает и тогда уж наверняка приведет с собою не пять сотен, а целую рать!

— Стало быть, в большой тайности надобно войско собирать, — настаивал Шестак. — Я одно знаю: Василия нельзя отсюда живым выпустить, сколько бы воев с ним ни пришло!

— А я знаю другое, боярин, — сле скрывая бешенство, сказал Тит Мстиславич, которому этот разговор переворачивал душу, — что с головы Василия здесь и волос не упадет, хотя бы он один приехал! Я не убивец и не тать! Коли не поладим добром, готов встретиться с Василием в честном бою, но, заманив обманом, зарезать его в моем доме никому не позволю. И ты это крепко заруби на носу!

— Кто тебе говорит про убийство, Тит Мстиславич? — пошел на попятный Шестак. — А взять его нужно, ибо ежели мы его отсель выпустим, он всю нашу землю кровью зальет!

— Никакого предательства здесь не допущу, — прямо сказал князь Тит. — Мое согласие есть лишь на то, чтобы зазвать его сюда и тут поговорить с ним начистоту. Коли добром поладим, то и слава Создателю. А ежели упрется он — пусть возвращается в Карачев и

будем воевать. Все одно с ханским ярлыком мы всегда его одолеем.

— Эх, Тит Мстиславич! Ну, а ежели он сам заместо того, чтобы ворочаться в Карачев, и видя, что мы тут без защиты, велит нас всех повязать? Ведь для этого ему много людей не надобно, а уж сотню дружинников он при себе завсегда иметь будет, хотя бы для чести. Неужто, к примеру, ты сам, сделавшись великим князем, сочтешь себе приличным на княжеский съезд с десятком слуг явиться?

Тит Мстиславич на минуту задумался. Потом сказал:

— Навряд ли он сделает такое, как ты говоришь, коли мы первые не нападём. Все же в нем кровь черниговских князей течет. Однако на этот случай сотни две воев и мы можем наготове держать.

— Вроде как для почетной его встречи, — добавил Святослав.

Князь Андрей, не любивший открыто высказываться по столь острым вопросам, во время этого спора хранил молчание, ожидая, что дело и без него примет нужный ему оборот. Конечно, убийство Василия именно в Козельске было ему особенно выгодно, но он сразу понял, что подстрекать к этому Тита Мстиславича бесполезно и опасно. В конце концов ему было важно, чтобы дело не закончилось полюбовно, а зная горячий нрав племянника, он не сомневался в том, что сумеет вызвать ссору, которая погубит Василия в глазах хана, а может быть, даже позволит тут же отделаться от него, якобы в порядке вынужденной самозащиты. Прикинув все это в уме, он примирительно сказал:

— Мыслью я, что брат мой дело говорит: нет нужды идти на крайности. А чтобы Василий не мог взять нас голыми руками, двух сотен козельских воев за глаза достанет. Сверх того и мне будет прилично прихватить с собою человек пятьдесят. Однако следует предположить, что Василий своего стола добром не уступит и что промеж нас учнется война. Стало быть, должны мы не мешкая начать сбор войска и делать это надобно так, чтобы в Карачеве до срока не всполошились. В Козельске пока можно готовить лошадей и оружие, а людей собирать у меня в Звенигороде. Коли мы эти полтора месяца зря не потеряем, к Спасову дню сможем выставить против Василия рать в две-три тысячи человек. А за сим заслоном вскорости и еще столько соберем

— С этим согласен, — сказал Тит Мстиславич. — Однако же будем Бога молить, чтобы дело обошлось миром, и Василия зря ярить не станем. Ежели надобно будет, я ему и Козельское княжество дам, а ты себе возьмешь Елецкое.

— Сохрани тебя Господь от этого, брат! — воскликнул Андрей Мстиславич, встревоженный не столько судьбой Козельского княжества, сколько возможностью мирного исхода. — Он это за слабость нашу сочтет и враз тебя за глотку хватит. Нет уж, что вырешено сообщая, на том и надобно стоять твердо!

— Там видно будет, — буркнул князь Тит. — Зря я, вестимо, ничего такого не скажу. Но ежели для общего мира потребуется...

— Наипаче всего потребуется, — перебил Андрей Мстиславич, — чтобы ты крепко помнил, что волею великого хана ты теперь государь земли Карачевской и что слабость тебе не к лицу!

— Ладно, оставим это, — устало сказал Тит Мстиславич. — Стало быть, о главном мы договорились. Сейчас милости прошу закусить, а за трапезой побеседуем о прочем.

ГЛАВА 23

Страхнув с себя тяжелые наледи, давно уж расправились широкие лапы елей, разорвала зимние оковы звонкая Снежеть и красавица Карачевская земля сбросила со своих пышных плеч горностаевую шубу. Прилетела веселая колдунья Весна, солнечным гребнем расчесала красавице кудри, щедро вплела в них зеленые ленты, украсила ее грудь цветами, — отошла чуть назад, подивилась на мастерство свое и улетела красить другие земли. И вот уже животворящее солнце жарко целует свою вечно юную любовницу.

Потемневшие рощи снова налились птичьим гомоном, в болотах ликующим кряканьем славили жизнь дикие утки и на сочные приозерья вышли из лесу отошавшие лоси. Каждая былинка жадно впивала в себя ласку солнца, всякое дыхание спешило воспользоваться расточительной щедростью матери-Земли.

С первыми победами весны люди тоже оборвали свое вынужденное зимнее безделье и из темных, прокопченных изб вышли во дворы и поля. Вскоре окрестности сел и деревень запестрели темными узорами па-

шень и нежно-зелеными коврами озимых всходов. По подсохшим дорогам потянулись телеги, в кузницах застучали звонкие молоты, из огородов и садов потекли веселые девичьи песни. Каждый радостно творил привычное дело, дышал полной грудью и, как умел, славил тепло и Бога.

Тихо и спокойно было в Карачевском княжестве. Кругом кипели феодальные страсти, шла борьба честолюбий и алчности, князья воевали друг с другом, но этот лесной край продолжал жить своею мирной жизнью, не ведая о том, что и его готова захлестнуть кровавая петля междоусобиц.

Менее всего помышлял о такой возможности князь Василий. Если вначале он и опасался каких-либо враждебных действий со стороны своих удельных князей, то теперь, когда наиболее острый момент благополучно миновал и все, как ему казалось, обтерпелись, он перестал о том и думать.

С наступлением тепла он с головой ушел в дела управления и, проводя в жизнь намеченные планы, находился почти в непрерывных разъездах. Нежданно появляясь в самых отдаленных и глухих деревнях, беседовал с крестьянами, узнавал их нужды, укреплял слабые хозяйства, а где нужно — творил суд и расправу.

Он создал также несколько общин из новоселов, которым охотно предоставлял землю и оказывал щедрую помощь. Народу к нему приходило много, особенно из Смоленщины и Брянщины, где смердам жилось хуже всего. В конце концов это переселение приняло столь широкий характер, что Василий сам вынужден был ограничивать его, опасаясь осложнений с соседями.

Впрочем, самого беспокойного из них, князя Глеба Святославича, крепко связывали свои собственные заботы: он чувствовал себя в относительной безопасности только за стенами брянского кремля, ибо теперь все население княжества вело с ним почти открытую войну. Придерживаясь своего первоначального решения, Василий в брянские дела не вмешивался, но зорко следил за всем происходящим.

Однажды, возвратившись из дальней поездки и попарившись в бане, он сидел с Никитой в трапезной, когда ему доложили, что прибыл гонец из Козельска. Василий его принял тотчас и, узнав, что дяди приглашают его на семейный совет, несколько не удивился. Подобные съезды князей карачевского дома и прежде бывали

не раз, всегда способствуя укреплению доброго согласия между ними. Сейчас такая встреча была особенно нужной, ибо она могла окончательно рассеять тень недоброжелательности и недоверия князей друг к другу.

— Дяде моему, князю Титу Мстиславичу, поклон передай и скажи, что на двадцать третье июля в Козельск беспрерывно буду, — сказал он, отпуская гонца.

— Ну, вот и слава Богу, — промолвил он, когда они остались вдвоем с Никитой. — Я и без того в Козельск собирался, а так оно еще и лучше выходит: по крайности знаю уже, что прием мне будет оказан добрый, поелику они меня сами к себе зовут.

— Примут-то, может, и хорошо, а вот как проводят?

— А проводят еще лучше. Дабы в устройстве земли нашей они мне палок в колеса не совали, надобно наладить с ними добрый мир. На том съезде я их по шерстке поглажу, младшим сынам их выделю приличные вотчины, глядишь, и уразумеют, что я им вовсе не ворог.

— Давай-то Бог, — с сомнением в голосе промолвил Никита.

— Ты что? Али опасение какое имеешь?

— Коли спрашиваешь, скажу: не ндравится мне все это дело.

— Какое дело?

— Да вот этот семейный совет.

— Пошто так?

— Не верю я, князь, твоим дядьям.

— Я и сам им не верил, думал, не пойдут добром под мою руку. Ан видишь — смирились. Никто и слова в перекор не молвил, как принимал я большое княжение.

— Вот это и худо. Ежели бы они тогда заартачились, как того ожидать следовало, было бы все понятно. А так похоже, что затевали они что-то супротив тебя, да то ли сговориться не успели, то ли не все у них готово было, когда представился князь Пантелсей Мстиславич. И может статься, все эти месяцы они тебе покорность выказывали лишь затем, чтобы глаза отвести и тем временем свой подвох без помехи закончить.

— Блажишь ты, Никита! Ну, сам рассуди: что они теперь могут сделать, хотя бы и хотели? Коли думали княжение у меня оспаривать, — время у них упущено, я уже давно княжу. Ежели теперь удумали меня согнать, — сами знают, что руки коротки. Войска собрать они

не могут без того, чтобы мы тотчас о том не сведали. Чего же бояться-то?

— Не знаю, Василий Пантелеич, а вот душа у меня неспокойна. Ведь когда по осени ездил я к ним гонцом, по всему было видно, что сговор они вели и что-то у них затевалось. Да и после того... Шестак-то сколько разов уже в Козельск мотался? И сейчас тоже он там сидит.

— Пускай сидит. Здесь воздух чище будет.

— Оно так, да все же примечательно, что как раз в это время и гонца к тебе из Козельска прислали. Похоже, что перед этим снова они сговаривались.

— То вельми понятно: коли они меня на семейный совет зовут, как им было о том промеж собою не договориться?

— А Шестак здесь при чем?

— Э, дался тебе Шестак! Он исстари друг Титу Мстиславичу.

— Вот эта дружба к добру и не приведет. Послушай совета моего, Василий Пантелеич. Под каким-либо предлогом отложи эту поездку в Козельск. Повременим малость да приглядимся. Может, и сведаем что об их замыслах.

— Еще чего! Коли мое слово им сказано, я его не порушу.

— Ну, тогда, по крайности, прихвати с собою сотен пять воев.

— Да ты, никак, рехнулся! На семейный совет с войском приду! После этого надо мною не только все родичи, а и дети малые потешаться станут. Выпей-ка лучше вот эту чарку, авось у тебя от головы оттянет!

— Эх, Василий Пантелеич! Дай-то Бог, чтобы я ошибался, а не ты!

* * *

После этого разговора прошло больше месяца, но ничто не нарушило мирного течения жизни Карачевской земли. Василий все это время был поглощен своими делами и по поводу предстоящей поездки нимало не тревожился, лишь изредка посмеиваясь над опасениями Никиты.

Видя, что это бесполезно, Никита их высказывать вслух перестал, но недоброе предчувствие его не покидало. Он зорко присматривался ко всему окружающему,

прислушивался к разговорам бояр и даже на свой собственный страх установил тайное наблюдение за Козельском, заслав туда пару надежных людей. Но все было совершенно спокойно, и ничего подозрительного заметить ему не удалось. Даже Шестак, за которым Никита следил особенно бдительно, больше не покидал Карачева и ни с кем из посторонних людей не сносился.

Не удовлетворившись этим, Никита поделился своими опасениями с воеводой Алтуховым, в преданности которого Василию он не сомневался. Алтухов считал, что какой-либо злой умысел или западня тут весьма маловероятны, но, внимательно выслушав все доводы Никиты, все же согласился, что некоторые меры предосторожности принять следует, и притом втайне от Василия, чтобы не рисковать его запретом, в котором можно было не сомневаться.

Наконец приблизился день отъезда. Василий решил взять с собою в качестве свиты боярина Тютина, воеводу Алтухова, детей боярских Лукина и Софонова и, разумеется, Никиту. Последнему было поручено также составить отряд из тридцати дружинников, для сопровождения.

— Дозволь, княже, хотя бы сотню взять, — снова попробовал настаивать Никита.

— Опять ты за свое! Уже было тебе не однажды сказано: не стану я людей смешить!

— Какой тут смех? Тебе, как великому князю, даже приличествует много людей при себе иметь.

— Бери тридцать человек и разговор кончен!

Скрепя сердце Никита повиновался, но людей и коней для этой поездки подобрал с особой тщательностью. В состав эскорта вошли отборнейшие дружинники, в том числе и Лаврушка, с которым Никита долго беседовал отдельно.

Утром 22 июля все было готово к отъезду, когда Никита доложил князю, что воевода Алтухов занемог и просит освободить его от поездки.

— Что с ним такое? — с неудовольствием спросил Василий.

— Должно вчера, после бани, прохватило его ветром, — ответил Никита. — Поясницу свело, никак на коня сесть не может.

— Ладно, пусть вместо него живо собирается второй воевода, Гринев!

Перед тем как выйти во двор, Василий, уже готовый в путь, подумал вдруг, что в связи с предстоящим на завтра крестоцелованием Тита Мстиславича не мешает прихватить с собою духовную грамоту деда. Он быстро прошел в свою опочивальню и, подойдя к божнице, открыл кипарисовый ларец. Но последний был пуст. Не веря глазам, князь сунул в ларец руку, тщательно обшарил все углы, потом поднял его и потряс над полом. Никаких сомнений не оставалось: духовная Мстислава Михайловича исчезла.

— Тишка! — крикнул Василий сдавленным от страшного гнева голосом. Постельничий, находившийся в соседней горнице, не замедлил появиться перед князем.

— Где грамота, что тут лежала?

— Не ведаю, пресветлый князь, — запинаясь, ответил Тишка, побледневший при одном взгляде на пылающее бешенством лицо Василия. — Еще покойный родитель твой запретил мне к этому ларю прикасаться. Я никогда и близко к нему не подходил!

— Позвать дворецкого!

Через минуту в сопровождении Тишки в опочивальню вошел взволнованный Федор Иванович, которому постельничий по дороге успел сообщить в чем дело.

— Куда девалась грамота из этого ларца? — грозно спросил Василий.

— Не ведаю, батюшка князь, — ответил старик. — Я к ней николи не осмелился бы и притронуться.

— Все вы святые! — крикнул Василий. — А грамота сама, что ли, улетела?! Окромя меня, только вы двое сюда вхожи, ваш, стало быть, и ответ! Коли сей же миг не сыщется пропажа, обоим велю головы ссечь!

— В животах наших ты волен, князь, — с достоинством ответил Федор Иванович. — С детских лет и я, и Тихон служим твоему роду честно и не чаяли мы дожить до того, что ты худое на нас помыслишь.

— Прости меня, старик, — несколько успокоившись, сказал Василий, — ни на тебя, ни на Тишку я и в мыслях не имел. Лишь о недогляде вашем речь моя была. И грамоту эту надобно сыскать, чего бы то ни стоило. Как мыслишь ты, кто мог свершить такое подлое дело?

— Ума не приложу, княже. Ведь не то, что в опочивальню твою, а и в смежные горницы, окромя тебя да Никиты Гаврилыча, почитай, никто не заходит.

— Ну, о Никите Гаврилыче тут и разговору быть не может! Припомните оба, не закахивал ли сюда еще кто?

— А ты, княже, когда в последний раз тую грамоту в руки брал?

— Невдолге после кончины батюшкиной, — немного подумав, ответил Василий, — так, должно, в половине ноября.

— Стало быть, тому уже месяцев восемь, как ее унести могли. А может, ты запамятовал? Не доставал ты ее, часом, в тот день, когда звенигородский князь тебе крест целовал?

В мозгу Василия молнией мелькнуло подозрение на князя Андрея: ведь это он пожелал целовать крест не в крестовой палате, а перед ликом Архангела, в опочивальне! Но вспомнив все обстоятельства дела, Василий тотчас отбросил эту мысль. В опочивальне было тогда много народа, все вместе вошли и все вместе вышли, Андрей Мстиславич один тут не оставался и в тот же час уехал. Да и зачем ему эта грамота, коли он по своей доброй воле крест поцеловал и его, Василия, право признал полностью и при многих свидетелях? Нет, это не он сделал!

— Я в тот день грамоты не вынимал, — ответил Василий, — и была ли она в ларце, не знаю. Может, и прежде ее унесли. Припомните добре, не входил ли кто в опочивальню до того али после?

— В светлое Христово Воскресенье отец Аверкий закахивал, святой водой кропить, — подумав, сказал Федор Иванович.

— Ну, это не к делу! А не был ли еще кто?

— Воевода Алтухов, Семен Никитич, однава наведывался, тебя искал. Только в ту пору я сам был в опочивальне.

— Хотя бы и не был, на Алтухова помыслить нельзя. Значит, кто-то еще сюда лазил, и притом в тайности.

— Вспоминается мне, — нерешительно сказал Тишка, — кажись, невадшне до приезда князя Андрея Мстиславича, отлучился я как-то по нужде из опочивальни, а когда воротился, в ту самую минуту оттедова боярин Шестак выходил.

— Шестак! — вскричал Василий. — Что же ты сразу не сказал?

— Запомню я, всесветлый князь. Только вот сейчас, как стал думать, так и всплыло в памяти.

— А в руках у боярина в ту пору ты ничего не приметил?

— Ничего не было, батюшка. В том крест целовать готов!

— Ты хоть спросил его, что он в моей опочивальне делал?

— Спросил. Ответствовал, что тебя ищет.

— Покличь-ка сюда Никиту Гаврилыча!

Тишка бегом кинулся исполнять приказание и сейчас же возвратился в сопровождении Никиты, ожидавшего на крыльце выхода князя.

— Никита, — сказал Василий, — сыщи немедленно боярина Шестак и приведи сюда! Да ежели он станет отбихиваться либо упираться, бери его силой!

— Будет исполнено, княже, — ответил Никита и быстро вышел из горницы.

В ожидании Шестак Василий зашагал по опочивальне, снова наливаясь безудержным гневом. Что грамоту украл именно Шестак, у него не было теперь никаких сомнений. Шестак его ненавидел, старался настроить против него удельных князей, посылал к ним каких-то таинственных ночных гонцов! Зачем своровал он эту грамоту теперь, когда Василий уже княжит, — о том надобно подумать... Может, для того, чтобы потомков его лишить прав на княжение? От такой гадины всего можно ждать! «Ну, погоди, козлиная борода, ты у меня еще пожалеешь, что на свет родился!» — подытожил он все эти мысли как раз в тот момент, когда в опочивальню вошел боярин Шестак, довольно невежливо подталкиваемый Никитой.

Шестак, когда к нему явился княжий стремянной и почти силой повел во дворец, в первую минуту порядком струхнул. Но по дороге взбодрил себя мыслями о том, что Василий княжит последний день и, так или иначе, песня его спета. Что именно стало известно князю, боярин не знал, но решил отрицать все начисто и прикинуться оскорбленной невинностью. В соответствии с этим решением, едва переступив порог опочивальни, он обиженным тоном заявил:

— С каких это пор твои слуги, князь, начали карачевских бояр хватать? Такого еще, кажись, не бывало на Руси!

Василий с бешенством взглянул на Шестака. Перед ним, вспыхивший, но с животным страхом в глазах, стоял маленький ничтожный человечек, не по заслугам занимающий в стране самое завидное положение, стяжавший огромные богатства и все же с легким сердцем готовый предать своего государя, залить родную землю кровью и совершить любую подлость. И с таким еще церемониться!

— Не бывало? — со злой усмешкой переспросил он. — А еще не то будет: карачевский боярин повиснет на воротах, ежели не возвратит грамоту, лежавшую вот в этом ларце, и не скажет, зачем он ее оттуда выкрал?

— Да ты что, князь? — побледнев, но выдерживая взятый тон, промолвил Шестак. — Какая грамота? Да я после смерти родителя твоего и близко тут не бывал!

— Тишка! — крикнул Василий. — Видал ты нынешней зимой, как боярин из моей опочивальни выходил?

— Видал, пресветлый князь!

— Что теперь скажешь, боярин?

— Скажу, что врет твой холоп либо кем научен! — закричал Шестак. — Может, сам он ту грамоту украл, а на меня валит! А ты по холопскому навету бояр хватаешь и смертию им грозишь! Да за такое поношение чести моей я к самому великому хану...

Шестак не успел кончить: шагнув вперед, Василий схватил его за бороду и затряс так, что голова боярина ходуном заходила в его могучей руке.

— Молчи, гнида! Это у тебя-то честь?! Да я тебя, допрежь чем повесить, велю с хомутом на шее по всему Карачеву провести! Сказывай, где грамота, собачий сын!

— Богом клянусь, не брал я ее, — прохрипел Шестак, от наглости которого не осталось и следа.

— Врешь, ворюга!

— Крест поцелую, что чист я в этом!

— Тебе ништо и на кресте солгать! Коли не сам украл, говори, кто это содеял? Без тебя тут все одно не обошлось!

В помутившемся от страха мозгу Шестака мелькнула мысль — рассказать все и тем спасти свою шкуру. Но он сейчас же сообразил, что, если Василий не заподозрит главного и поедет в Козельск, он оттуда едва ли вернется. Что там ни говори князь Тит, а уж Андрей Мстиславич и Святослав о том позаботятся! Стало быть,

надобно стоять на своем и лишь постараться избежать петли сегодня.

— Смилуйся, Василий Пантелеич, — захныкал он. — За что это ты на верного слугу своего? Спасением души моей клянусь: ничего я о том не ведаю!

— Ишь, как запел, иуда! — брезгливо сказал Василий, выпуская боярскую бороду. — Куда вся спесь подевалась! Только не верю я твоим клятвам. Сейчас мне недосуг, а вот ворочусь из Козельска, и мы с тобою еще потолкуем! Коли сам не развяжешь язык, я тебе его развязать сумею. Кликни двух воев, Никита, — добавил он. — В железа боярина и — в подвал! Да караулить крепко, чтобы не сбежал!

Через минуту в опочивальню вошли два дружинника, одним из которых был Лаврушка. Вот уж не чаял он, что выпадет ему счастье самолично вести в тюрьму грозного боярина, заклятого врага их деревни! Приблизившись к Шестаку и тронув его за плечо, он с усмешкой сказал:

— Ну, что ж, пойдем, боярин, в твои новые хоромы! — а когда они очутились в коридоре, добавил: — Да пошевеливайся, рыжий чорт; нам с тобою мулындаться неколи!

* * *

— Все ли в сборе? — спросил Василий у Никиты, когда увели Шестака.

— Давно тебя во дворе ожидают, князь.

— Ну, значит, немедленно в путь! И так немало времени утерали.

— Василий Пантелеич! — воскликнул Никита. — Неужли и теперь упорствовать будешь и не велишь с нами поболее людей взять?

— А что такое случилось, чтобы я свое решение менял?

— Как что случилось? Ужели мыслишь ты, что Шестака для себя ту грамоту украл? Ни малого сомнения нет, что у них сообща какая-то измена задумана!

На этот раз Василий почувствовал, что опасения Никиты имеют достаточно оснований. Но когда нервы его бывали взвинчены, как сейчас, он неспособен был действовать осмотрительно и менее, чем когда-либо, желал показаться трусом.

— Глупости все это, — резко сказал он. — А хоть бы и затевали они что, — не боюсь я их! Едем!

— С тремя десятками людей?

— Да!

— Василий Пантелеич...

— Я сказал! — крикнул Василий. — А еще станешь ныть, и этих велю тут оставить! — И не глядя на сокрушенно умолкнувшего Никиту, он быстрыми шагами вышел из горницы.

.....

ГЛАВА 24

Двадцать третьего июля в Козельске все было готово к встрече карачевского князя. Тит Мстиславич, последние дни находившийся в совсем подавленном настроении, почти ни во что не вмешивался, предоставив действовать своим сыновьям. Впрочем, цепляясь за слабую надежду на мирный исход переговоров, он строго приказал, чтобы Василий был встречен с подобающим почетом и не мог заметить ничего, похожего на расставленную ему западню.

Посоветовавшись с Андреем Мстиславичем, княжичи Святослав и Иван решили сотню пеших воинов, вооруженных копьями и мечами, поставить на княжьем дворе, как бы для торжественной встречи гостя. В момент въезда Василия они должны были построиться двумя шеренгами, от ворот к крыльцу, а потом, во время совещания князей, разойтись, но не покидать двора, ожидая дальнейших приказаний. На заднем дворе, в конюшнях и овинах, стояла сотня оседланных лошадей и частью при них, частью в смежных помещениях находилось еще сто воинов, которым было приказано до поры не высовываться наружу. Там же были размещены пятьдесят конных дружинников звенигородского князя, прибывшего накануне в сопровождении небольшой свиты и обоих своих сыновей.

Никому не было известно, когда именно придет Василий Пантелеймонович, а потому к десяти часам утра на всякий случай все были уже на своих местах. Но проходил час за часом, одетые в металл воины изнывали от зноя, а карачевский князь не появлялся.

Наконец около двух часов дня с наблюдательной вышки сообщили, что со стороны Карачева показалась группа всадников. Вокруг княжеских хором все пришло в движение; забегали княжичи, расставляя людей и

отдавая последние распоряжения. Через несколько минут сотня обливающихся потом воинов, сверкая на солнце начищенными доспехами и остриями копий, вытянулась через двор двумя грозными шеренгами. Едва только, по команде Святослава Титовича, стены этого живо-го коридора выравнились и неподвижно застыли на месте, в настежь открытые ворота шагом въехал небольшой отряд князя Карачевского.

Впереди всех, блистая богатством наряда, ехал князь Василий Пантелеймонович. На нем был расшитый золотом малиновый, с перехватом, кафтан, темно-синие шаровары, узорчатые сафьяновые сапоги со слегка загнутыми кверху носками и низкая соболья шапка. На груди сверкала драгоценная овальная панагия с эмалевым изображением архангела Михаила, а на поясе висела кривая сабля, богато украшенная золотом и самоцветами.

Его аргамак Садко тоже был убран нарядно: под отделанное золотом и слоновой костью седло был положен темно-зеленый, расшитый жемчугом чепрак с бахромой, уздечка и оголовье сверкали золотом, а массивная шейная цепь, составленная из золотых щитков и крупных топазов, дополняла убранство коня.

Сзади ехала небольшая свита, тоже богато одетая, и, наконец, на статных гнедых конях следовал отряд дружинников — молодец к молодцу, все в одинаковых темно-зеленых кафтанах и при саблях. При виде этого великолепия княжич Святослав посерел от зависти, но несколько утешился, пересчитав приезжих.

— Всего тридцать пять человек,— шепнул он стоявшему рядом брату,— и притом без доспехов, с одними саблями. В случае чего ни один отсюда не уйдет!

Подъехав к крыльцу, Василий спешился и обнял по очереди вышедших навстречу дядей, а потом и всех двоюродных братьев. Несмотря на внешние проявления радушия, он сразу почувствовал в приеме какую-то странную натянутость. Тит Мстиславич был необычно суетлив и явно растерян, княжичи глядели исподлобья, и лишь Андрей Мстиславич был, по обыкновению, благостно-спокоен, явно стараясь преувеличенной сердечностью прикрыть общую неловкость.

Когда после обмена приветствиями князя вошли в хоромы, Никита, умышленно задержавшийся возле своих людей, мрачно оглядел двор.

«Ежели тут сотня вооруженных до зубов воев пос-

тавлена открыто, почитай, не менее того по разнем углам попрытано», — подумал он. Подозвав боярского сына Лукина и Лаврушку, он тихо сказал им:

— Коней не расседлывать и держать у крыльца, а ежели кто станет приставать, скажете, что такова воля нашего князя, который тотчас после совещания мыслит ехать в обрат. Зорко поглядывайте по сторонам и, коли кто попробует закрыть ворота, того не допускайте! Ну, а во всем прочем действуйте, как у нас было говорено. Я, Гринев и Софонов будем неотлучно при князе, а ты, Лукин, оставайся снаружи и в случае чего пришлешь ко мне Лаврушку. Ну, с Богом! — С этими словами Никита подтянул саблю и отправился догонять Василия.

Козельские и карачевские дружинники разошлись между тем по двору и вступили в оживленные разговоры. Лукин, как бы прогуливаясь, обошел двор, ощупывая взглядом все закоулки, но ничего подозрительного не заметил. Когда он заканчивал круг, из дома вышел княжич Святослав и, увидя, что гости поставили своих коней прямо у крыльца, понял, что им сделано важное упущение: лошадей следовало, конечно, отослать подалее, а это было невозможно, ибо в конюшнях и на заднем дворе карачевские коноводы сразу обнаружили бы засаду. С минуту подумав, княжич подозвал одного из своих дружинников, вполголоса отдал ему какое-то распоряжение и возвратился в хоромы.

Дружинник послонялся немного по двору, кое с кем перемолвился несколькими словами, а потом, словно невзначай, подошел к воротам и начал было закрывать их. Но не спускавший с него глаз Лукин загородил ему дорогу.

— Пошто ворота зачиняешь? — насмешливо спросил он. — Али опасаясь, что войско ваше со двора утечет?

— А тебе что? — огрызнулся дружинник. — Велено мне, вот и зачиняю!

— Кем это велено?

— А хотя бы княжичем нашим.

— Поку здесь находится князь наш и государь земли Карачевской, его воля тут всех выше. А от него не было приказу ворота зачинять!

Дружинник замялся в явной нерешимости. Видя это, Лукин примирительно добавил:

— Для вашей же пользы говорю. Сейчас поглядишь, как нам открытые ворота спонадобятся.

Действительно, через несколько минут во двор въехала телега, с лежавшею на ней сорокаведерной бочкой.

— Эй, ребята! — крикнул Лукин.— Князь Василий Пантелеич жалует вас бочкой горелки! Скатывай ее на землю и угощайся, кто в Бога верует!

Козельцы не заставили себя уговаривать, и вскоре ковши с крепкой водкой заходили по рукам. Когда через полчаса княжич Святослав, слышав снаружи пение и крики, вышел на крыльцо, он в первый момент едва не задохнулся от гнева. Но узнавши, в чем дело, и заметив, что карачевские дружинники тоже вдребезги пьяны, не только успокоился, но и обрадовался.

«Эк ладно все обернулось,— подумал он.— Карачевцы перепились, кажись, все до единого, и теперь мы с Василием что схотим, то и сделаем. Сам пособил нам своею бочкой!»

Постояв на крыльце и с поощрительным видом полюбовавшись на идущую во дворе гульбу, Святослав Титович снова ушел в хоромы.

* * *

Василия и его спутников между тем провели в трапезную, где их встретила хозяйка, княгиня Дарья Александровна, женщина лет пятидесяти, слегка располневшая, но моложавая. Лицо ее было бледно, и в глазах, казалось, застыл испуг. Когда же Василий, почтительно поздоровавшись с тетушкой, поднес ей драгоценную застезжку и пару серег с крупными брильянтами, она, пролепетав несколько слов благодарности, залилась вдруг слезами и, сославшись на сильное недомогание, покинула трапезную. Наступившее неловкое молчание нарушил Андрей Мстиславич.

— Сестрице со вчерашнего дня неможется,— сказал он.— Только и поднялась с постели, чтобы тебя достойно принять, братанич дорогой! Да вот, видать, от жары сомлела.

— Ну, стоило ли,— пробормотал Василий, который за всем этим начал чувствовать что-то неладное,— я ведь человек свой...

— Ты извини ее, Василий Пантелеич,— деревянным голосом сказал князь Тит.— Мы уж тогда сами, без хозяйки... Сделай милость, выпей да закуси с дороги, а о делах после потолкуем.

Слуги наполнили кубки, однако никто не пил, ожидая слова хозяина. Ему следовало поднять здравицу за

Василия Пантелеймоновича, как за старшего из князей, но ввиду предстоящего разговора Тит Мстиславич не находил в себе силы на подобное лицемерие и мрачно молчал.

— Ну, что ж, выпьем за дорогих гостей,— наконец выдал он,— за то, чтобы все дела промеж нас решались миром и цвела бы наша родная земля.

Услышав эту здравицу, карачевцы недоуменно переглянулись, а лицо Василия грозно нахмурилось. Но он сейчас же взял себя в руки и первым осушил свой кубок. Все остальные последовали его примеру. Слуги снова наполнили чарки, но беседа не налаживалась, и к закускам почти никто не притрагивался.

— Что ж, давайте говорить о делах,— сказал наконец Василий, которому надоело это томление.— Времени у нас мало. Я хочу засветло в обрат выехать.

Карачевцы ожидали, что Тит Мстиславич станет уговаривать их князя остаться на ночлег, но, в нарушение всех обычаев гостеприимства, он этого не сделал, а лишь сказал, ни на кого не глядя:

— Ну, коли так, можно и о делах...

И приказал слугам убрать со стола и больше не возвращаться.

Вскоре в трапезной, кроме Василия и четверых его дворян, остались князья Мстиславичи, человек шесть их приближенных, звенигородский архимандрит Зосима и пятеро княжичей. Из последних выделялся саженым ростом и богатырским сложением двадцатилетний Федор Звенигородский. Младший брат его Иван, совсем еще юноша, тоже был высок и крепок, тогда как из троих козельских княжичей только младший, Федор, обладал вышесредним ростом и приятной внешностью.

За стол сели все старшие; остальные разместились на боковых лавках, а кто и стоя. Никита, давно понявший, что здесь назревает что-то весьма серьезное, стал вместе с Софоновым за спиной Василия, по бокам которого сидели боярин Тютин и воевода Гринев, а прямо напротив, по другую сторону стола, князь Андрей Мстиславич.

— Ну, начнем,— сказал Василий после того, как все заняли свои места и архимандрит прочел краткую молитву.— Коли я правильно понял, наиболее всего тебя, Тит Мстиславич, и тебя, Андрей Мстиславич, заботит судьба молодых сыновей ваших. Всем ведомо, что по обычаю каждый удельный князь сам печется о детях

своих и устраивает их как может на землях своего княжества. А посему вправе бы я сказать, что дело это до меня ничуть не касается. Однако я думаю и скажу иное: желая быть вам добрым родичем, а также блюдя волю деда моего, завещавшего нам жить промеж собою дружно и без раздоров, готов я от себя выделить младшим княжичам вашим добрые вотчины, дабы всякий из них володел своим городом. Ивану твоему, Тит Мстиславич, полагаю дать город Серпейск с уездом, а Ивану Звенигородскому — город Кромь. Вотчичи* ваши по отцам наследуют Козельск и Звенигород, стало быть, из возрастных остается еще Федор Козельский. И его не забуду. Жду, что недолго будут у меня новые земли, а коли то не сбудется, дам ему город Лихвин. С тем каждый из сынов ваших будет не простым вотчинником, а князем, как подобает всякому отпрыску высокого рода нашего. Однако же, как то разумеется из духовной грамоты князя Мстислава Михайловича, которая для нас всех есть нерушимый закон, все эти новые княжества остаются частями единой Карачевской земли и их князья не выходят из воли общего государя — большого князя Карачевского. Мыслию, что такое решение всем вам будет по сердцу и закрепит промеж нас доброе согласие. А ежели имеются у вас еще какие пожелания, готов их выслушать.

Можно было ожидать, что беспримерная щедрость Василия вызовет со стороны молодых князей и их отцов взрыв благодарностей. Однако вместо них последовало гробовое молчание. Тит Мстиславич, совершенно уничтоженный царским великодушием преданного им племянника, сидел растерянный и бледный. Но все глаза были устремлены на него, а среди приближенных Василия все явственнее слышался ропот возмущения. Молчать дольше было невозможно, и князь Тит с таким чувством, словно бросается в бездонную пропасть, забормотал:

— На добром слове тебе спасибо, Василий Пантелеич. Нам бы, вестимо, лучшего и желать нечего... Только, видишь ты, какое тут дело... Все, брат, по иному теперь оборачивается. Кабы раньше я о тебе правильно понимал, не бывать бы этому... Ну, а теперь уже дело сделано, хоть и сам не рад...

— Какое дело, Тит Мстиславич? — недоуменно

* Вотчич — старший сын, наследник.

спросил Василий.— О чем говоришь ты, Христос с тобой?

— Воля хана Узбека... Сам разумеешь, Василий Пантелеич, супротив его воли не пойдешь...

— Причем здесь хан Узбек? — начиная догадываться, крикнул Василий.— Что за околесицу плетешь ты, Тит Мстиславич? Сказывай все толком!

— Принеси сюда ярлык, Святослав,— упавшим голосом сказал князь Тит.

Княжич Святослав быстро вышел в соседнюю горницу и; сейчас же возвратившись, со злорадной улыбкой положил на стол перед Василием развернутый пергамент с алою ханской тамгой*.

Бледный, но сохраняющий полное самообладание, Василий внимательно прочел документ с начала до конца, потом встал и с презрением взглянул на сжавшегося в комок козельского князя.

— Знал я твое естество, Тит Мстиславич,— медленно, чтобы подавить бушевавшее в груди бешенство, сказал он,— но не думал все же, что жадность да зависть доведут тебя до такого... Торг совершил ты знатный: продал поганым родного братанича и за то стяжал разом и ханскую милость, и отцово проклятье!

— Не бывать тому! — крикнул Никита, становясь рядом с Василием.— Вся земля наша за тебя встанет, Василий Пантелеич! Мы тебя в обиду никому не дадим!

— В том сомнения не имею,— сказал Василий,— но кровью народной не хочу я приправлять кашу, которую князья заварили! В деле этом; есть и иные пути. Но допрежь всего желаю я знать, кто здесь изменник мне, а кто друг. Что скажешь ты, Андрей Мстиславич?

— А что тут говорить? — ответил князь Андрей, обеспокоенный тем, что Василий не выходит из рамок благоразумия.— Ханская воля для нас закон. Да и по старшинству Тит Мстиславич среди нас первый, стало быть, ему и княжить в Карачеве.

— И это говоришь ты, по своей доброй воле крест мне целовавший?

— А ты припомни, как дело-то было: я крест целовал из воли твоей не выходить, доколе ты остаешься большим князем Карачевским, и своего крестоцелования не порушил. А ныне велением хана большой князь наш не ты, а Тит Мстиславич!

* Тамга — в данном случае — печать.

— Теперь разумею! — воскликнул Василий.— Целую мне крест, ты знал уже, что для меня яма вырыта! И другое мне ясно: рыл ее князь Тит, а ты ему указывал. И тем временем, без сомнения, ему самому яму готовил!

— Богом тебя прошу, братанич,—окрепшим голосом сказал Тит Мстиславич,—давай любовью это дело покончим! Как на духу тебе говорю: коли мог бы я сделанное воротить, иного и не желал бы. Но уже не воротишь! Выбирай себе любой удел — хоть Елец, хоть Козельск, а то и оба вместе. И во всем тебе полную волю дам, не старшим, а равным тебе буду!

— Эх, Тит Мстиславич, жалко мне тебя, ибо вижу: не ведал ты, что творил, и сам попал в сети иуды! Однако милости от тебя принимать не хочу, ибо мое принадлежит мне по праву и от того права я не отступлюсь! Не знаю, чем вы хана Узбека обманули, но я самолично поеду в Орду и обман тот на чистую воду выведу!

Эти слова окончательно убедили князя Андрея, что дело принимает совсем нежелательный для него оборот. Вопреки его расчетам Василий держал себя в руках и не допускал ничего, могущего навлечь на него гнев хана. Пусть даже в Орде он потерпит неудачу и Узбек оставит княжение за Титом,— все равно это рушило все его, Андрея Мстиславича, планы: показать Узбеку духовную грамоту отца он не сможет, ибо это значило бы возвратить карачевский стол Василию. А без помощи этой грамоты невозможно будет свалить Тита Мстиславича... Нет, надо во что бы то ни стало вызвать Василия на какое-либо безрассудство, могущее опорочить его в глазах хана, или все погибло! Придя к такому решению, князь Андрей вызывающе сказал:

— Это не мы обманули Узбека, а ты собираешься его обмануть! В том, что князь Тит есть старший в роду нашем, никакого обману нет, потому хан и дал ему ярлык. Что же, езжай теперь в Орду и скажи Узбеку, что у тебя глаза краше, чем у Тита Мстиславича, и потому, дескать, тебе пристало быть большим князем!

— Зачем говорить о глазах? — сказал Василий, бледнея от возмущения, но все еще сдерживаясь.— Я ему лучше о своих правах скажу.

— Говорить о правах мало. Их надобно доказать! А чем ты их доказывать станешь?

— Допрежь всего духовной грамотой князя Мстислава Михайловича, которую все вы добре знаете.

— А где она у тебя, эта грамота? Покажь ее нам. Может, и мы тогда в твои права уверуем!

Василий внезапно понял все до конца, и рассудок его помутился от бешенства. Сдавленным голосом он крикнул:

— Так вот о каком вешем сие твоём Шестак гонцов посылал! Не всякий вор додумается татьбу * совершить во время крестоцелования! И Бог еще тебя, святотатца, терпит?! Но ты вот что запомни: пособник твой уже сидит у меня закованный в подвале. Завтра же, как ворочусь в Карачев, велю его повесить! А после придет и твой черед!

— Ты сперва воротись в Карачев, а потом уже навешай! Забыл, видно, что не мы в твоих руках, а ты в наших! Вязать его,—вскакивая, крикнул Андрей Мстиславич.— Зови сюда людей, Святослав!

Святослав Титович кинулся к двери, но воевода Гринеv успел поймать его за руку и рванул так, что тщедушный княжич отлетел к противоположной стене. Одновременно Федор Звенигородский бросился сбоку на Василия. Но Никита, бывший все время начеку, страшным ударом кулака в лицо опрокинул великана навзничь.

— Вижу, что мы в западне,—крикнул Василий,—и, может, живыми отсель не выйдем! Но суд над тобою, гадина, я совершить успею!

Мгновенно он выхватил саблю, и князь Андрей Мстиславич рухнул на пол, с головой, рассеченной надвое. На секунду все остолбенели, потрясенные этой сценой. Все, кроме Никиты.

— К лошадям! — крикнул он.— Выбегай с другими во двор, Василий Пантелеич, а я этих попрдержу, коли будет надобно.

— Без тебя со двора не выеду! — бросил Василий, выскакивая с Гриневым и Софоновым из трапезной. Кое-кто ринулся было им вдогонку, но загородивший собою выход Никита выхватил саблю, а Тит Мстиславич крикнул страшным голосом:

— Довольно крови! Всем оставаться на месте!

Княжич Святослав начал горячо возражать отцу, но что именно говорил он, Никита не слышал, ибо, вос-

* Татьба — воровство.

пользовавшись заминкой, поспешил вслед за Василием и на крыльцо выбежал одновременно с ним.

На дворе дым стоял коромыслом, и на первый взгляд казалось, что тут не сыскать трезвого человека. Однако это было не так: карачевские дружинники, как им наказывал Никита, усердно угощали козельцев, но сами пили мало и лишь прикидывались пьяными. Увидев своего князя, с обнаженной саблей выбежавшего на крыльцо, все они мгновенно вскочили на ноги, и, прежде чем хмельные козельцы успели что-либо понять, весь небольшой отряд Василия был уже на лошадях и мчался по направлению к воротам.

— Не выпускать их! — крикнул княжич Святослав, выбегая из дома.— Они звенигородского князя убили! Запереть ворота и схватить всех!

Трое или четверо козельских дружинников, менее пьяных, чем остальные, кинулись наперерез к воротам, но было уже поздно: налетевшие всадники сбили их с ног и, вырвавшись на улицу, во весь опор понеслись через посад к карачевскому шляху.

— Конную сотню в погоню! Чтобы ни один живым не ушел! — услышал сзади Никита, последним проскакивая в ворота...

Без помехи миновав окраину Козельска, отряд понесся по левому берегу Жиздры. Проскакав с версту, Василий обернулся и сразу увидел погоню: человек полтора-два всадников, несомненно воспользовавшихся более короткой дорогой, внезапно появились не сзади, а сбоку, из-за бугра, с явным намерением прижать беглецов к реке.

Дорога до ближайшего брода, находившегося отсюда верстах в двух, шла по открытой местности, и только по ту сторону Жиздры начинался густой лес, изрезанный глубокими оврагами. Там уйти от преследования было уже не столь трудно, и теперь все зависело от того, кто раньше успеет доскакать до переправы.

Отдохнувшие кони летели как ветер, но вскоре Василию стало очевидно, что козельцы успеют перерезать им путь и что придется принять неравный бой в самых невыгодных условиях, имея за спиной обрывистый берег реки, исключаящий возможность отступления. Он уже начал выбирать глазами наиболее подходящее для сражения место, когда вдруг заметил, что через брод, до которого теперь оставалось не более полуверсты,

движется большой отряд всадников. Их было не менее пяти сотен, ибо хвост колонны еще терялся в лесу по ту сторону Жиздры, а голова уже выстраивалась в боевой порядок в каких-нибудь трехстах шагах. От нее отделился всадник в блестящих доспехах и поскакал навстречу карачевскому отряду.

— И тут засада! — крикнул Василий, круто осаживая коня. — Ну, что ж! Живыми не дадимся!

— Воля твоя, князь, а я с таким супротивником драться не стану, — усмехаясь, сказал Никита.

— Не станешь? — воскликнул Василий, не поверивший своим ушам. — От тебя ли я это слышу?

— Знамо, от меня! А ты погляди вперед, так, может, и сам драться не хочешь!

Василий взглянул на приближающегося всадника в доспехах и, к несказанному удивлению своему, узнал в нем воеводу Алтухова.

— Так это наши?! — радостно воскликнул он. — Каким чудом ты здесь, Семен Никитич, да еще с войском?

— Чужа недоброе, сговорились мы с Никитой Гаврилычем, что выступлю я следом за вами с шестью сотнями воев и обожду в этом леске, что дальше-то будет. И вижу, не зря мы это удумали!

— Спаси Христос вас обоих! Кабы не это, никто из нас сегодня живым бы не был. Уже окружали нас козельские воры!

— Видал я, потому и вышел из лесу вам навстречу. Теперь у них сразу весь пыл пропал, — усмехнулся Алтухов, показывая рукой на козельскую сотню, карьером уходившую в сторону города. — Что же стряслось в Козельске-то с вами?

Василий в коротких словах посвятил воеводу во все происшедшее. Алтухов был потрясен его рассказом.

— Господи, что же будет-то теперь? — промолвил он. — А к ярлыку ихнему ты хорошо ли присмотрелся? Может, это обман был, чтобы ты им добром Карачев оставил, а сам на удел пошел?

— Нет, ярлык, вроде, правильный. Ханская тамга на месте и, видать, писано в Орде.

— Коли есть какое сумнение, можно поглядеть, — сказал стоявший сбоку Софонов, запуская руку за пазуху. — Вот он, ярлык-то! Я, как выбегали из трапезной, прихватил его для всякого случая со стола!

Невеселым было возвращение Василия Пантелеймоновича. Едва приехав в Карачев, он затворился в своих покоях, строго приказав слугам никого не впускать. Обрушившиеся на него события были столь неожиданны и грозны, что следовало их всесторонне обдумать и принять необходимые решения. Василий хорошо понимал, что от правильности этих решений будет зависеть не только его личная жизнь, но и судьба всего княжества, находящегося теперь на пороге братоубийственной войны, а может быть, и нового татарского нашествия.

При мысли о том, что все это случилось злою волей одного лишь человека, Василий вскакивал и начинал метаться по горнице. Он ни минуты не жалел о том, что убил звенигородского князя, опутавшего всех паутиной лжи и подлости, хладнокровно готовившегося предать своих родичей и принести в жертву своему честолюбию тысячи чужих жизней. Однако, будучи убежденным, что Андрей Мстиславич вполне заслужил свою участь, Василий в то же время сознавал, что смерть его весьма осложнила общее положение.

Для него теперь не оставалось никакой надежды восстановить свои права мирным путем. Что же делать? Отстаивать их силою оружия? Конечно, народ его поддержит, и, если бы дело касалось только карачевских удельных князей, привести их к повиновению было бы нетрудно. Но ведь теперь на него ополчатся две грозные силы, против которых он будет беспомощен: гнев золотоордынского хана и месть могущественной литовской родни князя Андрея. Если он, Василий, не уйдет из Карачева, хан Узбек по первому требованию Тита Мстиславича пришлет сюда татарское войско, которое разорит до тла этот мирный край, а половину уцелевшего населения угонит в рабство. Если же Тит к татарам почему-либо не обратится, нагрянут литовцы, уже стоящие на самых рубежах Черниговской земли и ожидающие лишь случая захватить ее, как совсем недавно захватили они земли Минскую, Витебскую и иные. Ему, рядовому князю, воевать с такими противниками, как хан Узбек или великий князь Гедимин, значило бы зря губить свой народ.

Да и личное его положение было, по существу, безнадежно: узнав о происшедшем в Козельске, хан тотчас вызовет его в Орду и велит казнить, как казнил уже за

неповиновение многих русских князей. Ведь он не поверит тому, что Василий сам собирался ехать в Сарай и был вынужден применить оружие лишь в порядке самозащиты. Нет, Узбек будет основываться на фактах, а факты ему представят в таком виде: когда Василию сообщили волю хана, он ей подчиниться не захотел, в ярости убил звенигородского князя, а у Тита Мстиславича отобрал ханский ярлык на княжение! И половины этого было бы достаточно, чтобы Узбек предал его самой мучительной смертью.

Не поехать по вызову хана в Орду и скрыться где-либо в другом княжестве? Невозможно! Ни один князь не станет рисковать головой, укрывая послушника ханской воли. Да и трудно спрятаться на Руси столь заметной величине, как большой князь земли Карачевской... Отыскать и доставить его в Орду Узбек, несомненно, поручит своему любимцу — великому князю Ивану Даниловичу, а уж этот постарается не за страх, а за совесть, во-первых, угождая хану, а во-вторых, чтобы, пользуясь случаем, присоединить к Москве и Карачевское княжество.

Значит, оставаться на Руси равносильно неминуемой смерти. Избежать ее можно, лишь укрывшись в таком месте, до которого ханская рука не дотянется и где дали бы ему прибежище до благоприятного поворота в его судьбе. Но где найти подобное место? Литва и Польша исключаются, ибо там он попадет в руки Гедимины, который или сам с ним расправится, или выдаст его хану Узбеку. Не подходят и западные страны, путь в которые лежит через Литву. О странах восточных и говорить нечего: чтобы добраться до любой из них, нужно пересечь всю Золотую Орду, где без ханской пайцзы и ста верст не сделаешь, как будешь схвачен и отправлен в Сарай.

Выходит, что укрыться от Узбека негде, а сопротивляться ему ничтожными силами Карачевского княжества — бессмысленно. Значит, остается одно: не дожидаясь вызова, поехать в Орду самому и отдаться на милость хана. Свою жизнь он этим едва ли спасет, но Карачевская земля, несомненно, избежит разорения, утраты или захвата ее московским князем.

После бессонной ночи и целого дня мучительных раздумий Василий остановился на этом решении и велел позвать к себе Никиту и воеводу Алтухова. Оба не замедлили явиться на зов.

— Ну, вот,— сказал Василий после обмена приветствиями,— поразмыслил я крепко обо всем и вижу, что нет у меня иного пути, кроме как в Сарай к хану Узбеку. Лучше добром и по своей воле туда явиться, нежели быть привезенным в железах.

— Да ведь это все одно, что самому себя жизни лишиться! — воскликнул Никита.

— На все воля Божья,— ответил Василий.

— Волею Божьей дерево растет,— сказал Алтухов,— а человеку от Бога положено жить своим разумом. И я с Никитой Гаврилычем согласен: ехать тебе в Орду — это верная гибель. Аль не помнишь ты, как Узбек расправился с братом твоим двоеродным, с князем Александром Новосильским? Всем ведомо — вина на нем была не столь уж великая и сам он явился к хану с повинной. И не глядя на то, Узбек повелел привязать его к четырем коням и разорвать на части. А твое дело много хуже, и никакое покаяние тебя от лютой казни не спасет.

— Пусть меня не спасет, зато землю нашу убережет от разорения. А мне, как я ни прикидывал, конец один!

— Ну, это как знать! — сказал Никита.— За тебя весь народ наш подымет, как один человек.

— Напрасной гибели народу своему не хочу. Ну, что мы одни супротив всей Орды сделаем?

— Вестимо, воевать с ханом негоже,— заметил Алтухов.— Однако и без войны можно так обернуться, что и землю нашу не разорят, да и ты, Василий Пантелеич, цел останешься.

— Коли я отсюда добром выеду и сядет в Карачеве Тит Мстиславич, землю нашу никто зорить не станет. Только лучше уж мне прямо в Орду ехать, поелику все иные пути мне заказаны.

— Пошто заказаны? — спросил Никита.

Василий пояснил, почему нельзя ему ехать ни на восток, ни на запад, ни тем паче оставаться где-либо на Руси.

— Думал и я о том,— сказал Алтухов.— Только, сдается мне, не все страны ты перебрал. Есть одна, где можешь ты найти надежное убежище, и путь туда будет безопасен.

— Где же отыскал ты такую страну? — с сомнением в голосе спросил Василий.

— За Каменным Поясом *,— пояснил воевода.— И называется она Белою Ордой.

— Та же татарва,— сказал Никита.— Оттуда Василия Пантелеича прямо к Узбеку и свезут.

— Не свезут, а примут, как дорогого гостя, когда узнают, что он туда приехал по вражде с Узбеком. Видать, не знаешь ты, что у них ныне происходит.

— Не знаю,— честно признался Никита.— Полагал я, что Белая Орда — это вроде как золотоордынский удел и что хан ихний ходит по воле Узбека.

— Так прежде и было. Только мало-помалу белоордынские ханы стали набирать все больше воли, а нынешний хан Мубарек и вовсе отказался почитать Узбека старшим. Узбек послал на него войско и, захватив расплохом его стольный город Сыгнак, посадил там сына своего Тинибека. А Мубарек перенес свою ставку далеко на полночь, кажись, к реке Джайку ** и собирает там силы против Узбека. У белых ордынцев с золотыми вражда насмерть, и они Василия Пантелеича никогда не выдадут. Он там безопаснее, чем где-либо, будет. И почти весь путь туда лежит по русским землям.

— Все это истина,— раздумчиво промолвил Василий.— Только уж больно это далекий край... Ставку свою хан Мубарек держит в городе Чамга-Туре ***, у самого Тобола. Это отсюда почитай верст с три тысячи будет.

— Ну и что? За два—два с половиной месяца не слишком и спеша доедешь. Как раз до начала холодов успеешь.

— Да я не к тому, что ехать долго. Край уж больно неведомый, люди чужие... От отчизны своей там буду начисто отрезан. Отсюда даже и важная весть туда, может, за целый год не дойдет!

— Не думай так, Василий Пантелеич! Белоордынские ханы в оба глаза следят за Золотою Ордой и за Русью, дабы своего случая не упустить. С Хорезмом, Персией и Китаем идет у них большая караванная торговля. Там всегда знают, что на свете делается. Ну, а в случае чего особо важного гонцов к тебе будем посылать.

— К тому же, не век тебе там оставаться,— добавил Никита.— Узбеку уже под шестьдесят, небось дол-

* Каменным Поясом в старину назывался Уральский хребет.

** Джайк — река Урал, Яик.

*** Чамга-Тура — нынешняя Тюмень.

го не проживет. А к новому хану первым явишься, и обратно Карачев твоим будет.

— Ну, что ж,—сказал Василий после небольшого раздумья,—иного выхода все одно нету. Коли надобно выбирать промеж Белой Ордой и лютой смертью, думать долго не приходится. Собирай меня в путь, Никита, послезавтра поутру выеду.

— Никак без меня хочешь ехать? — с упреком в голосе промолвил Никита.

— Пошто стану отрывать тебя от родной земли и увозить нивесть куда, отколе, может, и возврату нам не будет?

— Эх, Василий Пантелеич, как мог ты помыслить, что я тебя в беде покину? Куда ты, туда и я... Окромя тебя, у меня все одно никого на свете нет.

— Ну, коли так, спаси тебя Христос, друг,—сказал Василий, обнимая Никиту.—С тобою вдвоем не так страшна и чужбина.

— Кабы не семья, и я бы с тобою поехал, — промолвил Алтухов.—Но людей-то лучше с собою брать поменьше, и о том, куда едешь ты, кроме нас троих, никто знать не должен. Какой путь мыслишь ты избрать?

— Надобно ехать так, чтобы миновать большие города и вместе с тем чтобы было покороче. Стало быть, отсюда сперва на Пронск, потом на Муром, а там на Волгу и Вятскую землю. Так все лесами и поедем.

— Добро. Здесь станем говорить, что ты поехал в Пронск, сестрицу проведать, а оттуда, мол, мыслишь повернуть на Орду, чтобы хану Узбеку представить свои оправдания. Эдак до Пронска тебе таиться не придется. Ну, а далес уже надобно будет совершать путь в тайности, а в случае каких встреч называться чужим именем...

При дальнейшем обсуждении было решено, что до Пронска Василий возьмет с собой Лаврушку и еще двух-трех дружинников, а дальше будет продолжать путь вдвоем с Никитой.

Сборы в дорогу были недолги. Ввиду дальности и трудности пути ехать следовало налегке, не обременяя себя лишним грузом и вьючными лошадьми. Золото и драгоценности, которые брал с собой Василий, обеспечивали возможность по приезде на место приобрести все, что потребуется, так что с собою решили взять лишь оружие и самое необходимое из одежды.

К обеду следующего дня все приготовления к отъезду были закончены. О делах управления разговоров почти не было, так как предполагалось, что вскоре в Карачев явится князь Тит. Василий лишь наказал своим приближенным, чтобы никакого сопротивления Титу Мстиславичу оказано не было и чтобы пока все повиновались ему, как законному государю. Свое личное имущество, а также часть обстановки дворца, наиболее дорогую по воспоминаниям, он велел упаковать и отправить обозом в Пронск, Елене.

Хотя об этом и не говорилось открыто, но все понимали, что Василий Пантелеймонович покидает свое княжество надолго, может быть, навсегда, а потому большинство старых слуг и многие дружинники также выразили желание перейти пока на службу к Елене Пантелеймоновне и ее мужу. Подумав немного, князь согласился на это и разрешил им следовать в Пронск с обозом.

Покончив с делами, Василий взял с собою Никиту и отправился к Аннушке. Последнее время они не часто виделись: поняв, что ему надо порвать с прошлым и жениться на Ольге Муромской, Василий, хотя и оттягивал свое сватовство, все же старался бывать в Кашаевке пореже, чтобы и себе, и Аннушке дать время постепенно отвыкнуть друг от друга. В отношении себя он в этом, пожалуй, преуспел. Находясь всегда на людях, будучи увлечен делами управления, он и в самом деле стал мало думать об Аннушке, утратил к ней остроту чувства, хотя и вспоминал ее с теплотой и нежностью. Аннушка же, любя Василия больше, чем когда-либо, но понимая неизбежность разлуки, старалась не быть для любимого обузой и не выдавать ему своего горя.

Вкратце рассказав пораженной ужасом Аннушке о событиях последних дней, Василий сообщил ей, что наутро покидает Карачев и пришел проститься, быть может, навсегда.

— Васенька, ужели ж покинешь ты свое княжение? Ужели всех нас покинешь? — с трудом веря страшной действительности, промолвила наконец Аннушка. — Куда же поедешь ты отсель?

— Далеко еду, Аннушка. В чужие края... Какое уж тут княжение! Сейчас жизнь свою надобно спасать от проклятого хана, а дальше — что Бог даст. Может, и вернусь сюда, коли Узбек раньше меня помрет.

— И ты один поедешь?

— С Никитой. Не хочет он меня оставить.

— Кто ж хочет оставить тебя, солнышко наше? Коль позволил бы ты, почитай, весь народ наш, до последнего человека, за тобой бы пошел!

— Ежели бы в том была польза народу, я бы его тоже никогда не оставил. Только и уезжаю потому, что надобно от земли нашей беду отвести и людей от татарской расправы избавить.

— Васенька,— помолчав, сказала Аннушка,— а как же теперь с этим-то будет... ну, с женитьбой твоей на княжне. Ольге Юрьевне?

— Где там помышлять о женитьбе! Как могу я связать себя семьей, коли сам не знаю, что завтра со мною будет? Да и кто ныне пойдет за меня, за изгоя бездомного, у которого смерть за плечами ходит?

— Князь мой светлый! — воскликнула Аннушка, опускаясь на колени и охватывая Василия руками.— Знаю, не ровня я тебе и женою твоей стать не мыслю. Но всею моею любовью великой тебя заклинаю: дозвожь с тобою ехать, хоть служанкой твоей, хоть последней рабой! Все невзгоды пути, всю горечь разлуки с родною землей, самую смерть с тобою разделю с радостью и, умирая, буду Господа славить за посланное мне счастье! Васенька! Васенька! — И Аннушка разразилась бурными рыданиями.

— Что ты, Христос с тобой, ласточка! — растроганно промолвил Василий, поднимая ее и нежно целуя ее залитые слезами глаза.— Думаешь, мне легко с тобою расставаться? Но сама ты помысли, как могу взять тебя с собою, коли не ведаю, куда ведет меня злая судьба? Ждут меня долгие скитанья по глухим лесам, многие опасности, быть может, погоня. Один я от нее уйду и опасность одолею, ну, а с тобою мы оба погибнем. Не плачь, зоринька, Бог милостив, авось еще встретимся!

— Нет, родной, нет, любимый мой,— сквозь слезы прошептала Аннушка, вся прильнув к нему.— Чует мое сердце — в последний раз целую тебя... Разлучит нас судьба навеки.

Два часа спустя Василий в последний раз обнял Аннушку и, с трудом оторвав ее от себя, почти выбежал на крыльцо. Внизу уже ожидал Никита, держа в поводу княжьего коня. Пока они не скрылись за воротами, Аннушка крестила их вслед торопливыми движениями руки, потом пошатнулась и без чувств упала на пол.

Вечером этого же дня в большой трапезной карачевского дворца Василий дал прощальный ужин своим приближенным и служилым дворянам. Их собралось около ста человек. Все знали уже о событиях, случившихся в Козельске, и о том, что князь их покидает, быть может, навсегда, а потому за столами в начале трапезы царило общее уныние. Однако по мере того как слуги приносили из кухни все новые блюда, а из обширных княжеских погребов потекли в трапезную в неограниченном количестве самые старые и дорогие вина, настроение стало подниматься и принимать воинственный характер.

Гости умоляли Василия не покидать княжения, а силою оружия отстаивать свои права. Хватаясь за сабли, они клялись умереть за своего князя и воевать за него с кем угодно. Кто-то предложил немедленно поднять дружину и скакать в Козельск, чтобы «научить уму-разуму старого вора Тита Мстиславича и его щенков». Большинство присутствующих с восторгом откликнулось на это предложение, и Василию стоило немалого труда утихомирить разбушевавшиеся страсти. Убедив забияк в том, что всякое проявление насилия пойдет ему на вред, он взял с них слово не выступать против князя Тита и не нарушать мира в Карачевской земле.

Когда ужин окончился, Василий раздал всем приглашенным богатые подарки, передал воеводам деньги для раздачи младшим дружинникам и простился со своими дворянами, трижды целуясь с каждым.

ГЛАВА 26

Ранним утром 27 июля 1339 года князь Василий Пантелеймонович в сопровождении Никиты вышел на крыльцо карачевского дворца. Оба были в дорожном облачении и при саблях. Идущий сзади отрок нес их охотничьи луки и колчаны со стрелами.

Двор был полон воев и челяди, собравшейся, чтобы проводить своего государя, а прямо напротив крыльца стояла конная сотня в полном походном снаряжении и с вьюками. Она должна была сопровождать Василия до Пронска, ибо накануне вечером, по общему настоянию старшин, князь согласился взять с собою часть дружинников, выразивших желание перейти на службу к прон-

ским князьям. Эта мера предосторожности была не лишней, так как о предстоящей поездке Василия знали все и, если слухи дошли до Козельска, по дороге можно было ожидать засады и нападения.

Поздоровавшись со стоявшими на крыльце воеводами и боярскими детьми, получившими дозволение проводить его до первого ночлега, Василий сказал несколько приветливых слов столпившимся во дворе людям, которые в ответ разразились громкими криками. В них слышались и горькое сожаление, и добрые напутствия, и надежды на скорое возвращение князя, но громче всего звучали угрозы по адресу его врагов.

Василий, бледный и взволнованный, медленно обвел глазами толпу и обширный двор, мысленно прощаясь со всем, что его окружало с детства, и стараясь навсегда запечатлеть в памяти каждое лицо, каждый предмет. Потом молча поклонился народу в пояс, быстро сошел с крыльца и вскочил на поданного ему коня. Вся свита последовала его примеру.

— Ничего не забыл ты, княже? — спросил воевода Алтухов. — Коли так, будем выезжать?

— Обожди, — сказал Василий. — Осталось одно дело, которое я доселева откладывал, дабы свершить его в этот час и при всем народе. Привести сюда боярина Шестака!

Никита сделал знак Лаврушке, и последний, соскочив с коня и придерживая рукой саблю, бегом скрылся за углом дворца. Через несколько минут Шестак, просидевший все эти дни в подвале и ничего не знавший о случившемся, был выведен во двор и поставлен перед Василием. Глаза его с опасливым недоумением оглядывали сидящего на коне князя, готовый к выезду отряд и толпившуюся вокруг взволнованную челядь. По всему было видно, что произошло нечто чрезвычайное, но что именно? Как угадать это и как держать себя с Василием? Впрочем, Шестаку не пришлось долго ломать над этим голову.

— Ну, вот, боярин, радуйся: твоя взяла, — с еле уловимой насмешкой в голосе промолвил Василий. — Как видишь, покидаю свою вотчину, а на карачевском столе, твоим и князя Андрея радением, сядет ныне новый государь, Тит Мстиславич. Чай, теперь ты доволен?

Бурная радость родилась в груди Шестака и, почти не таясь, выглянула из его маленьких, припухших глаз.

«Стало быть, испужался хана и обмяк наш умник,— подумал он.— Великое княжение добром отдает Титу, а сам небось выезжает на удел!»

Бояриц был настолько уверен в правильности своей догадки, что вмиг приосанился, и лицо его снова приняло обычное, важно-самодовольное выражение.

— Вот так-то оно лучше, Василий Пантелеич,— наставительным тоном сказал он.— Хвалю за то, что признал ты старшинство князя Тита Мстиславича и добром уступил ему карачевский стол. Уж он княжить сумеет и бояр своих сажать в подвал не станет! Одначе, ежели все обошлось миром и по хорошему, об этом тоже помянуть больше не будем.

— Ну, спасибо на добром слове, боярин! А я, признаться, дюже твоего гнева страшился. Только уж ты меня до конца уважь: поведай, не видел ли еще каких-либо вещих снов дружок твой, Андрей Мстиславич?

— А о том ты лучше у него самого спроси.

— Да вот, жаль не догадался этого прежде сделать, а теперь уже поздно: намедни ссек я ему в Козельске голсву.

— Господа побойся, княже! Нешто таким шутят? — побледнев и начиная дрожать, пробормотал Шестак, сообразивший наконец, что дело прошло вовсе не так гладко, как ему представилось.

— Мне шутить недосуг, боярин. Как видишь, тороплюсь в дальний путь. Тебя же, поелику ты столь много для этого потрудился, оставляю здесь встречать нового князя. Заодно передашь ему самолично ханский ярлык, который мы по случайности завезли из Козельска. А чтобы ты Тита Мстиславича, как по заслугам твоим подобает, первым увидел, мы тебя пристроим повыше... Повесить его на воротах,— холодно сказал он, обращаясь к окружающим,— да не снимать до прибытия князя Тита.

Несколько дюжих дружинников разом подхватили отчаянно кричавшего и вырывавшегося Шестака и поволокли его к воротам. Не прошло и пяти минут, как тело его, подтянутое под самую стреху проездной башни, судорожно дернувшись, повисло над въездом в карачевский кремль.

Василий, уже выехавший из ворот, придержал коня и оглянулся на покачивающийся в воздухе труп боярина, к груди которого был приколот развернутый пергамент с алою тамгой великого хана Узбека.

— Ну, вот, Тит Мстиславич,— промолвил он,— для твоего иудина княжения вывеску я оставляю самую подходящую... А грядущее известно одному Господу.

С этими словами он повернул коня и, став в голове своего небольшого отряда, не оборачиваясь больше, начал спускаться с кремлевского холма...

* * *

В прохладной и пахнувшей сухими травами келье Покровского монастыря, вздыхая и скорбя о безвременной гибели христолюбивого князя и благотворца Андрея Мстиславича, еще столь недавно отписавшего монастырю восемьсот четей пахоты с двумя деревнями, тучный монах-летописец в эти дни записал:

«В лето шесть тысяч восемьсот сорок седьмое от сотворения мира убьен бысть князь Звенигородский, Андрей Мстиславич, от братанича своего, от Пантелеева сына, от окаянного Василия, месяца иуля в двадцать третий день, на память святого мученика Трофима».

Перечитав написанное и подумав немного, монах тщательно выскоблил слово «Звенигородский» и вписал вместо него: «Козельский».

«Так хотел Господь,— подумал инок, присыпав написанное сухим песком и свертывая рукопись.— Не довелось благодетелю нашему в Козельске покняжить, иначе царевой волей был он уже козельским князем».

В этом вопросе желания самого летописца настолько совпадали с волею хана Узбека, что эта маленькая натяжка в пользу покойного показалась ему исторически вполне оправданной.

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Изгнанник

ГЛАВА 27

Тяжко было на душе у Василия. Так тяжело, что не радовали его ни погожий день, ни яркое солнце, ласковым теплом своим наводнившее зеленые просторы Карачевской земли. Земли, которая еще считала его, Василия, своим хозяином и государем, верила в его правду и ждала от него справедливого и мудрого устройства. А он проезжает по ней, быть может, в последний раз, отправляясь в далекое изгнание...

Мысли эти так мучили Василия, что он, не глядя по сторонам и не замечая прелестей окружающей природы, то и дело понукал своего жеребца, и к полудню, покрыв уже около полусотни верст, отряд его выехал на пологий берег речки Злыни, пересекавшей дорогу на половине пути от Карачева до рубежей соседнего Новосильского княжества. Здесь надо было сделать привал и дать отдых притомившимся лошадям.

Поблизости находилось большое село Злынь, в котором все и думали остановиться, но Василий неожиданно этому воспротивился. Всего неделю тому назад он приезжал сюда как князь и властодержец, обещал смердам широкую помощь; предстать теперь перед ними бесправным и бессильным изгнанником было выше его сил. Просхав еще несколько верст по берегу реки, отряд остановился в зеленой низине, у подножия одного из четырех могильных курганов, насыпанных здесь неизвестно каким и когда исчезнувшим народом.

Выслав дозорцев в сторону ближайшего леса и поставив наблюдателя на вершине кургана, воевода Алтухов позволил дружинникам расседлать коней и отдыхать. Пока кашевары разводили костры и в нескольких железных котлах варили пшеничную кашу с салом, остальные воины, сбросив с себя шлемы и доспехи, с наслаждением вытягивались в прохладной траве, а некоторые бежали к речке, чтобы напиться и освежить головы студеной водой.

Вскоре из-под крутого глинистого берега послышались возбужденные голоса, и оттуда появилось несколько дружинников, с трудом тащивших наверх сильно загнутый костяной бивень аршина в четыре длиной.

— Гляди, ребята, чего мы под кручей нашли!—крикнул один из них.— Там берег, видать, обвалился, и эдакая прорва костей в наружу выперла! Вот-то, братцы мои, кости так кости! Одна башка, почитай, с целую корову будет!

Человек двадцать поднялись с места и отправились к реке взглянуть на интересную находку. Действительно, благодаря береговому оползнию здесь обнаружился почти целый скелет огромного, никому неведомого животного.

— Экое чудище,— промолвил Лаврушка, находившийся в числе любопытных.— И где же это такие водятся?

— Нигде они не водятся и николи их на свете не было,— поучительно сказал пожилой дружинник, стоявший рядом.— Таких костяков, да и иных, еще пострашнее, в этом месте находят немало. А понаделал их дьявол. Он, нечистый дух, как сведал о том, что Господь Бог сотворил на земле всякую живность, давай и себе тоже пробовать в преисподней. И, знамо дело, норовил, чтобы его скоты покрупнее да пострашнее Божьих-то тварей вышли. Вот в разных местах земли искал он подходящую глину и лепил нивесть каких зверей и скотов, только ни хрена у него не получилось! Сиречь, самую-то тварь, им задуманную, он производил, а вот жизни ей дать никак не мог. Так и пооставались под землей все его изделия, коими в гордыне своей тшился он затмить Господнюю славу.

— Вот страсти были бы, ежели б удалось нечистому расплодить по земле таких тварей! — сказал Лаврушка, опасливо притрагиваясь носком сапога с огромному желто-коричневому ребру.— Какого же это скота он здесь мастерил?

— По всему видать, что хотел он сделать преогромную корову; только роги ей зачем-то не на голову, а в рот воткнул! В этих краях еще инакую чертовщину находят, тоже вроде энтой, но роги у ее прямо на носу посажены, один позади другого*.

* В районе реки Злыни нередко находят остатки мамонтов и доисторических носорогов.

— Экая диковина! — изумился кто-то из молодых воинов.— До какого только озорства не додумается нечистая сила!

— А я, братцы, иное слышал,— вмешался в разговор трстий дружинник.— Баил у нас на деревне один бывалый старик, что перед потопом велел Господь Ной выстроить ковчег в триста локтей и собрать туды со всей земли по семи пар чистых да по паре нечистых скотов. Вот и почал Ной с сыновьями ловить всякую живность, и такие ему диковинные твари в чужих землях стали попадаться, коих он николи и во сне не видел! Поди угадай: чистая она али нечистая! А у Ноя делов неспор, и надобно с ними поспешать, чтобы самому не утопнуть. Вот он и рассудил: всех неведомых ему зверей брать на всякий случай по семи пар. Эдак, думает, я не промахнусь: коли та животина окажется чистая, вот и ладно, а коли нечистая, шесть лишних пар утопить недолго.

Так, значит, и сделал. Вот отплыли. Только вскорости видит Ной — на ковчеге столько всякого зверья понапхато, что людям хоть в воду сигай! Возроптал тут Ной на Бога: пошто ты, Господи, не велел мне ковчег попросторнее выстроить? И вот через это теперь всем нам крышка: и людям, и тварям! А Господь ему в ответ: «А ты зачем,— говорит,— старый гриб, меня не послушал и всякой нечисти по семи пар нахватал? Зараз вали всех лишних в воду!» Взялись тут Ной и сыны его за рогатины и давай спихивать в воду самую крупную животину, одну за другой. А та не дается, жить-то ведь и ей хочется! Такое поднялось, не приведи Господи! Где уж тут разбираться, что к чему, да отсчитывать по шести пар? Самых огромных и самых охальных скотов поперли с ковчегавсех подряд, да и дело с концом! Пошли они прямо на дно, затянуло их илом, вот теперь, значит, их костяки кое-где и попадают. А на земле ныне таких тварей нету, ибо Ной вгорячах всех их перетопил и ни одной пары на приплод не оставил.

— Не может того быть,— возразил пожилой дружинник.— Ведь ежели бы Ной эдаких зверей по семи пар с собою брал, ему бы надо ладить ковчег не в триста локтей, а в триста сажень либо и того поболее.

— Локоть локтю рознь. Коли Ной эдакую скотинку мог живьем словить, локоть у его наверняка был не короче сажени!

— Зверь этот прозывается мамут, — сказал Василий,

тоже подошедший взглянуть на диковину.— В далекие времена, задолго еще до прихода сюда первых славян, много их жило по здешним лесам. После они тут повывелись, ну, а в полуденных странах и посейчас еще имеется немало им подобных. Так что, видать, тварь эта в новом хозяйстве все же была, и с ковчеге ее не сбросили.

Нарастающий конский топот оборвал разговор и заставил всех повернуть головы в сторону дороги. По ней во весь мах приближались к кургану два покрытых пылью всадника. Когда, подскакав вплотную, они разом осадили коней и спрыгнули на землю, Василий с удивлением узнал в одном из них брянского дворянина Дмитрия Шабанова.

— Будь здоров на многие лета, батюшка-князь Василий Пантелеич,— промолвил он, кланяясь в пояс.— Насилу настигли мы тебя!

— Будь здоров и ты, Дмитрий Романыч,— ответил Василий.— Какая нужда заставила тебя за мною гнаться?

— Дошло до нас в Брянске, что дядя твой, Тит Мстиславич, выправил у хана ярлык на карачевский стол и что ты свое княжение покидаешь. Так вот, сведав о том, снова собрался у нас народ, и порешили мы вдругораз бить тебе челом, чтобы ты князю Титу в крайности Карачев оставил, а сам бы шел к нам княжить. Знаем мы, что дружина твоя тебя не покинет и коли придешь ты к Брянску, хотя бы и с малым войском, Глеба Святославича в тот же час скинем. Он и так уже еле держится, и воев при нем вовсе мало осталось. А после, ежели пожелаешь, мы тебе супротив твоих карачевских воров подсобим!

— Спаси Бог тебя и весь народ брянский на добром слове,— ответил Василий после короткого раздумья.— За любовь и за доверие ваше злом платить не хочу и потому челобитную вашу не приму. Великие беды навлек бы я на Брянщину, ежели бы ее принял. Может, вам не вся правда ведома, так я тебе сам скажу: своею рукою казнил я за измену звенигородского князя; велел повесить и пособника его, боярина Шестака. Тита Мстиславича пожалел, ибо по всему видать, что те двое его опутали и сам он не рад, что ввязался в это воровское дело. Словом, выходит, что пошел я супротив ханской воли и Узбек мне того не простит. Вот ты и разумеи: ежели приму я вашу челобитную, Глеб

Святославич допрежь всего отправится с жалобой в Орду и хан с превеликой охотой пришлет с ним татарское войско, которое разорит и разграбит вашу землю, за то, что согнали своего князя и призвали меня, ханского послушника. Ни на Бряншину, ни на свою вотчину навлекать такого лиха не хочу, потому и покидаю добром эти края.

— Неужто ничего нельзя сделать, Василий Пантелеич? Ведь вся земля наша тебя князем хочет!

— Я ей в том не отказываю, но надобно переждать. Узбек уже стар и хвор, не сегодня завтра он помереть может. По всему видать, что после него на ханство встанет его сын Джанибек, а он, говорят, не в отца: добр и милостив. Не теряя часу, явлюся к нему с повинной, и пусть даже он мне Карачева не вернет, буду просить у него брянский стол. Также и вы, не упуская времени, посылайте к нему выборных людей и бейте челом о том же. Господь милостив, авось и недолго нам ждать придется.

— Экое нам злосчастье, княже! И надо же было твоим дядьям к хану соваться! Обождали бы чуток, перешел бы ты на княжение в Брянск и всем было бы любо. А теперь гляди какая каша заварилась!

— Эх, Дмитрий Романыч, беда не хлеб, ее на свете для всех хватает. Сейчас лишь о том надобно думать, как бы хуже не сделать.

— Что же, Василий Пантелеич, коли иначе нельзя, станем на том, что ты сказал. Будем ожидать смерти Узбека. Глеба Святославича мы к тому времени все одно скинем и иного князя к себе не примем. Скажи только, куда ты теперь путь держишь и где мы сыскать тебя можем, ежели надобно будет гонца к тебе послать с какой-либо важной вестью?

Взяв Шабанова под руку, Василий отвел его на несколько шагов в сторону и, понизив голос, сказал:

— Тебе, Дмитрий Романыч, верю и тайну эту открою: буду я в Белой Орде у хана Мубарека. Он с Золотою Ордой во вражде, и там меня Узбек едва ли достанет. Только на Руси знать о том никто, кроме тебя и воеводы Алтухова, не должен, особливо сейчас, покуда я до места не доехал, а хан Узбек малость не поостыл. Зря ты ко мне вестников не гоняй, а ежели случится какой-либо большой поворот в наших делах, тебе теперь ведомо, где меня искать. Может, и я тебе оттуда какую весть подам.

— За доверие спаси тебя Христос, княже, я его не обману. Только навряд ли ты тайну схоронишь, ежели с таким отрядом пойдешь за Каменный Пояс.

— Нет, все эти люди со мною идут лишь до Пронска. Там малость погощу у сестры, а дальше поеду с Никитой Толбугиным. Ты, чай, его по Брянску хорошо знаешь.

— Как не знать! Это спутник надежный, он один целого десятка стоит. А мне не дозволишь, Василий Пантелсич, проводить тебя до ночлега?

— Сделай милость! Вот сейчас перекусим, отдохнут маленько кони, да и тронем дальше. На берегу Оки заночуем, а в обрат тебе будут попутчики: тут многие меня лишь на один перегон сопровождают.

После обеда жара сильно давала себя знать. Ехали, не горяча лошадей, и к заходу солнца, сделав верст тридцать, остановились на левом берегу неширокой в этом месте Оки, чуть ниже впадения в нее реки Зуши.

Пока слуги разбивали ему походный шатер, Василий, отстегнув саблю и сбросив кафтан, подошел к краю невысокого обрыва, спускающегося к реке. В подернутой рябью воде отражалось пламя заката; под нависшими ветвями прибрежных ив сгущались вечерние тени. В неподвижном, еще горячем воздухе весело суетилась мошकारа, а за нею гонялись проворные стрижи; внизу плескались и гоготали купающиеся дружинники. Как хорош этот преисполненный покоя и мира вечер, последний вечер на родной земле! Василий глянул на противоположный берег Оки, и в темной полосе расстилающегося там леса ему почудилось что-то чужое и мрачное. За рекою уже начинались земли Новосильского княжества...

В эту ночь Василий почти не сомкнул глаз. Он еще не покинул родину, а уже томительная тоска по ней глодала его сердце. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, он принялся всесторонне обдумывать предстоящее ему путешествие и старался представить себе, как сложится его жизнь на чужбине. А едва за Окою порозовело небо, он поднял свой отряд и приказал начать переправу.

В этом месте правый берег Оки был лесист и безлюден; нигде не было заметно никаких признаков присутствия человека. Это было к лучшему: новосильский князь Симеон Александрович доводился Андрею Мстиславичу зятем, и ожидать с его стороны хорошего приема не приходилось. По землям его княжества пред-

стояло проехать около двухсот верст, что Василий решил сделать в два дневных перехода, минуя города и крупные села. Это было нетрудно: в Новосильском княжестве городов было мало и все они лежали в стороне от прямого пути на Пронск. Василий не раз ездил этой дорогой и знал ее хорошо. Вначале она шла глухими лесами, а далее пустынными и мало населенными берегами реки Непрядвы и верховьями Дона, через дикое Куликово поле.

Еще не взошло солнце, когда Василий Пантелеймонович, простившись с остающимися, вскочил на коня и направил его в прохладную, курящуюся утренней дымкой воду Оки. Воевода Алтухов, Шабанов и другие дворяне, провожавшие своего князя, стоя у брода, долго еще глядели вслед уходящим. И только лишь когда последнего дружинника поглотила на том берегу лесная заросль, они повернули коней и медленно поехали в сторону Карачева.

ГЛАВА 28

Княжество Пронское, раскинувшееся по берегам реки Прони и ее притока Рановы, было невелико по занимаемой площади, но довольно густо населено. Природа здесь была щедра и милостива к человеку, и он крепко держался за свое место, невзирая на то, что Пронская земля издавна служила ареной кровавых междоусобий и постоянных набегов степных кочевников.

Степь, являвшаяся для Руси источником большинства бед и опасностей, в этом месте вклинялась длинным языком в русский лесной массив, и потому все грабительские налеты половцев, а позже — завоевательные походы монголов шли этим путем. Сама жизнь издревле указывала на необходимость создания здесь крепкого опорного пункта, каковым и явился город Пронск, построенный в начале XI века и позже превращенный черниговскими князьями в очень сильную крепость, призванную охранять северо-восточные окраины огромного Черниговского княжества, простиравшегося тогда от Днепра до Волги.

Пользуясь случаем, стоит сказать несколько слов об этом княжестве, которое в XII веке было на Руси явно преобладающим как по величине, так и по значению, чего не в состоянии скрыть даже местный патрио-

тизм киевских летописцев, основоположников нашей официальной истории.

На Любечском съезде в 1097 году за черниговскими князьями, помимо их основной вотчины, были закреплены также земли Новгород-Северская, Муромо-Рязанская и Вятская. Таким образом, применительно к позднейшей карте России в состав этого княжества вошли целиком губернии: Черниговская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Тульская, Пензенская, Рязанская и Калужская и частично — Московская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Могилевская, Харьковская и Полтавская. Кроме того, ему принадлежала весьма важная для всей Руси колония — Тмутаракань, лежавшая на берегах Черного и Азовского морей и охватывавшая нынешний Таманский полуостров, Северный Кавказ и восточную часть Крыма с городом Корчевом *. Русские обосновались там очень давно, по видимому еще в IX веке, а может быть, и раньше, ведя оттуда водную торговлю с Византией и народами Кавказа, а также пользуясь Тмутараканью как превосходной военно-морской базой. В XI столетии область эта стала уделом Черниговского княжества.

Правда, в таком объеме последнее просуществовало недолго: уже в ближайшие десятилетия от него отделилась Рязанская область; северная часть Вятской земли обособилась под властью суздальских князей, а Тмутаракань была захвачена половцами. Но и после этого Черниговское княжество сохраняло свое могущество, и его князья до самого татарского нашествия фактически распоряжались Киевом и великокняжеским столом.

Следует отметить, что истинным создателем этого обширного государства, охватывавшего всю центральную часть Руси, был черниговский князь Олег Святославич. Его личность совершенно неправильно и предвзято освещена в русской истории. Причину этого понять нетрудно: в силу обстоятельств, о которых будет сказано ниже, он всю жизнь воевал с Киевом, а все дошедшие до нас официальные его характеристики принадлежат перу киевлян.

Автор «Слова о полку Игореве», несомненно киевлянин, явно враждебный Олегу, иронически величает сго «Гориславичем» и указывает на него как на главно-

* Корчев — нынешняя Керчь, древняя Пантикапея.

го виновника всех междоусобных войн того времени, который «мечом крамолу ковал и стрелы по земле сел», отчего будто бы:

Век человеческий скоротился,
А по Русской земле
Редко пахарь покрикивал,
Но часто вороны граяли,
Трупы меж собою деля.

Летописец тоже не жалеет для него черной краски, изображая его заносчивым и себялюбивым гордецом, постоянным бунтовщиком против законности и алчным честолюбцем, который разорял русскую землю с помощью «поганных» половцев и являлся истинным бичем Божиим для всей Руси. Но здесь необходимо вспомнить, что дошедшая до нас киевская летопись была специально обработана по указаниям великого князя Владимира Мономаха — злейшего врага Олега Святославича.

Академик Б. Д. Греков в своем капитальном труде «Киевская Русь» подробно говорит о том, как, вступив на великое княжение, Мономах передал старую киевскую летопись из Печерского монастыря в Михайловский Выдубецкий, построенный его отцом, поручив игумену Сильвестру переделать ее наново. Сильвестр эту работу выполнил в соответствии с пожеланиями великого князя, за что и был назначен епископом переяславским, а старая редакция летописи, написанная, как полагают, печерским монахом Нестором, была уничтожена. Таким образом, здесь мы видим один из первых примеров подтасовки фактов и сознательной фальсификации нашей отечественной истории — фальсификации, которая впоследствии расцвела пышным цветом и ради угождения тем или иным тенденциям и лицам беззастенчиво искажила для потомков истинный лик Руси.

Академик Греков прямо называет Владимира Мономаха «заказчиком» этой летописи и отмечает, что она была составлена в нужном ему духе: он стремился к единой державной и к возвеличению рода киевских князей, а для этого ему особенно важно было очернить в глазах народа своих соперников, главнейшим из которых был князь Олег Святославич Черниговский.

Но даже этот покладистый летописец Сильвестр, фактически продавший свое перо не хуже, чем продают его многие современные историки, несмотря на все свое желание «честно» выполнить заказ киевского князя и

очернить князя черниговского, все же вынужден был отметить в своей летописи весьма любопытный факт: во время киевско-черниговских войн многие подвластные Киеву города не желали поднимать оружия против Олега Святославича, а при его приближении добровольно открывали ворота и провозглашали его своим князем. Так, например, когда объединенная рать всех подчиненных Киеву князей во главе с Владимиром Мономахом вынудила Олега уйти из Чернигова, он нашел убежище в чужом городе Стародубе, где все население его энергично поддержало. Затем ему последовательно сдались сильнейшая крепость Муром и неприятельские твердыни—Суздаль и Ростов со всеми своими землями. Таким образом, Олег, располагающий незначительным войском, в короткий срок из преследуемого беглеца превратился в полного хозяина всей Северной Руси. Удивленный историк восклицает: «характерно, что нигде горожане не оказывали Олегу сопротивления и всюду сели его посадники, собирающие для него дань» *.

Действительно, есть чему удивляться, если верить той оценке, которую дает Олегу Святославичу киевский летописец: как это против столь ненавистного князя, разорявшего Русскую землю вместе с половцами, народ нигде не желал поднимать оружия и явно предпочитал его своим собственным князьям? Но если верить не летописцу, а фактам, то следует заключить как раз обратное: что Олег Святославич был на Руси весьма популярен и любим народом не только своего, но и соседних княжеств, с которыми он воевал.

И если мы вдумчиво проанализируем касающиеся его исторические материалы, очистим их от заведомой предвзятости и дополним сохранившимися о нем преданиями, такое отношение к нему народа сделается вполне понятным, ибо перед нами встанет образ умного и дальновидного государя, славного воина и, видимо, исключительно обаятельного человека, великодушного и простого в обращении с народом, но несгибаемого и гордого в отношении других князей.

Войны, которые он вел, отнюдь не были продиктованы корыстью или честолюбием. Будучи ограбленным и обездоленным старшими родичами, Олег Святославич лишь защищал свои права и неутомимо боролся против

* См.: Очерки истории СССР. Московская Академия наук. Т. 9—13 вв. С. 397.

пагубной для Руси системы наследования, установившейся в потомстве Ярослава Мудрого.

В силу этой системы вся Русь рассматривалась как совместное достояние княжеской семьи, старший член которой сидел в Киеве и назывался великим князем, а остальные, в порядке старшинства, княжили в следующих по богатству и значению городах: Новгороде, Чернигове, Переяславле, Смоленске, Владимире-Волынском, Ростове и т. д. Когда умирал кто-нибудь из старших князей, его место занимал следующий по старшинству, а все остальные передвигались из города в город, на одну иерархическую ступень ближе к Киеву, причем старшинство и наследование шло не от отца к сыну, а от брата к брату и от последнего из братьев — к старшему племяннику.

При таком княжении ни один князь не считал нужным как следует заботиться о благоустройстве своего временного княжества, которое через короткий срок достанется кому-то другому и ни в коем случае не закрепится в его прямом потомстве. Подобный порядок имел и другой, весьма существенный, недостаток: князья при жизни своей не могли законным образом обеспечить будущее своих сыновей и старались сделать это обходными путями или силой. Вдобавок, когда род Рюрика сильно разросся, установление общей линии старшинства стало очень нелегким и спорным делом. На почве всей этой путаницы возникали и множились распри и злоупотребления, приводившие к бесчисленным междоусобным войнам, разорявшим страну.

Вот что, в общих чертах, произошло тогда в Киеве: Ярослав Мудрый, умирая, завещал великокняжеский стол своему старшему сыну Изяславу, которого киевляне терпеть не могли. При первом же удобном случае киевское вече «указало ему от себя путь». Он бежал в Польшу, но через несколько месяцев возвратился и овладел Киевом с помощью приведенного с собой польского войска. Однако вскоре киевляне выгнали его вторично, а на великое княжение призвали его младшего брата, всеми любимого черниговского князя Святослава. Когда последний умер, великим князем с помощью поляков снова сделался Изяслав Ярославич.

Сводя счеты с родом своего брата, он немедленно объявил его сыновей, и в том числе Олега, «изгоями», лишенными права участвовать в общей линии наследования. Получилось так, что сыну только что умершего

великого князя не оказалось места на Руси, которой он к тому же успел со славою послужить: командуя русской ратью, посланной в помощь польскому королю Болеславу Смелому, Олег одержал блестящие победы над его врагами — немцами и чехами, занял всю Чехию и взял с побежденных крупную дань.

Старший брат Олега, Глеб Святославич, княживший в Новгороде, был предательски убит по приказу Изяслава, который посадил на его место своего сына Святополка. Велено было убить и Олега, но он успел бежать в Тмутаракань, где нашел надежное убежище.

Через два года он, заключив союз с кое-кем из князей-изгоев и с одним из половецких ханов, собрал рать и провел ее на Киев. Этот союз с половцами киевские летописцы вменяют Олегу как величайшее преступление. Однако, по существу, в нем не было ничего необычного: Олег Святославич был не первым и не последним из русских князей, пользовавшихся военной помощью половцев. И чаще всего ею пользовались именно киевские князья. Кроме того, следует учесть, что противник Олега, великий князь Изяслав, будучи изгнанным из Киева, возвратился туда с помощью поляков; изгнанный вторично — пытался заключить союз с немцами, а когда это не вышло, обратился за помощью к папе Григорию VII, которому он обещал в случае успеха обратить Русь в католичество и признать над нею верховную власть Рима! Неужели, с точки зрения киевского летописца, все это было лучше временного и ни к чему не обязывающего союза с половцами?

Правда, половцы в ту пору часто нападали на русские земли, но абсолютными и постоянными врагами Руси они отнюдь не были. Короткие войны сменялись здесь длительными периодами вполне добрососедских отношений. Между русскими и половцами всегда шла оживленная торговля. Многие русские князья были связаны с различными половецкими ханами узами дружбы и даже родства. Смешанные русско-половецкие браки были обычным явлением, и русский народ недаром в шутку называл половцев «сватами». Из множества примеров, которые можно было бы привести, ограничимся следующими: сын того же великого князя Изяслава, Святополк Изяславич, был женат на дочери половецкого хана Тугоркана; на половчанке женился и сын Олега Черниговского — Святослав; прославленный князь Мстислав Удалой был женат на Хорасане, дочери половецко-

го хана Котяна, на другой дочери которого женился венгерский король Стефан V; на дочери половецкого хана Аэпы был женат великий князь Юрий Долгорукий; князь Андрей Боголюбский, основоположник русского единоподдержавия, был наполовину половец и, кроме своего христианского имени, носил половецкое — Китан; полуполковцем был, по-видимому, и князь Александр Невский, ибо отец его, великий князь Ярослав Всеволодович, был женат первым браком на половчанке; сам герой «Слова о полку Игореве», северский князь Игорь Святославич, был по матери половец и воевал с своим близким родственником ханом Кончаком, на дочери которого в конце концов женил своего старшего сына Владимира.

Из всего этого становится вполне очевидным, что союз русского князя с половецкими был явлением вполне нормальным и, пожалуй, менее предосудительным, чем союз с поляками, немцами или венграми.

Итак, заслышав о приближении Олега, великий князь Изяслав выслал ему навстречу большое войско, которое в первом же сражении было наголову разбито. Олег Святославич не стал его преследовать и не пошел на Киев, которым мог бы легко овладеть. Он ограничился тем, что сел в Чернигове, считая его своим по праву, и дальнейшие военные действия прекратил.

Через некоторое время Изяслав собрал огромное войско и врасплох напал на Чернигов. Олег, находившийся с дружиной вне города, поспешил к нему на выручку. В разгоревшейся жестокой сече великий князь Изяслав был убит, но победа все же осталась за киевлянами и Олег снова вынужден был бежать в Тмутаракань. Киевский стол занял другой его дядя — Всеволод Ярославич, столь же враждебный в отношении князей Святославичей, но еще более коварный. Он уверил византийского императора, что в Тмутаракани готовится набег на Царьград, и, подкупив кое-кого из тмутараканской знати, добился того, что Олег был предательски выдан хазарам и отвезен ими в Византию, где император повелел заточить его на острове Родосе.

Полагая, что избавился от Олега навсегда, великий князь Всеволод посадил на княжение в Чернигове своего сына Владимира Мономаха, а в Тмутаракань отправил своих наместников. Однако через три года туда неожиданно-негаданно явился Олег Святославич, женатый на византийской принцессе и покровительствуемый им-

ператором. Такая крутая перемена в его византийских отношениях едва ли объяснима чем-либо иным, кроме его личного обаяния и ума.

Тмутаракань приняла его с радостью. Он ограничился тем, что казнил нескольких изменников, выдавших его хазарам, а сидевших в Тмутаракани князей отпустил с миром на все четыре стороны.

Очевидно связанный каким-то обещанием, данным византийскому императору Алексею I, Олег мирно княжил в Тмутаракани в течение одиннадцати лет, пока жив был великий князь Всеволод Ярославич. Но едва лишь последний умер и великокняжеский стол занял Святополк Изяславич, Олег выступил в поход на Чернигов, где княжил в это время Владимир Мономах. Последнему пришлось бежать, ибо черниговцы защищать его не пожелали и с радостью открыли ворота Олегу Святославичу, которого всегда считали своим законным князем.

По жалобе Мономаха великий князь вызвал Олега в Киев, на земский суд. Олег высокомерно ответил: «Несть мне лепо судити епископу, ли игуменам, ли смердам» * — и на вызов явиться не пожелал. Тогда Святополк Изяславич собрал громадную рать и, выступив вместе со всеми подчиненными Киеву князьями против Олега, заставил его покинуть Чернигов. Того, что произошло дальше, Святополк и его союзники никак не ожидали: с небольшим войском Олег пошел походом по северным землям, где город за городом без сопротивления открывали ему ворота и народ провозглашал его своим князем.

Война продолжалась еще год. Согласно летописи киевские князья нанесли Олегу ряд поражений и вынудили его в 1097 году явиться для мирных переговоров в Любеч, на общий съезд князей. Однако в правдивости киевской летописи здесь приходится сильно усомниться: едва ли Олег приехал в Любеч в качестве побежденного. Результаты съезда заставляют думать как раз обратное: на нем восторжествовала точка зрения Олега, и выигравшей стороной оказался, несомненно, он. Нелепая система наследования, против которой боролся Олег, была отменена и съезд постановил, что впредь каждая линия князей будет пожизненно и потомственно владеть своей вотчиной на правах нормальной преемст-

* «Не подобает меня судить епископу, игуменам и смердам».

венности. Олегу и его роду, помимо Черниговского княжества, Новгород-Северской земли и Тмутаракани, достались земли Муромо-Рязанская и Вятская, т. е. огромные области, ранее принадлежавшие киевскому князю. Из всего этого видно, что он фактически продиктовал съезду свою волю и получил сполна все, на что претендовал*, а это было бы совершенно невозможно, если бы победа была на стороне киевских князей и они чувствовали под собой твердую почву. Остается думать, что эта часть летописи по указанию Владимира Мономаха была совершенно искажена Сильвестром, превратившим поражения киевских князей в их победы, благо все это проделывалось двадцать лет спустя, т. е. уже после смерти Олега Черниговского.

После Любечского съезда Олег Святославич больше ни в каких распрях и войнах участия не принимал и последние восемнадцать лет жизни целиком посвятил заботам о благоустройстве своего огромного княжества, которое оставил наследникам в цветущем состоянии. Его потомки не только считались, но и в действительности были самыми богатыми на Руси князьями. Из того, что народ их любил и неизменно поддерживал, можно заключить, что и подданным их жилось неплохо.

Два сына Олега Святославича, Всеволод и Игорь (причисленный православной церковью к лику святых), последовательно занимали великокняжеский стол в Киеве, так же как его внук, правнук и праправнук — последний князь Черниговский, святой Михаил. Эти князья на Киев уже смотрели почти как на придаток к своему княжеству. Получив киевский стол, они не рвали связи с Черниговом и называли себя великими князьями Черниговскими.

В 1127 году брат Олега, Ярослав Святославич, воспользовавшись удачно для него сложившимися обстоятельствами, утвердил за собой и своим потомством Муромо-Рязанскую область, образовав из нее самостоятельное княжество. При его сыновьях оно разделилось на три удела: Муромский, Рязанский и Пронский, тотчас же вступившие в ожесточенные войны друг с другом и с соседним княжеством Суздальским, которое вскоре совершенно подчинило их своему влиянию.

* По всем действиям Олега заметно, что он не домогался великого княжества в Киеве, а боролся лишь за свои права на Черниговское княжество.

Только перед самым татарским нашествием первому великому князю рязанскому, Юрию Игоревичу, удалось избавиться от этой суздальской опеки и объединить под своею властью все три удела. Он значительно расширил пределы Рязанского княжества на восток, за счет мордвы, построил несколько новых городов и хорошо наладил хозяйственную жизнь своей земли. Однако этот расцвет был недолгим: в 1237 году на Рязань обрушились полчища Батыея, в неравной борьбе с которыми геройски погиб никем не поддержанный князь Юрий Игоревич и с ним еще семеро князей, членов его семьи. Города Рязань, Пронск, Муром и почти все другие были обращены в пепел, а земля Рязанская залита кровью и разграблена.

Князю Ингварю Ингваревичу, единственному оставшемуся в живых, стоило огромных трудов частично восстановить разрушенные города и немного оживить опустошенный край. Свою столицу он перенес из Старой Рязани в менее пострадавший Переяславль Рязанский — древний город, стоявший при впадении реки Трубежа в Оку, там, где находится нынешняя Рязань.

Муромское княжество к этому времени приобрело полную независимость, хотя и находилось под влиянием Москвы, а Пронское, пострадавшее больше всех, в течение нескольких десятков лет было в подчинении у Рязани. Но едва лишь пронские князья отстроили и укрепили свой город, они отложились от Рязани, которая, конечно, с этим примириться не захотела. Начались бесконечные усобицы, затянувшиеся вплоть до описываемого нами времени. Борьба велась с переменным успехом, причем великие князья рязанские считали Пронск своим уделом, а пронские князья почитали себя совершенно независимыми.

В конце тридцатых годов XIV столетия отношения здесь были особенно натянутыми. Рязанский князь Иван Иванович, прозванный Коротополом, был человеком корыстным и завистливым; всеми правдами и неправдами он хотел господствовать в Пронске и наложить руку на его богатства. А их было немало. Пронское княжество было густо населено, сравнительно благоустроено, богато лесом и пушниной, хлебом, медом, скотом и железом, которое выплавляли здесь по берегам рек из болотной руды. Пронские умельцы сами варили отличную сталь и делали из нее сельскохозяйственные орудия и оружие.

Но прибрать все это к рукам было не так легко: Пронское княжество, по величине уступавшее Рязанскому в несколько раз, являлось тем не менее очень серьезным противником. Укрепления его столицы были почти неприступны, войско довольно многочисленно и отлично вооружено; кроме того, пронских князей поддерживала Москва, отнюдь не заинтересованная в усилении Рязани.

Князь Александр Михайлович Пронский, хотя и был уже в преклонных летах, отличался мужественным и энергичным характером, — во всем у него царил образцовый порядок. Под стать ему были и все три его взрослых сына. Над всеми потугами Коротопола они лишь посмеивались и всегда были готовы не только отразить нападение, но и возвратить удар.

ГЛАВА 29

В Пронске караульная служба была поставлена отменно, в чем воочию убедился Василий, благополучно прибывший сюда на исходе четвертого дня пути. Едва только голова его отряда показалась из лесу и передовые всадники увидели в полуверсте от себя бревенчатые стены города, стоявшего на плоской вершине возвышенности, круто спадающей к берегу реки Прони, как со сторожевой башни понеслись резкие и частые удары колокола. В ту же минуту мост через крепостной ров был поднят, ворота заперты, а по стенам забегали люди, занимая свои боевые места.

— Хорошо налажено, — пробормотал Никита, взглядом знатока отмечая согласованность всех этих действий и с уважением поглядывая на неприступные стены. — Таких врасплох не застанешь и голыми руками не возьмешь!

— Им иначе нельзя, — заметил Василий, уже не раз тут бывавший. — Пронское княжество лакомый кусок и для Рязани, и для Москвы. Тут только зазевайся, враз за глотку ухватят.

Когда они приблизились ко рву шагов на сто, со стороны сторожевой башни над воротами раздался зычный оклик:

— Кто едет?

— Князь Карачевский со своими людьми! — крикнул Никита.

Не прошло и двух минут, как подъемный мост был снова спущен, ворота распахнулись настежь и Василий во главе своего небольшого отряда въехал в город.

Благодаря условиям местности Пронск не был похож на другие русские города: на узкой продолговатой возвышенности, с двух сторон окруженной крутыми обрывистыми склонами, а с третьей — глубокими оврагами, могла поместиться только городская крепость, обнесенная массивными стенами из бревенчатых, наполненных землею городниц. Эти стены тянулись по самому краю обрыва и оврагов, что делало город практически неприступным, но в то же время не оставляло места для его роста.

Со стороны главных ворот подступы к Пронску не имели естественных преград, но здесь вдоль его стены был выкопан широкий и глубокий ров, через который перекидывался подъемный мост. Внутри крепостных стен едва помещалась центральная часть города, для посада же места почти не оставалось. Лишь с внешней стороны рва, по обоим сторонам подъездной дороги, тянулось десятка четыре изб, образующих нечто вроде улицы, ведущей к городским воротам. Еще несколько лачуг кое-как нашли себе место под стенами, на уступах кручи, собственно же посад разбивался на несколько отдельных сел, разбросанных между окружающими город оврагами. В сторону ближайшего и самого крупного из этих поселков, где обитал главным образом торговый люд, обслуживающий нужды города, из крепости, через боковые ворота, вела узкая извилистая дорога, проложенная по склонам и дну оврагов.

Третьи ворота выходили прямо на крутой склон, спускавшийся к реке. В городе не было воды; ее надо было доставлять наверх из Прони, что не раз приводило к сдаче крепости в случае длительной осады. Правда, в последние годы князь Александр Михайлович в значительной мере устранил эту опасность, соорудив в городе водохранилища, вмещавшие большой запас питьевой воды, которая всегда обновлялась простым и остроумным способом: каждый житель, приносивший или привозивший себе воду, обязан был вылить ее в одно из этих водохранилищ, а себе мог взять такое же количество из другого, наполненного раньше.

Когда Василий въехал на широкий княжеский двор, здесь несколько молодых дружинников с азартом игра-

ли в рюхи*. Белобрысый крепыш в длинной голубой рубахе с засученными рукавами только что мастерским ударом выбил целиком «гадюку», считавшуюся одной из самых трудных фигур, и теперь, гордо подбоченившись, ожидал, когда ему перебросят палку для повторного удара. За игрой, зубоскаля, наблюдала кучка княжеской челяди, закончившей дневные дела и высыпавшей во двор подышать вечерней прохладой. Чуть поодаль пожилой конюх с нерусским лицом вываживал великолепного вороного коня, покрытого легкой попоной и, видимо, недавно расседланного.

При виде Василия, которого здесь многие знали, все сняли шапки, дружинники прекратили игру, а кто-то из холопов стремглав кинулся в хоромы.

Приветливо поздоровавшись с людьми и крикнув игрокам, чтобы продолжали, Василий спешил к крыльцу как раз в тот момент, когда на нем появился его зять, княжич Василий Александрович. Они обнялись, но не успели еще и слова друг другу промолвить, как на крыльцо, совершенно забыв свое достоинство замужней женщины и княгини, выбежала раскрасневшаяся и сияющая Елена Пантелеймоновна. Она была так же хороша и юна, как прежде, но все же и Василий, и Никита сразу заметили в ней перемену: теперь она больше не казалась девочкой и назвать ее княжной было бы столь же трудно, как год тому назад княгиней.

— Как можно так бегать, Аленушка? — с упреком в голосе сказал княжич жене, позиснувшей на шее у Василия. — Ноне ты не за одну себя отвечаешь.

— Вот оно что! — воскликнул Василий, выпуская наконец сестру из объятий. — Дождались-таки! Когда же придет наследник ваш?

— Не столь скоро еще, — ответил Василий Александрович, ласково поглядев на жену, здоровавшуюся в это время с Никитой. — Мыслим, что к Рождеству Христову пошлет нам Господь эту радость.

Продолжая разговаривать, все вошли во дворец и направились в предназначенные гостям покои. Зная царящие здесь патриархальные обычаи, Василий прежде всего хотел приветствовать старого князя, но княжич сказал:

* Рюхи — древняя русская игра, ныне известная под названием городков.

— Батюшка всего полчаса как воротился из поездки и прилег отдохнуть. Ты сейчас устраивайся и переодевайся, а коли хочешь — и в баньку сходи; она сегодня топится. Часа через два станем вечерять, вот в трапезной родителя и почишь. Он в обиде не будет.

Незадолго до ужина все взрослые члены княжеской семьи собрались в одной из гостиных горниц в ожидании выхода князя Александра Михайловича. Семейство его было не очень многочисленно. Из трех княжичей Василий, муж Елены, был младшим. Старший, Ярослав Александрович, высокий и сутулый мужчина нездорового вида, находился тут же вместе с женою своею, Софьей Константиновной. Княжич Иван Александрович отсутствовал. Он был вдов, но в горнице вскоре появился высокий и красивый юноша, его старший сын Олег. Несмотря на свои шестнадцать лет, он непринужденно поздоровался с Василием и в разговоре держал себя как взрослый *.

Когда все были в сборе, в горницу вошел высокий и крепкий старик величавой осанки, с орлиным носом и холеной волнистой бородой, в которой черный цвет еще преобладал над сединой. Одет он был в коричневый, шитый золотом кафтан и мягкие сафьяновые сапоги. Это был пронский князь Александр Михайлович. При его появлении все встали с мест, а Василий двинулся к нему навстречу со словами приветствия. Но старик сам направился прямо к гостю и сжал его в объятьях.

— Ну, будь здоров и добро пожаловать, Василий Пантелеич, дорогой,— промолвил он.— Весьма рад видеть тебя в Пронске. И прошу помнить: не в гостях ты здесь, а дома, в своей семье.

— Спасибо тебе за радушие и за ласку твою, Александр Михайлович, — ответил Василий. — И не будь на меня в обиде за то, что тотчас по приезде не явился почтить тебя, как должно. Хотел это сделать, да сказали мне, что ты отдыхаешь.

— Полно, братец! Это я перед тобою виноват, что не вышел тебя встретить, как подобает. Ты ведь не княжич теперь, а государь и большой князь земли Карачевской! И притом такой князь, у которого и нам, ста-

* Олег Иванович одиннадцать лет спустя сделался великим князем Рязанским и, удержавшись на этом шатком престоле более полувека, покончил с местными усобицами.

рикам, есть чему поучиться. Много лестного доводится нам о тебе слышать!

— Спаси тебя Христос за добрые слова твои, Александр Михайлович, — с волнением в голосе сказал Василий, — а похвалы твоей едва ли я достоин. Когда узнаешь ты всю правду, может, и держать меня в Пронске не схочешь... Не князь я больше карачевский, а ханский опальник и беглец.

Кругом раздались возгласы изумления и ужаса. Елена Пантелеймоновна, с лицом бледным, как мел, устремилась к брату, но старый князь остановил ее властным движением руки.

— Трудно поверить тому, что молвил ты, Василий Пантелеич, — строго сказал он, — иначе думаю, что так шутить над нами ты себе не позволишь. Садись же и поведай толком, что там у вас приключилось?

Повинуясь его желанию, Василий рассказал присутствующим о карачевских событиях. Он старался быть кратким и не вдаваться в мало существенные подробности, но все же рассказ его длился около получаса и только два-три раза был прерван короткими вопросами князя Пронского. Когда Василий кончил и умолк, в горнице минуты две царило общее молчание.

— Да, дела, — промолвил наконец Александр Михайлович. — Беда приключилась с тобою великая, но вижу, что вины твоей во всем этом нет и чести своей ты нигде не порушил. Дядюшку твоего, Андрея Мстиславича, я знавал хорошо и мыслю, что получил он заслуженное. А что ты ушел из Карачева добром и не поднял на князя Тита оружия, в том вижу мудрость твою. Все одно Узбек бы тебя сломил, а с тем вместе и всю землю твою предал бы огню и разграблению... Что же думаешь ты теперь делать?

— Сам еще не ведаю, — уклончиво ответил Василий. — Коли позволишь, у вас погашу несколько дней, а там поеду в Суздаль либо во Владимир. А после, может, и в чужие страны подамся, обождать Узбековой смерти.

— Вестимо, живи здесь, сколько сам пожелаешь. Только помни, что через Пронск лежит дорога из Орды на Москву и тут татарва всякого звания все время туда-сюда мотается. Здесь тебя враз сыщут. О том же, куда тебе лучше ехать, еще подумаем, а сейчас прошу в трапезную. За ужином продолжим нашу беседу, в этом поганом деле мне еще не все понятно,

Следующие три дня промелькнули для Василия столь же быстро, как пролетают последние часы приговоренного к казни. Много было за эти дни переговорено с пронскими князьями, а еще того больше с Еленой.

Все сходились на том, что Василию оставаться на Руси нельзя, а ехать в Орду, полагаясь на милость хана Узбека, равносильно самоубийству. Зять советовал ему пробираться в Свейскую землю*; княжич Ярослав считал, что лучше всего укрыться в Византии; старый же князь своего мнения не высказывал. Василий никого из них не хотел посвящать в свои истинные намеренья, и отнюдь не потому, что им не доверял. В этом вопросе им руководило скорее чувство доброжелательности: зная, что не только княжение, но и самая жизнь пронских зависит от воли Узбекова, он не желал излишней откровенностью ставить кого-либо из них в положение своего сообщника. Поэтому он ограничился обещанием поразмыслить над полученными советами и только лишь сестре своей, с глазу на глаз, признался, что им уже принято твердое решение ехать в Белую Орду.

Елена сперва пришла в ужас: ведь это же те же татары, как можно им довериться? Сегодня они во вражде с Узбеком, а завтра помирятся и отведут к нему Василия на аркане. Но, выслушав доводы брата, она в конце концов согласилась с тем, что из всех возможностей он выбрал самую лучшую. И даже начала торопить его с отъездом: ей все казалось, что вот-вот нагрянут сюда ордынцы и схватят Василия. Конечно, подобная опасность была еще далека, ибо весть о разыгравшихся в Козельске событиях за столь короткий срок никак не могла дойти до ушей хана Узбека. Однако Василий тоже считал, что ему следует торопиться, хотя и по иной причине: впереди лежал далекий и трудный путь, надо было успеть совершить его до зимы, столь суровой в тех диких северных краях, по которым предстояло ехать.

Нелегко переступить последний рубеж, за которым уже не увидишь родного лица, а вся прошлая привычная жизнь превратится в перевернутую страницу книги, от которой трудно ожидать счастливого конца... Ночь

* Свейская земля — Швеция.

после разговора с сестрой Василий провел почти без сна, а за утренним завтраком хмуро, но решительно объявил, что на следующий день покидает Пронск.

— Ну, что же, — промолвил старый князь, — тебе виднее. Куда едешь, о том не спрашиваю: так оно будет лучше и для тебя, и для меня. Сам ведаешь, при хане Узбеке головы русских князей не очень крепко держатся на плечах. Однако, коли нужна тебе в чем-либо моя помощь, говори. Сделаю все, как для родного сына.

— Спаси тебя Господь, Александр Михайлович, — ответил Василий. — Мне ничего не надобно. Только вот людей, со мною приехавших, да и тех, что еще подъедут, будь ласков, прикажи принять к себе на службу. Это все люди испытанные, и тебе они будут вельми полезны.

— Не только приму их всех, но еще буду считать, что это ты мне услужил, а не я тебе. Нам хорошие воины и верные люди всегда надобны. Будем надеяться все же, что не навеки они здесь останутся, а вскорости возвратятся к тебе в Карачев, где, даст Бог, восстановишь ты законные права свои. Ну, а сейчас, не обессудь, должен тебя покинуть: сегодня у нас вторник, а в этот день седмицы я всегда самолично вершу суд моим подданным, кои приговоры своих господ и старост считают несправедливыми либо просто хотят идти судиться ко мне. Коли любопытно тебе сие видеть, велю и для тебя на крыльце кресло поставить.

— Сделай такую милость, княже. Рад буду у тебя поучиться. Я своих людей тоже иной раз сам судил, но только так, от случая к случаю, а особого дня для того не имел. А ты как судишь, по своим уложениям али по Ромейскому* судебнику?

— Ну, по Ромейскому судебнику пусть судит такой государь, у коего людей слишком много, — усмехнулся Александр Михайлович. — Ведь у греков, такоже как у латынян и у немцев, за каждый пустяк вешают, секут голову либо четвертуют. А уж кто отделается отрезанным носом либо усеченной рукой, тот может почитать себя удачником. На нас греки смотрят как на полудиких, да только, брат, шалишь: я уж лучше без их учености проживу, но подданных своих ни истреблять, ни увечить не стану! Суд вершу по Правде Русской, составленной Ярославом Мудрым, да по Уложению князя

* Ромейской империей называлась тогда Византия.

Владимира Мономаха, а еще того больше — по собственному своему разумению. И за всю жизнь, благодарение Господу, еще ни одного человека смертию не казнил. Батогов и то даю не часто. Ну, да идем, сейчас сам увидишь.

ГЛАВА 30

Выйдя с князем Пронским на крыльцо, Василий увидел посреди него крытый узорчатой парчою аналой с лежащими на нем распятым и двумя пожелтевшими свитками пергамента. За аналоем стоял пожилой иннок в черной рясе, а внизу, во дворе, толпилось человек тридцать всякого звания людей, пришедших искать княжеского суда.

Александр Михайлович приложился ко кресту, принял благословение монаха и опустился в стоявшее тут же деревянное кресло с высокой остроконечной спинкой. Василий, во всем последовав его примеру, сел рядом в другое кресло, поспешно принесенное слугами.

— Ну, начнем с Богом, — негромко промолвил старый князь. — Кто там первый? Выходи вперед!

Внизу поднялась легкая толкотня, и четыре человека, вполголоса препираясь между собой, одновременно подошли к нижней ступени крыльца и отвесили земные поклоны.

— Все четверо по одному делу? — спросил князь.

— Нет, батюшка-князь, — бойко ответил стоявший впереди других мужчина в одежде купца. — У меня дело от них особое.

— Пошто же они вместе с тобою вышли?

— Бают, что первыми пришли, княже. Да ведь я человек торговый, а они простые смерды. Могут и обождать!

— Перед Богом и перед судом все одинаковы, — строго сказал Александр Михайлович. — Осади-ка назад и за гордыню свою после всех прочих подойдешь. Экая, подумаешь, птица — торговый человек! Ну, а вы с каким делом? — обратился он к стоявшим перед ним крестьянам.

— Елашинские мы, твоя княжеская милость, — начал дюжий мужик, лучше других одетый. — То исть я, значит, из Елашинской общины, а энти, — ткнул он рукой в сторону двух стоявших рядом парней, — рязанские новоселы, что прошлым годом ты возле нас ис-

поместил. Так вот, невдávне увели они у меня из клетки овцу, и я их поймал с поличным. За тутатьбу староста наш присудил им идти ко мне в кабалу на полгода. Только они, тати, с таким приговором никак не согласны: староста ваш, бают, своим мирволит, пойдем на суд до самого князя. Ну, вот, стало быть, и пришли.

— Так было дело? — спросил князь у парней.

— Точно, пресветлый князь, — ответил один из них, — бес попутал, овцу у него мы совсем было свели. Да ведь он ее в обрат отнял, еще и наклам нам, сколько душа его восхотела. Вот мне, погляди, два зуба вышиб! И рази ж такое видано: овечкой его мы так и не попользовались, побои от него претерпели, да еще и в кабалу к нему идти на полгода! Смилуйся, отец наш, молви твое справедливое слово!

— Кабала на вас не столь за самую овцу наложена, сколь за богопротивное действие ваше, за татьбу и попрание закона, — строго сказал князь. — По-вашему что же, коли попался тать, расплатился за краденое, как на торгу, да и пошел себе с Богом?

— Непомерно много полгода за овечку-то, батюшка-князь! К тому же и побои лютые мы приняли от сего человека.

— Ладно, проверим. Прочитай, отец Митрофан, что в уложениях о татьбе скота сказано.

Монах неторопливо развернул один из свитков, что-то шепча, поводил по строчкам коричневым пальцем и вслух прочел:

— «Аще кто крадет скот во хлеве или в клету, то, ежели будет он один, платить ему три гривны и тридцать кун*. А буде татей много, то всем платить по три гривны и тридцать кун». Так прописано в Правде Русской, — добавил отец Митрофан, свертывая пергамент.

— Погляди еще в мономаховом Уложении, — сказал князь.

— «Аще кто украдет овцу или теля, пять телят даст в тельца место, а в овцы место четыре овцы отдаст за овця», — прочитал монах, развернув другой свиток.

— Можете отдать по четыре овцы этому человеку? — спросил воров Александр Михайлович.

— Откеда нам взять, твоя княжеская милость? Бы-

* Гривна в XIV веке делилась на 50 мелких монет, называвшихся кунами или резанами.

ли бы у нас свои овечки, нешто полезли бы мы чужую красть?

— Стало быть, это не про вас писано. А ежели можете уплатить каждый по три гривны и тридцать кун, кабалу с вас сниму.

— Помилосердствуй, князь-батюшка! Да ведь за такие деньги десяток овец купить можно! К тому же и побил он нас изрядно!

— Побил он вас за дело. Разве вот зубы тебе напрасно вышиб. Ты что, сопротивлялся, когда он тебя поймал?

— Где там, батюшка-князь! Ты погляди, какой он, чертяка, здоровый! Смиренно терпел я побои, боясь, что иначе он меня до смерти ухайдакает.

— Пошто же ты ему в этом разе зубы вышиб? — спросил князь у елашинского мужика.

— Дюже взлютовал я на них, твоя княжеская милость! Зубов его лишать я, вестимо, намерения не имел и хлебынул его по рылу вроде бы в полсвиста. А он из хлипких оказался, вот у его зубы-то и повыпадали. Только после этого я его больше не бил, а поучил малость второго татя, да и свел их обоих к старости.

— Кажись, твое учение они крепко запомнили, — заметил Александр Михайлович, одобрительно оглядывая литые плечи и здоровенные ручищи крестьянина. — Как звать тебя?

— Трофим, Иванов сын Лелехин, батюшка-князь.

— Так вот, Трофим, что ты поучил татей, это неплохо и пойдет им на пользу. Одначе, ежели они не сопротивлялись, увечить их было невозможно, а выбивание зубов — это есть увечье, и ты за него в ответе. А ну, отец Митрофан, поищи там про зубы.

Монах порылся в списках и прочел:

— «Аще кто выбьет другому зуб и люди кровь видят у во рте у него, то двенадцать гривен в казну, а за зуб гривну». Тако сказано в Уложении князя великого Володимера Всеволодовича.

— Стало быть, так, — сказал князь, минуту подумав, — двенадцать гривен в казну с тебя, Трофим, не беру, ибо бил ты людей не из озорства, а учил татей, залезших в твою клеть. Но за два выбитых зуба должен ты этому новоселу уплатить две гривны. Он же тебе повинен за овцу три гривны и тридцать кун, сиречь за ним гривна и тридцать кун. Как звать-то тебя, тать беззубый?

— Анисим, Захаров сын Лаптев, пресветлый князь!

— Можешь ты, Анисим, уплатить Трофиму Лепехину одну гривну и тридцать кун?

— Энто авось наскребу, батюшка-князь.

— Ежели наскребешь, кабалы на тебя нет. Только гляди: коли вдругораз в татьбе попадешься, велю бить батогами и выселю в обрат на Рязанщину. Мне здесь татей не надобно. Ну, а ты, — обратился он к другому вору, — поелику тебе с зубами не столь посчастливилось, должен Трофиму Лепехину уплатить сполна три гривны и тридцать кун. Можешь?

— Где мне эдакие деньги собрать, пресветлый князь!

— Стало быть, пойдешь на полгода в кабалу к Трофиму, как староста тебе присудил. Запиши, отец Митрофан.

— Одну гривну и тридцать кун и я бы дал, — почесав в затылке, промолвил парень.

— Коли дашь, кабалы тебе всего четыре месяца, — сказал князь. — Ну, ваше дело кончено. Ступайте все трое. Кто там следует? Выходи вперед!

Из толпы выступили и земно поклонились князю двое: один — высокий и плотный мужчина лет сорока, с бородою во всю грудь, в синей поддевке тонкого заморского сукна; другой, небольшого роста жилистый мужик, казался постарше и был одет по-деревенски.

— Кто такие и с чем пришли? — спросил Александр Михайлович.

— Я торговый человек Лука, сын Трифонов Аникеев, — ответил первый, — а энто со мною Степка Хмыкин, зверовщик. Не единожды покупал я у него пушнину и, люди знают, завсегда платил ему по совести и сполна. Также было и в последний раз, назад тому месяца два. А ноне он до меня привязался, плати, дескать, вдругораз, ты мне не все заплатил. Я его и Богом усовещаю и гоню, а он все свое! Ну, чего с им исделаешь? Вот и порешили сюды иттить, чтобы рассудила нас твоя княжеская милость.

— А ты что скажешь, Степан? — обратился князь к зверовщику.

— Креста на ем нет, на разбойнике, батюшка-князь! Что я не впервой ему меха продаю, это точно. Основя принес я ему для пробы десяток бобров; он заплатил и цену дал хорошую. Малость погодя взял я ведмедя, — он и тую шкуру у меня купил и заплатил снова по-божески. Ну, думаю, Аникеев купец совестливый, с ним

дела вести можно. Вот, значит, нынешней весной всю добычу свою я к нему и отволок. Окромя бобров, была там славная чернобурка, куниц много и иное. Ударили по рукам на двадцати двух гривнах серебром. Только дает он мне двадцать гривен, а с остатными просит пару седмиц обождать, сейчас, мол, самое время скупать пушнину, и ему для того вся наличность надобна. Ну, что же, говорю, можно и обождать, раз такое дело. Эдак прошло уж поболее месяца, встречаемся с ним на торгу. Ну, как, пытаю его, отдаешь должок, Лука Трифонов? А он вроде диву дается — какой, мол, должок? Да десять гривен серебра, говорю, что ты мне за пушнину недодал. «Окстись, — баит, — я тебе двадцать две гривны отвалил сполна, ты, должно, запомятовал». Я его усовещать, а он прочь меня гонит да еще и прибить грозитя...

— Врет он и не боится Господа, — перебил купец. — Одним разом уплатил я ему все двадцать две гривны и ни куны больше не должен!

— А при сделке, что же, у вас ни единого видока * не было? — спросил князь.

— Никого и не было, — сказал Аникеев. — Поелику дело у нас шло на наличный расчет, нам видоки были вовсе без надобности. Вот ты теперь и смекай, твоя княжеская милость: ну, рази б он мне без видоков на десять гривен поверил? Да ни в жисть!

Довод был веский, и князь сурово поглядел на Змыкина.

— Сдается мне, что купец правду говорит, — сказал он. — Ты в продаже не новичок, порядки тебе ведомы. Сумневаюсь, чтобы ты свой товар в долг отдал без видоков либо без записи.

— Не хотел я о том говорить, батюшка-князь, ибо оно теперя без пользы будет, поелику тех людей уже не допросишь. Было у нас два видока: отец и сын Примаковы, тоже зверовщики, кои в ту самую пору подошли со своей пушиной и слышали, как мы с Лукою ладились. И как только он от своего долга зачал отпираться, я ему о тех видоках тотчас напомнил. А он баит: «Вот и видать, что ты вовсе сдурел. Никого при нас в ту пору не было, и я тебе с глазу на глаз заплатил двадцать две гривны». Ну, думаю, обожди, я Примаковых зараз сыщу, и ты у меня не отвертишься: они греха на душу не

* Видок, или видец, — свидетель.

возьмут. И вот узнаю, что ден за десять до того оба они, и отец и сын, в Оке утопли. А он, значит, Лука Аникеев-то, о том сведал да и смекнул, что теперя от своего должка отпихнуться можно...

— Вали на покойников! Они в глаза не наплюют, — усмехнулся купец. — Видишь, твоя княжеская милость, на какой кривой козе он тебя объехать хочет?

— Покуда вижу только, что один из вас двоих врет. Может, и ты. Его рассказ тоже зельми на истину похож. Готов ты на своей правде крест целовать?

— Готов, твоя княжеская милость!

— А ты, зверовщик?

— Вестимо, готов, батюшка-князь! Бог мою правду видит и меня громом не поразит.

— Значит, уже не мне, а Господу один из вас дерзает солгать. Пускай же сам Господь и укажет нам, кто из вас лжец и святотатец. Поставь их, отец Митрофан, на суд Божий...

В средние века в тех случаях, когда ни одна из тяжущихся сторон не могла представить достаточных доказательств или свидетелей своей правоты, испытание так называемым судом Божиим применялось повсюду, и в том числе на Руси. Формы этого суда бывали весьма разнообразными, начиная с простого жребия и кончая поединком тяжущихся лиц. В западных странах в соответствии с общей жестокостью обычаев и приемов судопроизводства широко применялись испытания огнем, каленым железом, кипятком и т. п. Во всех этих случаях правым признавали того, кто дольше и мужественнее выдерживал соответствующую пытку. На Руси, где до проникновения западных влияний нравы отличались большей гуманностью, обычно применялись не столь варварские формы испытаний или же судебный поединок, так называемое поле. Впрочем, против последнего решительно протестовала православная церковь.

Следует отметить, что в отличие от западноевропейских стран смертельный исход такого поединка на Руси сурово осуждался и властями, и общественным мнением. Победителя в этом случае, конечно, не преследовали, формально он был прав, но его открыто порицали за излишнюю жестокость и даже ограничивали в правах иска: если побежденный противник оставался жив, иск победителя удовлетворялся полностью, в слу-

чае же смертельного исхода ему разрешалось взять только оружие и доспехи убитого.

Сам поединок, которому всегда предшествовало крестоцелование обоих тяжущихся, проводился в условиях полного равенства, под наблюдением представителей власти и особых «поручников», т. е. своего рода секундантов каждой из сторон. К «полю» мог быть привлечен всякий, независимо от звания, возраста и пола; отказаться не мог никто, ибо отказ был равносителен признанию своей неправоты и проигрышу дела. Но старики, женщины, калеки и лица духовного звания могли выставить за себя наемного бойца или добровольца, что, однако, давало право сделать то же самое и другой стороне.

Посмотрим теперь, как осуществлялась идея Божьего суда в Пронске.

Выслушав распоряжение князя, отец Митрофан велел тяжущимся подняться на крыльцо и каждого из них заставил поцеловать крест на своей правде. Затем поставил их по бокам аналая лицом друг к другу и приказал обоим поднять вытянутые руки над головой.

— Кто из вас двоих первым руки опустит, тот и есть обманщик, — сказал он, — ибо правдивому и невинному ангелы Божьи руки поддержат, о чем и надлежит всем нам молить Господа.

Все истово перекрестились, а князь добавил:

— А виновника, коего нам Всевышний укажет, мы после того людским судом осудим. Ну, а пока чей там черед? Выходи.

К подножию крыльца подошла сразу кучка людей. Среди них находились две еще нестарые женщины, воин и человек пять ремесленников. У одного из них была перевязана рука; у другого не хватало половины бороды; лица остальных были украшены кровоподтеками. Поглядев на них сверху, князь Пронский усмехнулся и вполголоса сказал Василию:

— Тут все и без слов понятно: передрались по пьяному делу и теперь каждый мнит себя без вины пострадавшим. Окромя казны, в этой тяжбе едва ли кто выиграет.

Александр Михайлович оказался прав. Из бестолковых показаний, жалоб и взаимообвинений участников потасовки минут через десять выяснилось приблизительно следующее: один из ремесленников, повздорив на улице с женой соседа, схватил ее за волосы и стал

трепать. На ее крик прибежал муж и вырвал обидчику полбороды. В завязавшейся драке приняли участие ближайшие соседи. Проходивший мимо воин хотел разнять дерущихся, но один из них огрел его по голове палкой. Воин выхватил меч и ранил обидчика в руку, не сильно, судя по тому, что пострадавший находился тут же, перед князем, и кричал громче всех. В дальнейшем, действуя мечом плашмя, воину удалось было разогнать драчунов, но тут прибежала жена одного из них и, имея, вероятно, основания полагать, что всю эту катавасию затеял спьяна ее муж, принялась бить его кочергой. Пример мужественной женщины вдохновил остальных бойцов, и драка разгорелась с новой силой.

Теперь каждый из пострадавших обвинил всех остальных и требовал себе мзды за полученные повреждения и поруганную честь. После недолгих и бесплодных попыток разобрать, кто прав, а кто виноват, князь махнул рукой и промолвил:

— Довольно! Вижу, что все вы хороши. Стало быть, всякий получил по заслугам и за обиду искать тут некому. А вот за буянство на улице каждый заплатит в казну пеню * соразмерно учиненному бесчинству. Ищи, отче Митрофан, в уложениях, какие пени за деяние сии положены?

Пока монах просматривал свитки, отчеркивая ногтем подходящие к случаю статьи, Василий, сидевший почти рядом с аналоем, поглядел на стоящих перед Божьим судом. Прошло не более получаса, как они подняли руки, но купец уже заметно сдавал: лицо его побавровело, лоб покрылся испариной, а гнущиеся в локтях руки дрожали от напряжения. Зато зверовщик, казалось, чувствовал себя отменно и с усмешкой презрения глядел прямо в лицо своего противника.

— Повинись лучше, Лука, — сказал он вполголоса. — Тебе больше как полчаса все одно не выдюжить, а я эдак хоть до ночи простою! Видать, поп правду баил, что невинному ангелы Господни пособляют руки держать. Зря ты себя мучаешь: Бога не переборешь!

Купец ничего не ответил, только отвернул в сторону лицо и руки его затряслись сильнее. Отец Митрофан отыскал между тем в уложениях все, что было нужно, и теперь нараспев вычитывал:

— «Аще кто попхнет муж мужа либо к себе, либо

* Пеня — штраф.

от себя, либо по лицу ударит, а видока два выйдут, то три гривны в казну и гривну за обиду».

— За обиду, как сказано, никому, — промолвил князь, — а по три гривны пени взять с каждого, окромя мужа, за жену свою вступившегося, и воина, который тщился водворить порядок.

— А кто же за увечье мое заплатит? — воскликнул ремесленник с перевязанной рукой. — Нешто, коли он воин, дозволено ему на улице людей рубать?

Князь вопросительно посмотрел на отца Митрофана, и тот сейчас же прочел:

— «Аще кто кому порвет бороду или ударит бато-гом либо чашею, либо жердию, а люди видят, то пени двенадцать гривен. А кто, не стерпев того, ударит мечом, то вины ему в том нет».

— Слыхал? — обратился князь к перевязанному. — Вины на воине нет, ибо ты первый его жердию ударил. А с тебя выходит не три гривны, а двенадцать гривен пени. За пораненную руку твою половину тебе прощаю, а шесть гривен будешь платить целый год, по пол-гривны в месяц.

— А мне, князь-батюшка, кто заплатит за сором? — выступила вперед одна из женщин. — Ведь меня при людях оттащали за волосы этот аспид, — ткнула она пальцем в сторону мужика с оборванной бородой.

— За это самое твой человек уже мне бороду порвал, — угрюмо промолвил последний. — Слыхала, что чернец-то вычитывал? Моя борода двенадцать гривен стоит. Это небось подороже твоих волосьев!

— Ее муж бороду тебе оборвал за дело, — внушительно сказал князь, — и он за то не в ответе: свою жену он защищать обязан перед Богом. А ты за бесчестье заплатишь ей, сколько положено по закону. Читай, отче!

— «Аще кто пошибает боярскую дочь или жену, за сором ей пять гривен золота, а меньших бояр — одну гривну золота, а городских людей — три гривны серебра, а сельской женке одну гривну и столько же пени в княжью казну», — прочитал монах.

— Стало быть, окромя трех гривен пени, заплатишь ей за бесчестье гривну серебром, — сказал князь. — Запиши, кому что, отец Митрофан, да отпусти их.

— Еще одно взыскание надлежит сделать, княже Александр, — сказал монах. — В уставе князя Ярослава Володимировича сказано: — «Аще жена мужа бьет, —

в церковную казну три гривны пени». А здесь перед нами стоит лихая женка, которая на людях мужа своего, от Бога ей данного, кочергою била.

— Истина, — промолвил князь. — Кто из вас муж этой бабы? Ты? Заплатишь три гривны пени в церковную казну.

— Помилуй, всесветлый князь! Меня били, мне же за то и пеню платить?

— Вестимо, тебе! Чтобы не дозволял бабе себя бить. Не жена мужа, а муж жену учить должен. Тако и во Святом Писании сказано. Ну, а теперь ступайте все с Богом да глядите у меня: кто вдругораз в озорстве попадется, тому уже двойная пеня будет.

Прежде чем вызвать следующих, Александр Михайлович поглядел в сторону анаоя. Исход Божьего суда был уже совершенно очевиден: Хмыкин стоял высоко подняв руки; на лице его не было заметно следов особого напряжения. Аникеев, наоборот, весь взмок, на висках его вздулись синие жилы, нижняя губа отвисла, а ладони трясущихся рук опустились уже до ушей. Было видно, что силы его подошли к концу.

— Ну, как, торговый человек? — спросил князь. — Будешь пыжиться, дондеже сердце лопнет, али доволь-но? Может, теперь врать станешь, что Господь Бог ошибается, на тебя указуючи?

— Каюсь, батюшка-князь, милостивец! — прохрипел купец, разом роняя руки и падая на колени. — Омрачил мне разум нечистый, толкнул меня, проклятый, на плутовство!

— Стало быть, не ты, а нечистый всему виновник? Ну, ин ладно, ты с него и взыскивай, а я уж, не обес-судь, с тебя взыщу: за плутовство свое уплатить зверов-щику не десять, а двадцать гривен, да двадцать гривен пени в казну, да еще двадцать на церковь. А за то, что дерзнул ты на лжи крест целовать, на торговой площа-ди, в день большого торга, чтобы всем в пример и нази-дание было, получишь двадцать пять батогов.

— Смилуйся, батюшка! Не вели меня батогами каз-нить! В жизни больше никого обманывать не стану.

— Ты, может, обманывать и не схочешь, ан нечи-стый к тебе вздругораз подъедет? Видать, он тебя умеет обхаживать. Мнится мне, что с батогами дело будет надежней. Покуда — в яму его, — сказал князь стояв-шим у крыльца дружинникам. Те сейчас же подхватили и увели с собою хнычущего купца.

Далее следовало еще несколько дел о сравнительно мелких кражах и различных формах оскорбления личности, каравшихся денежной пеней. На тех, кто не мог ее уплатить, князь накладывал временную кабалу, иными словами, заставлял эту пеню отрабатывать.

Самым серьезным из рассмотренных в этот день преступлений оказалось дело о прелюбодеянии посадского кузнеца с черницей. Разбирать в нем, собственно, было нечего: виновных застали с поличным; на монашку отцами церкви уже наложена была суровая епитимья. Оставалось лишь покарать ее соблазнителя, но тут возникало затруднение: Ярослав Мудрый, «аще кто сблудит с черницею», налагал сорок гривен пени, а внук его, Владимир Мономах, под давлением высшего духовенства (в ту пору почти сплошь греческого), постановил за то же преступление «урезать виновному носа».

Александр Михайлович своих подданных никогда не увечил, а заплатить сорок гривен кузнец явно не мог, так что существующими уложениями в этом случае нельзя было воспользоваться. Немного подумав, князь постановил:

— Во искупление богомерзкого блуда своего пойдешь на три года в монастырскую кабалу. Вестимо, не в женский монастырь, — добавил он, — ино при твоих повадках ты из кабалы и через тридцать лет не выйдешь!

— Вот ты теперь и разумей, — сказал старый князь Василию, когда последняя тяжба была рассмотрена и они шли в трапезную полдничают, — ежели бы я сегодня, к примеру, суд вершил по греческим либо латинским законам, двоих мне не минулось бы сжечь на костре, еще одного либо двух казнить иными видами смерти, да отрубить с полдюжины рук, да несколько языков и носов урезать. Прикинь — сколько бы это осталось вдов, сирот да ни к чему, окромя попрошайничества и воровства, неспособных калек! А какие на них грехи — ты сам видел.

* * *

Наутро следующего дня Василий и Никита были готовы в путь. Пока в трапезной пили «посошок» и шло прощание отъезжающих с остающимися, Лаврушка, тоже одетый по-походному, подвел к крыльцу трех оседланных лошадей. Поясним, для кого предназначалась третья.

Узнав о предстоящем отъезде своего князя, Лаврушка накануне вечером явился к нему и чуть не со слезами просил позволения ехать с ним дальше.

— Не могу взять тебя, — ответил Василий. — Нешто ты сам не разумеешь: я уйду от ханской мести. Надобно мне до времени так схорониться, чтобы и следов по мне не нашлось, а в таком деле всякий лишний человек не помощь, а помеха. К тому же, сам я не ведаю, где и как окончится мой путь. У тебя дома осталась молодая жена. Пошто бросишь ее на волю случая, коли в том нет ни малой надобности?

— А чего с женой моей исделается? Хозяйство у нас добре налажено, запас во всем есть, она без меня хоть и год проживет, не зная ни в чем нужды. А я бы тебе в пути услужал, да и сабля моя, поди, не раз бы сгодилась. Ты мне живот спас и человеком меня сделал, батюшка Василий Пантелеич! И коли что теперя с тобою стрясется, совесть меня иссушит за то, что я беды твоей не разделил.

— На добром желании тебе спасибо, — сказал Василий, тронутый преданностью дружинника, — но все же решения своего не изменю. Ворочайся, братец, в Карачев и ожидай меня. Мне и там верные люди нужны.

Лаврушка ушел подавленный и опечаленный. Однако судьба неожиданно послала ему сильного пособника: поздно вечером, оставшись в последний раз наедине с братом, Елена Пантелеймоновна стала упрашивать его взять с собою хотя бы десяток надежных людей.

— Поедешь ты неведомыми землями, — говорила она, — где не только татар можешь повстречать, но также диких башкирцев, мордву, черемису и иных никому не покорных язычников. Муромские да суздальские леса, сказывают, полны разбойников и беглых недобрых людей. Сгибнете вы вдвоем с Никитой, а десяток воинов — это все же сила!

— Супротив разбойников это, может, и сила, да от них мы, Бог даст, и сами отобьемся, коли случится. Никита один десятерых стоит. Черемису же и башкиров мы объедем Вятской землей, а там издавна власть наша, русская. Не страшись, Аленушка, путь мой не столь уж опасен, потому и не хочу тащить за собою лишних людей.

— Ну, хоть одного человека возьми! А как приедешь на место, тотчас пошли его ко мне с вестью, что жив ты

и ничего худого с тобою не приключилось. Без этого я николи покоя не найду.

— Одного, пожалуй, можно взять, — согласился Василий. — Но вестника этого ты ранее будущего лета не жди: в холода и в распутицу он по тем местам в обрат не проедет.

Немного успокоив Елену и простившись с нею до утра, Василий вышел во двор и, позвав Лаврушку, сказал ему:

— Слушай, Лаврушка! Еду я в чужие, неведомые края, о чем знать на Руси никто не должен. Путь будет опасен и долог, ранее как через год домой ты не веротишься. Ежели тебя это не страшит, наутро готовься. Поедешь со мною до конца.

— Спаси тя Христос, княже! — ответил обрадованный воин. — С тобою куды хошь поеду без страху и с радостью. И никому лишнего слова не пророню.

* * *

Когда, простившись со всеми пронскими, Василий в последний раз обнял сестру, она сняла с себя небольшую иконку архангела Михаила, вставленную в золотой медальон, и, благословив ею брата, повесила ему на шею.

— Семейный образ наш ты теперь мне оставляешь, — сказала она, — возьми же с собой хоть этот, в точности большому подобный и освященный самим вселенским патриархом. Да сохранит тебя от всяких бед и несчастий святой архангел Михаил, заступник и покровитель рода нашего!

Затем, подзвав к себе Никиту, она сказала ему:

— Сбереги князя, Никитушка! Он не только мне, а всей земле нашей дорог и надобен. Знаю некорыстную верность твою, знаю, что по душе не слуга ты ему, а брат. Потому и я с тобою хочу проститься, как с братом.

Перекрестив преклонившего колени витязя, она надела ему на шею золотой крестик, а затем обняла и крепко поцеловала в губы.

— Да сохранит тебя Господь, солнышко наше, — еле владея собой, промолвил Никита, целуя ее руки. — А за Василия Пантелеича будь спокойна: верну его тебе живым и здоровым либо сам николи не вернусь!

Из Пронска путники выехали по московскому шляху, но, отъехав от города несколько верст, свернули по проселку на восток и часа через два уже переправились через неширокую реку Истью, протекавшую по рязанскому рубежу.

Земли великого княжества Рязанского, где Василия многие знали, решено было пересечь в кратчайшем направлении, пользуясь глухими лесными дорогами и минув населенные места. Это можно было сделать, почти не отклоняясь от прямого пути на Муром.

Выехав без труда к истокам реки Раны и все время держась ее левого берега, Василий и его спутники благополучно добрались до Оки, переправились через нее между Переяславлем и Рязанью и на заходе солнца, покрыв в этот день около сотни верст, достигли берега реки Пры, отделяющей Рязанское княжество от Мещерского края.

Вдоль низменных берегов Пры густой и темный лес то и дело раздавался в стороны, уступая место топким, поросшим камышами болотам, из которых при приближении всадников тяжело поднимались стаи ожиревших гусей и уток. Сырая травянистая почва мягко пружинила под копытами лошадей, а над красноватыми водами реки и болот, в неподвижном воздухе висели тучи гнуса *. Остановиться тут было немислимо, и путники проехали еще версты четыре вдоль берега, пока не нашли небольшой, поросшей березняком возвышенности, круто обрывающейся к реке. Здесь было сухо, комаров сдувало легким, тянувшим поверху ветерком, и место вполне подходило для ночлега.

Через полчаса стреноженные кони уже паслись на низкой прибрежной луговине, а их хозяева, помывшись, сидели вокруг костра, поджаривая на вертеле жирного гуся, застреленного по дороге Никитой.

Над почерневшей рекой быстро сгущались сумраки ночи. В наливающих тьмою и тайной болотах блаженно стонали мириады лягушек, да через равные промежутки времени, перекрывая лягушечьи голоса, где-то поблизости утробно ревела выпь. В небе одна за другою зажигались далекие звезды и, казалось, мерцая, спускались на землю: вон сколько их уже носится быстрыми светлячками над утонувшей во мраке низиной! Не-

* Гнус — комары, москиты и пр.

слышными, неторопливыми шагами приближалась величавая, но скромная красавица — русская ночь и вот уже подошла к усталым путникам вплотную...

Некоторое время у костра все сидели в задумчивости. Лаврушка, менее других чувствительный к чарам природы, первым нарушил молчание.

— А что, Никита Гаврилыч, — спросил он, не решаясь обратиться к князю, — долог ли будет путь наш по Мещерской стороне?

— Коли возьмем отсюда напрямик на Муром, — ответил Никита, — за один день се минуем. До реки Гусы тут будет верст пятьдесят, да там, вверх по Колпи, до муромского рубежа набегит еще тридцать. Ночевать завтра будем уже на Муромской земле.

— Стало быть, невелика она, эта Мещера?

— Не столь она и мала, да мы лишь самый уголок ее захватим. Потерявши день, могли бы ее и вовсе стороной объехать, да ни к чему нам это: мещеряки народ смирный.

— А кто они такие, эти мещеряки? Намедни я видел двоих в Пронске; по обличью вроде на татар похожи, а говорят промеж собою по-нашему.

— Они, как и мордва, народ чудского корня, но, спокон веку живя в соседстве с русскими, и сами совсем было обрусели. Однако со времен батыева нашествия их земли позахватали татарские князья, и мещеряки помалу стали перенимать татарский обычай.

-- А какой они веры?

— Да кто в какую горазд. Много есть среди них православных христиан, иные от татар ислам приняли, а кое-кто еще пребывает в древнем своем язычестве. Поганства у них и досе немало. К примеру, покойников своих они в гробы не ложат, а закапывают сидячими. Баб и девок при этом к похоронам и поминкам не допускают. Жен каждый норовит иметь побольше; в этом не отстают от прочих и православные: эти на одной бабе женятся у нашего попа, а на других у своего шамана. Им иначе нельзя: народ они земледельческий, а обычай у них таков, что мужику работать в поле зазорно. Вот, значит, жены у них вроде батраков. У кого побольше земли, тому, знамо дело, и жен надобно иметь много.

— Ну, а мужики что же у них робят? Али на боку полеживают?

— Нет, не скажи. Народ работающий. В поле-то мещеряк только указывает да на баб покрикивает, ну, а

топором, к примеру, орудует ловко и в домашнем хозяйстве делает все, что требуется. Избы и деревни у них очень даже справны.

— А ты отколе все это знаешь, Никита Гаврилыч? Нешто бывал в ихних краях?

— Случалось. Еще когда служил я брянскому князю Дмитрию Святославичу, однаа посылал он меня гонцом в Мещерский Городец*, к главному князю ихнему— Бахмету Гусейновичу.

— Пошто имя-то у него басурманское? Татарин он, что ли?

— Из татар. У мещеряков прежде были свои князья, но татарские мурзы и беки их поперебили и после того долго резались промеж собою за Мещерский край. Лет сорок тому назад всех одолел ширинский князь Бахмет и крепко сел в Мещерском Городце. Вот к нему-то я и ездил.

— Неужто и посейчас он жив?

— Нет, умер давно. Ныне над Мещерою княжит сын его Беклемиш.

— Он уже не Беклемиш, а Михайло, — вставил князь, до сих пор не принимавший участия в разговоре. — Муромский владыка Василий уговорил его принять православную веру. Сам князь Василий Ярославич крестным отцом был. Оженился же тот Беклемиш-Михайло на княжне Стародубской, так что вскорости род князей Мещерских станет русским. Да и всех этих соседей своих, инородцев, перемелет помаленьку матушка Русь, как многих уже перемолола. Вот, к примеру, в этих местах прежде обитали народы: меря, весь, мурома, голядь и иные. Придя сюда, славяне, предки наши, никого из них не убивали и слишком не утесняли, как делали и поныне делают немцы в литовских и славянских землях. А где теперь все эти народы? Без насилия и понуждения все целиком растворились в русском море, уже и память о них забывается. То же самое недолге случится с мещерою и мордвой.

— Ну мордва-то больше к татарам клонится, — заметил Никита.

— Не сама она клонится, а гнет татарский ее клонит. Мордовские земли лежат по самому краю Дикого Поля, ближе всего к Орде; ну, татарские князьки и понарезали там себе улусов.

* Мещерский Городец — столица Мещерского края, позже город Касимов.

— Стало быть, у мордвы тоже своих князей нет? — спросил Лаврушка.

— Не у всей. Мордва делится на два племени: те, что живут ближе к нам, зовутся эрзя, а ближе к Орде, то мокша. У каждого из тех племен свой язык и свои обычаи. По виду эрзякá от русского, почитай, и не отличишь, ну, а мокша уже иная: ей, видать, половцы да татары изрядно своей крови подбавили. И у эрзи досе есть свои князья, а мокшу еще в прошлом веке покорил ордынский князь Елортай Темиров, и с той поры ею правят его потомки. Мокша, вестимо, отатарилась. Бабы у них, к примеру, ходят в штанах и чалмах, мужики тоже одеваются по-татарски. А эрзя не то: она больше от нас перенимает, чем от татар.

— А вера у эрзи тоже наша?

— Есть среди них православные, но не столь много, как у мещеры. Мордва еще крепка в своем язычестве. Богов у них много, но выше всех они почитают одного, который будто бы живет под землею и посылает людям урожай. Как зовется тот бог — не помню, но один чернец, долго живший среди мордвы, мне сказывал, что перед посевами яровых и озимых каждый мордовский хозяин выносит в поле какую-либо снедь и закапывает ее в землю, чтобы этого урожайного бога задобрить. И те, что приняли нашу или татарскую веру, все одно от сего обычая не отступаются, хоть ты с них голову снимай.

— А скрозь черемису мы тоже поедем? — спросил Лаврушка, подбрасывая в костер сухих сучьев.

— Нет, черемису и булгар мы объедем Вятской землей, — ответил Василий. — Путь наш от этого чуток удлинится, но будет много спокойней: черемиса народ дикий, она еще толком не умеет и землю пахать, а промышляет больше охотой да разбоем. В Булгарии же легко повстречаться с ордынскими отрядами. Ну, а вятичей давно уже покорили новгородцы. Там поставлены русские города, татары туда не суются, так что поедем все одно как по своим землям.

В продолжение этого разговора Никита не забывал время от времени поворачивать над огнем вертел. Наконец гусь подрумянился со всех сторон и стал источать столь дразнящее голодные желудки благоухание, что даже любознательный Лаврушка, собиравшийся расспросить князя о вятичах, вместо очередного вопроса неожиданно для себя самого сказал:

— А ведь пора его есть, не то пережарится!

— Дело,— согласился Василий.— Ну что же, давайте вечерять да и спать. Путь на завтра предстоит трудный, и выехать надобно чем свет.

Пока Никита резал на куски гуся, Лаврушка проворно открыл одну из переметных сум, извлек из нее баклагу с водкой, хлеб и кое-какую снедь, захваченную из Пронска. Проголодавшиеся путешественники плотно поужинали и, подбросив в костер побольше дров, тут же заснули на разостланных конских пополах, подмостив под головы седла.

* * *

С рассветом тронувшись в путь, Василий и его спутники много часов пробирались узкими лесными тропами, а то и просто чащобой, стараясь по солнцу держать направление на север, где, верстах в тридцати от места ночлега, им надо было выйти на довольно крупную реку Нарму.

Этот дикий угол Мещерского края представлял собою обширную, покрытую вековым лесом низину, изобилующую небольшими озерами, речками и болотами. В дождливую пору здесь мог бы проехать только человек, отлично знакомый с местностью. Но, к счастью для наших путников, давно уже стояла сушь, и они, хотя и вынуждены были поминутно объезжать предательские топи и иные препятствия, все же благополучно продвигались вперед и к полудню выехали на берег Нармы. В этом месте она была довольно широка и полноводна, что указывало на близость ее впадения в Гуся.

Теперь уже не было опасности сбиться с пути. Повеселевшие путники после двухчасового отдыха двинулись дальше, все время придерживаясь правого берега Нармы, а потом — Гуся. Объехав стороной большое озеро с ютившимся на его берегу мещерским селением, часа через три они выехали к устью реки Колпи. Василий знал, что она, не меняя направления, течет с севера на юг и что вдоль ее берега идет дорога из Мещерского Городца во Владимир, перекрещиваясь дальше с московско-муромским шляхом. Дальнейший путь до Муром, таким образом, не представлял особых затруднений, и на закате солнца притомившиеся всадники, проехав еще верст двадцать, остановились на ночлег в лесной деревушке, находящейся уже в пределах Муромского княжества.

Прежде чем въехать на постоянный двор, уместив-

нившийся вместе с избою и службами под сенью одного исполинского дуба и отмеченный, по обычаю того времени, конским черепом вместо вывески, Василий придержал коня и обернулся к своим спутникам.

— Запомните крепко, — сказал он, — отныне для всех, с кем бы ни довелось нам повстречаться, будь то татары или русские, я не князь, а карачевский боярин Василий Романович Снежин. Имею вотчину под Мосальском и ныне еду вместе с вами в Вятскую землю по своим делам. Ну, умер, что ли, там мой бездетный брат, и мне надлежит принимать наследие. Коли о чем ином станут вас выпрашивать, держите языки за зубами и ответствуйте только, что господин, мол, ваш человек крутой и лишней болтовни не любит. А на людях величайте меня боярином либо Василием Романычем.

Хозяин постоялого двора, благообразный мужик лет пятидесяти, настолько отвык от посетителей, что даже не старался скрыть своего удивления при виде въезжающих во двор гостей. Однако в избе было чисто, в погребе нашелся крепкий стоялый мед, а пока усталые путники мылись у колодца, поливая друг другу из деревянного ведра, хозяйка успела приготовить им превосходную яичницу с салом...

На следующее утро, перед тем как пуститься в дальнейший путь, Василий бросил на стол золотой арабский динар и спросил остолбеневшего при виде такой щедрости хозяина:

— А что, старик, далече ли отсюда до Мурома?

— Это смотря как ехать, боярин. Есть две дороги — большая и малая. Вверх по Колни, отсюда часа два пешего ходу, будет развилка. Коли отсюда поедешь ты прямо, верст через тридцать выедешь на муромский шлях, и там до Мурома набегит еще верст семьдесят. Но можно взять от развилка по малой дороге, вправо. По ей ты будешь ехать целый день самой что ни есть глухоманью, а к заходу солнца выедешь прямо к Спасову монастырю в семи верстах от Мурома.

— Сколько же верст будет туда по малой дороге?

— По ей версты не считаны, боярин. Меряла ведьма клюкой, да махнула рукой. Только будет та дорога много короче шляха.

— А далее, от монастыря, куда она ведет?

— Чуток не доезжая монастыря, перекрестится она с муромским шляхом и далее пойдет напрямик на реку Клязьму, а отсюда берегом — на город Стародуб.

— А легко ли сбиться с пути, коли мы малой дорогой поедем?

— Сбиться мудрено: дорога одна, без развилков. Как раз на полпути будет озеро с красной водой, а далее — горелый лес. Только лучше вы малою дорогой не езжайте.

— Пошто так?

— Пошаливают там... Потому тою дорогою последние два года, почитай, никто уже не ездит.

— Ну, в таком разе можно и шляхом поехать,— сказал Василий.— Крюк невелик, а нам не к спеху. Оставайся здоров, хозяин!

— Прощевай, боярин, спаси тебя Господь за щедрость твою,— кланяясь в пояс, ответил мужик.

ГЛАВА 32

Выехав из деревни, всадники пустили лошадей крупной рысью и менее чем через час добрались до того места, где дорога раздваивалась. Здесь ехавший впереди Василий, не останавливаясь, свернул вправо и погнал коня по узкой, заросшей травой и мелким кустарником дороге, видимо, давно уже не езженной.

— погоди, князь! — догоняя его, крикнул удивленный Никита.— Ты, никак, ошибся: на шлях нам надлежало прямо держать!

— Не ошибся я,— усмехнувшись, ответил Василий,— а рассудил, что лучше нам по малой дороге ехать.

— Пошто по малой? Али не сказал ты хозяину, что шляхом поедешь?

— Сказал с умыслом. Коли кто вздумает нас искать, пусть ищет по шляху: либо в Муроме, а мы поедем лесною дорогой и, не заезжая в Муром, от Спасова монастыря возьмем прямо на Стародуб.

— Оно неплохо; путь наш туда и лежит. Да вот не нарваться бы нам тут на разбойников.

— Ежели этой дорогой два года люди не ездят, небось и разбойники отсюда давно убрались. Кого им тут грабить? Мнится мне, что на шляхе с ними куда легче повстречаться.

— Пожалуй, твоя правда, Василий Пантелеич. Может статься, что хозяин постоянного двора нас не с добрым умыслом на шлях направлял. Мне что-то сразу его рожа не приглянулась: больно уж благолепен, инда чуток на покойного Андрея Мстиславича смахивает...

Углубившись в сырую чащу леса, дорога, стисну-

гая с обеих сторон вековыми деревьями, шла, почти не петляя, по ровной местности и порою была так узка, что ехать по ней можно было только гуськом. Под темными сводами исполинских ветвей было мрачно и жутко, но предположения Василия полностью оправдались: за целый день они не встретили никого, кроме одинокого медведя, лакомившегося ежевикой на берегу небольшого озера с красновато-желтой водой. Он беспечно шумел в кустах и так увлекся своим занятием, что не заметил всадников, подъехавших к нему почти вплотную. Когда же Лаврушка пронзительно свистнул и заулюлюкал, мишка истошно рявкнул и с такой быстротой пустился наутек, смешно подкидывая задом и оставляя на земле вещественные следы своего испуга, что путники разразились дружным хохотом.

Вскоре за красным озером начался горелый лес, по которому всадники ехали около часу. Затем тропа, подобно узкой расщелине, снова врезалась в темный массив огромных сосен и елей и наконец, когда солнце уже было близко к закату, вывела путников на широкую, хорошо пасженную дорогу.

— Не иначе, как муромский шлях,— сказал Василий, останавливая своего коня.— Кажись, хозяин постоялого двора нам ни в чем не солгал; стало быть, отсель направо, в семи верстах, находится Муром, а впереди сейчас Спасов монастырь. Там заночуем, а с рассветом тронемся дальше, на Стародуб.

С этими словами он пересек шлях и снова углубился в чащу леса по неширокой, но хорошо проторенной дороге, ведущей, несомненно, к монастырю.

— Эх, жаль, не распытали мы, что это за монастырь,— промолвил Никита, поравнявшись с Василием. — Ведь коли тут женская обитель, нас ночевать туда едва ли пустят, а харчи свои мы прикончили. Не пришлось бы спать в лесу на голодное брюхо.

— Не сомневайся, это мужская обитель. Я о ней от карачевских попов немало слышал, ибо на Руси она из самых древних. Ее основал, говорят, лет триста тому назад сам святой Глеб Володимирович, первый князь Муромский.

— Пошто же она не в городе стоит?

— Она в городе и стояла, да после батыева нашествия, когда Муром был сожжен, уцелевшие инокы ушли в лес и воздвигли здесь новый монастырь. Позже, когда город чуток отстроился, часть клира вернулась

туда и приступила к постройке нового храма и монастырского подворья. Строили долго, а когда труд их близился уже к завершению, случился пожар и все пришлось начинать снова. И вдругораз все, что было сделано, огонь истребил, а сейчас строят в третий раз. Вот почему Спасов монастырь и досе остается в лесу. В народе он вельми чтим, ибо хранится тут чудотворный образ святого Глеба, исцеляющий немало немощных.

— Ну, немощи всякие бывают. Иных, пожалуй, и чудом не исцелишь.

— По мне человека не чудо, а вера его исцеляет,— после небольшой паузы, сказал Василий.— Вот, к примеру, годов пять назад был я в Серпухове и показывали мне там здорового мужика. Запомнил я, что с ним приключилось, деревом его придавило, что ли, только отнялись у него ноги и пролежал он, как колода, немало лет. И попы его пользовали, и знахари, к святым мощам и к иконам чудотворным возили, только все втуне. Наконец, кто-то сказал ему про целительный образ святого Глеба в Спасовой обители и как-то вдруг уверовал он, что тут его спасение. «Я тоже Глеб,— говорит,— и мой святой меня не оставит. Везите меня к нему!» Ну, привезли его сюда, в Спасов монастырь. Прослушал он вечерню, приложился к чудотворной иконе; после тут схимник один, святой жизни старец, возложил на него руки, только ничто не помогает. Тогда тот калека давай просить игумена: «Оставьте меня на ночь одного в церкви! Хочу я помрлиться своему святому, а уж утром везите меня в обрат».

Ну, поклали его под образом святого Глеба и ушли все. А на рассвете вышел игумен из своей кельи и глазам не верит: стоит тот безногий мужик возле монастырской поварни и дрова колет. Будто никакой хвори и не было! Пристали тут к нему иноки, что, мол, да как, чего ты в церкви делал и не было ли тебе какого видения? А он говорит: «Никакого мне видения не было, а как все из храма ушли, помолился я горячо своему святому, встал да и пошел. Я,— говорит,— и наперед знал, что так будет». Вот ты мне теперь и скажи: что это было: чудо или же просто силою своей веры он хворь переборол?

— И так, и этак чудо, Василий Пантелеич,— задумчиво промолвил Никита.— А откуда оно проистекло, от иконы ли, от веры ли того человека, сказать трудно... Скорее всего от веры.

— Вот и я также мыслю. И ежели бы он с должной верой не перед иконой, а, скажем, перед березой в лесу помолился — равно получил бы исцеление, ибо чудотворящая сила в самом человеке таится.

— Так, по-твоему, икона в этом деле ништо?

— Э, нет, брат! Коли человек в чудотворную суть иконы верит, сила его веры в свое исцеление гораздо умножается. Возле такой святыни молитва его обращается как бы в пламень незримый и летит прямо к престолу Господнему! Я сказал: подле березы чудо тоже возможно, но подле иконы свершиться ему стократ легче. Потому исцеления немощных почти всегда и случаются возле особо чтимых икон, а не под березами.

За этими разговорами путники шагом проехали версты полторы, когда вдруг из-за поворота дороги, огибавшей в этом месте пологий, заросший ельником холм, до них явственно донеслись какие-то крики и шум.

— Никак, впереди дерутся? — недоуменно промолвил Василий, придерживая коня. — Что бы это могло быть?

— Может, кого грабят разбойники? — прислушиваясь, сказал Никита. — Мне, вроде бы, женский крик почудился.

— А ну, вперед! Только тихо. Допрежь, чем ввязываться, поглядим из-за поворота, что там стряслось.

Держась самого края дороги, уже потемневшего в вечерних сумерках, они проехали еще шагов двести. Звук ударов, топот конских ног и отрывистые выкрики слышались теперь совершенно отчетливо, не оставляя сомнений в том, что здесь происходит вооруженная схватка. Доехав до поворота, Василий внезапно осадил коня и знаком руки остановил своих спутников. Шагах в тридцати, там, где дорога пересекала небольшую поляну, он увидел богато убранный возок, запряженный тройкой рослых, серых в яблоках лошадей. В возке, тесно прижавшись друг к другу, сидели две закутанные в шали женщины, лиц которых нельзя было разглядеть. На облучке, запрокинувшись на спину, неподвижно лежал возница с намотанными на руку вожжами, а вокруг — пять или шесть всадников в кафтанах военного покроя отчаянно отбивались саблями от двух десятков нападающих, которых по одежде можно было принять за татар. Один из последних, крупный мужчина в кожаных татарских латах и в шлеме, не принимая

непосредственного участия в схватке, стоял на откосе холма и время от времени что-то выкрикивал. Возле возка на поляне уже лежало несколько неподвижных тел.

— Татары на наших напали,— шепнул Василий стоявшему рядом Никите.— Их не столь много, и, ежели мы врасплох ударим с тыла, они побегут!

— Истина, князь,— тихо ответил Никита.— Только допрежь, чем на них ударить, не худо было бы достать стрелою вон того дьявола, что примостился на бугре. Он у них, кажись, верховодит. Его я беру на себя; вы же с Лаврушкой цельте двух других. А потом уже в сабли! — С этими словами Никита вытащил из-за спины своего Перуна и наложил на тетиву боевую стрелу. Василий и Лаврушка молча последовали его примеру.

Почти одновременно воздух прорезали три стрелы. Стоявший на косогоре всадник, взмахнув руками, опрокинулся на круп своего коня; возле возка повалились наземь двое других. В ту же секунду, бросив луки и выхватив сабли, Василий и его спутники налетели на растерявшихся разбойников, рубя направо и налево. При виде неожиданной подмоги воины, оборонявшие возок, разом приободрились, и в каких-нибудь две минуты исход сражения был решен: нападавшие, оставив на поляне с десяток трупов, обратились в бегство и мгновенно исчезли в лесных зарослях.

Вложив саблю в ножны, Василий обернулся к повозке, находившейся от него в нескольких шагах. Теперь он разглядел, что одна из сидевших там женщин была молода и красива; другой на вид было лет пятьдесят. Обе смотрели прямо на него, вполголоса обмениваясь отрывистыми словами, а потому Василию не оставалось ничего иного, как направить к ним своего коня. Но не проехал он и половины разделявшего их расстояния, как к нему приблизился один из всадников, защищавших возок, чернобородый мужчина средних лет в богато расшитом кафтане.

— Не ведаю, как величать тебя, добрый человек,— с поклоном сказал он,— но кто бы ни был ты, видно, сам Господь направил сюда тебя и твоих товарищей. Кабы не вы, не отбиться бы нам от проклятых разбойников. Молви, за кого нам надобно Бога молить?

— Бога ты просто возблагодари за то, что не оставил всех нас своею милостью,— ответил Василий,— а звать меня Василием Романовичем Снежиным. Я Кара-

чевского княжества боярин и здесь случился проездом, со стремянным своим и слугою. Скажи и ты, с кем Господь привел меня встретиться?

— Я муромский воевода Порошин, а в возке...

— Чтой-то ты разговорился так, Афанасий Никинич? — раздался вдруг властный голос старшей из женщин. — Проси боярина сюда пожаловать, я сама его поблагодарить желаю.

— Слушаюсь, матушка Евдокия Даниловна, — живо откликнулся воевода. — Прошу, боярин!.. Княгиня наша с княжною, — шепнул он Василию, подъезжая с ним к возку.

Услышав последние слова муромского воеводы, Василий в первый момент онемел от удивления и молча впился глазами в лицо той, которая при иных обстоятельствах должна была сделаться его женою. Однако, заметив, что старая княгиня начинает хмуриться, он быстро овладел собой и, соскочив с коня, низко поклонился женщинам.

— Ну, боярин, спаси тебя Христос за подмогу и доблесть твою, — промолвила княгиня. — Помыслить страшно, что стало бы со мною и дочкой моей, кабы не подоспел ты столь вовремя! Ежели не ослышалась я, Василием Романычем тебя звать?

— Истинно, княгиня. Радуюсь я, что привел меня Господь послужить тебе и княжне. А в том, что пособил я твоим людям отбиться от татар, заслуга невелика: всякий честный человек то самое сделал бы.

Ну, ну, вижу, ты скромник. Только то не татары были, а поганая мордва. Спокон веку их шайки на наши окраинные земли нападают, но такого охальства, чтобы под самым Муромом на княжий возок наскокнуть, еще николи не бывало! Беспременно надобно теперь князю Юрию Ярославичу с войском пойти за Оку, поучить эту погань уму-разуму!

Не осуди за любопытство мое, княгиня: как случилось, что на ночь глядя оказались вы с княжной здесь, в лесу, со столь малой охраной? — спросил Василий.

Да ведь Спасов день сегодня, монастырский праздник! Всякий год в шестое августа наезжаем мы в обитель; вот и ныне приехали. Князь-то сразу после обеда в Муром вернулся, ну, а мы остались до вечера. Кто же мог помыслить, что приключится такое?

Ежели сей обычай ваш всем ведом, мыслю я, что

мордовские разбойники оказались здесь не случайно. Не мешало бы дознаться — кто их послал сюда и зачем?

— А вот сейчас попробуем узнать, — промолвил воевода Порошин. — Может, тут среди них хоть один живой сыщется.

С этими словами он принялся обходить лежавшие на земле тела мордовцев. Их вожак был убит наповал: стрела Никиты пронзила его насквозь, выйдя на четверть между лопаток. Большинство других тоже были мертвы, но двое оказались лишь ранеными. Склонившись над одним из них, воевода спросил:

— А ну, идол, коли хочешь в живых остаться, развязывай язык! Поведай нам: кто вы такие, кто вас привел и пошто напали вы на княжий возок?

Раненый, не мигая, тупо глядел на воеводу, не произнося ни слова. Думая, что он не понимает по-русски, Порошин задал ему те же вопросы по-татарски, но снова не получил ответа. Тогда он вытащил саблю и приставил ее острие к горлу пленника.

— Ну, будешь говорить? — спросил он, слегка нажимая на рукоять.

— Постой, бачка боярин, я скажу! — прохрипел раненый, почувствовав, что клинок впивается ему в шею.

— Вот так бы и сразу! Говори.

— Мы люди князя Баюша... А привел нас сюда его меньшей сын Гаюн.

— Вот этот, что лежит простреленный?

— Он, бачка боярин.

— А знали вы, на кого нападаете?

— Знали, бачка...

— Что же вы, собаки, женщин хотели поубивать?

— Как можно, бачка боярин? Убивать не хотели...

Гаюн велел княжну живой взять.

— Княжну?! А на что она ему?

— Того не знаю, бачка... Красивый девка княжна... А может, он выкуп за нее хотел взять.

Больше спрашивать было не о чем. Приказав одному из дружинников скакать в монастырь и сказать монахам, чтобы пришли подобрать убитых и раненых, Порошин снова подошел к возку. Его разговор с пленником здесь все слышали от слова до слова, так что повторять не было надобности.

— Царица небесная! — с негодованием воскликну-

ла княгиня.— Я-то мыслила, что они на нас по неведению наскочили, а это что же выходит? Какой-то поганый нехристь чуть не у ворот Спасова монастыря засаду ставит, чтобы захватить дочь муромского князя! И беспрерывно бы захватил, не подоспей ты ко времени, Василий Романыч! Эдак вскорости из хором на улицу с оглядками выходить придется!

— Да, видать, соседство у вас беспокойное,— сказал Василий и покосился на княжну. Она была бледна и в продолжении всех этих разговоров не промолвила еще ни слова, но Василий несколько раз ловил на себе ее пристальный взгляд, выражение которого трудно было определить в быстро сгущающихся сумерках.

— Ты, никак, заснул, Афанасий Никитич? — обратилась княгиня к воеводе.— Али станем тут ожидать, доколе они вдругораз нагрянут? Сей же час в Муром!

— Слушаюсь, матушка княгиня! Только опасаться уже нечего: небось те, что живыми ушли, чешут теперь по лесу, что твои зайцы!

— Все одно, не ночевать же тут..

Порошин отдал нужные распоряжения и сам вскочил на коня. На облучок повозки вместо убитого кучера сел один из дружинников и, разобрав вожжи, зацокал на лошадей.

— Ну, прощай, княгиня, и ты, княжна,— промолвил Василий, тоже успевший сесть на коня.— Счастливой вам дороги, а мой путь в другую сторону.

— Да ты что, батюшка? Али в Муром не заедешь? — с удивлением спросила княгиня.

— Поспешать мне надобно в Стародуб, княгиня, и далее на полночь. Путь наш не близок, а осень не за горами.

— И слышать того не хочу, боярин! Как это возможно: ты нас от полона либо от смерти спас и теперь мыслишь уехать, не давши князю поблагодарить тебя? Да он мне в жизни не простит, коли я тебя отпущу!

— Видит Бог, княгиня...

— Бог-то видит, да вот ты не видишь! Может, разбойники снова впереди засели, чтобы дело свое довершить, а ты нас одних покинешь? Не ждала я от тебя такого, право, не ждала!

— Ну, коли так, еду, княгиня,— после небольшого колебания сказал Василий и тронул плетью своего коня.

Едва ли сыщется на Руси хоть десяток городов, которые по древности могли бы потягаться с Муромом. Точное время его возникновения неизвестно, но во всяком случае существовал он еще до Рюрика.

Распределяя русские земли между своими многочисленными сыновьями, Владимир Святой отдал Муромское княжество Глебу*, тоже причисленному православной церковью к лику святых. Как известно, Глеб Владимирович в 1015 году был убит своим братом Святополком Окаянным, после чего в Муроме сидели киевские наместники, но в конце того же XI века он перешел во владение черниговского князя Олега Святославича, который отдал Муромскую и Рязанскую земли своему брату Ярославу, чьи потомки с той поры там и княжили.

При татарском нашествии героически сопротивлявшийся Муром в 1239 году был выжжен дотла и почти все его защитники перебиты. По преданию, лишь небольшое число жителей города, выведенных монахами Спасского монастыря через потайной ход, спаслось в окрестных лесах.

Едва успев немного отстроиться, в 1281 году, во время очередной междоусобицы, Муром был разрушен князем Андреем Городецким, а то, что уцелело от этого разрушения, через семь лет снова было сожжено татарами. С тех пор несколько десятков лет город находился в запустении, некогда обширная торговля его замерла и муромский край одичал. Большая часть населения, укрывшись в дремучих лесах, промышляла охотой, рыбной ловлей, бортничеством**, а то и просто разбоем. С этого именно времени муромские леса и приобретают свою громкую разбойную славу, широко отразившуюся в русском народном эпосе.

Во второй четверти XIV века старшим из муромских князей был Василий Ярославич. По характеру он полностью соответствовал своему одичавшему народу: жил в невзрачных и темных хоромах, хуже, чем иной боярский сын; рано овдовев, вел беспорядочный образ жизни и, кроме охоты, мало чем интересовался. О восставлении лежавшего в развалинах Мурома он не забо-

* В крещении князь Глеб получил имя Давида.

** Бортничество — пчеловодство.

тился, считая, что все равно его кто-нибудь снова разрушит, и делами земли своей занимался мало. При всем том был он добр и миролюбив, усобиц ни с кем не заводил, и в Муромском княжестве при нем почти открыто распоряжались московские князья.

Положение дел начало меняться, когда в Муром приехал младший брат князя, Юрий Ярославич. Это был деятельный, умный и напористый человек, немало поездивший по чужим землям и многому научившийся. Видя, что брат имеет к тому охоту, Василий Ярославич с радостью предоставил ему заниматься делами управления, и муромским князем стал фактически Юрий.

Года за два до описываемых здесь событий Василия Ярославича, бывшего уже в летах, помял на охоте медведь. Поначалу все как будто обошлось, князь отлежался, но потом начал чувствовать слабость в ногах, и вскоре они отнялись совершенно. Когда все попытки вылечить князя на месте оказались бесплодными, он приказал возить себя по святым местам в чаянии обрести где-нибудь исцеление. Святынь на Руси было множество, и Василий Ярославич в Муром возвращался редко и ненадолго. Последнее же время жил он безвыездно в Киево-Печерском монастыре, где почувствовал себя лучше и решил дожидаться полного выздоровления.

Помаленьку все стали забывать о его бренном существовании, и муромским князем вся Русь считала Юрия Ярославича. О старшем брате его летописец вспомнил лишь в 1345 году, коротко отметив: «преставился князь Василий Ярославич Муромский».

Юрий Ярославич исподволь стал восстанавливать жизнеспособность и благосостояние Муромского княжества. Работа перед ним лежала громадная, средств почти не было, и в первые годы особых перемен не замечалось. Однако постепенно заботами князя люди начали возвращаться из лесов, вокруг давно заброшенных деревень вновь зазеленели посевы, кое-как отстроенные ремесленные слободы наполнились умельцами, стала оживать торговля, и в руки Юрия Ярославича потекли деньги, позволяющие приступить к обновлению города.

Чтобы труды его не пропали даром, князь Юрий решил начать с того, чем обычно постройку городов заканчивали: с возведения крепостных стен. В течение

нескольких лет он окружил полуразрушенный Муром мощными укреплениями, превратив его в одну из сильнейших крепостей Северной Руси, и только после этого приступил к восстановлению самого города.

К моменту приезда сюда Василия Пантелеича работы эти находились в самом разгаре, а полностью закончились они лишь десять лет спустя. Однако и теперь Муром имел уже внушительный вид. Он стоял на левом, высоком берегу Оки и был окружен мощным земляным валом, поверх которого на несколько саженей высились двойные дубовые стены, усиленные многими проездными и глухими башнями.

При возведении муромских укреплений князь Юрий Ярославич ввел ряд важных усовершенствований. Главным недостатком древнерусских крепостных стен являлась ненадежность их связи: они составлялись из «городниц» — бревенчатых клетей, приставленных одна к другой и заполненных землей. Если осаждающим удавалось выбить несколько бревен из такой клетки, она рассыпалась вся под давлением находившейся внутри земли, открывая в стене широкий проход. Не раз бывало и так, что при отражении приступа одна из городниц разваливалась сама под тяжестью скопившихся на ней защитников.

При укреплении Мурома Юрий Ярославич применил новую систему, совершенно устранявшую эту опасность: здесь городницы были органически связаны одна с другой и вся стена представляла собой не цепь отдельных звеньев, а нечто похожее на сплошной бревенчатый коридор, наполненный землей.

К укрепленной части города, имевшей форму правильного четырехугольника площадью около девяти десятин, вплотную примыкал обширный посад, делившийся на концы и улицы. Чуть в сторону от него, ближе к реке, тянулись слободы ремесленников. Одна из них была населена исключительно мережниками, изготавливавшими рыболовные снасти и сети. Помимо ремесленных изделий, Муром вел торговлю мехами, рыбой, медом, воском, льном и иными продуктами сельского хозяйства, постепенно снова превращаясь в крупный торговый узел. Местные святыни также способствовали росту общего благосостояния, привлекая сюда много паломников. Однако следует отметить, что религиозное значение Мурома заметно пошло на убыль после того, как муромцы, обвинив своего епископа Васи-

лия в нечистой жизни, изгнали его из города и он перенес епископскую кафедру в Рязань.

* * *

Князь Юрий Ярославич, высокий и худощавый мужчина с небольшой, тщательно подстриженной бородкой и пронзительными серыми глазами, выглядел значительно моложе своей преждевременно располневшей и слегка обрюзгшей супруги. Выслушав ее рассказ о случившемся, он принял Василия радушно и не скупился на выражения благодарности. Трудно было сомневаться в их искренности, но все же Василию показалось, что безукоризненно вежливым словам и манерам его не хватает чисто русской простоты и сердечности. Чувствовалось, что князь знает себе цену и всегда помнит о расстоянии, отделяющем его — рюриковича — от простых смертных. Это так не вязалось с обычной простотой в обращении всех известных Василию русских князей, что в первую минуту он удивился и насторожился. Но вскоре этой черте характера муромского князя нашлось объяснение: из дальнейшего разговора выяснилось, что Юрий Ярославич в молодости провел несколько лет в Византии и, очевидно, до известной степени впитал в себя дух, царивший при дворе императора Андроника.

Впрочем, это не помешало ему остаться тем, чем создала его русская природа: весьма способным и наблюдательным человеком. К тому же он по своему времени был широко образован, говорил на нескольких языках, отлично знал историю европейских народов, начиная с самых ее истоков, и беседа с ним была увлекательна и интересна. В этом Василий убедился вполне, когда два часа спустя, помывшись в бане и приведя себя в порядок, он сидел за ужином в кругу княжеской семьи и нескольких муромских бояр.

Отвечая на вопросы гостя, а отчасти и по собственному почину, князь рассказывал много занимательного о жизни Византии и других стран, в которых ему довелось побывать. Но, как ни старался Василий удерживать разговор в этой плоскости, он вскоре перекинулся в ту область, которой карачевскому князю менее всего хотелось касаться.

— Скажи-ка, боярин,— спросил вдруг Юрий Ярославич,— ведомо ли тебе о том, что наемдн приключилось у вас в Карачеве?

— Это ты о чем, князь? — весь насторожившись, но сохраняя полное самообладание, осведомился Василий, до сих пор не знавший, дошли ли до Муромы вести о козельских событиях.

— Тому дня три сказывали мне, что князья ваши перессорились меж собой на семейном съезде и будто карачевский князь, Василий Пантелеич, дяде своему, князю Звенигородскому, срубил голову. Ужели ты, из той стороны едучи, ничего о том не слыхал?

— Когда выезжал я из дому, все у нас было тихо, — ответил Василий, заранее обдумавший, что отвечать на подобные вопросы, — а слух, о котором ты говоришь, настиг меня уже в Рязани, где задержался я по своим делам. Только я тому слуху большой веры не даю. Непохоже, чтобы такое у нас могло приключиться.

— И все же, видать, приключилось. Нам довели о том люди верные.

— Что же именно говорили они?

— Сказывали, что у князей Карачевской земли со смерти Пантелея Мстиславича велась супря* о старшинстве и о правах на большое княжение. И вот, будто в последних днях июля съехались все они в Козельске и там все это случилось.

— Ежели что похожее и стряслось, то причины тому, без сомнения, были иные, — сказал Василий. — О том, что на двадцать третье июля князья наши должны были съехаться в Козельске, все мы давно знали. Но только ни о каких спорах о старшинстве я не слыхивал. Да и какие могли быть споры? Василий Пантелеич по праву занял отцов стол и княжит уже целый год. Когда заступал он на большое княжение, дядья его и слова вперекор не молвили и из воли его николи не выходили. Андрей же Мстиславич, безо всякого к тому поноуждения, сам приехал в Карачев и крест братаничу целовал, я это своими глазами видел. Так что, воля твоя, Юрий Ярославич, а тут что-то другое. Да и в Рязани о том иной слух ходил.

— Каков же был тот слух?

— Сказывали, что не супря о старшинстве, а измена удельных была всему причиной. Василий, де, Пантелеич, не опасаясь ничего худого, приехал в Козельск с малым числом людей, а там дядья его хотели схватить. Отбиваясь от тех воров, он будто и зарубил Андрея

* Супря — распря, тяжба.

Мстиславича. Только не дюже я этим росказням верю. Может, какая размолвка и вышла промеж князей, а людская молва ее стократ раздула.

— Дыму без огня не бывает,— сказал Юрий Ярославич, пристально глядя на Василия, который спокойно выдержал этот взгляд.— Ну, а говорили в Рязани, что потом было?

— Говорили, будто князь Василий со своими людьми от изменников все же отбилсЯ и из Козельска ускакал. А вскорости после того поехал в Орду, чтобы оправдаться перед ханом.

— В чем же ему оправдываться, ежели дело было так, как ты сказал? Нешто он не в праве был свой живот защищать?

— То не я, а молва говорит, Юрий Ярославич. А я сказал тебе, что той молве не дюже верю. Может, никуда он не поехал, а может, и вовсе ничего такого не было.

Князь Юрий еле приметно улыбнулся в свою византийскую бородку и ничего не ответил. Замолчал и Василий, чувствовавший, что его собеседник знает больше того, что сказал.

— Ох, Господи, несчастье-то какое! — промолвила княгиня, прерывая молчание.— Ведь коли вправду такое случилось, хан Узбек может Василия Пантелеича и все согнать с карачевского стола.

«Вишь, где у тебя болит!» — подумал, внутренне усмехаясь, Василий и поглядел на княжну. Она сидела возле матери, потупив голову, но было заметно, что из всего разговора не пропустила ни слова. Как бы почувствовав на себе взгляд Василия, княжна подняла глаза, и взоры их встретились. Чуть-чуть улыбнувшись и порозовев, она сейчас же снова потупилась и принялась нервно теребить бахрому скатерти.

«Хороша,— подумал Василий, незаметно любясь породистыми чертами ее лица и нежным румянцем щек, юную свежесть которых особенно выгодно оттеняла оправа волнистых темных волос.— Только вот неживая какая-то... Я еще и голоса ее не слышал. Напугалась разбойников, что ли? Или при родителях боится рот раскрывать?»

Но он не угадал. В те времена девушки на Руси пользовались гораздо большей свободой, чем два-три века спустя, и не жили затворницами. Причиной молчания княжны было скорее желание приглядеться к но-

вому человеку, появление которого было столь неожиданно и необычно. И когда все встали из-за стола, а Василий, улучив удобный момент, приблизился к ней, она, очевидно поняв, что рискует показаться ему смешной или неблагодарной, а может быть, повинуюсь интому, ей самой неясному чувству, преодолела свое смущение и первой обратилась к нему:

— Не суди меня, боярин, за то, что до сего часу не поблагодарила тебя за спасение мое. Там, в лесу, с перепугу слова на ум не шли, а после ты был занят беседою с батюшкой. Прими же хоть теперь великую благодарность мою и верь, что услуги твоей я до смерти не забуду!

— Полно, Ольга Юрьевна, стоит ли о том говорить! Поелику сей случай не имел худых следствий, я сам за него благодарен судьбе: иначе я бы тебя, может, никогда не увидел.

Княжна опустила глаза, и щеки ее порозовели, что заставило Василия подосадовать на себя: ведь для нее он только заезжий боярин, и его любезность могла показаться ей слишком смелой. Однако, бросив быстрый взгляд по сторонам и убедившись, что слов Василия никто, кроме нее, не слышал, Ольга Юрьевна лишь спросила после небольшой паузы:

— Пошто же ты, проезжая под самым Муромом, да еще к ночи, не хотел в город заехать?

— Да ведь в город заехать — беспрерывно два-три дня потеряешь, а я тороплюсь. Потому и мыслил заночевать в Спасовом монастыре, а с зарею дальше двигаться.

— Куда же ты столь торопишься?

— Еду я далеко на полночь *, в самый конец Вятской земли, и путь туда труден и долог. А надо успеть до больших холодов в обрат вернуться.

— Небось семья тебя дожидается?

— Нет у меня никого, княжна. Живу один, бобылем.

Тонкие брови девушки чуть заметно шевельнулись. Казалось, ее удивил ответ Василия. Медленно, как бы думая о чем-то другом, она промолвила:

— Коли так по крайности ты не столь тяжко на меня посетуешь за то, что невольно причинила тебе задержку...

* Полночь — север, полдень — юг.

— Помилосердствуй, княжна! Чтобы послужить тебе, я не то что одного дня — целой жизни не пожалел бы. И горюю я лишь о том, что неотложное дело заставит меня завтра с тобою проститься и продолжать мой путь.

— Уже завтра? — вырвалось у княжны.— Стало быть, на город наш и не глянешь?

— Утром объеду его на коне, а там и в путь-дорогу. Чай, город не столь велик, чтобы за полдня его не осмотреть?

— Город-то невелик и пока не вельми пригляден, но примечательное в нем есть, особливо новые стены и башни. Батюшка говорит, таких еще не было на Руси. Ты человек ратный, ужели упустишь случай все это своими глазами зреть?

— Что делать, Ольга Юрьевна! До обеда все, что успею, осмотрю, а уж остальное на возвратном пути, коли Бог даст.

Лицо княжны выразило явную досаду. Она слегка закусила губу, но, видя, что к ним направляется боярин Порошин, быстро подняла на Василия свои чарующие, темные, как ночь, глаза и промолвила, понижая голос:

— Ежели в давешних словах твоих, боярин, кроме простой учтивости, была хоть капля правды, не уезжай завтра из Мурома. Мне хотелось бы распытать тебя кое о чем...

— Коли так, остаюсь, княжна, доколе тебе буду надобен,—с поклоном ответил Василий, сам в глубине души удивляясь своей неожиданной уступчивости.

* * *

Придя в отведенные им покои и укладываясь спать, Никита, весь вечер внимательно наблюдавший за Василием, спросил:

— Завтра с утра выезжаем, княже, или попозже?

— Завтра не едем,— был короткий ответ.

— А когда же?

— Там видно будет.

— Вот те на! — притворно удивился Никита.— Никак, ты уже не торопишься за Каменный Пояс?

— Небось успеем еще насидеться за Каменным Поясом,—с раздражением ответил Василий.— Али ты не знаешь, что князь Юрий Ярославич неведáвне укрепил

Муром наново и что столь гораздых оборонных хитростей, как тут, на всей Руси не увидишь? Ужели упустим случай все это добре обсмотреть только того ради, чтобы лишнюю седмицу промаяться в мубарековой орде?

— Ну, коли так, тогда конечно,— понимающе усмехнулся Никита, погасив светец и натягивая на себя покрывало.

ГЛАВА 34

На следующий день, поднявшись по обычаю своего века на рассвете, Василий в сопровождении Никиты, Лаврушки и одного из муромских дворян проехался по городу, с любопытством присматриваясь к окружающему и на каждом шагу отмечая признаки кипучей деятельности князя Юрия Ярославича.

Старый Муром был непригляден. Тесно скученные избы его смотрели без всякого порядка в разные стороны; всюду виднелись пожарища и развалины, а жилища людей были сложены наспех, частью из свежих, частью из обгорелых бревен. Но среди всего этого шла напряженная стройка.

Ватаги людей под зычные окрики десятских крючьями растаскивали полуобгорелые остовы старых построек и расчищали места для новых. Из лесу возили свежие, пахнущие смолой бревна и складывали на пустырях высокими горками. Тут и там артели плотников возводили новые добротные срубы, конопатили их мхом, пилили доски, покрывали тесом-крутые крыши. И за всей этой слаженной суетой, из-под развалин старого отовсюду уже проглядывали черты нового Муромы, продуманно распланированного и по-хозяйски крепко утверждающегося на этой, столько раз политой русской кровью земле.

В некоторых частях города, особенно в его центре, новое уже явно преобладало над старым. Тут высились две красивые церкви, заканчивалось постройкой монастырское подворье, давно был обжит княжеский дворец; вокруг него, соперничая друг с другом в затейливой резьбе оконных ставень и наличников, стояли обновленные хоромы бояр и дома служилых людей.

Необозримый лесной океан, раскинувшийся вокруг, и на весь облик города наложил, конечно, свой мощный

отпечаток: и дворец, и простые избы, и хоромы, и церкви — все было сложено из толстых сосновых и дубовых бревен, не успевших еще потемнеть от времени.

Осмотрев город, Василий выехал в посад. До него еще не дошли руки строителей, и все здесь дремало в обветшавшей старине и запущенности. Через покосившиеся деревянные тыны, из буйно заросших палисадников свешивались пышные ветви черемухи; на базарной площади шел вялый будничный торг; по пыльным и кривым улицам изредка громыхали телеги, мальчишки играли в бабки и в чилика, да кое-где в никогда не просыхающих лужах, блаженно похрюкивая, нежились ленивые свиньи.

Наибольший интерес представляли стены и оборонные сооружения города, но именно потому Василий не стал их теперь осматривать, решив сделать это после обеда или на следующий день, когда времени будет больше. А сейчас он спешил возвратиться во дворец, надеясь за завтраком увидеть Ольгу Юрьевну.

По природе своей Василий был человеком увлекающимся и, конечно, не мог остаться равнодушным к красоте муромской княжны. Это чувство усугублялось необычностью их встречи и всей сложившейся обстановки. Согласившись отложить свой отъезд, он не сомневался в том, что Ольга задержала его с целью расспросить о князе карачевском, которого ей прочили в мужья. Но, припоминая ее вчерашние взгляды и смущение, Василий, как человек опытный в подобных делах, отлично понимал, что боярин Спешин тоже произвел на нее заметное впечатление. Таким образом, в предстоящих встречах и разговорах на его долю выпадал поистине неповторимый жребий: выступать в роли своего собственного соперника.

За завтраком Василия ждало разочарование: ни княгиня, ни княжна к столу не вышли, и трапеза прошла в обществе князя и нескольких его приближенных. Юрий Ярославич сегодня держал себя проще, но все время наводил разговор на карачевские события, и Василию приходилось постоянно быть начеку, чтобы в чем-либо не проговориться. Поэтому он был весьма рад, когда завтрак окончился и князь, сославшись на дела, ушел, предварительно поручив гостя попечениям воеводы Порошина. Последний повел его осматривать княжескую усадьбу и конюшни, в которых оказалось немало превосходных лошадей. По выходе оттуда Порошина ку-

да-то позвал подошедший дворецкий, и Василий с чувством облегчения остался наконец один.

До обеда он протомился, бродя по усадьбе, несколько раз обошел сад, посидел там на скамейке, с которой открывался изумительный вид на Оку, наведывался и в хоромы, но княжны Ольги так и не встретил.

Увидел он ее только за обедом. Она была бледна и рассеянна, что Василий отметил с удовлетворением, как признаки явно для него благоприятные. В общем разговоре княжна, как и накануне, никакого участия не принимала, лишь коротко ответив на два-три ничего не значащих вопроса, которые умудрился задать ей Василий в застольной беседе. Однако в продолжение обеда, поглядывая на нее украдкой, он заметил, что она пристально смотрит на него, когда ей кажется, что никто этого не видит, и сейчас же опускает глаза, как только взгляды их встречаются.

Наконец князь поднялся из-за стола; все последовали его примеру и, помолившись, начали расходиться из трапезной. Воспользовавшись общим движением, Василию удалось подойти к княжне, когда поблизости никого не было. Ему даже показалось, что она ждала этого и умышленно отошла в сторону от других.

— Ожидаю приказаний твоих, Ольга Юрьевна,— сказал он.— Коли желаешь о чем говорить со мной, укажи, не мешкая, место и час. Ведь мне уезжать нужно.

— Али не сказал ты вчера вечером, что останешься в Муроме, доколе мне надобен будешь?

— Так ведь, к великому горю моему, надобен я тебе буду для единого только разговора. Пошто же тогда с этим делом медлить?

— Может, не для единого только разговора... а для двух либо трех,— чуть улыбнувшись, промолвила княжна.— Коли ты не слишком жалеешь, что обещал мне ожидать их.

— Не жалею, Ольга Юрьевна, хотя видит Бог, сколь надобно мне спешить. Когда же и где будет первый из тех разговоров?

— Сегодня мне нельзя,—немного подумав, ответила Ольга,—завтра, сразу после обеда, буду я в саду.

— Только завтра? — разочарованно протянул Василий.

Княжна ничего не успела ответить, ибо в этот момент к ним подошел князь Юрий Ярославич.

— О чем беседуете, коли не тайна? — с искренним или деланным благодушием спросил он.

— Да вот, княжна расспрашивала меня о Карачевской земле и наших князьях,— не сморгнув, ответил Василий. При этом Ольга метнула на него быстрый удивленный взгляд и сейчас же потупилась, а князь, и сам не сомневавшийся в том, что дочь его попытается выведать у карачевского боярина все, что возможно, о Василии Пантелеймоновиче, спросил:

— О чем же именно спрашивала ты, дочка?

— Спросила я, батюшка, велик ли город Карачев или наш Муром больше?

— Ну и что же ответил тебе боярин?

— Не успел я еще ответить, как ты подошел, Юрий Ярославич,— вмешался Василий, выручая не знавшую, что говорить, княжну.

— Коли так, ответь нам двоим. Мне оно тоже интересно.

— Нелегко это сделать, княже. Видел я сегодня Муром старый, но видел и то, каким будет он новый. Великое и славное дело вершишь ты, Юрий Ярославич!

— Да мы о Муроме знаем,— улыбнулся князь.— Ты нам о Карачеве скажи.

— Карачев город старый, но сложен он крепко. От разрушений и больших пожаров нашим князьям Господь пособил его уберечь. По величине он не намного меньше Мурома, но ремесленные слободы у нас далеко не столь обширны, а укрепления с муромскими и не сравнить. Я ваши стены да башни только со стороны видел, но и того достаточно, чтобы это уразуметь. Весьма изрядно укрепил ты свой город, княже!

— Что наши стены лучше, это Карачеву не в укор,— сказал Юрий Ярославич, в душе польщенный отзывом Василия.— На Руси лишь немногие города такие имеют. Ты их бесприменно осмотри поближе, Василий Романыч; они того стоят.

— Не премину, князь. Как раз хотел просить на то твоего дозволения.

— Помилуй, какое еще дозволение! Гляди все, что хочешь. Уж с Карачевом-то мы воевать николи не будем: промеж нас три другие княжества лежат, и делить нам нечего.

— Мыслю я, что, будь мы даже соседями, все одно жили бы в любви и мире. Карачевские князья до усобиц не охотники, да и ты, видать, тоже. К тому же, о

тебе, Юрий Ярославич, не раз доводилось мне слышать речи вельми уважительные, как от нынешнего князя нашего, так и от покойного Пантелея Мстиславича.

— Верь, боярин, что таково же и мое к ним отношение. К тому же, карачевские князья нам как-никак родня.

— Ну, коли на то пошло, все русские князья друг дружке сродни: каждый ведет свой род от нурмана * Рюрика, призванного новгородцами на княжение.

— Нет, с карачевскими наше родство много ближе: общим предком нашим был черниговский князь Святослав, внук Владимира Святого. Карачевские князья идут от сына его Олега, а муромские — от Ярослава. А вот, что ты Рюрика нурманом назвал, в том твоя великая ошибка. И к стыду нашему, не только лишь твоя: по невежеству своему, неверно истолковав древние летописания наши и проглядев в них зерно истины, на Руси так многие думают и других ложно научают. А правда такова: в князе Рюрике ни единой капли нурманской крови не было.

— Кем же он был, коли не нурманом? — спросил удивленный Василий.

— Был он чистейшим славянином.

— Как же так? Будь ласков, расскажи мне это, Юрий Ярославич! С превеликой охотой тебя послушаю.

— Изволь, ежели хочешь. Только рассказ мой будет долог, стоять притомимся. Пойдем-ка лучше в мою рабочую горницу, там сядем и побеседуем. А ты, дочка, ступай к себе, отдыхай. Все, что я стану Василию Романовичу сказывать, тебе уж давно ведомо.

ГЛАВА 35

Рабочая горница муромского князя была невелика и сразу поразила Василия своим убранством. Здесь на стенах почти не было видно оружия, драгоценных блюд и охотничьих трофеев, которыми обычно украшались тогда покои русской знати. Вместо этого всюду были развешаны иконы старинного письма, изображающие русских святых, и темные, исполненные на кипарисовых досках портреты каких-то витязей. Вперемежку с ними висело несколько больших карт и таблиц, вырисованных чернью и киноварью на желтых листах пергамен-

* Нурман, или урман, — скандинав, норманн, норвежец.

га, вставленных в полированные деревянные рамки. Вдоль одной из стен тянулись полки из мореного дуба. На верхних были расставлены глиняные, серебряные и золотые сосуды; на нижних лежали книги, тетради и перевитые шнурами свитки пергамента. Ими же был завален большой рабочий стол князя, крытый малиновым сукном.

Убранство комнаты дополняли два ковровых дивана и несколько резных деревянных кресел с вышитыми подушками. По всему было заметно, что хозяин этой горницы по склонностям своим является прежде всего историком и археологом, а потом уже всем остальным, чем полагалось быть русскому удельному князю.

Разъяснив значение некоторых предметов и карт, заинтересовавших Василия, князь Юрий Ярославич усадил гостя, велел отроку принести из погреба холодного меду и начал:

— Так вот, послушай о князе Рюрике... Вестимо, я, как и все прочие, прежде считал его варягом и думал, что наш род идет от нурманского корня. Чай, и тебя учили, что назад тому без малого пятьсот лет новгородские славяне, передравшись промеж собой, призвали на княжение варяга Рюрика, который приехал из-за моря с двумя братьями, с великою дружиной и со всем племенем своим, именуемым русью, и навел у них в Новгороде порядок. И будто бы от тех варягов вся земля наша почала прозываться русской. А вот позже, когда начал я глубже вникать в прошлое нашей земли, взяло меня сомнение: ужели же и вправду так было?

Ты, наверное, слыхивал, что до призвания Рюрика в Новгороде правил Гостомysl. Еще при его отце, князе Буриное, новгородских славян покорили нурманы, разграбили их города, а на всю землю их наложили тяжкую дань. Иго их было столь жестоким, что вскоре терпеть его не стало сил. Гостомysl поднял народ на восстание и ценою многолетней борьбы и великих жертв освободил свою землю от варяжского гнета. Все это нам доподлинно ведомо, ибо записи о том сохранились в новгородских летописаниях. Как мыслишь ты, возможно ли, что Гостомysl, ничего не жалевший для освобождения отчизны своей от нурманов, потерявший в этой борьбе всех своих сыновей, после того сам бы научил новгородцев призвать к себе нурманского князя, да еще с дружиной и со всем его племенем. Помилуй, да ведь это значило похерить начисто все дело своей соб-

ственной жизни и по доброй воле снова сунуть голову в нурманское ярмо!

Гостомыслу в ту пору было уже за восемьдесят, и можно допустить, что от старости он выжил из ума. Но ведь решало-то дело новгородское вече, и оно бы николи не дало своего согласия на эдакую дурость. Однако мы знаем, что оно согласилось и призвало на княжение Рюрика, который тотчас приехал и вокняжился в Новгороде. Из этого ясно, что там ни его самого, ни великой дружины его не боялись, для новгородцев он был не врагом, а своим, иными словами, нурманом он не был. И не только в летописаниях, но и в самой жизни Новгородской и Киевской Руси мы тому видим немало подтверждений.

Помысли на миг, что и вправду в славянских землях сели нурманские князья, у кормила власти стали пришлые с этими князьями знатные нурманы, суд над славянами почали вершить люди, не разумеющие славянской речи, все войсковое начальство составилось из иноплеменников, да еще вдобавок в Новгородскую землю вселилось цельное нурманское племя, племя, породившее всех этих князей, судей и воевод и потому мнящее себя выше славян. Что бы это получилось?

Допрежь всего, потребовалась бы целая рать толмачей, дабы правители и народ могли разуметь друг друга. Толмач стал бы на Руси первым мздоимцем, стал бы лицом видным и важным, ибо без его помощи нельзя было бы ступить и шагу. Не дивно ли, что даже самое слово «толмач» либо иное, ему равнозначашее, не упоминается ни в одном древнерусском летописании?

Кроме того, промеж славянами и нурманами приключалось бы несчетное множество неразумений, недовольств, обид, злочиний, драк и вооруженных побоищ. Вестимо, бывали бы против нурманской власти и мятежи.

Новгородцы-то спокон веков славились буйным и непокорным нравом, да и варяги были, как известно, не лучше. В Новгороде об этом неизбытно должны были остаться какие-либо преданья и записи. А где они? Я самолично побывал в Новгороде, обшарил все старые монастыри и со всех хранящихся там летописаний и древних сказов заказал сделать точные списки*, вон они лежат у меня на полках. Прочитал я их неоднократно

* Списки — копии.

от первого слова до последнего и ни малых указаний, ни намек даже на что-либо подобное не обнаружил. А всякие вечевые драки новгородцев промеж собой и даже мелкие их перекоры описаны вельми подробно.

Упомянуто, правда, в новгородских летописях о мятеже Вадима Храброго против Рюрика. Но то была борьба за княжеский стол, а никак не народное возмущение против нурманской власти. Большая часть новгородцев встала тогда за Рюрика, и он, легко взявши верх в той усобице, Вадима Храброго повелел казнить смертью.

Идем дальше: у нурманов, также как и у нас, в ту пору уже была своя письменность. Как возможно, чтобы на Руси не сохранилось ни единой грамоты, ни единой строки, писанной на их языке?

Да что уж говорить о писаниях? Даже изустная речь новгородцев не вобрала в себя ни одного нурманского слова. А ведь там, где два разноязычных народа тесно сожительствуют, беспременно в язык каждого из них вилстаются словечки другого. Вот, к примеру, с татарами мы хотя и не перемешались, а все же слов татарских нахватались немало. Ныне уже многие и не помнят, что такие всеобычные слова наши, как «кафтан», «армяк», «сундук», «базар», «чердак», «чертог», «богатырь», «аршин», «балаган», «курень», «караул», «кабак», взяты от татар. Это я тебе назвал первые, какие на ум пришли, а коли поискать, так их наберутся сотни.

Орда от нас далеко, и во вседневной жизни нашей мы с татарами не часто встречаемся, а все же у нас каждый мужик хоть малую толику по-татарски знает, и, коли ему приспичит, он сумеет с татариним объясниться. Почему же так случилось, что новгородцы, посадившие к себе на шею целое варяжское племя, не запомнили ни единого нурманского слова? А только лишь потому, что все эти пришельцы не были нурманами и речь их была новгородцам понятна. Стало быть, говорили они на одном из славянских наречий и сами были славянами.

Племя, пришедшее с Рюриком, наши летописания называют русью. Однако такого племени ни в нурманских, ни в свейских землях николи не бывало. Жили там свеи, урмане, даны, готы, юты, англяне и иные, но никакой русью отродясь и не пахло. А вот в древних ромейских писаниях, которые я в Цареграде сам читал, русами называют славян. То же самое говорят и арабские ученые мужи. Один из них, по имени Хурдадбег,

за двадцать лет до того, как Рюрик прибыл в Новгород, писал о славянском племени русь и описывал его торговые пути, которые шли по Дону и Волге и далее по Хвалынскому морю *. А вот, к слову: ведомо ли тебе, что в древние времена Волга называлась Росью?

— Того не слыхал,—ответил Василий, жадно слушавший Юрия Ярославича.—Знаю только, что в не столь давние времена Итилью она прозывалась.

— Итиль — это уже позже, а допрежь того звалась она — Рось. Мало того: в те же времена в устье реки Дона стоял город Рóсия **. Стало быть, не из нурманских краев, а вот отсюда, с берегов Волги и Дона, вышло племя русь, от которого получила свое имя вся наша земля. И уж само собой, было то племя славянским, а не урманским.

— Откуда же пришло это племя и с какой поры оно тут осело? — спросил Василий.

— Откуда пришло, никому неизвестно. Скорее всего, обитало оно тут с глубокой древности, покуда степные кочевники не потеснили его на заход солнца. В книгохранилище ромейского императора Андроника попала мне древняя рукопись, писанная, как думают, сирийским епископом Захарией за триста с лишним лет до призвания новгородцами Рюрика ***. Описывая все известные ему народы, тот сириец повествует, что между Сурожским морем **** и рекою Доном жило племя амазонок. По его словам, были они зело храбры, лихо ездили на конях и промышляли охотой, а чтобы при стрельбе из лука не мешала им правая грудь, они ее с детства выжигали каленым железом. Жили те амазонки без мужчин, а чтобы продолжался их род, в положенные сроки ездили они общаться с соседним народом — русами, от которых имели потомство, из коего оставляли в живых только девочек.

Насчет амазонок, может, то и сказки, хотя что-то похожее, видать, было, ибо о них упоминают почти все писатели древности. Ну, а о русах Захария никак не соврал, поелику триста лет спустя на том же месте и под тем же названием их застал Хардадбег, да и не он

* Хвалынским, или Хвалиским, морем называлось тогда Каспийское.

** См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 447.

*** Так называемая рукопись псевдо-Захарии, написанная неизвестным сирийским автором в 555 году.

**** Сурожским морем в средние века называлось Азовское.

один. Стало быть, ежели Рюрик принадлежал к племени русь, как о том пишут все древние летописцы, то был он не нурманом, а славянином и этим содновá и без остачи разъясняются все те несообразия и противуречия, о которых я тебе говорил.

— Как же могло случиться, что Рюрик в Новгород из-за моря приехал, ежели племя его жило близ реки Дона? — спросил Василий.

— О том скажу дальше, а допрежь того хочу покончить с выдумкой о нурманах. В чем ее корень? Неужто ошиблись наши первые летописцы? Я так сперва и подумал, а потом, разобравшись добре, уразумел, что они-то не ошиблись, а вышло иное: мы их неверно понимаем. Все дело в том, что с течением веков изменилось значение слова «варяг». Сегодня под этим разумеется нурман, а во времена далеких предков наших варягами называли всех, чьи земли выходили к Варяжскому морю *. Думается мне, что еще того раньше говорили не «варяг», а «моряг» либо «моряга», что означало «человек, приезжающий с моря».

Повгородские летописцы того времени варягами звали не только нурманов и свеев, но также немцев, борусов **, данов, эстов, поморских славян и даже англо-лов. Коли желаешь в том самолично убедиться, вон возьми у меня любую новгородскую летопись и прочти. Ну, а первый киевский летописец Нестор, тот и самих повгородцев, ничтоже сумняшеся, величает варягами.

Ужели возможно? — усомнился Василий.

Вместо ответа Юрий Ярославич встал, достал с полки объемистую тетрадь, сшитую из квадратных листов тонко выделанной телячьей кожи, и развернул ее на одной из первых страниц.

— Вот труд киевского монаха Нестора, позже допущенный игуменом Сильвестром и почитаемый основой наших знаний о прошлом Руси. Называется он «Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля». О призвании варяжских князей тут писано такое: «В год шесть тысяч триста семидесятый *** ...реша новгородци: поищем себе князя иже бы володел нами и судил по праву. И идоша за море к варягам, к руси. Те варязи бо звахуся русью, яко другие зовуться свеи,

* Варяжским морем называлось тогда Балтийское.

** Борусы — племя, населявшее нынешнюю Пруссию.

*** По христианскому календарю год 862.

другие же урмане, англяне, готы,— тако и эти». Заметь, Василий Романыч, Нестор говорит ясно: варягами звались многие народы, часть коих он тут для примера перечисляет. И поелику он здесь пишет, что русь — это одно, а сеи и урмане — другое, стало быть, яснее ясного, что русь не была нурманским племенем. Прямо лихо берет, как помыслишь, сколько людей в эту нелепую сказку верит!.. Ну, вот, а чуть пониже Нестор пишет: «И от тех варягов прозвася Руская земля. Новгородци же, то люди от рода варяжска, а прежде беше словене». Видишь: достаточно было новгородцам призвать к себе заморских князей, как их самих киевский летописец причислил к варягам! Ясно ли тебе теперь, что варяг и нурман — это далеко не одно и то же и что варяжское племя русь на деле было славянским?

— Куда еще яснее, Юрий Ярославич! Спаси тебя Бог за то, что открыл ты мне глаза на эту истину. Поведай мне только, пошто новгородцам столь люб показался Рюрик? Али был он уже чем-либо прославлен?

— Изволь, расскажу и это. Давай только горла промочим,— сказал князь, наливая гостю большую чарку душистого малинового меду. Себе он налил лишь малую стопку, ибо в еде и в питье был весьма умерен.— Только чтобы прийти к этому, мне придется начинать издалече, с того, что было в наших землях задолго до Рюрика. Надо тебе сказать, что киевский летописец Нестор не дюже интересовался стариной. Он лишь походя упомянул, что славянский народ сродственен скифскому, а затем, перепрыгнув через много веков, указывает, какие были славянские племена и где они обитали перед призванием варягов. Из старых киевских князей он называет только Кия, братьев его Щека и Хорива, да их сестру Лыбедь. Самую же повесть свою ведет от первых князей рюриковичей.

В Новгороде было иное. Летописание там началось много раньше, и первым летописцем новгородским был епископ Иоаким, муж вельми ученый, живший в одно время с Владимиром, крестителем Руси, сиречь лет за сто до Нестора. Он собрал купно и записал все, что тогда было ведомо о славянах и о прошлом Новгородской земли. И по писанию его видно, что народ славянский существовал еще до рождения Христа и уже тогда имел своих князей, далеким потомком коих является новгородский князь Гостомysl.

Были будто бы в незапамятные времена два могу-

чих князя, братья родные — Славен и Скиф, которые повоевали все земли по Дунаю и по берегу Понта, как называлось тогда Русское море *. После того Скиф со своим племенем осел в Таврии и в землях промеж Днепром и Волгой, а Славен, оставив на Дунае князем своего сына Бастарна, сам пошел на полночь и, дойдя до берегов Варяжского моря и Ильменя-озера, поставил здесь великий город Славянск. Может, то и есть Новгород, только я думаю иное: Славянск, должно быть, много позднее сгорел или был кем-либо разрушен и на его месте, а то вблизи поставили славяне другой город, который потому и был назван Новым-городом.

После того, повествуёт Иоаким, много сотен лет княжили там потомки Славена, коих имена уже забыты. Но лет за чetyреста до Рюрика сидел, будто, в Новгороде князь Ванда́л из того же Славенова рода.

Вестимо, все эти старые сказы надобно понимать инако: не князья такие были, а народы: славяне, скифы, бастарны и вандалы, и из дошедших до Иоакима преданий можно лишь вывести, что были они меж собою сродственны и шли от одного общего корня. Однако то, что пишет Иоаким далес, уже похоже на истину: у Ванда́ла было три сына — Избор, Владимир и Столпосвет, промеж которыми отец поделил все свои земли. Но Избор и Столпосвет недолге умерли, и Владимир остался единым князем этой земли. Женат он был на Адвинде, женщине варяжского рода, прославленной своею красой и мудростью. И вот, сдается мне, что, начиная с этой княжеской четы, всем дальнейшим сведениям Иоакима уже можно верить.

По смерти Владимира, пишет он, княжили в Новгороде его потомки, из коих в девятом колене был князь Буриной, отец Гостомысла. Родился он лет за сто до призывания Рюрика, и все, его касаемое, было уже хорошо известно Иоакиму.

В княжение Буриной нурманы почали беспрестанно нападать на Новгородскую землю, и вся его жизнь прошла в войнах с ними. По первым годам он побеждал и отгонял нурманов, но в конце потерпел от них поражение на реке Кимени, потерял все свое войско и бежал к карелам, где немного лет спустя и умер. Нурманы же овладели Новгородом, разграбили его, а новгородцев крепко подмяли под себя.

* Русским морем называлось в средние века Черное море.

Сын Буриvoja, Гостомысл, вступив на княжение, под-
нял свой народ против поработителей. Война была дол-
гой и трудной, но все же нурманов Гостомысл побил
и прогнал за море. А на берегу для заслона от них по-
строил сильный город, который по имени старшего свое-
го сына, сложившего тут голову, назвал Выбором *.

Иоаким пишет, что за доблесть, мудрость и правду
свою Гостомысл был вельми любим новгородцами и
столь же чтим соседями. Княжил он долго, и, коль скоро
прогнал нурманов, во всей земле его воцарились мир и
тишина. Кому же лучше знать правду: новгородскому
ли епископу, по времени стоящему не столь далеко от
этих событий, или же монаху Нестору, который два с
половиной века спустя писал в далеком Киеве вот эда-
кие измышления?..

Князь перелистал тетрадь и, найдя нужное ему ме-
сто, прочел:

— «Изгнаша новгородци варягов за море и почаша
сами собою володети. И не было среди них правды, и
встал род на род, и была у них усобица великая, и по-
чаша сами с собою воевати...»

Так вот,— продолжал он,— по Нестору выходит,
что новгородцы решили призвать варяжских князей,
чтобы те прекратили у них усобицы и навели порядок.
А вот что говорит об этом призвании Иоаким, утверж-
дающий, что никакого беспорядка в Новгороде не было,
а были мир и тишина.

У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Все
сыновья его погибли в борьбе с нурманами, дочери же
были выданы за соседних князей. Когда Гостомысл по-
чувал приближение смерти, стал он думать, кому пере-
дать княжение. Вестимо, он понимал, что, ежели еще
при жизни своей этого дела не урядит, начнется усоби-
ца и вновь придет в упадок Новгородская земля.

И вот, когда размышлял он об этом, привиделся ему
сон, будто из чрева средней дочери его Умилы выраста-
ет огромное плодовое дерево, сенью своей покрываю-
щее всю славянскую землю. И волхвы, коих созвал Гос-
томысл, так растолковали ему этот сон: надлежит кня-
жить в Новгороде сыновьям Умилы, ибо потомство ее
принесет счастье, силу и славу славянским народам.
Тогда-то по указанию Гостомысла послали новгородцы
своих послов к руси, понеже за русским князем Дионом

* Нынешний Выборг.

была замужем Умила. И на зов тот приехали Рюрик, Синеус и Трувор, а что дальше было, тебе уже ведомо.

Так разумеешь теперь, кого призывали новгородцы к себе на княжение? Не нурманских князей, исконных воевод Новгорода, а родных внуков и прямых наследников последнего князя своего Гостомысла, род которого через потомство Рюрика и доселе правит всей Русью.

— Это да! — в восхищении воскликнул Василий. — Стало быть, род наш чуть не со времен Христа над славянами княжит!

— Наш род? — удивился князь Юрий. — А мне и псевдомек было, что ты тоже рюрикова рода, Василий Романыч!

— Да нет, Юрий Ярославич, что ты? — спохватился Василий. — Я хотел сказать — род князей наших русских, а не мой. Сам же я роду невысокого... Ну, а иные внуки у Гостомысла были? — поспешил он направить разговор в прежнее русло.

— Ни один из сыновей его мужского потомства по себе не оставил. О дочерях же ведомо, что у старшей Пребраны был сын Вадим, по прозванию Храбрый. Он-то и оспаривал у Рюрика новгородский стол. От него осталась дочь Прекраса, позже нареченная Ольгой и ставшая женою Рюрикова сына Игоря.

— Святая Ольга?

— Она. Во святом крещении получила она третье имя: Елена.

— А Рюрик на ком был женат?

— Жен у него было несколько. Но матерью Игоря была Ефанда, дочь князя урманского. Ее брат Олег княжил на Руси после Рюрика, доколе Игорь не вырос.

— А кто была мать Умилы?

— Иоаким о том не пишет. Но в Новгороде от одного мужа, много сведущего в старине, слышал я преданье, что Гостомysl был женат только единожды на женщине своего же племени, по имени Доброслава.

— А о сынах Гостомысла сохранилась ли какая память?

— Старшего, как я уже сказывал, звали Выбором. Из трех же молодых Гостомысловичей один звался Бравлином. Это был славный воин, о котором преданье говорит, что он с дружиною своею спускался на лодьях даже в Русское море и воевал берега Ромейской державы. В Цареграде его имя помнят, и в летописаниях у

них записано, что однажды пограбил он ромейский город Амастриду и много других.

— Столь дивно мне все это, что я бы тебя без конца распытывал, Юрий Ярославич. Однако надобно и честь знать, чай, тебе время дорого. Еще мне поведай только — где же обитало во времена Гостомысла племя русь, допрежь чем перешло с Рюриком в Новгородскую землю?

— Народ русов, некогда живший близ реки Дона, еще задолго до Гостомысла подался оттуда на запад солнца и разделился на многие племена, принявшие иные названия. Некая же его часть, видать, дошла до берегов Варяжского моря, испокон веков заселенных славянами. Были тут полабы, лужици, бодричи, лютичи, велетичи, поморяне, кашубы, запеняне, вагры, линияне, смолинцы, хижаци, ратары, древане и многие иные. Вот погляди,— сказал князь, подводя Василия к одной из висевших на стене карт,— все эти земли принадлежали славянам. Эвон сколько они тут городов понастроили: Велиград, Зверин, Гомбор, Любице, Розток, Ратибор, Свиноустье, Щецин, Пырица, Рюрик, Камень, Старгород, Колобрег, Весимир, Волин, Столпы, Бялоград, Кошалин, Гданск, Браний Бор, Берлынь...^{*} Это лишь главные, а мелких и не перечесть. Одрин и Лаба^{**} были в те поры такими же славянскими реками, как ныне Днепр.

Ежели бы все эти братские народы были едины, их не осилил бы никакой враг. Но единства промеж них не было, и вот за последние века всех их порознь повоевали немцы, как и нас по той же причине повоевали татары. Наша доля горька, ну, а ихняя оказалась много горше: коли мы исправно платим дань и сидим тихо, татары нам не слишком докучают. Немцы же, дабы очистить для себя те земли, истребляли целые славянские народы, а немногих уцелевших обратили в рабство. Ну, да не о том сейчас моя речь... Гляди сюда,— снова указал он на карту,— видишь сей большой остров, что почти прилепился к берегам Поморанской земли? Это Ругин, еще Руяна^{***}. Сюда-то, ви-

^{*} У немцев эти города были переименованы соответственно в Мекленбург, Шверин, Гамбург, Любек, Росток, Ратцебург, Свинемюнде, Штеттин, Пуриц, Рерих, Каммин, Штаргард, Кольберг, Висмар, Юнин, Штольп, Бельгард, Кеслин, Данциг, Бранденбург и Берлин.

^{**} Нынешние реки Одер и Эльба.

^{***} Нынешний остров Рюген у берегов Померании.

дать, и добралась часть русов, не потерявшая свое древнее имя. Уже после немцы их тут перекрестили в русинов либо в рутенов.

Осели они тут крепко и по доблести да по силе своей вскорости сделались первыми среди всех, соседствующих с ними, славянских племен. Выучившись мореходству, стали они совершать дерзкие морские набеги и скопили на своем острове несметные богатства. Как видишь, по повадкам спутать их с нурманскими викингами было немудрено. Надобно также сказать, что в делах веры эти русы стояли как бы в голове всего славянского язычества, и их стольный город Аркона был для славян все одно, как для папистов Рим. Там находилось капище, в котором стоял золотой идол с мечом в руке — бог войны Световит,—особо чтимый во всех славянских землях. Дабы поклониться ему и послушать прорицания его жрецов, шли сюда не только ближние славяне, но также чехи, моравы, сербы, ляхи, дулебы и иные. И от этого еще более множились богатства острова Ругина.

Сюда-то новгородцы и прислали своих послов, ибо Дион, муж Гостомысловой дочери Умилы, в ту пору княжил над русами. Вняв челобитью новгородцев, он отпустил с ними сыновей своих Рюрика, Синеуса и Трувора с большой дружиной и семьями тех дружинников. А что в Новгород переселилось все их племя, вестимо, это сказки. Ведь были они народом вельми многочисленным, да и пошто им было покидать насиженное и столь удобное место?

Оставаясь на своем острове, они еще долго нагоняли страх на соседей, и одни из всех тамошних славян не поддались немцам. Но в лето 6676 * напали на них расплохом даны, пограбили все их богатства, разрушили город Аркону и увезли к себе золотого идола Световита. С той поры могущество тех варягов — русов пошло на убыль. Однако, приняв от данов христианство и платя им положенную дань, они еще более полтора веков держали на острове свое государство и управлялись своими князьями. И лишь пятнадцать лет тому назад вынуждены были покориться немцам **. Вот тебе и весь сказ.

* Год 1168-й христианской эры.

** В 1325 году остров Ругин с его обитателями был присоединен к германской провинции Померании (бывшей земле Поморья).

— Велики твои познания, Юрий Ярославич,— с уважением промолвил Василий.— Ужели не запишешь ты всего этого для памяти потомству нашему?

— Записал я и это, и многое еще,— ответил князь,— да навряд ли мои записи дойдут до потомства. Сам ведаешь, в какое время мы живем. Вот хотя бы наш Муром — три раза был выжжен дотла за последние сто лет. И еще не раз его выжгут. Доколе не сбросим мы татарское иго и не поставим на Руси единого хозяина, который положит конец усобицам, нет и не будет на всей земле нашей надежного угла.

— То истина, князь! Только сдается мне, что не за горами уже тот светлый час, когда великая отчизна наша будет единой и свободной! *

ГЛАВА 36

Все утро следующего дня Василий посвятил осмотру муромских укреплений. Но мысли его были рассеяны, и он с трудом дождался обеда.

В трапезной ему и словом не удалось перемолвиться с княжной. Казалось, она избегала его и за столом даже ни разу не взглянула в его сторону. Эта нарочитая холодность, несомненно, обескуражила бы человека, плохо разбирающегося в особенностях женской души, но Василий, правильно разгадавший состояние девушки, только улыбнулся.

«Ну, боярин Снежин, кажись, твоя берет,— подумал он.— Не иначе, как Ольга загодя себя укрепляет, боясь размякнуть при свидании нашем в саду».

Через полчаса после того, как закончился обед и все разошлись отдыхать по своим горницам, Василий спустился в сад. Почти безотчетно он направился прямо к тому месту, откуда смотрел вчера на Оку, и еще издали заметил Ольгу. Она сидела на той же скамейке в тени густого дерева, устремив взор на расстилавшиеся за рекою дали. В нескольких шагах от нее на траве расположились две девушки, казалось всецело поглощенные вышиванием.

— Любуешься рекою, княжна? — спросил Василий, бесшумно приблизившись сбоку.— Я тоже вчера глядел отсюда на всю эту благодать и наглядеться не мог.

* Читателям, интересующимся затронутыми в этой главе историческими вопросами, рекомендуется прочесть труд С. Лесного «История русов в неизвращенном виде».

При звуке его голоса Ольга вздрогнула от неожиданности, и вся кровь внезапно сбегала с ее лица.

— Ах, это ты, Василий Романович! — воскликнула она, быстро оборачиваясь. — Как испугал ты меня!

— Ужели я столь страховиден?

— Не то, боярин... Уж больно неслышно ты подошел.

— Прости, Ольга Юрьевна. Залюбовался тобою издали и подходил тихо, как к святыне подходят.

— Не кощунствуй, Василий Романович, — тихо сказала Ольга, потупив глаза. Нежные краски снова заиграли на ее лице.

— Я не кощунствую, Ольга Юрьевна. Ужели есть грех в том, чтобы воздать смиренное поклонение лучшему из творений Божьих?

Княжна сделала слабую попытку принять строгий и неприступный вид, но вместо этого лицо ее отразило беспомощность и смятение. Не сводивший с нее глаз Василий почувствовал, что она и желает, и страшится того, что он и дальше поведет разговор в этом направлении. Но все же он счел за лучшее пока ограничиться этим и потому, не ожидая ответа Ольги, добавил:

— Однако о чем же ты желала распытать меня?

— Я чаю, тебе, Василий Романович, Карачевская земля добре ведома? — не сразу ответила княжна, с усилием выводя свою мысль из овладевшего ею сладкого оцепенения.

— Вестимо, ведома, Ольга Юрьевна! Ведь я в ней родился и всю жизнь свою прожил. Спрашивай, все, что пожелаешь, тебе расскажу.

— О многом мне знать хочется... Сам разумеешь, боярин, ведь я Юрия Ярославича дочка, — промолвила Ольга с улыбкой, от которой Василия бросило в жар. — Только батюшку больше минувшее привлекает, а мне любо настоящее. Поездить по Руси и повидать все своими глазами мне моя женская доля не позволит, ну, вот и расспрашиваю обо всем заезжих людей... Обскажи мне, к примеру, каков собою город Карачев и какие еще есть города в вашей земле?

В течение десяти или пятнадцати минут Василий честно описывал Ольге Карачев и иные города своего княжества, не вдаваясь, впрочем, в излишние подробности, ибо он прекрасно понимал, что они, в сущности, мало интересуют его собеседницу и что этот вопрос ее

является только подходом к тому, что интересует ее в действительности.

— А какие князья княжили там допрежь Василия Пантелеича и кто у него есть из живых сродственников? — спросила Ольга, успевшая придумать этот второй вопрос, пока Василий отвечал ей на первый.

Василий ответил и на это, перечислив всех членов своего рода, начиная с Мстислава Михайловича, в нескольких словах охарактеризовал каждого из них и указал, кто где княжил или княжит.

— Ну, а нынешний князь ваш,— помолчав, спросила Ольга,— он как? Сказывали у нас, что народ его крепко любит и что князь он хороший. Истинно ли это?

Василий не сразу ответил. Расхваливать себя, даже находясь под чужой личиной, ему было неловко. Хулить тоже не годилось, ибо это прежде всего снизило бы в его собственных глазах значение той победы, которую он, как боярин Снежин, хотел одержать над князем Карачевским. Поэтому он ответил:

— Народ его, кажись, и впрямь любит. А оправдает он ту любовь народную или нет, покуда сказать трудно: ведь он еще и года не прокняжил.

— А тебе самому как мнится: умен Василий Пантелеич? Видна ли в нем мудрость истинного правителя?

— Экие ты вопросы задаешь мне, княжна! — с еле скрытой досадой ответил Василий.— Одно могу сказать: видать, что старается он княжить разумно и по справедливости, а что с того получится, то один Бог ведает. Особой же какой мудрости я в нашем князе не приметил. Князь как князь, и только!

— Пошто же тогда брянский народ его к себе на княжение зовет? Чай, ты об этом тоже слыхал? Ведь плохого князя никто звать не станет.

— Да кто тебе говорит, что он плох? Вот нынешний брянский князь, Глеб Святославич, тот и вправду плох. Что же тут диковинного, что брянцы на его место зовут кого ни есть иного?

— По всему видать, боярин, что не слишком ты жалуешь князя Василия Пантелеича,— помолчав, сказала Ольга.— Пошто так?

— Не то, Ольга Юрьевна. Ты пойми: я в Карачевском княжестве воевода, человек ратный и только. Мое дело — дружина да война. В хитростях же управления, устройства земли и прочих, что я смыслю, чтобы своего государя судить?

— Ладно, Василий Романович. Коли так, поведай мне о том, что тебе, как воеводе, виднее, чем кому иному: силен ли ваш князь в ратном деле? Мыслишь ли ты, что из него будет добрый полководец?

— Ну, что я тебе на это скажу, коли я его в большом деле не видел? — с неудовольствием ответил Василий. — Ведь, почитай, с самого его рождения у Карачевского княжества ни с кем настоящей войны не было. Да и что он так тебе дался, Ольга Юрьевна? Нешто ты с ним воевать собираешься?

— Ты вот шутишь, боярин. А коли хочешь, я тебе скажу, к чему все мои расспросы: вижу я, что судьба открывает перед князем Василием Пантелеем великие возможности. И любопытно мне знать, таков ли он человек, чтобы тех возможностей не упустить?

— Какие же такие возможности? — спросил заинтересованный Василий.

— Вот хотят его брянцы к себе на княжение. Коли он сумеет с Глебом Святославичем сладить, в его руках уже будут два немалых княжества. С такою силой, да еще при любви и поддержке народной, он, ежели схочет, без особой трудности может завладеть также Новосильским и Тарусским княжествами. А соединив под своею рукой все земли, коими владел его великий прадед, Михаил Всеволодович, он и с Москвою потягаться сможет! — вся раскрасневшись, почти восторженно добавила Ольга.

«Так вот оно что! — подумал пораженный Василий. — Теперь-то я раскусил тебя, Ольга Юрьевна! Через Василия Пантелееча мнишь ты сделаться Великою княгиней Черниговской, а может, и государыней всея Руси! Вот тебе и тихоня муромская!»

— А помыслила ли ты, княжна, — сухо сказал он после довольно продолжительного молчания, — сколько крови русской надобно будет Василию Пантелеичу пролить, чтобы того достигнуть?

— Кровь и так спокон веков по всей земле нашей льется, боярин. Уж лучше ее одним разом пролить — хотя и много, но с пользою для всей Руси.

— Стало быть, по-твоему, всякий князь, который из маленьких хочет вырасти в большие, льет кровь с пользою для Руси? С такою пользою досе лили ее князья тверские, московские, рязанские и еще многие. А ныне, значит, и Карачевские должны лить?

— Эх, боярин, вижу, не разумеешь ты меня. Ну, ос-

тавим это... Поведай мне лучше, каков собою Василий Пантелеич?

«Ну, погоди,— с веселым злорадством подумал Василий,— сейчас я тебе распишу твоего суженого! Коли он тебе лишь для возвеличения твоего надобен, все одно ты ему это простишь».

— Собою Василий Пантелеич не плох,— сказал он вслух.— Росту среднего, черняв. Хотя немного и колченог, но статен... Только вот последнее время брюхо у него стало сильно выпирать. Ну, да ведь будущий великий князь Черниговский должен быть дородным. Обратно же, у него и плешь к тому случаю готова. А так, коли не считать того, что он малость косит на один глаз, мужчина он видный.

— Не может того быть, боярин! — воскликнула Ольга.— Нам люди сказывали, что собою Василий Пантелеич вельми пригож, а ты его эдаким уродом представил!

— Что ты, Ольга Юрьевна! И я говорю, что он пригож. Брюхо и плешь человека не портят, особенно большого князя! К тому же их, может, еще и не было, когда твои люди Василия Пантелеича видели. Нешто я тебе сказал, что он с малолетства брюхат и плешив? Ну, а бородавку, что у него на носу, в крайности ведь и срезать недолго.

— Еще и бородавка на носу! — с ужасом воскликнула Ольга.

— Что ж с того, что бородавка? Бывает и похуже. А чтобы рубца на носу не осталось, ее можно и не срезая вывести: стоит лишь каждый день мазать нос утиным пометом, и через полгода она сама отпадет.

— Замолчи, боярин! Не хочу я этого слышать!

— Воля твоя, княжна. Ты меня спросила, каков есть Василий Пантелеич, и я тебе ответил. Худого я ничего не сказал и лгать на другого не стал бы, особенно на своего князя.

Снова последовала длинная пауза, в продолжение которой Ольга Юрьевна, подавленная словами собеседника, мысленно осваивала нарисованный ей портрет князя Карачевского, а Василий, глядя на нее, наслаждался плодами своей выдумки. Придя наконец к мысли, что в мужчине красота не самое важное, да боярин, быть может, слегка и прилгнул, Ольга спросила:

— А что скажешь ты касемо слухов, которые ныне идут из Карачева? Знаю, ты им не слишком веришь,

но все же, как мнится тебе: могло ли и впрямь такое приключиться?

— Оно-то могло,—подумав, ответил Василий.— Князь Андрей Звенигородский — человек пакостный, да и Тит Мстиславич завистлив. К тому же ходить по воле братанича им обидно. И ежели бы им представился случай от него отделаться, они бы недолго раздумывали.

— Коли так, пошто же ты сомневаешься в том, что ныне говорят?

— Да уж больно тихо было в нашей земле, как я се покидал. А когда такие дела вызревают, тонкий нюх завсегда в воздухе что-то чует. Есть и другое: Василий Пантелеич своим дядьям не дюже доверяет, и мнится мне, столь легко не дался бы в западню.

— Ну, а все же, коли оплошал он и заманили его?

— Тогда могло окончиться так, как люди рассказывают. Василий Пантелеич человек горячий и, когда осерчает, хоть кого может в куски посечь. Живым бы он им в руки не дался.

— И что же теперь будет, коли все так и случилось?

— Да ничего не будет. Съездит Василий Пантелеич в Орду, оправдается перед ханом — и дело с концом. Вездь правда-то на его стороне.

— Значит, мыслишь ты, что стола своего он не потеряет?

— Вестимо, нет! Хан еще и обласкает его за то, что был крут и смуты в своей земле не допустил. Для Узбека тот князь и хорош, который своих удельных умест в страхе держать. А голов русских нешто ему жалко?

— Думаю, в этом ты прав, боярин. Такоже и я мыслю,—задумчиво промолвила Ольга.— Ну, однако, мне и домой пора. Спаси тебя Бог за все, что ты мне поведал.

— Рад, коли угодил тебе, княжна. Стало быть, на этом кончился наш первый разговор. А второй когда же?

— Али ты уже перестал торопиться в Вятскую землю? — спросила Ольга, поднимая на Василия искрящиеся улыбкой глаза.

— Ехать-то мне нужно, Ольга Юрьевна... но ведь надобно быть идиолом, а не человеком, чтобы торопиться покинуть те места, где тебя хоть издали увидеть можно. К тому же я тебе обещал остаться на два либо три разговора.

— Ну, в крайности-то обещание я могла бы тебе вернуть. Кажись, мне больше тебя расспрашивать не о чем.

— Ништо, княжна. Может, я и сам найду, что тебе рассказать.

— А занято будет?

— Да уж постараюсь...

— Ну, коли так, завтра в этот же час приходи сюда снова. А покуда прощай, боярин.

— До завтра, Ольга Юрьевна, храни тебя Господь!

ГЛАВА 37

Прошла неделя, а Василий все еще сидел в Муроме и, казалось, все меньше помышлял об отъезде. Напрасно Никита с возрастающей настойчивостью напоминал ему о необходимости торопиться, он лишь досадливо отмахивался, отвечая, что за Каменным Поясом они насидеться успеют вволю, а Руси, быть может, никогда больше не увидят.

Свиданья его с княжной продолжались ежедневно и вскоре превратились для обоих в настоящую потребность. Когда Ольга немного привыкла к Василию и поборола свою застенчивость, перед ним открылась женщина не только красивая внешне, но и далеко не глупая, вдумчивая, любознательная и глубоко тяготящаяся своей женской долей, грозящей навсегда замкнуть ее в круг обыденной и скучной хормной жизни.

Взглянув на это ее глазами, Василий теперь находил некоторое оправдание даже ее честолюбивым расчетам, которые так неприятно поразили его при первом их разговоре.

«Видать, не столько она гонится за богатством и честью, сколь хочет жизнь настоящую изведать»,— думал он, с каждым днем все больше теряя от княжны голову.

Для Ольги Василий с его увлекательными рассказами явился как бы провозвестником той широкой и полной впечатлениями жизни, к которой ее неудержимо влекло. Она уверяла себя, что встреча их случайна и мимолетна, а если голос сердца иной раз и нашептывал ей другое, она подавляла его велениями разума.

Что дал бы ей брак с боярином Снежиным, если бы даже отец, паче чаянья, на него согласился? Вместо затерянного в лесах Мурома жизнь в совсем уж безвест-

ном Мосальске, который, по описаниям Василия, и на город-то непохож; вместо унылого прозябания в хоромах отца, из которых есть все-таки надежда вырваться при помощи удачного замужества, совсем уж безнадежное прозябание в хоромах помещика мужа! Такой шаг знаменовал бы крушение всех ее жизненных планов, но все же, несмотря на все доводы рассудка, ее с каждым днем все сильнее влекло к этому красивому, сильному и интересному человеку, быть может не случайно приведенному судьбой на глухую лесную поляну, где ей в ту минуту угрожало бесчестье или смерть... Ольга хорошо понимала, что надо прекратить эти волнующие встречи и заставить Василия уехать, но с каждым новым днем у нее оставалось на это все меньше решимости.

Если бы Василий был настойчивее, в их отношениях все бы уже определилось. Но он медлил, ибо сам запутался в создавшейся обстановке и не знал, на что решиться. Действовать так, как он действовал бы при обычных обстоятельствах, мешали полная неопределенность его положения, необходимость скорого отъезда и принятое им чужое имя. Самым правильным было бы попрощаться и уехать, но Василий для этого уже не находил в себе достаточно сил.

Глядя на него, Никита все больше и больше хмурился. Наконец не выдержал и пошел напролом.

— Ты что же, Василий Пантелеич,— сказал он,— мыслишь в Муроме сидеть, дондеже нас татары не схватят и не отвезут к Узбеку?

— Ибось успеем уйти,— буркнул Василий.

— Сегодня успеем, завтра успеем, а там, гляди, досидимся до того, что и не успеем. Будь то в иное время, разве бы я тебе посмел перечить? А сейчас, не обессудь, скажу прямо: не о бабах нам надобно думать, а о спасении твоей жизни. Мне она сestroю твоей и всем народом нашим поручена.

— О каких бабах ты говоришь? — круто повернулся к нему Василий.

— Э, брось, Василий Пантелеич! Ты что думаешь, я слепой либо махонький? Не для бороды же князя Юрия Ярославича ты к Мурому прирос!

Ничего не ответив, Василий нервно зашагал из угла в угол по горнице. Затем внезапно остановился перед Никитой и сказал:

— Эх, Никита! Сам я не пойму, что со мною творится. Присушила она меня, день и ночь только о ней и думаю.

— Все это ладно, когда смерть за плечами не стоит. А ныне нам о другом надобно помышлять.

— Не могу я отсель уехать, доколе с Ольгою у меня не решится.

— Воля твоя, князь, но никак я в толк не возьму: чего ты ждешь от нее? Нешто хочешь жениться и тащить ее с нами за Каменный Пояс?

— Сам я не ведаю, чего жду. Но вот не могу от нее уехать и все! Говорю тебе — присушила она меня!

— Эх, Василий Пантелеич! Нешто ты впервой к бабе присыхаешь? Возьми себя в руки. Не первая она и не последняя.

— Это другое, Никита. Тебе ведомо: еще и не зная Ольги, я ее своею нареченной считал. А теперь вдобавок узнал и вовсе покой потерял...

И Василий снова зашагал по горнице.

— Коли так,—промолвил Никита после довольно долгого раздумия,—чего тут еще мудровать? Открой ей свое истинное имя и обручись с нею. Ежели она тебя и впрямь любит, подождет, сколько потребуется.

— Ну, нет, шалишь!—с живостью воскликнул Василий, переставая ходить и садясь на лавку.—Пусть меня под простой личиной полюбит! За князя она небось пойдет хоть за пузатого, кривого и с бородавкой на носу. В эдакой любви мне проку и чести мало. Хочу, чтобы она меня полюбила, кто я ни есть. Меня, понимаешь, меня, а не карачевского князя во мне!

— Эко ты закрутил, Василий Пантелеич! — изумился Никита.—Что за пузатый да кривой князь? На чьем носу бородавка? Ты гляди, как бы и впрямь через нее здоровья не лишился.

Когда Василий передал содержание своего первого разговора с Ольгой, Никита не удержался от смеха.

— Не пожалел ты себя, Василий Пантелеич,—промолвил он.—Однако от всего этого дело твое еще хуже запуталось, а время наше не терпит. Послушай моего совета: оставь все, как оно есть, простиись с княжной, да и поедem. После когда-либо сведаем, кто Ольге Юрьевне чаще снился: пузатый ли князь Карачевский или ладный боярин Снежин...

— Не могу я уехать, не объяснившись с нею!

— Коли так, объясняйся, только не медли. Ты сам

помысли: ведь здесь тебя всякий час кто-либо опознать может.

— Ладно, ныне же с тем будет покончено,— решившись, сказал Василий,— а завтра либо в путь, либо...

— Вот еще какое-то «либо» у тебя на уме,— промолвил Никита, так и не дождавшись окончания фразы Василия.— Для Бога, Василий Пантелеич, хоть сам-то ты ведаешь, чего хочешь и что еще делать собираешься?

— Сегодня я буду знать — люб ей боярин Снежин и согласна ли она идти за него... Коли будет согласна, открою ей, кто я таков, а коли нет — из сердца ее долой!

* * *

Когда в обычный час Василий подходил к полюбившейся им скамейке, там уже сидела Ольга, и он с радостью отметил, что впервые она была одна. Веселые голоса девушек, всегда ее сопровождавших, слышались в густом малиннике внизу, на склоне к Оке.

Вид у Ольги был грустный и усталый. Когда Василий подошел и поздоровался, на секунду лицо ее оживилось и в глазах промелькнула радость. Но сейчас же они приняли прежнее печальное выражение.

— Что ты невесела сегодня, княжна? — спросил Василий, садясь на скамейку рядом с нею.— Али у тебя какая кручина на сердце?

— Так, пустое, Василий Романович... Глядела я сейчас на реку, и почему-то о зиме мне подумалось. Скорбно у нас тут зимой. Подкрадется она из лесов, холодная, как смерть, и накроет своим белым саваном все живое... Засыплет наш Муром снегом по самые крыши, непроезжими станут дороги, оледенеет река... Выйдешь иной раз сюда, на обрыв, поглядишь вокруг, и почудится, будто никого больше не осталось на целом свете...

— Пошто думать об этом, Ольга Юрьевна? И в зиме тоже своя красота есть. Да и когда она придет-то еще! Мне вот хуже: твою печаль лишь зима несет, а мою — завтрашний день.

— Что так, боярин?

— Уезжать мне надобно, Ольга Юрьевна.

— Уже завтра? — вырвалось у Ольги.— Какая же тебе в том печаль? — добавила она после паузы, и голос ее дрогнул.— Ты ведь и заезжать-то в Муром не хотел.

— Не хотел, да вот на горе себе заехал. И теперь душу свою здесь оставить повинен...

Ольга не отозвалась ни звуком, ни движением. За-молчал и Василий. Несколько минут они сидели неподвижно, глядя в землю. Вокруг стояла цепенящая тишина; даже голоса девушек в малиннике теперь смолкли.

— Неужто мы так и расстанемся? — вдруг воскликнул Василий, порывисто оборачиваясь к Ольге.— Расстанемся как чужие, чтобы николи больше не встретиться? Ольга Юрьевна! Молви хоть слово!

Княжна молча подняла голову и взглянула ему прямо в глаза таким взглядом, в значении которого трудно было ошибиться. Чувствуя, что все существо его наливается светом и радостью, Василий безотчетно обнял девушку и привлек к себе. Она не противилась, не отвела губ от встречи с его губами, и на мгновение он явственно ощутил у себя на груди бурное биение ее сердца. Но когда он стал покрывать быстрыми, обжигающими поцелуями ее лицо и глаза, она вдруг резко высвободилась из его объятий и, отодвинувшись на край скамейки, закрыла руками пылающее лицо.

— Забудь минутную слабость мою, Василий Романович,— через несколько секунд глухо вымолвила она.— Сама не пойму, что это со мною содеялось...

— Забыть! — воскликнул Василий.— Ты хочешь, чтобы забыл я благословенный миг, когда мне почудилось, будто ангелы Божьи подняли меня над землею на своих серебряных крыльях! Клянусь тебе, что, ежели бы я три жизни мог прожить вместо одной, и тогда не забыл бы этого, Ольга! Что хочешь говори теперь, но правду я знаю: ты любишь меня!

— Может, и люблю, Василий Романович... не знаю,— промолвила Ольга, не отнимая ладоней от лица.— Но это все едино: промеж нас ничего такого быть не должно.

— Но почему, ежели мы друг другу любви и оба свободны? Что препятствует тебе стать женою моею? Не столь уж мало княжен русских за бояр выходит.

— Допрежь всего родитель мой на это николи не даст своего благословения.

— Это ты на меня оставь. Коли хочешь, поклянусь тебе, что его уговорить сумею. Послушай, Ольга Юрьевна, я тебе все скажу: мы, Снежины, не вельми знатного, но старого и честного роду. Боярство свое добыл

я не родовитостью предков, а острою саблей и верной службой родной земле. Богатств больших у меня тоже нет, но вотчина моя достаточна, чтобы жила ты со мною не хуже, чем ныне живешь. И ежели истинно любя тебе, не вижу, пошто не могла бы ты за меня пойти?

— Не томи меня, Василий Романович, ибо женою твоей мне все одно не быть. А пошто, того открыть не могу...

— Ну, коли ты не можешь, я могу,— сказал Василий, самолюбие которого было глубоко задето.— Ждешь сватовства от карачевского князя? Я-то к нему слишком близко стою, чтобы о том не знать. И тебе нужды мало, что ни ты ему, ни он тебе не люб, что за целый год он даже не удосужился приехать на тебя глянуть? Стало быть, важно лишь то, чтобы был он большим князем и мог бы повоевать Черниговские земли, дабы русскою кровью твою гордыню напоить?

Пока Василий говорил это, Ольга, в лице которой теперь не оставалось ни кровинки, не сводила с него горящих негодованием глаз. Оскорбленная гордость затуманила ее рассудок.

— Вижу, ты многое знаешь, боярин,— надменно сказала она, когда он кончил.— Ну, что же, тем лучше. Авось так ты скорее уразумеешь, что княжна муромская тебе не пара.

— Это твое последнее слово, княжна? — раздельно спросил Василий, поднимаясь со скамьи.

— Да, боярин. И ежели оно сказалось жестче, чем я того желала, в том вини лишь себя.

— Добро, Ольга Юрьевна! На том и покончим. Но только вот что я тебе напоследки скажу: не бывать тебе и за князем Василием Пантелеичем! Я его добре знаю. Он тоже от тебя истинной любви захочет, а не сдиной корысти. И ты его не обманешь! Ну, а теперь прощай навек,— и, поклонившись преувеличенно низко, Василий с бурей в душе, но внешне спокойный, покинул княжну.

* * *

Сославшись на недомогание, Ольга не вышла ни к ужину, ни к раннему завтраку на следующий день. Когда обеспокоенный этим князь Юрий Ярославич часов в девять утра вошел в опочивальню дочери, он сразу увидел, что она и впрямь нездорова: лицо ее было бледно, глаза красны от слез.

— Что с тобою, дочка? — участливо спросил он.

— Занеможилось мне с вечера, батюшка, — слабым голосом ответила Ольга, — но сейчас уже вроде полегчало...

— Ну, гляди. А то, может, знахаря к тебе прислать?

— Не стоит, батюшка... Само пройдет.

Юрий Ярославич прошелся по светлице, с минуту поглядел в открытое окно на убегающую вдаль Оку, затем повернулся и, пристально глядя на дочь, сказал:

— Сегодня с зарею уехал гость наш, Василий Романович. Наказывал тебе поклон передать.

— Уехал, — еле слышно прошептала Ольга. К глазам ее подступили слезы, и только лишь величайшим напряжением всех душевных сил она не дала им воли.

— Слушай, Ольга, — строго сказал Юрий Ярославич, подходя к самой постели дочери, — по всему видать, что у него с тобой был какой-то разговор. Оттуда и нюни твои, да и он со вчерашнего дня был явно не в себе. Сказывай начистоту, что промеж вас произошло?

— Ничего не было, батюшка, — пробормотала Ольга, пряча лицо в подушки.

— Не лги, Ольга! Я тебя наскрозь вижу. И дело это поважнее, нежели ты думаешь!

— Просил боярин моей руки, — сквозь слезы вымолвила княжна.

— Ну и что? Видать, ты ему отказала?

— Отказала, батюшка...

— Вот и слава Господу! Пошто же убиваться теперь, ежели он тебе не люб?

— Люб он мне, батюшка! Ой, как люб! — с отчаянием воскликнула Ольга, давая волю рыданиям, давно уже рвавшимся из ее груди.

— Что-то я этого в толк не возьму. Ведь ты же ему по своей доброй воле отказала?

Ольга ничего не ответила, только зарыдала еще сильнее. Глядя на нее с отеческой нежностью, Юрий Ярославич с минуту постоял молча, как бы что-то обдумывая. Потом сказал:

— Ужели же, прося руки твоей, он не открыл тебе свое истинное имя?

— Свое истинное имя? — воскликнула Ольга, внезапно обрывая рыдания и чувствуя, как все существо ее наливает леденящим страхом. — Нешто он не боярин Снежин?

— Нет, дочка. Это был сам князь Василий Пантеле-

ич Карачевский. Я сразу же это уподозрил, а после мне и слуги сказывали, что, оставаясь наедине, стремянной Никита величал его князем либо Василием Пантелеичем. И я рад, что Господь вразумил тебя ему отказать, ибо сделать это мне было бы не столь ловко. Родниться же с изгоем * нам не пристало: хан Узбек карачевский стол отдал князю Титу Мстиславичу Козельскому, а сам Василий бежит теперь от ханского гнева, не ведаю куда...

Юрий Ярославич хотел добавить что-то еще, но внезапно остановился, пораженный наступившей в горнице тишиной. Последних слов его Ольга уже не слышала, ибо находилась в глубоком обмороке.

ГЛАВА 38

По выезде из Мурома Василий и Никита решили, пользуясь хорошей погодой, продвинуться вперед как можно быстрее, чтобы наверстать потерянную неделю. Для сокращения пути они вопреки первоначальному намерению поехали не по стародубской дороге, а вниз по левому берегу Оки и затем лесом на город Гороховец, находившийся на реке Клязьме, уже в пределах Суздальского княжества.

Переночевав в Гороховце, до которого от Мурома было не более восьмидесяти верст, они по совету хозяина постоялого двора пустились отсюда прямою лесною дорогой к Волге и, оставив в стороне Нижний Новгород, к вечеру, без всяких приключений, прибыли в Городец, лежавший уже на левом берегу великой русской реки.

Василий, в душе которого еще кипела горечь, всю дорогу был зол и сумрачен. Тщетно он уверял себя, что Ольга не стоит того, чтобы так близко к сердцу принимать всю эту историю, и старался быть веселым и беспечным. Но не проходило и нескольких минут, как перед ним снова вставал волнующий образ муромской княжны и он, внезапно оборвав начатый с Никитой разговор, принимался нахлестывать своего жеребца, как бы стараясь ускакать от наваждения.

Едва они в Городце устроились на постоялом дворе, Никита, чтобы отвлечь Василия от мрачных мыслей, предложил идти на Волгу, купаться.

* Изгой — человек, лишенный своих прав, изгнанник.

— Что же, пойдем, коли хочешь,— безразлично промолвил Василий, поглощенный своими невеселыми думами.

Выйдя на берег и отыскав песчаную отмель, они разделись и бросились в прохладную воду. После целого дня езды по августовской жаре купание было истинным наслаждением, и они долго плавали и ныряли, гоняясь друг за другом и резвясь, как мальчишки. Повеселел даже Василий.

Выбравшись наконец из воды, они растянулись на песке и несколько минут пролежали молча. Но Лаврушка, давно ждавший случая кое о чем расспросить князя и опасавшийся, что он снова впадет в мрачное настроение, скоро нарушил молчание:

— Дозволь, батюшка князь, спросить тебя о чем-то.

— Ну, спрашивай,— благодушно ответил Василий.

— Вот поглядел я сегодня на энтот Городец: город вроде невелик, а укреплен гораздо. И стены так поставлены, как ноне уже не ставят. Кто же его строил и укреплял?

— Тут спокон веку был городок Радилов, должно быть, поставленный еще первыми славянами,— ответил Василий.— Достался он потом владимирским князьям, которые его изрядно укрепили против мордвы и болгар. С того времени он и прозывается Городцом Волжским.

— А ведь были же в Городце и свои князья?

— Были. Лет более ста тому назад великий князь Всеволод, прозванный Большим Гнездом, отдал Городец в удел сыну своему Юрию, который воевал отсюда мордву. Далее здесь княжили потомки того Юрия, и не было, кажись, на всей Руси князей пакостнее городецких. Они уже не с мордвой воевали, а со своими же братьями, не единожды наводили на Русь татар и у всех торчали, как чирей на носу, дондеже Городец не отошел к суздальскому князю.

— А Нижний Новгород давно ли выстроен?

— Нет, Нижний Новгород из молодых городов. Лет за сотню тому назад поставил его тот же князь Юрий Всеволодович против мордвы. Не прошло, однако, и десяти лет, как мордовцы разорили его вчистую. Снова его отстроил Юрий Всеволодович и на сей раз укрепил на совесть. Потом, когда Батый порушил почти все русские города, Нижний Новгород он почему-то пощадил. Хорошо пошла в нем и торговля: город стоит на двух великих реках, и товары сюда идут со всей Руси, с Ор-

ды и из болгар. По сим причинам Нижний ныне зело разросся и далеко обогнал все соседние города.

— Кто же в нем княжит?

— Сперва он, как и Городец, был уделом Владимирского княжества, потом перешел к суздальским князьям. А последние годы наложила на него лапу Москва, и ныне сидит там сын Ивана Калиты, Симеон. Только, видать, суздальский князь Константин Васильевич его оттуда выживет.

— Нешто столь силен этот князь?

— Он-то силен, да не столь ратью, как разумом своим. Нет ныне на целой Руси второго столь мудрого и доброго князя. Вот, к примеру, все князья, которые до него тут сидели, только и знали, что воевать с мордвой, и через то не было всему этому краю от мордвы никакого житья. Константин же Васильевич сумел с мордовцами так поладить, что теперь они ему первые друзья. Не только они его владений нипочем не тревожат, но еще и русских поселенцев стали допускать на свои исконные земли. Пользуясь тем, Константин Васильевич испоместил среди мордвы уже многие тысячи русских людей. И кто бы тому мог поверить: живут по-добрсоседски, роднятся друг с другом, и мордва здесь быстро обрусевает. А в иных местах, в Муроме к примеру, что делается, чай, ты сам видел.

— Пошто же этот князь своих-то людей в чужих землях селит? Другие к себе норовят людишек с чужих земель пригорнуть.

— Вот потому и селит, что умен. Знает, что эти земли, коли он их обрусит, безо всякого кровопролития ему достанутся вместе со всеми людьми. А смердами он богат: переселенцы валят к нему со всех сторон, ибо нигде их не принимают так, как тут. Князь Константин дает им земли на выбор — где душа твоя пожелает, там и садись, только паши и сей! На многие годы он ослобоняет новоселов от всех податей и, доколе не встанут на ноги, помогает им, чем ни потребуется. И народ его крепко любит. А нижегородцам, вестимо, вдвое обидно: в самый раз, когда Суздальская земля дождалась хорошей жизни, их взяли да и отдали под московского княжича, который в угоду ненасытной прорве — своему отцу — жмет из Нижнего Новгорода все соки.

— Пошто же нижегородцы не сгонят москвича и не передадутся снова Суздалю?

— Ежели бы Константин Васильевич того схотел,

так бы и случилось. Но он далеко видит. Нижний Новгород ему, вестимо, нужнее всякого другого города, почитай даже Суздаля, ибо он хочет ширить свою торговлю. Но коли он его силой захватит—войны с Москвой не миновать; стало быть, все, что он успел сделать для благосостояния своего края, будет порушено. И он ждет. Иван Калита стар и хвор; долго он не протянет. По смерти же его Симеон сам уйдет из Нижнего, ибо он иванов вотчич и ему достанется московский стол. А тогда Константин Васильевич останется тут полным хозяином, да, может, еще и Москву прижмет. Ее-то бояться все не потому, что она так уж сильна, а потому, что за спиною московского князя хан Узбек стоит. Однако после смерти Ивана Данилыча все может перемениться, и неизвестно еще, кому хан даст великое княжение. Может, как раз Константину Васильевичу.

— А выехав из Суздальского княжества, дальше мы какими землями поедem? — помолчав, спросил Лаврушка.

— Уже завтра поедem мы по рубежу Костромского княжества и, пожалуй, даже его чуток зацепим. А там выедem в Галичское и по ему будем следовать до самой Вятской земли.

— А велики ли те княжества?

— Костромское будет вроде нашего Карачевского с уделами. А Галичское много побольше. Только, видать, их век уже на исходе: хотя там и сидят еще свои князья, но Москва на них крепко наложила руку, и пляшут они под дудку Ивана Данилыча.

— В Костроме, кажись, уже и плясать некому,—вставил Никита.— Сказывали люди, князь тамошний неждáвне помер, а никому из наследников его Калита вступать на княжение не позволяет. Видать, себе Кострому заберет.

— Ну, а далее на полночь, за теми княжествами, что лежит? — допытывался Лаврушка.

— Лежит там Устюжская земля — вотчина ростовских князей, а чуть на заход — княжество Белозерское. А далее, до самого Ледяного моря, тянутся владения Великого Новгорода, которые будут побольше, чем вся остальная Русь вкупе...

Жадный к познанию родной земли Лаврушка, вероятно, долго еще продолжал бы свои расспросы, если бы к ним незаметно не подкралась ночь. Надо было идти ужинать и спать.

Весь следующий день они ехали вверх по берегу Волги и, заночевав в городе Юрьевце, с рассветом пустились прямо на север, левым низменным берегом реки Унжи. Стояла нежаркая погода, дорога была легка, и потому, покрыв в этот день около сотни верст, к ночи они прибыли в маленький городок Унжу, стоящий уже на Галичской земле. Отсюда предстояло продвигаться дальше местами вовсе не населенными, а потому наши путники весь следующий день провели в Унже, дав отдых коням и запасаясь всем необходимым.

На их расспросы о дальнейшей дороге местные жители, в большинстве звероловы, отвечали:

— Путь ваш пойдет лесом да болотами. Доколе приметна будет охотничья тропа, езжайте по ней. Ну, а далее надобно пробираться звериными тропками, а где и так, глухоманью. Главное дело, держите все время прямо на восход солнца и, коли не собьетесь, на третий день к вечеру выйдете к Шулепникову — поселку зверовщиков, что стоит на берегу реки Ветлуги. А до этого навряд ли вам хоть одна живая душа повстречается.

В ту пору все необъятные пространства средней и северной Руси были покрыты густыми лесами, и путники наши почти не выезжали из них от самого Карачева. Но лишь теперь, оставив позади Унжу, они почувствовали себя по-настоящему затерянными в обступившем их лесном океане. Раньше хоть изредка им попадались по пути небольшие села и деревушки; кое-где можно было увидеть вспаханные поля, а на дорогах повстречать людей. В этих же бескрайних северных дебрях и топких болотах, сбившись с пути, можно было блуждать дни и недели, не встретив никаких признаков присутствия человека.

Целый день они пробирались узкою, местами теряющейся тропой по дикому лесу и обманчивым болотам, где под видимостью невинной зеленой лужайки на каждом шагу подстерегала путника гибельная трясина. Тут не попадалось даже и следа людского, это было подлинное царство четвероногих и птиц. И раньше им по пути не раз встречались всякие звери, но здесь их было такое количество, что Василий и его спутники только диву давались.

С зеленых лесных прогалин при их приближении то и дело, ломая кустарники, бросались наутек стада оленей и лосей, а из болотистых зарослей слышалось злобное хрюканье потревоженных ими диких свиней. На за-

болоченных, подернутых ряской лесных речках не раз видели они огромные поселения бобров. Озера и болота кишели гусями, лебедями, утками и прочей пернатой дичью, почти не боявшейся человека. И если до сих пор путешествие их проходило без особых приключений, то здесь на исходе первого же дня их ожидал случай, едва не стоивший Лаврушке жизни.

Почти весь день они ехали шагом, но дорога была трудна и утомительна, а потому часов в пять вечера, найдя сухую и удобную для ночлега полянку у широко-го ручья, Василий приказал остановиться.

Пока Никита разводил костер, Лаврушка взял лук и, придерживаясь берега ручья, чтобы не заблудиться, углубился в лес в надежде подстрелить к ужину какую-нибудь дичь.

Не прошел он и сотни шагов, как заметил на дереве большого глухаря, который при его приближении с шумом поднялся и, пролетев десятка три сажень, опустился на другое дерево. Не потерявший его из виду охотник стал подходить опять, но осторожная птица, не подпустив его на выстрел, снова перелетела немного дальше. Так повторилось несколько раз. Наконец воспользовавшись тем, что в этом месте крутые берега ручья, размытые дождями, образовывали целое нагромождение глиняных глыб и уступов, Лаврушка сумел подобраться к глухарю незаметно и, тщательно прицелившись, пустил в него стрелу. Она попала в цель, но огромная и сильная птица не сразу упала на землю; пронзенная стрелой, она все же попыталась улететь и рухнула шагах в тридцати от Лаврушки на плоскую вершину невысокого глиняного утеса.

Подбежав к нему, Лаврушка увидел, что стены его почти отвесны. Но это его не смутило; он бросил на землю лук и, втыкая нож в трещины крутого откоса, быстро взобрался наверх и поднял свою добычу. Глухарь был великолепен и весил не меньше пуда. Не теряя времени, повеселевший Лаврушка собирался спуститься тем же путем, но, едва он приблизился к краю утеса, веселость его мигом исчезла: внизу, как раз на том месте, где он оставил свой лук, стоял матерый бурый медведь и смотрел прямо на него. Лаврушке помешалось даже, что зверь ему насмешливо подмигнул.

Положение было скверное. Медведь, проникшийся к Лаврушке, очевидно, не совсем бескорыстным интересом, уходит явно не собирался. Серdito сопя, он

топтался вокруг утеса, высматривая, откуда на него легче взобраться. В одном месте, поднявшись на задние лапы, он передними попробовал дотянуться до верха, и незадачливый охотник с ужасом увидел, что страшные когти зверя не достают каких-либо полутора аршин до края площадки, на которой он стоял.

Парень беспомощно оглянулся. Если бы в его распоряжении была хоть простая жердь, чтобы спихивать медведя, когда он станет карабкаться наверх, дело было бы не так плохо. Но на плоской вершине, имевшей в поперечнике не более шести шагов, не было ничего, кроме нескольких комьев ссохшейся глины.

Подумав, что медведь, может быть, уйдет, если не будет его видеть, Лаврушка отошел и сел посреди площадки. Но случилось как раз обратное: медведь сейчас же полез наверх. Увидев, что когти зверя уже цепляются за край его ненадежного убежища, Лаврушка вскочил и, высоко подняв обоими руками самый тяжелый кусок глины, швырнул его изо всех сил в мохнатую голову, показавшуюся вслед за когтями. Глиняный ком разлетелся вдребезги, но и мишка с ревом боли и ярости скатился вниз. Отдышавшись, он еще два раза повторил свою попытку, но с прежним успехом. Теперь уже у Лаврушки крупных комьев не оставалось, и он попробовал откупиться от своего противника, бросив ему вниз убитого глухаря. Однако медведь, рассудив, очевидно, что глухарь от него не уйдет, злобно отшвырнул его лапой и снова полез наверх.

Тогда Лаврушка закричал диким голосом, надеясь огоршить медведя и в то же время привлечь внимание своих спутников, которые не могли быть особенно далеко. Зверь от неожиданности и в самом деле сполз с откоса. Стоя внизу и нагнув голову набок, он с удивлением уставился на Лаврушку, который продолжал испускать громкие вопли при каждом его движении. В течение некоторого времени это средство действовало. Но вскоре медведь притерпелся к крикам и, больше не обращая на них внимания, решительно пошел на приступ.

Единственным орудием самозащиты у Лаврушки теперь оставался охотничий нож. И он с силою вонзил его в лапу зверя, как только она вцепилась в край площадки. Но от острой боли медведь с такой стремительностью разжал когти и кубарем полетел вниз, что рукоятка выскользнула из Лаврушкиной руки.

Скотившись с откоса, медведь зубами выдернул из раны нож, несколько раз лизнул кровоточащую лапу и со свирепым ревом быстро полез вверх. Лаврушка, теперь совершенно безоружный, стоял над разъяренным зверем, ожидая неминуемого и страшного конца. Но как раз в этот миг из-за ближайшего берегового уступа показались Василий и Никита, бегущие сломя голову с обнаженными саблями в руках.

Медведь вскарабкался уже настолько высоко, что подбежавший первым Василий не мог достать его головы и с налета рубанул по широкой мохнатой спине. Лесной великан, которому этот удар не причинил существенного вреда, с непостижимой быстротой соскочил на землю и бросился на нового противника, но в это мгновение сабля подоспевшего Никиты обрушилась ему на голову. Однако и человек, и зверь находились в быстром движении, и хорошо рассчитать удар было невозможно: медведь отделался отрубленным ухом и большим лоскутом кожи, срезанным с его крепкого, как камень, черепа.

В продолжение следующих трех или четырех минут стоявший наверху Лаврушка имел случай созерцать совершенно исключительное зрелище: огромный, доведенный до предела ярости зверь, то вставая на дыбы, то стремительно опускаясь на четвереньки, попеременно кидался на двух машущих саблями людей, ловко увертывающихся от страшных лап и в свою очередь наносящих молниеносные удары. Но силы были неравны: вот отлетела в сторону отрубленная лапа, за нею — вторая, а через несколько секунд и сам лесной исполин рухнул наземь под сыпавшимися на него сабельными ударами.

— Экая здоровая бестия,— тяжело дыша, промолвил Василий, вытирая саблю о шкуру убитого зверя.— Еле умолотили его вдвоем!

— Ну, спаси вас Бог, что вызволили меня, батюшка-князь, и ты, Никита Гаврилыч,— сказал Лаврушка, спустившись с утеса.— Не подоспей вы, не видать бы мне завтрашнего дня!

— Счастье, что мы твои крики слышали. Как же тебя угораздило с ним связаться?

Лаврушка в коротких словах поведал о своих приключениях.

— Ну, что же,— выслушав его, заметил Никита.—

Все от Бога: мишка собирался тобою поужинать, а вышло, что мы им поужинаем.

И вытащив нож, он принялся отделять окорок от медвежьей туши.

— Да и не только им,— добавил Лаврушка, подбирая своего глухаря.— Косолапому этого показалось мало, ну, а нам в самую пору будет!..

Ужин в этот вечер у них и в самом деле получился отменный.

ГЛАВА 39

На второй день пути погода изменилась, было пасмурно, временами начинал накрапывать дождь. Это сильно осложнило положение путников: теперь они могли держать направление на восток лишь приблизительно, руководствуясь различными, не очень надежными приметами. Только к вечеру третьего дня проглянуло снова солнце, но, очевидно, они уже успели уклониться далеко в сторону, ибо ни реки, ни поселка до самой ночи не встретили и, сильно обеспокоенные, заночевали в лесу.

Обсудив положение, все трое пришли к выводу, что от правильного направления они отклонились к югу. И в этом не ошиблись, потому что с рассветом, взяв путь на северо-восток, часа через три вышли на берег широкой и спокойной реки, которая могла быть только Ветлугой. Двигаясь вдоль ее берега, после полудня путники прибыли наконец в поселок Шулепников*.

Весь он состоял из нескольких бревенчатых изб, до половины закопанных в землю на небольшой плоской возвышенности, защищенной от зимних выюг почти непроницаемой стеной вековых елей. На зиму промыслять пушного зверя сюда сходились звероловы из Унжи и ближайших галичских сел, теперь же только три избы были обитаемы. Все их население — душ двадцать обоего пола — с изумлением и тревогой высыпало навстречу приехавшим. Зоркий глаз Никиты успел заметить, что два-три мужика поспешно сунули за пояс топоры. Но когда путники вежливо поздоровались и попросили гостеприимства на ночь, их приняли радушно и тотчас повели в самую лучшую избу.

Видя, что хозяин, косматый, как медведь, кряжи-

* Ныне на этом месте стоит город Ветлуга.

стый старик, временами бросает на них исподлобья недоверчивые взгляды, Василий спросил:

— Что это вы все всполошились, на нас глядя? Али за разбойников приняли?

— Ин кто вас знает, что вы за народ? — помолчав, ответил хозяин. — Ведь здорово живешь в такую глушь никто не заедет, а будь вы лихие люди либо начальство какое — нам от того одинаково радости мало. К тому же начальство завсегда верхнею дорогой ездит, а с энтой, с низовой стороны, мы к себе гостей отродясь не видывали.

— Низом мы приехали потому, что сбились с пути и блукали в лесу, доколе в Ветлугу не уперлись. И вы нас не опасайтесь: мы не разбойники и не начальство. Я Карачевского княжества боярин и еду по своим делам в Вятскую землю.

— Ну, слава Господу, коли так. А то мы было чуток испужались.

— Значит, и сюда забредают недобрые люди?

— Где их нет, боярин? Сейчас-то у нас поживиться нечем, и это всем ведомо. Ну, а по весне, когда тут соберется много пушнины, тогда надоть поглядывать. Правда, в те поры людей тут бывает изрядно, так что не всякий лиходей сунется.

— Кто же грабит-то вас? Свои али татары?

— От русских людей мы худа пока не видели, да и татары сюда носа не кажут. На моей памяти только один раз они тут и побывали, когда шли в Вятскую землю поучить вятичей. Но, слава Христу, воевода у них оказался хороший и нас обижать не велел.

— Кто же тогда ваши главные вороги?

— Да вотяки *, боярин. Они-то Великому Новгороду покорились, почитай, лет двести назад, и новгородская вольница с той поры в Вятскую землю течет все время. Много уже она тут понаставила своих городов и погостов. Но у вотяков сноровка такая: где русские сели, они оттеда враз уходят куда подальше. И через то за ими не углядишь. Так-то они вроде во всем покорны, ну, а где подале от начальства, случается, что и озоруют. На нас, к примеру, уже два раза нападали. Только по второму разу мы им так налатали, что помнить будут долго.

* Вотяки — народ финского племени, населявший нынешнюю Вятскую губернию. В XII веке были покорены новгородцами.

— Ну, а татары, говоришь ты, в Вятскую землю не часто наведываются? Али она ныне Орде не покорна?

— Да энто, как тебе сказать, боярин? На словах, может, она и покорна, а на деле нет. Татары считают Вятскую землю своей волостью. Когда они воевали Русь, и туды, значит, нагрянули, только долго там не остались, а, наложив на вятичей дань, ушли на полдень. Вятская же вольница, чай, ты ведаешь, никого не признает: ни Великого Новгорода, ни татарского царя и управляется сама по себе. Долго ли она Орде дань платила, того не знаю, но ныне не платит. И нередко бывает, что, собрав ватаги вотяков, нападает на болгарские либо татарские караваны, а то и городки ихние грабит. А после отбрехивается: это, де, не мы, а дикие вотяги, которые в леса убегли и нам самим житья не дают. Ну, татары иной раз тому поверят, а другой раз — нет. И бывает, что приходит их войско наказать вятичей и пограбить их землю. А после снова уходит.

— А далече ли отсюда начинается Вятская земля?

— Какое далече! Вон на том берегу Ветлуги уже она самая и есть. Наш Шулепников как раз на рубеже стоит.

— А сам ты галичский?

— Нет, боярин. Я с Великого Новгорода сюды утек.

— Чем же тебе Новгород не люб? Ведь там вече всем управляет. Стало быть, народ по своей собственной воле живет,—с усмешкой спросил Василий.

— Эх, боярин, стократ лучше быть под каким ни есть князем, нежели под энтим вечем! Князь, по крайности, зла своей земле не пожелает и продавать ее не станет. А на вече в каждой голове своя дурь. Про самый народ-то я не говорю, он там и вовсе ни при чем остается, а верховодит всем господа*. И из той господы один, к примеру, сговорился с тверским князем, чтобы, значит, его руку держать, другой с московским, третий к Литве тянет, четвертый мирволит немцам либо свеям, а иной сам хочет всему Новгороду на шею сесть. И у каждого по сотне, а то и поболее самых здоровенных горлодсров куплено, чтобы, значит, на вече за его кричали. Коли ты просто честный человек и, придя на вече, попал промеж двух-трех таких псов, попробуй-ка,

* Господой в Новгороде называлась правящая верхушка, состоявшая из бояр и богатых купцов.

крикни что-либо свое — они те враз рыло на сторону своротят! Вот тебе и народное вече! И ты погляди: Новгород и землями своими, и богатствами, и людьми сильнее всех своих соседей, вместе складенных. Он бы всей Руси свою волю указывать мог, а на деле его то тверские князья, то московские уму-разуму учат и за уши треплют, как махонького. А чем рядом с Великим Новгородом была Москва каких всего тридцать годов тому назад? Тьфу! И все это через то, что в Новгороде настоящего хозяина нет.

— Так призывал же Новгород к себе князей и не один раз! Среди тех князей бывали мужи вельми достойные. Вспомни хотя бы двоих, память коих вся Русь чтит, и даже церковью нашей они к лику святых сопричислены: Михаила Всеволодовича Черниговского и Александра Ярославича Невского. Оба в свое время в Новгороде княжили. А Мстислав Удалой чем тебе был плох?

— Да рази ж те князья в Новгороде волю имели! Их призывали на воеводство, не более. А заправляла всем опять-таки господа! Али тебе не ведомо, что по всечовому закону во всех володениях Великого Новгорода князь не может своего клочка земли иметь? Простые воеводы в других русских землях больше прав имеют, нежели в Новгороде князь! Нет, боярин, там надобен такой князь, который бы допрежь всего господу обуздал, а после уж правил по своей единой воле. И супротив такого простой новгородский люд николи не пойдет: на кой леший сдалось ему господское вече?

— Стало быть, ты от тех порядков сюда и подался?

— Истина, боярин! И рази же я один? Тута, по крайности, мы от всех вдалеке и живем сами по себе, как птахи Божьи.

— Ну, что ж, давай вам Господь. А ты вот скажи мне, как нам отсюда получше в Хлынов проехать?

— Дело это не мудреное. Есть отседа тропа прямо на город Котельнич. Ведет она лесами да болотами, но сбиться нельзя: по ей через каждые две-три версты горки камней поскладены. В энту пору дорога еще суха, и на третий день будете вы в Котельниче. Ну, а отсюда берегом Вятки до Хлынова еще два дня пути.

— А путь безопасен ли?

— Об эту пору, почитай, безопасен. Вотяки больше

по весне пошаливают, а волки — зимой. И волки будут похуже вотяков.

— Что, много их тут?

— Несметная сила! Зимой собираются они в стаи по сотне и больше голов, и тогда не попадайся! Поверишь, одна, в какой версте от поселка, отсиживался я от них на дереве полдня и цельную ночь! Хвала Господу, что не обмерз до смерти.

* * *

С рассветом выехав из Шулепникова, Василий и его спутники, невыносимо страдая от гнуса, три дня пробирались топкими болотистыми низинами, пока наконец не выехали к берегу Вятки. Здесь, чуть ниже впадения в нее реки Моломы, с незапамятных времен стоял черемисский городок Каршар, захваченный новгородскими ушкуйниками* в 1181 году и переименованный ими в Котельнич.

Сейчас это был довольно многолюдный и хорошо укрепленный городок с населением почти сплошь русским. Проведя в нем остаток дня и ночь, путники двинулись вверх по берегу Вятки, заночевали в большом русском селе, обнесенном крепким бревенчатым тыном, и на следующий день благополучно прибыли в столицу Вятской земли — Хлынов**.

Город этот, где они решили дать себе и измученным лошадям несколько дней отдыха, был довольно обширен и защищен солидными стенами, но поражал отсутствием патриархальности, свойственной всем старым русским городам. Впрочем, это было естественно: здесь не было княжьего двора, вокруг которого могла бы в определенных, освященных обычаям, формах складываться общественная жизнь; не было и власти, способной призвать к порядку тех, кто в этом нуждался.

Вятская земля, давно отложившаяся от Великого Новгорода, управлялась собственным вечем, иными словами, представителями нескольких влиятельных семей, разбогатевших не столько на поместном хозяйст-

* Ушкуйниками называлась новгородская вольница, которая на лодках, называемых ушкуями, отправлялась по рекам завоевывать дальние земли и открывать торговые пути.

** Город Хлынов, позже переименованный в Вятку, основан новгородскими ушкуйниками в 1182 году. Назван так по имени речки Хлыновщины, впадающей здесь в Вятку.

ве и торговле пушниной, сколько на военно-грабительских походах против инородцев и всех своих нерусских соседей. Каждый такой представитель местной знати имел нечто вроде собственной дружины, вернее, буйную ватагу людей — русских и вотяков, которая вооруженной рукой добывала своему хозяину богатства и поддерживала его на вечевых сходах. Соответственно такому общественному укладу и сам Хлынов был более похож на полуразбойничий стан, чем на обычный город.

По существу, он и вырос здесь как город разбойников. Испокон веков из Новгорода в Вятскую землю уходил самый бесшабашный и буйный народ, которому неведомо было жить в рамках хотя бы самой примитивной законности, который не пристал ни к какому общественному сословию, не имел постоянных занятий и ради возможности пограбить готов был претерпеть любые опасности и все невзгоды пути в неведомые дальние земли.

Подобный люд, оставаясь в Новгороде, был вечной угрозой порядку и питательной средой всякой смуты. Господа его побаивалась и предпочитала держать подальше. Отправляясь же в свои полуразбойничьи походы «встреч солнца», он приносил пользу всем, кроме тех несчастных туземцев, которых грабил. Новгороду он почти без всяких затрат добывал новых данников и покорял обширные земли, которые помаленьку прибирала к рукам та же господа. И потому новгородские правители предпочитали иной раз терпеть неприятности из-за бесчинств своих ушкуйников в чужих землях, чем терпеть самих ушкуйников в Новгороде. А Хлынову прощали его независимость ради того, что он вбирал в себя и удерживал все наиболее опасные и действенные слои новгородских подонков...

Хлынов был последним городом на пути следования Василия, и дальше предстояло ехать около полутора тысяч верст местами дикими и почти ненаселенными. Где именно найдет он ставку хана Мубарека, Василий точно не знал. В Хлынове ему сказали, что по слухам белоордынский хан кочевал нынешним летом между Каменным Поясом и рекою Тоболом, но что на зиму он, как всегда, возвратится в свою временную столицу Чамга-Туру, стоящую в низовьях реки Туры. Осень была уже на пороге, и потому Василий решил держать путь прямо туда.

Запасшись всем необходимым, путники в последних числах августа выступили из Хлынова и, выйдя по Вятке к устью реки Чепцы, поднялись вдоль нее до самых истоков. Сюда еще вела широкая тропа, местами превращающаяся в хорошо наезженную дорогу, ибо по пути изредка попадались русские погосты * и полуразрушенные, но все же обитаемые вотяцкие городища. Вокруг последних виднелись остатки древних земляных валов и глубоких рвов. По всему было заметно, что туземное население этого края некогда было довольно многочисленным и жидо оседло.

Последнее вятское поселение — две избы, вкопанные в землю почти по самые крыши и огороженные деревянным тыном, — они миновали в верховьях Чепцы. Здесь жило довольно многочисленное семейство зверовичков, народность которого трудно было определить: из трех братьев, выходцев из Новгорода, двое были женаты на вотячках; взрослые члены семьи говорили на русском языке с обильной примесью вотяцких слов, детвора лопотала по-вотяцки. В божнице по бокам потемневшего от копоти образа Божьей Матери, как стражи, стояли вотяцкие деревянные идолы — воршуды. Просежив тут приняла радушно и толково объяснили им, как покороче выйти на Каменный Пояс.

Далее, около двухсот верст, снова пришлось пробираться глухими лесными тропами, не встречая никого, кроме диких зверей. К счастью, стояла ясная погода, позволявшая держать верное направление по солнцу, и путники на десятый день по выезде из Хлынова, покрыв около пятисот верст, благополучно вышли к поселку Игошихе, стоящему на берегу Камы, чуть ниже впадения в нее реки Чусовой **.

Теперь они находились уже на Пермской земле. Редкое население этого обширного края принадлежало к финскому племени пермь, вело полукочевой образ жизни и промышляло главным образом охотой. Впрочем, это указывает скорее на здравый смысл пермяков, чем на их отсталость: земледелие было им известно, но в условиях сурового северного климата оно было нелег-

* Погостом называлось село и приписанные к нему отдельные, более мелкие поселения, позже — волость.

** Позже на этом месте возник город Пермь.

ким делом и особого распространения не получило. С другой стороны, пермские леса изобиловали самым ценным и ходким пушным зверем: соболем, горностаем, куницей и белкой. Пермякам несравненно выгоднее было охотиться и менять меха на хлеб и другие продукты потребления, что они и делали.

Миролюбивые пермяцкие князьки под напором ушкуйников еще в XII столетии один за другим покорились Великому Новгороду, и вся эта область, названная Великой Пермью, с той поры считалась новгородской волостью. Однако новгородцы не поставили здесь своих городов, ибо колонизация этого сурового и отдаленного края их не интересовала. Они ограничивались сбором дани с местного населения, взимая ее исключительно мехами. С этой целью из Новгорода в положенные сроки наезжали особые сборщики, которые для своего удобства поставили тут поселок Егошиху, укрепив его надежным частоколом. Отсюда они совершали свои поездки в глубь страны: сюда же свозили собранную пушнину до отправки ее в Новгород. Постоянными же обитателями этого окраинного русского поселения являлись две-три семьи новгородских зверовщиков, к избам которых к этому времени примкнуло уже несколько пермяцких хижин. Ценного зверя тут хватало на всех, отношения сложились мирные, а при соприкосновении с русскими пермяки охотно перенимали их обычаи и сами начинали быстро обрусевать.

С любопытством Василий присматривался к их диковинным жилищам, полуизбам-полушалашам с нелепыми крышами, которым хозяева старались придать форму конской головы для устрашения злых духов. Сами пермяки были белобрысы, курносы и светлоглазы; они походили на славян, отличаясь от последних лишь широкими, как лопата, лицами и довольно щуплым сложением. Вечером они угощали Василия, Никиту и Лаврушку суркой — своим пермяцким напитком, похожим на брагу, и, перебивая друг друга, коверканным русским языком рассказывали им, какими тропами идти дальше и где лучше всего перевалить через Каменный Пояс.

Из всех этих объяснений Василий понял только одно, что дорога предстоит весьма трудная и без надежного проводника, особенно если погода испортится, они рискуют до зимы проблуждать в необозримой путани-

це гор и лесов или, что еще хуже, попасть в руки диких и воинственных югров*.

К счастью, один из егошихинских пермяков охотно согласился провести их через горы к верховьям реки Тагила, впадающей в Туру. Русские жители поселка в свою очередь заверили, что это человек надежный, хорошо знающий все горные тропы, и что на него можно вполне положиться.

Начавшиеся осенние дожди задержали их в Егошихе на четыре дня. Впрочем, это было не столь уж плохо: люди и лошади нуждались в хорошем отдыхе перед тяжелым и длительным переходом.

Когда вновь проглянуло солнце, четверо всадников тронулись в путь, придерживаясь берега реки Чусовой. Вначале местность, по которой они ехали, была пологой с почти неприметным подъемом, но уже к вечеру первого дня она начала переходить в отдельные, все более высокие холмы, а затем — в скалистые, покрытые лесом горы. Чусовая, широкая и спокойная внизу, здесь, в горах, быстро меняла свой облик, становясь все уже и стремительней. С грохотом извивалась она меж дикими нагромождениями скал столь крутыми и причудливыми петлями, что, следуя ее берегами, всадники по крайней мере втрое удлиннили бы свой путь, сделав его к тому же предельно трудным. Но пермяк-проводник отлично знал прямые и удобные тропинки, которыми уверенно и вел путников, держа нужное направление по одному ему известным приметам.

День за днем углублялись они в неслудимые, но чарующие своим сумрачным величием дсбри, уже тронутые желтой рукою осени. Узкая тропа, извиваясь среди скал и гигантских елей, вела их все дальше по горным склонам, то взбегая на невысокие, ошетилившиеся вековым лесом вершины, то спускаясь в тесные и мрачные прогалины, где даже в солнечный полдень царили густые сумерки.

Впрочем, солнце теперь показывалось редко. Погода стояла пасмурная; временами принимался идти назойливый осенний дождь; ночами было сыро и холодно. Иногда для ночлега они находили подходящую пещеру, но чаще устраивались под непроницаемым для дождя покровом огромных елей, вырубив в самой их

* Югры, или вогулы, — народ угорского племени, родственник венграм, которые, как полагают, вышли именно из Югорской земли, с северо-восточных склонов Урала.

гуще нижние ветви наподобие шатра. От ночных холодов спасал костер, а также захваченные из Хлынова спальные мешки, сшитые из оленьего меха.

На девятый день пути, оторвавшись накануне от берегов Чусовой и перевалив через самую возвышенную часть горного хребта, тропа пошла резко под уклон и к ночи вывела наших путников к истокам реки Тагила. А еще через день, когда остались позади последние гряды холмов, окружающих Каменный Пояс, Василий щедро одарил проводника и отпустил его домой. Перед ними расстилалась теперь покрытая девственным лесом бескрайняя Шибирская низина*, и дальнейший путь уже не представлял особых затруднений.

Скитальцы, порядком истомленные почти двухмесячным путешествием, теперь заметно приободрились, в этот вечер у их костра слышались шутки и смех. Всем казалось, что они уже почти на месте и что все трудности остались позади.

В самом деле, следуя дальше берегами Тагила, а потом Туры, сбиться с пути было почти невозможно. Встреча с татарами теперь была не страшна: они находились уже во владениях Белой Орды. Здесь ни один татарин не посмеет их тронуть, если Василий назовет свое настоящее имя и скажет, что они едут к великому хану Мубареку. Таким образом, единственной опасностью была теперь возможная встреча с юграми.

Эти полудикие охотники населяли северные склоны Каменного Пояса и прилегающую к ним часть Сибири. Дотошные новгородские купцы весьма рано проводили о том, что в югорских городищах ежегодно собирается несметное количество лучших мехов, которые можно взять за бесценок. Очевидно, эта торговля и впрямь была так выгодна, что уже в XI столетии новгородцы, не смущаясь огромностью расстояний и трудностями пути, вели с юграми оживленный обмен. А в XII веке сюда добралась новгородская вольница, и вскоре вся эта область, названная Югорской землей, считалась уже волостью Великого Новгорода, которому югры вынуждены были платить дань. Однако с татарским нашествием связь Новгорода с этой отдаленной окраиной прервалась совершенно, и Югорская земля вошла в состав улуса Джучи-хана, а после — во владение Белой Орды.

От жителей Егошихи Василий узнал, что сейчас югры живут главным образом в верховьях Туры и по

* Западно-Сибирская низменность.

берегам реки Сосьвы, где среди непроходимых лесов и болот находится их главный город, в котором стоит какой-то особо чтимый идол. Егошихинцы говорили, что югры народ беспокойный и коварный, не упускающий случая пограбить, и что не все его племена признают над собою власть татарского хана. Таким образом, встреча с ними не сулила ничего хорошего, и наши путники решили ехать дальше с соблюдением сугубой осторожности.

Густым лесом двинулись они вдоль низменных берегов Тагила, зорко глядя вперед, почти не разговаривая и на остановках не разводя костров. Но все было спокойно, и, не встретив по дороге ни души, к вечеру четвертого дня они благополучно достигли реки Туры. По их расчетам, до Чамга-Туры теперь оставалось не больше пяти дней езды, и они вздохнули свободно.

— Ну,— сказал Василий, залезая после ужина в свой спальный мешок и готовясь заснуть,— теперь опасаться, пожалуй, нечего. Чай, так близко к ханскому городу югры не сунутся...

А на рассвете они были разбужены диким многоголосым воем. Высунув голову из мешка, Василий увидел, что небольшая полянка, на которой они спали, со всех сторон окружена смуглыми и скуластыми всадниками, вооруженными луками и копьями. Он протянул было руку к сабле, лежащей рядом, но сейчас же почувствовал, что острие копья упирается ему в грудь. Поведя глазами в сторону, он увидел, что Никита и Лаврушка тоже прижаты копьями к земле, и понял, что о каком-либо сопротивлении нечего и думать. Надеясь еще, что их окружили белоордынцы, Василий, не двигаясь с места, спросил по-татарски:

— Кто вы такие и что вам от нас нужно?

Но в ответ всадник, наставивший на него копье, закричал что-то на совершенно непонятном языке, и Василий с горечью понял, что они попали в руки югров.

Один из них, видимо старший, выехал между тем вперед и крикнул что-то на своем языке, обращаясь к воинам, которые тотчас раздались в стороны. А затем, поглядев на пленников, сказал уже по-татарски:

— Встаньте!

Василий, Никита и Лаврушка вылезли из мешков и встали на ноги, хмуро глядя на югорского старшину.

— Отвечайте, кто вы и куда едете? — спросил последний.

— Я русский князь и посол великого Государя всей земли нашей к хану Мубареку. А со мною слуги мои,— ответил Василий, надеясь, что посла, едущего к хану, югры не посмеют задержать.

— Что-то мало у тебя слуг,— усмехнулся кочевник.— Или у государя вашего не хватает людей, чтобы к хану приличное посольство послать?

— Нас было много,— сказал Василий,— но на реке Ак-Идель * напали на нас болгары и почти всех перебили. Только мы трое и ушли.

— А где же подарки для великого хана?

— Говорю же тебе — болгары все отбили. Лишь малая часть осталась у нас во вьюках.

С минуту недоверчивый югр молча сверлил Василия колючим взглядом своих слегка раскосых глаз. Потом сказал: — Коли ты вправду посол, покажи грамоту, которую везешь от своего князя к великому хану.

— Грамоты мне князь наш не дал. Дело промеж них тайное, а грамоту всякий прочесть может. На словах должен я передать великому хану то, что мне наказано.

— Тогда покажи пайцзу от твоего князя. Послов без пайцзы не посылают. И ежели у тебя ее нет, значит, ты просто лгун или лазутчик, и я велю посадить тебя на кол!

Положение было отчаянное. Думая теперь лишь о том, как бы подороже продать свою жизнь, Василий оглянулся на Никиту и при этом движении вдруг почувствовал, как что-то оцарапало ему грудь. И его осенило. Расстегнув кафтан, он снял с шеи византийский образок архангела Михаила, подаренный ему Еленой, и протянул его югру.— Вот пайцза моего государя,— сказал он.

«Выручи и спаси, святой Архангел, заступник и покровитель рода нашего»,— молился про себя Василий, пока свирепый кочевник вертел в руках драгоценную иконку, сверкающую золотом и разноцветной эмалью.

— Ладно,— сказал наконец югр, возвращая ее Василию.— Седлайте коней, берите вещи свои и едем! Мы сами вас проводим к великому хану. Если ты вправду посол, хан нас отблагодарит. Если нет, отдаст и вас, и ваше добро нам.

Под неусыпной охраной югров они тронулись в путь и через четыре дня прибыли в город Чамга-Туру, ставку белоордынского хана Мубарека.

Конец третьей части

* Ак-Идель — татарское название реки Камы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В Белой Орде

ГЛАВА 41

Как уже было упомянуто, название Ак-Орды* получил улус, доставшийся после смерти Джучи-хана его старшему сыну Ичану. По величине приблизительно равный всей площади Европы, он включал в себя Западную Сибирь, Западный Туркестан и большую часть Хорезма. На востоке он простирался почти до Енисея, на западе был ограничен Уральским хребтом и восточным побережьем Каспийского моря, а южная его граница шла приблизительно по линии: залив Кара-Богаз — среднее течение Сыр-Дарьи — озеро Балхаш.

Первоначально, во времена Ичан-хана и его ближайших преемников, вся жизнь Белой Орды сосредотачивалась в южной части его владений, и столицей белоордынских ханов был древний город Сыгнак, ранее принадлежавший хорезмийцам и стоявший на реке Сыр-Дарье, примерно в пятистах верстах от ее впадения в Аральское море.

Эта часть Средней Азии до завоевания ее монголами была густо заселена тюркскими народами, стоявшими на довольно высокой ступени культуры и входившими в состав двух могущественных государств: Хорезма и Мавераннахра**. По рекам Сыр-Дарье и Аму-Дарье было много цветущих городов с высоко развитыми ремеслами и торговлей. Существовала искусно построенная и широко разветвленная оросительная система, делавшая многие пустынные и засушливые области вполне пригодными для земледелия.

Все это во время татарского нашествия было варварски разрушено и частично начало восстанавливаться

* Ак — по-татарски «белый», и у всех восточных историков улус этот называется Белой Ордой. Этому названию придерживаемся и мы как единственно правильного, хотя в русских летописях эта орда именуется Синей.

** Мавераннахр — древнее государство, в состав которого входили Бухара и Самаркандская область.

лишь спустя несколько десятилетий. За этот же срок сильно изменился духовный облик самих завоевателей: придя здесь в тесное соприкосновение с более культурными тюркскими народами и приняв от них ислам, монголы начали столь быстро смешиваться с ними и отюречиваться, что вскоре совершенно забыли родной язык и стали говорить по-тюркски. Следует заметить, что в процессе отюречиванья монголов главную роль сыграли не хорезмийцы и не мавераннахрцы, а половцы, на территории которых, носившей общее название Дешт-и-Кипчак *, в основном разместились татарская орда.

Относительно первых пятидесяти лет существования Белой Орды до нас дошло очень мало сведений. Однако не подлежит сомнению, что этот период ее истории протекал без крупных внешних или внутренних потрясений и что первые ханы Ак-Орды были во всем послушны воле золотоордынского хана.

Имена ближайших преемников Ичан-хана тоже не сохранились **. Из них первым достоверно известным является хан Сасы-Буга, по-видимому, внук Ичана. Он занимал ханский престол с 1291 по 1310 год и был верным вассалом Золотой Орды. Его наследовал старший сын Эрзен, причем не обошлось без борьбы: претендентов на ханство было несколько, и в разгоревшейся смуте Эрзен взял верх только благодаря поддержке золотоордынского хана Узбека.

Хан Эрзен оставил о себе очень хорошую память. Это был гуманный и справедливый правитель, весьма заботившийся о благоустройстве и процветании своей страны. Он восстановил многие города и области, разрушенные во время нашествия Чингиз-хана, значительно расширил торговлю, построил много мечетей, дворцов и школ, а главное — умиротворил всех своих беспокойных родичей, выделив им обширные уделы и строго определив их права. Его одиннадцатилетнее царствование прошло без всяких смут, и персидские историки отмечают, что за все это время в Ак-Орде «никто из великих не притеснял меньших, а меньшие были неизменно почтительны к старшим».

После его смерти в 1321 году на ханство в Сыгнаке

* В Дешт-и-Кипчак входили южно-русские степи между Днепром и Доном, Крым, среднее и нижнее Поволжье, а также значительная часть среднеазиатской степной полосы.

** По смерти Ичана Ак-Ордой, по-видимому, правил некоторое время его младший брат Шейбани-хан.

ступил его младший брат Мубарек-ходжа. Само имя это указывает, что к тому времени белоордынская династия была уже совершенно отюречена. Титул «ходжа» означал, что в жилах его носителя течет кровь первых мусульманских халифов, преемников Магомета, и в Средней Азии он был настолько почетным, что им не пренебрегали даже царствующие ханы. Мубарек мог получить на него право только в том случае, если его матерью или женой была представительница древнего тюркского рода, удовлетворявшего этому требованию. Уже с начала XIV столетия титул ходжи неразрывно связывается с именами очень многих чингизидов, особенно членов белоордынской династии.

Хан Мубарек-ходжа мало походил на своего миролюбивого брата. Это был правитель властный, сознающий свою силу и умеющий ею пользоваться. Он никому не хотел подчиняться и ни с кем не собирался делить свою власть. С первых же лет своего ханствования он перестал считаться с Золотой Ордой, но и не ссорился с нею открыто, вероятно, потому, что к этому не имел достаточных оснований: Узбек в его дела пока не вмешивался и никаких требований к нему не предъявлял.

Но в 1329 году, собираясь в поход против государства Хулагидов *, хан Узбек потребовал, чтобы Ак-Орда тоже приняла в нем участие. Мубарек-ходжа отказал наотрез, заявив, что считает себя самостоятельным государем и не желает нарушать мира с хулагидами. В подтверждение своей независимости он с того же года начал чеканить собственную монету.

Очевидно, он был настолько силен, что даже хан Узбек не рискнул выступить против него сразу, а вынужден был довольно долго ожидать подходящего случая. Мубарек между тем нарушил и внутренние порядки, установленные его предшественником: стремясь к единовластию, он сильно ущемил в правах своих удельных ханов. Это вызвало в Белой Орде смуту, которой не преминул воспользоваться Узбек: года за два до событий, описываемых в этой книге, он захватил Сыгнак и посадил там на ханство своего сына Тинибек, Муба-

* В это государство входили Персия, часть Афганистана, Армения, Грузия, Азербайджан, Багдадский вилайет, большая часть Малой Азии и одно время Сирия. В нем правили потомки хана Хулагу, внука Чингиз-хана от его младшего сына Тулая.

рек-ходжа, не поддержанный своими недовольными вас-салами, был вынужден покинуть южные степи и откочевать со своей ордой на север, к реке Тоболу, где временной своей столицей избрал город Чамга-Туру.

С тех пор между Белой и Золотой Ордой начинается период неутихающей вражды. Целью белоордынских ханов становится захват власти в Сарая. Впервые это удалось младшему брату Мубарека, хану Кидырю*, лет двадцать спустя. С той поры члены ак-ордынской династии то и дело появляются на золотоордынском троне, а еще через двадцать лет белоордынский хан Тохтамыш захватил Золотую Орду окончательно, навсегда соединив ее с Белой. Но ветвь белоордынской династии, оставшаяся на севере, несколько позже образовала там самостоятельное сибирское ханство, последним независимым государем которого был хорошо известный царь Кучум, побежденный Ермаком. Его потомки, перейдя на русскую службу, получили титул и фамилию князей Сибирских.

* * *

Город Чамга-Тура, куда прибыл Василий, весьма мало походил на столицу крупнейшего владетельного хана. Стоя на судоходной реке и являясь центром обмена и приобретения всего, в чем нуждалось редкое и непритязательное население этого края, он имел лишь торговое значение, да и то чисто местного характера.

Соответственно этому, кроме глинобитного караван-сарая, рыночной площади, неказистой мечети с покосившимся минаретом да нескольких постоянных дворов, город состоял из сотни невзрачных, приземистых домиков, обмазанных глиной. На узких и кривых улицах в сухое время года лежал мощный слой пыли, в ветренные дни вздымаемой вверх и обволакивающей город плотным грязно-желтым облаком, а в дождливую пору превращающейся в вязкую, почти непроходимую грязь.

Единственный во всем городе просторный каменный дом, не блиставший, впрочем, ни богатством отделки, ни архитектурными достоинствами, принадлежал татар-

* Под именем Кидырь, или Хызр, на мусульманском Востоке известен св. Георгий Победоносец, столь же высоко почитаемый у магометан, как и у христиан. Таким образом, это имя соответствует нашему Георгию.

скому нойону *, владевшему окрестными землями и олицетворявшему высшую власть края. Однако сам нойон вместе со своими воинами и рабами жил в войлочных юртах за городом, в доме же проживали в ожидании благоприятного поворота судьбы те из его жен и наложниц, которых нойон в данное время не находил нужным держать при своей особе.

Прибыв сюда, хан Мубарек, уверенный в том, что его пребывание в этих краях не будет долгим, не считал нужным перестроить город и придать ему облик, достойный названия столицы. Он ограничился лишь тем, что приказал обнести Чамга-Туру ровом и высоким земляным валом да как истый ревнитель ислама вместо старой убогой мечети повелел выстроить новую.

Сам Мубарек жить в городе, конечно, не стал. В теплое время года он находился при своей орде, кочевавшей в степях, к югу от его временной столицы, а зимою жил в обширном помещении — полушатре-полудворце, поставленном для него верстах в трех от городского вала, на просторной поляне, с трех сторон окруженной лесом.

Позади этого своеобразного дворца стояло десятка два больших шатров, в которых помещались родственники и высшие сановники Мубарека. В соответствии с суровостью здешней зимы эти войлочные шатры-юрты снаружи, до высоты человеческого роста, были обстроены толстыми каменными стенами, а сверху утеплены двойными меховыми полостями. По всей опушке поляны, окружая ставку хана почти замкнутым кольцом, тянулась непрерывная цепь походных кибиток и юрт, в которых размещались две избранных тысячи ханской охраны **.

Сюда-то в последних числах сентября 1339 года и прибыл Василий в сопровождении своего югорского конвоя. Мубарек-ходжа принял его почти сразу и без всяких унижительных формальностей, обязательных в Золотой Орде. Белоордынские ханы гордились своим происхождением от Джучи и Ичана, бывших гуманными людьми, не видевшими никакой пользы в напрасном унижении человеческого достоинства. Подражание им

* Нойон — князь монгольского происхождения, но не чингизид. Князья тюркского происхождения назывались эмирами и беками.

** Тысяча — у татар основное войсковое соединение, соответствующее полку.

стало в Ак-Орде обычаем, которого придерживался и Мубарек.

Войдя в сопровождении Никиты и югорского старшины в центральное помещение дворца, сплошь затянутое коврами и убранное не только с роскошью, но даже с некоторым вкусом, Василий увидел перед собой хана Мубарека в красном бухарском халате и тюбетейке, сидящего на небольшом, почти квадратном диване, возле бронзового мангала, наполненного жаром. Это был крупный жилистый мужчина лет за пятьдесят. В его продолговатом смуглом лице с тонким прямым носом и начавшей сесть густой черной бородкой не было почти ничего монгольского и, если бы не слегка раскосые глаза, его можно было бы принять за араба.

Приложив руку ко лбу и сердцу, Василий низко склонился перед ханом. Мубарек в ответ еле заметно кивнул головой.

— Мне доложили, что ты называешь себя послом главного русского князя и говоришь, что тебя в пути пограбили болгары, — промолвил он, острым взглядом окинув Василия. — Правда ли это? И если правда, сказывай, с чем ты прислан.

— Не гневайся, великий хан, — снова кланяясь, ответил Василий, — только во всем этом нет ни слова истины. На нас, на сонных, напали эти югры, и, спасая жизнь нашу, вынужден я был солгать.

И Василий в коротких словах рассказал хану, что с ними произошло в лесу.

— Кто же ты на самом деле и куда направлялся? — помолчав, спросил Мубарек.

— Я князь земли Карачевской и путь держал сюда, великий хан, просить у тебя приюта и убежища от врагов моих, незаконно посягнувших на мое княжение и изгнавших меня из отчей земли.

— Кто же эти твои враги?

— О мелких говорить не буду, великий хан, ибо сами по себе они ничто. А главный мой враг тот же, что и твой: золотоордынский хан Узбек.

Теперь Мубарек смотрел на Василия более благосклонно. Почтительность и вместе с тем достоинство, с которыми держался русский князь, а также его прямые, смелые ответы ему понравились. Не имея никаких дел и сношений с Русью, о Карачевской земле он никогда не слышал, но, глядя на Василия, подумал: «Это, должно

быть, важный князь и хороший военачальник, которого Узбек считает опасным. Иначе зачем бы он его трогал?»

И, милостиво указав гостю на стопку подушек, он сказал:

— Садись, князь, и расскажи мне все.

Василий сел и, опуская незначительные подробности, поведал Мубареку свою историю. Хан слушал внимательно, не задавая вопросов. Узнав, что Василий был великим князем (большой и великий по-татарски звучит одинаково) и имел в своем подчинении нескольких удельных князей, он окончательно убедился в справедливости своего предположения. Мысль о том, что в предстоящей борьбе с Узбеком Василий может оказаться для него ценной находкой, помогла ему принять быстрое и твердое решение.

— Ты правильно поступил, приехав ко мне, князь, — сказал он. — Здесь с твоей головы не упадет ни один волос. А Узбеку, да поразит его Аллах своим справедливым гневом, уже недолго осталось ждать возмездия. Будь моим гостем. Я велю дать тебе табун коней и выделю улус, где ты пожелаешь.

— Да продлит Аллах твои дни за ласку твою и за милость, великий хан, — ответил Василий. — Только ни коней, ни земли мне не надобно. Дозволь лишь пожить здесь, доколе мне потребуется. И ежели пойдешь ты в поход на нашего общего врага Узбека, рад буду послужить тебе.

— Добро. Сегодня же велю поставить тебе шатер возле моего.

— Благодарствую, великий хан! Ныне не могу я почитать тебя, как ты того достоин, но прими пока хоть это, — сказал Василий, беря из рук Никиты небольшой ларец и доставая оттуда массивный золотой кубок, покрытый тончайшей резьбой и украшенный четырьмя крупными рубинами. — Не золотом и не лалами* ценен этот кубок, а тем, что пили из него на пирах многие византийские императоры, доколе один из них не подарил его моему прадеду.

— Спасибо, князь, — сказал Мубарек, бережно принимая драгоценный подарок. — Отныне будут пить из него ак-ордынские ханы. Ты сегодня сам это увидишь, когда придешь ко мне обедать. А это кто с тобой? Твой слуга? — спросил он, указывая на Никиту.

* Лал — древнерусское название рубина.

— Более того, — ответил Василий. — Это один из знатных людей моего государства и мой воевода. Он мне скорее брат, нежели слуга.

— Такой воевода и один целое войско побить может, — промолвил хан, одобрительно оглядывая богатырскую фигуру Никиты, склонившегося в этот миг в поклоне. — Пусть и он с тобою приходит!

И Мубарек-ходжа милостивым кивком отпустил гостей.

ГЛАВА 42

В начале своего пребывания в ставке Мубарека Василий не испытывал скуки. Все окружающее было для него ново, и он, разъезжая по лагерю и городу, с любопытством присматривался к укладу орды и особенностям татарской жизни. С некоторыми из них ему вскоре пришлось ознакомиться и на собственном опыте.

Так, в один из первых же дней, выйдя утром из своего шатра, он бродил без определенной цели по становищу и зашел довольно далеко. Встречные татары, знавшие уже, кто он и какой прием оказал ему хан Мубарек, приветствовали его низкими поклонами. Но вместе с тем он заметил, что все они поглядывают на него с плохо скрытым недоумением, некоторые как-будто даже с насмешкой. Подумав, что это вызвано какой-либо неисправностью в его одежде, Василий незаметно проверил себя. Но нет, все было в полном порядке и находилось на своем месте, начиная с шапки и кончая саблей. Решив тогда, что на него так смотрят просто потому, что он иностранец и человек здесь новый, он спокойно закончил прогулку и возвратился домой.

Не прошло и часа, как Лаврушка доложил ему, что прибыл посланный от хана Мубарека. Выйдя поспешно из шатра, Василий увидел перед собою нукера, державшего в поводу двух великолепных коней, покрытых дорогими чепраками.

— Ты меня искал? — спросил он у татарина.

— Я, князь, — почтительно кланяясь, ответил нукер. — Великий хан Мубарек-ходжа, да будет к нему вечно милостив Аллах, просит тебя принять от него в подарок этих коней.

— Передай великому хану мою почтительную благодарность, — ответил изумленный Василий, начиная догадываться, что этот подарок сделан ему неспроста.

Порывшись в кармане, он вытащил оттуда несколько серебряных дирхемов* и, протянув их нукеру, спросил:

— Не говорил ли великий хан еще чего-нибудь? Я хотел бы знать, чем заслужил эту новую его милость.

— Великий хан, да ниспошлет ему Аллах удачу во всех делах его, сегодня видел из своего шатра, как ты ходил пешком, князь. И подумал, что твои кони, может быть, заболели, — с новым поклоном ответил татарин, принимая деньги.

Оказалось, что в Орде пешком ходят рабы, слуги и, в крайности, простые воины. Человеку же знатного рода или начальнику это никак не подобало, и, если ему нужно было хотя бы на сотню шагов отдалиться от своего шатра, он садился на лошадь. Оседланные кони круглые сутки стояли перед жилищем каждого татарина. Спали не раздеваясь, с оружием, положенным рядом, и потому по тревоге, когда бы она ни случилась, вся орда в минуту бывала на конях и в полной боевой готовности.

У татар свято чтились древние воинские обычаи и строго соблюдались своеобразные законы чести, но над всем этим неумолимо властвовала железная дисциплина, перед которой склонялось все. Слово начальника, хотя бы это был простой десятник, было свято; его приказ, если даже он влек за собою неминуемую гибель подчиненного, исполнялся немедленно и точно, ибо ослушника ожидала позорная смерть. Об него не пачкали даже оружия, по знаку начальника он покорно опускался на колени, и кто-либо из воинов его десятка тут же душил его ремнем или убивал ударом ноги в живот. В истории Орды подобной казни не раз подвергались и крупные военачальники, не сумевшие во время сражения выполнить поставленную им задачу.

Обман и ложь считались здесь проступками, недостойными воина, а воинами были все способные носить оружие. В обыденной жизни ордынцы были безукоризненно честны и правдивы, но, если нужно было солгать и обмануть, выполняя полученное задание, татарин делал это не задумываясь: честь воина требовала прежде всего успешного выполнения приказа, а за обман в этом случае отвечал перед Богом начальник.

Орда не была обыкновенным государством, и татары не были обыкновенным народом. Это был огромный

* Дирхем — татарская и арабская монета.

военный лагерь, в котором личная доблесть и воинские качества определяли судьбу и положение каждого почти независимо от его происхождения и даже от его национальности.

В Орде уважались только храбрость, сила и ратное искусство. Все гражданские достоинства человека, если они не сочетались с достоинствами воина, не ставились ни во что. Трусость и слабость презирались открыто и беспощадно, немощность и старость ни в ком не вызывали жалости. Старику или увечному оказывали внешнее уважение, если в прошлом он был славным воином, но открыто говорили, что лучше бы ему раньше умереть в бою, чем дожить до такого состояния, когда он воевать уже не может.

Почти ежедневно на огромной площади в центре лагеря происходили воинские упражнения, в которых принимали участие все свободные от караульной службы воины, от рядовых до тысячников включительно.

Иногда это бывали состязания в рубке и в умении владеть копьем, когда несшийся во весь опор всадник должен был направо и налево рубить саблей или поражать копьем различные мишени, подчас очень трудные. В другой раз воины старались превзойти друг друга в искусстве бросать аркан или пущенной из лука стрелой, к которой привязывалась горящая пакля, должны были поджигать соломенные щиты, поставленные на значительном расстоянии.

Еще чаще устраивались состязания в стрельбе из лука. Воину, из шести стрел не попавшему тремя в чучело человека, поставленное за сто сорок шагов, набивали колчан соломой, что считалось позором, который можно было смыть только, не сделав ни одного промаха на следующей стрельбе. Имя того, кто всаживал в чучело все шесть стрел, бирюч выкрикивал на всю площадь; кроме того, он получал право выпустить еще шесть стрел. И, если снова стрелял без промаха, ему давали в награду двенадцать овец.

Иногда устраивались общие скачки, и тогда победитель получал в виде премии коня, а пришедший последним до следующих скачек лишался права сесть на лошадь.

Часто сам хан Мубарек, сидя верхом на коне и окруженный своими приближенными, присутствовал на этих упражнениях. И тогда вся воля, вся жизнь каждого из участников сосредотачивалась на том, чтобы не оп-

лошать, ибо тут одинаково легко было стяжать как щедрую награду и повышение по службе, так и гнев хана со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однажды Василий видел, как лучника, который из шести стрел не попал в мишень ни одной, Мубарек тут же приказал вырядить в женское платье и с позором прогнать с площади. В другой раз пожилого сотника, который по вине споткнувшегося коня на скачках пришел последним, хан отстранил от командования сотней и назначил на его место молодого всадника, особенно отличавшегося на последних состязаниях. И это была не одна лишь честь, потому что при назначении сотником каждый получал от хана двадцать пять коней, а при распределении воинской добычи доля сотника в девять раз превышала долю простого воина.

С тех пор, как Мубарек его однажды подзадорил, в скачках часто принимал участие и Василий. Его искусство в верховой езде и замечательные кони, подаренные ханом, обычно обеспечивали ему одно из первых мест. Раз даже он оказался победителем, и это сильно возвысило его в глазах ордынцев.

Однажды было устроено состязание в борьбе. В нем принимали участие только испытанные силачи, по одному от каждой сотни. Борьба велась без определенных правил, надо было лишь, не нанося противнику ударов, любым способом повалить его на землю или же, оторвав от земли, продержать так, пока судья не хлопнет три раза в ладоши.

Победителем в этом состязании оказался десятник Кинбай — огромный татарин с воловьей шеей и стальными мускулами. Легко бросив на землю своего последнего противника, он гулко ударил себя обоими кулаками в грудь и горделиво оглянулся. Теперь, по правилам, померяться с ним силой мог любой из присутствующих и, только если желающих не находилось, бирюч объявлял его сильнейшим из сильных.

На первый вызов, сделанный бирючем, никто не откликнулся. Тогда хан Мубарек, очевидно уверенный в непобедимости своего борца, поглядел на Никиту, скромно стоявшего в его свите позади Василия, и с усмешкой сказал:

— Может быть, русский богатырь пожелает померяться силами с татарским?

Смутившийся Никита пробормотал что-то невнятное и легонько попятился назад. Но, к его вящему не-

удовольствию, хана неожиданно поддержал Василий.

— Ну-ка, Никитушка, не посрами русской земли! — сказал он. — Ужели не справишься ты с этим басурманом?

— Да что ты, Василий Пантелеич, Господь с тобой! — с укоризной ответил Никита. — Ежели я откажусь, сраму нам никакого нет, а вот коли выйду я и бросят меня наземь этот дьявол, тогда воистину будет срам!

— Не бросят он тебя! Ты, как встанешь супротив него, о земле родной думай, о всем том, что она от татар претерпела. Тогда тебе силы прибудет!

— А коли я одолею, чего доброго, хан осерчает, — нерешительно промолвил Никита, покосившись на Мубарека. Но последний, как бы поняв его опасения, сказал:

— Иди, богатырь, ничего не бойся. Если он победит, порухи твоей чести не будет, это самый сильный человек в Орде. А коли ты его победишь — тебе слава и награда!

Никита беспомощно оглянулся. Все глаза были устремлены на него, и он понял, что его отказ был бы теперь равносильным собственному посрамлению. Сойдя с коня под одобрительные крики толпы, он вышел вперед и сбросил кафтан.

Татарский силач, увидев перед собою этого противника, сразу оценил его по достоинству и понял, что борьба будет трудной. Но, желая подбодрить себя и вместе с тем улучшить удобный момент для нападения, он насмешливо сказал:

— Ну, рус, если обещаешь угостить меня барашком, так и быть, в живых тебя оставлю!

— Гляди, как бы тебе не пришлось землю есть вместо барашка, — ответил Никита, весь напрягшись и не спуская глаз с противника.

С минуту они молча топтались друг перед другом. Потом татарин, пригнувшись, стремительно бросился вперед, намереваясь схватить Никиту за пояс. Но Никита был начеку и вовремя отскочил в сторону. Едва Кинбай выпрямился, он, в свою очередь, рванулся вперед и охватил его своими могучими руками. Однако противник был не только силен, но и ловок; он легко вывернулся из этих страшных объятий и еще дал Никите подножку, которая едва не опрокинула его навзничь. Но Никита все же устоял.

— Значит, не хочешь падать? — спросил Кинбай.

— Не хочу, — ответил Никита.

— Тогда навверх пойдешь! — крикнул татарин и, внезапно присев, охватил руками колени Никиты, намереваясь оторвать его от земли.

Но случилось совсем другое: не дав Кинбаю времени выпрямиться и поднять себя, Никита сверху обхватил его под брюхо и резким рывком высоко вскинул ногами вверх. Татарин яростно задержался в его руках, но, не имея точки опоры и вися вниз головой, спиной к Никите, он был беспомощен. Один за другими прозвучали три хлопка судьи, и русский богатырь опустил на землю своего побежденного противника.

Несколько секунд на площади царило гробовое молчание, все глядели на хана. Но Мубарек подал знак бирючу, и тот во весь голос провозгласил Никиту победителем. Теперь все кругом загалдели, кое-где гневно, но больше одобрительно. Восхищение перед подобной силой явно брало перевес над чувством досады за посрамление своего борца.

Никита, надев кафтан, молча направился на свое место, но тут его стерегла новая неожиданность. Хан Мубарек, хотя в душе и был глубоко разочарован в исходе борьбы, внешне остался невозмутимым. В коротких словах, но вполне благосклонно он поблагодарил Никиту, похвалив его силу и ловкость.

— Ты настоящий богатырь, — добавил он, — и тот мясник, болтавшийся в твоих руках, как грязная овчина, был просто жалок.

При этом хан метнул столь выразительный взгляд в сторону площади, что Никита тоже посмотрел туда и содрогнулся: побежденный им татарин медленно развязал пояс, повесил себе его на шею и, став на колени, покорно склонил голову, ожидая решения хана.

Поняв, что ханский гнев готов обрушиться на его незадачливого противника, Никита поспешно сказал, низко склоняясь перед Мубареком:

— Не гневайся на него, великий и справедливый хан! Он не слабее меня. Просто ему не потрафило, да и притомился он уже от борьбы с другими, а я был свеж. К тому же оба мы твои верные слуги и, кабы знал я, что ему угрожает, в жизни бы супротив него не вышел али поддался бы ему!

Ответ Никиты понравился Мубареку. Суровая складка меж его бровями разгладилась, лицо посветле-

ло. Он еще раз взглянул на покорно ожидавшего своей участи борца и сделал знак, что тот свободен. Несчастный Кинбай, мысленно уже простившийся с жизнью, не стал ожидать его повторения: распростершись ниц перед ханом и поцеловав землю, он вскочил на ноги и, на ходу завязывая пояс, проворно исчез в толпе. Хан между тем снова обратился к Никите:

— Ты человек столь же благородный, сколь сильный, — сказал он, — и потому вдвойне заслужил свою награду. Привести ему самую лучшую! — добавил он, обращаясь к стоявшему сзади букаулу *. Последний поклонился до земли и бегом устремился к шатрам.

Пока Никита раздумывал, что означает странное распоряжение хана и какая его ожидает награда, возвратился букаул, таща за руку стройную и красивую девушку.

— Твой бакшиш *, — сказал он, ставя ее перед изумленным Никитой. — Твой новый господин, — добавил он, обращаясь к перепуганной насмерть девушке.

— Как же так? — растерянно промолвил Никита, не сразу обретя дар речи. — На бакшиш мне живую девушку?!

— У нас такой обычай, — сказал Мубарек-ходжа. — Победитель в борьбе получает в награду молодую рабыню. Только не каждому достается такая красивая, как тебе.

— Да мне ничего не надобно, великий хан, — поспешно сказал Никита. — Разве же я для того боролся? Просто хотел потешить твою ханскую милость и уже сверх меры награжден похвалою твоей!

— Ты заслужил и похвалу, и женщину, — благосклонно промолвил хан. — Бери же ее, а коли эта тебе не по душе, букаул покажет других, выбирай любую!

— Да что я с нею делать-то стану? — с отчаяньем в голосе воскликнул Никита, покраснев до корней волос. Все кругом засмеялись. Улыбнулся и Мубарек.

— Что захочешь, то и делай, — невозмутимо пояснил букаул. — Она теперь совсем твоя. Ты ее господин и хозяин.

— Ну, уж коли ты бесприменно решил наградить меня, великий хан, нельзя ли мне что-нибудь иное? —

* Букаул — чиновник, ведавший распределением добычи и казенного имущества.

* Бакшиш — награда, премия.

попросил Никита. — К примеру, хорошего коня под мой рост?

— Да за эту женщину тебе десять коней дадут! — сказал удивленный букаул.

— Мне столько не надобно. А девку эту лучше бы огдать тому борцу. Ведь коли бы я тут не случился, она бы все одно ему досталась.

— Ну, этот курдюк пусть благодарит Аллаха, что я ему жизнь оставил, — снова помрачнев, сказал хан. — Отведи женщину назад, — добавил он, обращаясь к букаулу, — а русскому батырю дашь из моих табунов двух коней по его выбору и к ним приличные седла.

С этими словами Мубарек тронул плетью своего коня и в сопровождении всей свиты поскакал к шатрам.

— Вот дела! — промолвил Никита, когда они остались вдвоем с Василием. — Чуть не женили меня, басурманы проклятые!

— Ну и что? — смеясь ответил Василий. — Вот бы и ладно. Не пойму я, чего ты закобенился? Девка была писаная красавица.

— Тебе все шутки, князь, — пробурчал Никита, внезапно помрачнев.

— А что же мне, плакать? Ну и молодец ты, Никитушка! Показал им святую Русь! Дай обниму тебя... Эх ты его здорово вверх копытами вздернул!

— Хоть то добро, что не попустил Господь осрамиться, — скромно ответил Никита.

— Знал я, что ты одолеешь, а все же, как кинулся на тебя тот бугай, у меня аж сердце зашлось! Чай, силаща в нем страшная?

— Он меня не силою, а смрадом своим едва не свалил. Поверишь, как схватился я с ним в обнимку, так враз и выпустил: разит от него, как от матерого козла, индо дух у меня захлестнуло!

— Да им благоухать не с чего, — хохоча, ответил Василий. — В баню, чай, от рождения до смерти не ходят, к тому же николи не раздеваются! Ну, Бог с ними. Слава Христу, все сошло ладно, еще и пару коней ты заработал!

— Оно так, да все же связываться с ними не стоило. Хан, хотя и не кажет вида, а зуб на нас, поди, затаил. Да и тому оглаеду теперь в темном углу не попадайся.

Но в этом Никита жестоко ошибся. В тот же вечер, выйдя из шатра, чтобы проверить коней, он увидел, как вынырнув из сгустившихся сумерек, к нему приближа-

ется какая-то огромная фигура. Узнав в ней своего давешнего противника, Никита схватился за саблю, но татарин низко поклонился и сказал с укоризной:

— Как мог ты подумать худое, баатур? Пусть сохнет моя рука, ежели она когда-нибудь на тебя поднимется! Ведь я знаю, что, если бы не ты, хан велел бы меня удавить, как собаку. Ты хороший человек, Никит-батырь, и Кинбай хочет быть тебе аньдой*. Пойдем ко мне кумыс пить и барашка кушать. Жена моя и сын тебя тоже поблагодарить хотят.

Растроганный Никита принял приглашение и о том не пожалел. Его угощали с редкой сердечностью, и он с удивлением увидел, что эти свирепые в бою и на службе люди в домашней жизни добродушны и незлобивы, как дети.

— Все ж таки не пойму я этого,— недоуменно говорил Никита, сидя в юрте своего нового аньды за миской ароматного плова, — удавить хорошего и честного воина лишь за то, что отыскался человек сильнее его?

— Обидно стало хану, что чужой меня одолел, — спокойно и без тени осуждения сказал Кинбай. — Хан в меня шибко верил.

— И твой же друг тебя бы прикончил, ежели бы ему хан повелел?

— Как не прикончить, коли такова воля великого хана?

— И ты бы со зла того человека не размозжил, прежде чем дать удавить себя?

— Почему иметь зло? Лучше друг, чем чужой: друг, по крайности, хорошо убьет, сразу убьет.

— Ну и дела! И тебе случалось друзей своих убивать?

— Случалось, Никит-батырь. Не я их убивал: била моя рука, моя нога. А голова была хана.

— Да сердце-то твое было? — спросил Никита. — Оно что тебе говорило?

— Сердце говорило: лучше убей ты, Кинбай, чем другой! Ты здоровый, как шайтан, сразу убьешь. Другой так не сможет, мучить будет... А убьют все равно, раз того хан захотел. И если Кинбай его воли не исполнит, Кинбая тоже убьют, как собаку, и вот ему за отца стыдно будет, — кивнул он в сторону двенадцати-

* Аньда — побратим.

летнего крепыша, внимательно слушавшего разговор взрослых.

— И вы своего хана любите? — помолчав спросил Никита.

— Не знаю, аньда. Хан — рука Аллаха и мудрость мира. Ему лучше известно, что хорошо, а что плохо. Наше дело — повиноваться его воле, — ответил Кинбай.

Было совершенно очевидно, что он находит все эти порядки естественными и даже не представляет себе, что могло бы быть иначе.

— Теперь я понимаю, почему вы под себя почти весь мир подмяли, — задумчиво промолвил Никита.

Татар он всегда считал разбойниками, лишенными сердца и совести, но с этого дня мнение о них переменил и стал относиться к ним с некоторым уважением. В лице же Кинбая приобрел преданного друга, готового отдать за него жизнь.

По всей орде быстро распространился слух о неимоверной силе русского баатура и о том великодушии, с которым он заступился перед ханом за своего побежденного противника. И вскоре Никита привык к тому, что все татары при встрече кланялись ему, как владетельному князю.

ГЛАВА 43

Жизнь орды иногда разнообразилась общей охотой, которую устраивали по повелению хана. Когда кочевали в степях, Мубарек предпочитал охоту с беркутами, но здесь, в лесном краю, чаще производились громадные облавы, в которых в качестве загонщиков принимали участие тысячи воинов. Бесшумно оцепив обширный участок леса, они по данному сигналу с дикими воплями и шумом начинали стягивать кольцо, выгоняя одуревших от страха животных на заранее намеченную поляну, где ожидали охотники во главе с ханом и высшей знатью.

То, что происходило вслед за этим на поляне, представляло собой жуткое зрелище. Сюда выскакивали почти одновременно все обитатели леса, имевшие несчастье попасть в это роковое кольцо: волки, медведи, кабаны, лоси, олени, росомахи и всевозможная мелочь. На последнюю, впрочем, никто не обращал внимания, было не до того.

Крупные звери, которых на поляне встречал град стрел и копий, обычно поворачивали назад и пробовали

прорваться сквозь ряды загонщиков. Но это удавалось весьма немногим. Остальных или убивали при этой попытке, или же выгоняли обратно на поляну. И здесь, поняв, что выхода нет, обезумевшие животные старались подороже продать свою жизнь. Вскоре все перемешивалось так, что стрельба из луков становилась невозможной и начиналась рукопашная. В дело пускались теперь сабли, копыя, рогатины, кинжалы и дубины.

Такая охота требовала бесстрашия и ловкости, ибо она походила на поле сражения, где дрались все одновременно и каждый был занят собой и своим противником. Нередко бывало, что разъяренный медведь, прежде чем пасть, успевал разmozжить кому-нибудь голову или взбешенный лось поднимал на рога и затапывал несколько человек, прежде чем его удавалось прикончить.

В первой же из таких охот Василий с любопытством наблюдал за Мубареком. Пожилой хан держался впереди всех, ловко действуя рогатиной и не помышляя об опасности. Но, видимо, о ней не забывали другие: был момент, когда на Мубарека, занятого каким-то иным зверем, бросился сбоку кабан. Не успел он пробежать и половины разделявшего их расстояния, как был пронзен несколькими копьями сразу.

После окончания охоты, отобрав лучшую часть добычи для ханского стола и для зельмож, букаул распределял остальное по сотням. Вечером устраивалось всеобщее пиршество. Знать пировала во дворце у хана, воины и их семьи — на площади, у жарко пылающих костров. Здесь ели много и жадно, громко отрывая и обтирая жирные руки об одежду и волосы. Впрочем, и за ханским столом нравы были немногим лучше.

Пили кумыс и вино, без причины хохотали, потом начинали хвастаться друг перед другом своими боевыми и охотничьими подвигами. О женщинах не говорили почти никогда, а если и говорили, то сдержанно, с уважением. Пьяных драк и скандалов не бывало вовсе, а если где и вспыхивала ссора, она мгновенно утихала по первому окрику десятника, как бы ни были пьяны ее участники.

Когда голод бывал утолен, образовывали круг и начинались пляски. Это было невеселое зрелище: под заунывную какофонию бубнов и дудок танцоры двигались по кругу, расслабленно вихляя телами и нелепо подергиваясь. Под конец начинали петь, и Василий долго

не мог привыкнуть к этому дикому пению, более похожему на волчий вой, чем на голоса веселящихся людей.

Так пировали и веселились на площади. Во дворце у хана развлекались более утонченно. Здесь гостям подавали несколько искусно приготовленных блюд из дичи и баранины, дорогие вина, фрукты в меду и в сливках, бекмес* и обильный достархан из всевозможных сладостей.

Затем обычно появлялись танцовщицы-рабыни, почти, а иногда и вовсе обнаженные, смуглые и бронзовые, совсем черные и белые, как алебастр, стройные и гибкие, как змеи. Под звуки зурен и бубнов они кружились и извивались в восточных танцах, дурманных, как вино, то томяще-медлительных, то огненно-страстных, пока хану это не надоедало. Тогда, одарив наиболее искусных какими-либо драгоценными безделушками, он приказывал им уйти, и снова все принимались пить и есть, обсуждая достоинства и недостатки танцовщиц, поднимая глаза к небу и восторженно цокая языками.

Василий и Никита всегда получали приглашения на такие празднества. Быстро познакомившись со всем окружением хана, они стали водить приятельство и со многими из ак-ордынских вельмож. В этой среде к Василию все относились благожелательно, отчасти потому, что Мубарек к нему так относился, а главное — потому, что причин для недоброжелательства никто не видел: Василий никому не был опасен и на дороге ни у кого не стоял, ибо явно не искал никаких должностей и милостей у хана. Он отлично говорил по-татарски, со всеми был приветлив, с ним было весело, скакал он превосходно, на охоте был умел и отважен — этого было более чем достаточно, чтобы заслужить уважение татар и привлечь к себе их симпатии.

Высшую знать орды составляли темники, на должность которых обычно назначались члены ханского рода или же князья не чингизиды. Впрочем, среди них бывали люди и не знатного происхождения, выдвинувшиеся своими способностями и боевыми заслугами. Большинство темников находилось обычно при своих тумах, кочевавших в степи, но некоторые почти постоянно жили при ставке хана в качестве его ближайших со-

* Бекмес — прохладительный напиток из воды и арбузной патоки со специями.

ветников. За ними, по положению, следовали тысячники и везир*. Кроме того, при ставке проживали без определенных занятий два или три дальних родственника хана и его младший, ныне единственный сын, Булак-оглан**. Это был вялый и болезненный юноша, ни во что не вмешивающийся и явно не пользовавшийся расположением отца. Старший сын Мубарека, Саур-оглан, несколько лет тому назад был убит необъезженным конем.

Один из тысячников, эмир Суфи-ходжа, красивый и стройный хорезмиец, выделявшийся из всех приближенных Мубарека подчеркнутой опрятностью и даже некоторым щегольством, питал к Василию особую симпатию, вскоре перешедшую в настоящую дружбу. Они часто проводили время вместе, и Василий с интересом слушал восторженные рассказы молодого эмира о его солнечной родине — Хорезме, также, как и Русь, покоренной монгольскими ордами. Но в то время, как Русь под татарским ярмом продолжала жить своей собственной жизнью, накапливая силу для свержения ненавистного ига, Хорезм пошел по иному пути: покорившись завоевателям и смешавшись с ними, он постепенно растворял их в своей среде, мирным путем изживая и перемалывая монгольский элемент.

Эмир Суфи в ханской ставке был человеком влиятельным, и дружба с ним еще более упрочила положение Василия. Однако несмотря на общее расположение, вскоре у него при дворе Мубарека появился неожиданный враг.

Случилось это уже зимой. Суровые холода и вьюги часто заставляли теперь обреченных на полное безделье людей подолгу отсиживаться в своих юртах, и Василий начал ощущать острые приступы тоски по родине. Однажды, именно в такой момент, к Никите пришел Кинбай и сообщил, что воины его десятка нашли в нескольких верстах от лагеря медвежью берлогу. Василий с радостью ухватился за предстоящее развлечение, и было решено взять зверя в первый же погожий день.

Ждать пришлось недолго. Дня через два Василий, Никита, Лаврушка и Кинбай, вооружившись рогатинами, выехали после обеда из лагеря, миновали Чамга-Ту-

* Везир — в орде нечто вроде дворцового министра.

** Оглан — царевич, принц крови.

ру и по дороге, идущей берегом реки, направились к лесу, где была обнаружена берлога.

Не проехали они и двух верст, как навстречу им из-за поворота показался отряд из полусотни всадников. Шагов за десять впереди всех в крытой малиновым сукном шубе и остроконечной рысеей шапке ехал дородный мужчина лет сорока, в котором сразу можно было узнать монгола. Его одутловатое, надменное лицо Василию было совершенно незнакомо, но ехавший впереди Кинбай, видимо, прекрасно его знал, ибо тотчас соскочил с коня и склонился в низком поклоне. Василий и остальные вежливо поклонились встречному всаднику и придержали своих коней, давая ему дорогу. Но это его не удовлетворило. Не отвечая на их приветствие, он остановил коня прямо перед ними и крикнул:

— А вы чего ждете? Чтобы вас с седел плетью согнали?

— Тебя я не знаю, батырь — ответил Василий, которому вся кровь ударила в голову, — но знаю, что не родился еще тот человек, который бы меня плетью ударил и жив остался!

— А вот сейчас узнаешь такого! — крикнул монгол, поднимая плетъ.

— Полегче, батырь, — спокойно сказал Никита, опуская острие своей рогатины на уровень его живота. — Да и людям своим скажи, чтобы стояли на месте, коли не хочешь, чтобы я тебе брюхо проткнул.

Побледневший татарин опустил плетъ и гневным движением руки остановил передних всадников, двинувшихся было к нему. Видя, что они остановились, Никита тоже убрал свое оружие.

— Кто вы такие? — задыхаясь от злости, спросил монгол.

— Вот с этого ты бы и начал, — усмехнувшись сказал Василий. — Я русский князь и гость хана Мубарека. А ты, видать, такая важная птица, что тебе до воли великого хана и нужды нет?

— Скоро ты узнаешь, какая я птица! Да и я узнаю, правду ли ты говоришь. Айда, поворачивайтесь за мной в ханскую ставку!

— Что же, поедем, — промолвил Никита. — Только ты, батырь, будь ласков, поезжай вперед, а мы трое будем следом держаться, промеж тебя и твоих людей. Эдак и мы не сбежим, да и ты будешь спокоен и не

станешь зря назад оборачиваться, чтобы ненароком не порвать шубу о мою рогатину.

Метнув на Никиту злобный взгляд, монгол тронул своего коня и отряд шагом двинулся по направлению к лагерю. Татарские всадники, которым присоединившийся к ним Кинбай успел сообщить, что это и есть знаменитый Никит-батырь, всем уже известный по слухам, спокойно ехали в десяти шагах сзади, переговариваясь вполголоса и тихонько посмеиваясь. Незавидное положение их начальника всем было ясно, но он не отдавал никаких приказаний, его никто не трогал, значит, им беспокоиться было не о чем.

Едва приехав в становище, монгол спрыгнул с коня и бросился в шатер Мубарека. Через четверть часа вышел битакчи и позвал к хану Василия, ожидавшего сна-ружи. Мубарек-ходжа встретил его хмурым взглядом.

— Хисар-мурза* говорит, — сказал он, движением головы указывая на стоявшего в стороне монгола, — что ты и твои люди, встретившись с ним на дороге, грубо оскорбили его ханское достоинство, грозили убить, а потом под угрозой оружия привели сюда. Верно ли это?

— Неверно, великий хан! Мы мирно ехали на охоту, когда он на нас наскочил и хотел согнать с коней плетми, не спросивши даже, кто мы такие. Да и мы до сей поры не знаем, кто он. А как мы его сюда привели под угрозой оружия, когда со мною было два человека, а с ним пятьдесят, — суди сам.

И Василий в точности рассказал все, что произошло на дороге.

— Что же ты мне наплел, Хисар-мурза? — гневно спросил Мубарек, когда Василий кончил. — Выходит, что это ты, как разбойник, напал на моего гостя и осмелился ему угрожать! И ты сам виноват, что впереди целого отряда твоих воинов эти трое русских вели тебя в лагерь, как барана, чуть не подкалывая сзади рогатиной.

— Я их привел, а не они меня! — прохрипел Хисар.

— Вот как! А только что ты говорил иное. Запомни крепко, Хисар: князь Василий мой гость и друг. И коли будет нужно, я кого угодно сумею заставить относиться к нему с почтением.

* Титул «мурза», стоящий перед именем, означал принадлежность к дворянству, а стоящий после имени — принадлежность к ханскому и владетельному княжескому роду. Это принц крови. ↵

С этими словами Мубарек поднялся с дивана, давая понять, что разговор окончен.

Выйдя от хана, Василий направился прямо к эмиру Суфи. Рассказав ему все, что произошло, он спросил, что собою представляет этот Хисар-мурза?

— Дрянной человек, — ответил эмир. — Это не здешний чингизид, он из династии Чагатай* и к нам прибудил недавно: после того как устроил в Мавераннахре неудачный заговор против своего дяди, хана Касана. Боясь, что Узбек его выдаст, он бежал не в Золотую Орду, а к хулагидам, но вскоре и там что-то натворил и тогда явился к нам. Наш хан его принял, потому что собирается воевать с Золотой Ордой и этот Хисар ему может пригодиться, если Мавераннахр станет на сторону Узбека. Но Мубарек его не любит и ему не доверяет. Он не дал Хисару ни улуса, ни тумена, а держит его при себе и иной раз посылает по всяким не очень важным делам. Вот и сейчас по поручению хана он объезжал степные тумены, проверяя поголовье лошадей. Это злой человек, подлый человек! И угораздило же тебя с ним связаться! — закончил Суфи-ходжа.

— Да что же мне оставалось делать, коли он на меня наскочил?

— Я понимаю, князь. Но он тебе этого никогда не забудет.

— Э, что он сделает, ежели хан на моей стороне?

— Ядовитая змея ждет случая и жалит исподтишка. А Хисар — это змея в человеческой коже. И ты его опасайся, князь!

Василия не очень обеспокоили слова эмира. Но случаю было угодно в этот же день укрепить ненависть Хисара-мурзы новым, досадным для него обстоятельством.

Выйдя от хана в состоянии крайнего раздражения, он приказал своим людям ставить себе шатер. Его происхождение давало ему право расположиться в непосредственной близости к ханскому дворцу; но возле него свободных мест не оказалось. Справа стоял шатер царевича, сзади, в одну линию, юрты всех родственников Мубарека, а слева, как раз там, где надлежало стоять шатру Хисара-мурзы, место тоже было занято.

* Чагатай — второй сын Чингиз-хана. Его потомки владели улусом, в который входили Мавераннахр, большая часть Афганистана, часть Индии и восточный Туркестан.

В гневе Хисар направился было к этому новому шатру, чтобы выяснить, кто осмелился посягнуть на его права, но, увидев выходящего оттуда Никиту, внезапно понял все. Взбешенный, он бросился к везиру, но последний сказал, что шатер русскому великому князю поставлен здесь по личному повелению хана Мубарека.

— Значит, в то время, как эти русские собаки, да паразит их Аллах стрелами своего гнева, будут жить рядом с ханом, я, потомок великого Чингиза, должен ставить свой шатер на задворках? — запальчиво спросил Хисар-мурза.

Он так долго возмущался и выходил из себя, что везир в конце концов отправился к Мубареку. Но ответ последнего был мало утешительным: Хисару-мурзе поставить свой шатер там, где найдется место.

И волей-неволей незадачливому отпрыску Чингиз-хана пришлось поместиться в ряду тысячников.

ГЛАВА 44

Нестерпимо медленно тянулась долгая сибирская зима. Василий изнывал от тоски, сидя в своем засыпанном снегом шатре и прислушиваясь к завываниям вьюги. Единственным его развлечением оставались бесконечные разговоры с Никитой и Лаврушкой, разговоры, насыщенные воспоминаниями, от которых потом, когда мысли снова возвращались к суровой действительности, становилось еще тяжелей на сердце.

Временами тяга на родину охватывала его с такой непреодолимой силой, что все причины, побудившие его к отъезду, начинали казаться ему ничтожными.

«В самом деле, — думал он, — разве нельзя было просто поехать к хану Узбеку и объяснить ему, что приключилось? Или, подняв народ, отстаивать свое княжество от козельских воров? Почему он наконец не согласился остаться на княжение в Брянске? Небось все бы как-нибудь обошлось и не сидел бы он теперь за тридевять земель, в этом проклятом татарском шатре!»

И настроившись на такой лад, Василий клялся в душе, что, едва лишь сойдут снега и проезжими станут дороги, он тотчас пустится в обратный путь, а там будь что будет!

Но кончилась наконец угнетавшая душу зима, исчезли снега, сбросили ледяной панцырь реки, и вместе

с весенним теплом возвратилось к Василию благоразумие. Жизнь в Орде оживилась. Снова начались почти ежедневные военные упражнения, скачки, охоты и пирушки. После зимней бездеятельности Василий с жадностью отдался всем этим развлечениям, и тоска его постепенно утратила свою остроту.

Едва лишь твердо установилась весна, отправился на родину Лаврушка. Хоть он и упирался, твердя, что не может покинуть на чужбине своего князя, видно было, что ему не терпится попасть домой.

Василий передал ему длинное письмо для Елены и поручил все, что с ним произошло, без утайки рассказать с глазу на глаз воеводе Алтухову и брянскому двоюродному Шабанову. Всем же прочим он велел говорить, что они зимовали в Вятской земле, а куда теперь князь поедет, ему, мол Лаврушке, неизвестно.

— Ну, а Муром ты объедешь стороной, — после некоторого раздумья добавил Василий, — чтобы тебя из муромцев ни одна живая душа не увидела.

Этою зимой он много и подолгу думал об Ольге, сначала со смесью тоски и досады, а потом с неприязнью, даже почти с ненавистью. Постепенно ему стало казаться, что лишь она повинна в его нынешнем положении, что, послушайся она голоса сердца, и вся его жизнь обернулась бы по-иному.

Лаврушку снабдили в дорогу всем необходимым и дали ему двух хороших коней, чтобы он мог двигаться быстрее, пересаживаясь с одного на другого. Двое татар, которым Василий обещал хорошо заплатить, согласились проводить его через Югорскую землю и вывести на Каменный Пояс.

В начале мая ставка Мубарека снялась с места и медленно, по несколько дней задерживаясь на промежуточных остановках, передвинулась верст на четыреста к югу, в зеленые, покрытые сочной травой степи между Тоболом и Ишимом. Здесь уже находились два тумена белоордынской конницы. Остальные кочевали значительно южнее, с тем чтобы потом, когда летнее солнце выжжет южные степи, постепенно передвигаться к северу.

Для летнего стойбища выбрали место на берегу одного из бесчисленных озер, рассыпанных по этому привольному краю, и расположились примерно в прежнем порядке. Только Хисар-мурза, пользуясь тем, что Василий не торопился занять свое место, поспешил поста-

вить свой шатер как можно ближе к ханскому. Увидев это, Василий усмехнулся, но спорить не стал и устроился чуть в стороне от всех, возле самого озера, под сенью нескольких ветвистых деревьев.

До сего времени Хисар-мурза ничем не проявил своей враждебности к Василию. Вначале последний не раз ловил на себе его злобные взгляды, но потом монгол, казалось, просто перестал его замечать, и Василий платил ему тем же. Возможно, что это состояние холодного мира перешло бы постепенно в отношения внешне нормальные, если бы никем не предвиденный случай не разжег приутихшую ненависть Хисара с новой и гораздо большей силой. Но об этом дальше.

Жизнь на новом месте потекла по прежнему укладу, изменилась лишь внешняя обстановка, да больше времени стали уделять воинским упражнениям, скачкам и выезде молодых лошадей.

Изредка мимо проходили караваны, принося с собою всевозможные слухи и отголоски больших и малых событий, случившихся в дальних землях. Василий жадно прислушивался к этим известиям, но ничего интересного для себя не узнал. По-видимому, на Руси все было спокойно и никаких серьезных сдвигов ни там, ни в Золотой Орде не произошло.

Для хана Мубарека обстановка складывалась удачной. Гонцы, прибывшие с южных окраин его улуса, привезли хорошие вести: в Сыгнаке положение Тинибека было непрочное; удельные ханы и князья роптали и оказывали ему открытое неповиновение. В Золотой Орде, несмотря на внешнее спокойствие, тоже было неблагополучно: хан Узбек болел; в ожидании его близкого конца многочисленные сыновья и родичи подкапывались друг под друга, вербовали себе приверженцев среди влиятельной знати и, вовлекая в свои распри темников, тем самым подрывали единство и мощь Орды.

В Мавераннахре было еще хуже: здесь шла напряженная борьба местных эмиров против чагатайского хана, который был бессилен привести их к повиновению. Сеид* Худабенд-Заде правил в Термезе как независимый государь; купцы показывали Мубареку монету его чеканки. Эмир Казаган, объединив многие племена кочевых тюрков, создал из них сильное войско и открыто призывал других эмиров помочь ему раз навсегда

* Сеид — титул, который носили потомки Магомета.

сбросить власть чингизидов. Все это ясно указывало, что в случае столкновения между Золотой и Белой Ордой Мавераннахр Узбека поддержать не сможет.

Взвесив все полученные известия, Мубарек-ходжа пришел к заключению, что настал удобный момент для попытки возвратить свои южные владения и выгнать из Сыгнака золотоордынского ставленника. Успех этой попытки теперь зависел главным образом от того, сумеет ли он сговориться со своими родичами и удельными ханами, которые прежде были им недовольны и не поддерживали его при первом столкновении с Узбеком. Сейчас, судя по слухам, настроения их изменились, ибо от Золотой Орды они терпят гораздо больше утеснения.

Мубарек по опыту знал, что сноситься с каждым из них в отдельности и долго, и бессмысленно: все они будут давать уклончивые ответы, хитрить и выжидать, что скажут другие. Надо было созвать курултай, т. е. собрать их вместе, выслушать их мнения, а главное — определить слабые места и чаянья каждого, чтобы знать наверняка, чью поддержку и чем можно купить.

Придя к такому решению Мубарек-ходжа принялся действовать; в улусы полетели гонцы, призывая всех его родичей, имевших какой-либо вес, «во имя великого Аллаха и для общего блага» этим же летом съехаться на курултай, в его ставку.

Собрать курултай было нелегким и нескорым делом. Большинству приглашенных надо было ехать издалека, причем Мубарек знал, что, прежде чем выехать, почти все будут еще сноситься со своими ближайшими родственниками и соседями. Затем не спеша начнут сниматься со своих стойбищ и вместе с семьями, рабами и частью воинов двигаться кочевым порядком через степь. Учитывая все это, хан считал, что едва ли все соберутся ранее середины августа.

Он был приятно удивлен, когда уже в начале июля приехал его внучатый племянник Урус-хан*. Его улус находился в верховьях реки Эмбы, ехать ему надо было около тысячи верст, но Урус-хан, прихватив с собою лишь два десятка всадников, двигался налегке и первым прибыл на место сбора. Это был единственный из всех удельных ханов, в чьей поддержке Мубарек не сомне-

* Урус-хан — впоследствии хан Белой Орды, успешно воевавший с Золотой Ордой и даже захвативший в 1376 году Сарай.

вался: Урус ненавидел Узбека и был горячим сторонником войны с Золотой Ордой. Все знали, что со своим отцом, ханом Чимтаем * он имел по этому вопросу вечные разногласия, однажды едва не перешедшие в усобицу.

Ласково встретив гостя и похвалив его за быстрый приезд, Мубарек-ходжа осторожно спросил:

— А почтенный отец твой, да будет к нему милостив Аллах, когда думает быть здесь?

— Не знаю. Я ни с кем не совещался и ни у кого не спрашивал советов, — гордо ответил двадцатипятилетний хан. — Выслушав твоего гонца, сел на коня и вот я здесь. Когда настанет час выступить против Узбека, да покарает его нашими руками справедливый Аллах, на месте сбора я с моим туменом тоже буду раньше других.

Этот ответ искренне порадовал Мубарека.

«Урус настоящий воин, — подумал он, — не то, что его отец, чабаний хан!»

Через несколько дней прибыли почти одновременно младший брат Мубарека, тургайский хан Кидырь, со своим сыном Темир-ходжей и имевший улус в верховьях Ишима племянник его Шейх-Орда с юношами-сыновьями Хаджи-Черкесом и Амуратом **. Они пришли с огромными таборами и разбили свои становища каждый отдельно, в нескольких верстах от стойбища Мубарека.

В первый же день Мубарек-ходжа, устроивший в честь новых гостей богатое пиршество, постарался выведать их настроения. Но оба хана держались осторожно. Чувствовалось, что они уже совещались между собой и, прежде чем высказаться определенно, решили послушать, что скажут другие.

Дольше всех пришлось ожидать старшего племянника Мубарека, хана Чимтая. Он владел Мангышлакским полуостровом и смежными прикаспийскими землями — ему до места сбора надо было покрыть около полутора тысяч верст. Прежде он был известен как сторонник подчинения Золотой Орде, и потому Мубарек

* Чимтай — старший сын хана Эрзена, вступивший на белоордынский престол после Мубарека, в 1345 году.

** Хан Кидырь в 1360 году захватил золотоордынский престол, но через год был свергнут и убит своим сыном Темир-ходжей. Шейх-Орда был убит в 1359 году при попытке захватить золотоордынский престол. Его сыновья Хаджи-Черкес и Амурат оба царствовали позже в Золотой Орде.

боялся, что он вообще не придет на курултай, явно направленный против хана Узбека. Для Мубарека это было бы серьезным ударом, ибо из всех удельных ханов Белой Орды Чимтай был старшим и наиболее влиятельным.

Наконец, в последних числах июля из тумена, кочевавшего на два перехода южнее ставки великого хана, прискакал гонец с известием, что туда прибыл мангыш-лакский хан со всем табором. А еще через несколько дней появился и сам Чимтай в сопровождении своего второго сына, Туй-ходжи-оглана *. Чтобы понапрасну не задерживаться в пути, людей и кибиток они взяли с собой немного, и это позволило им расположиться у того же озера, где стоял Мубарек, почти рядом с его становищем.

Хан Чимтай, невысокий круглый человечек с добродушным бабьим лицом, был ненамного моложе Мубарека. Они не любили друг друга, но встретились внешне сердечно и, обнявшись, долго терлись щеками и похлопывали один другого по спине и плечам. Чимтай, добросовестно осведомившись о здоровье своего достойного дяди и всех членов его семьи, об успехах его непобедимых воинов, о состоянии его коней и о качестве здешних пастбищ, в свою очередь ответил на те же вопросы Мубарека и только после этого сообщил, что его двоюродный брат Кутлук-ходжа, становище которого он посетил по дороге, призывает щедрые милости Аллаха на голову своего достославного дяди, великого и мудрого хана, но на курултай приехать не может, ибо только что похоронил любимую жену и еще не пришел в себя от горя.

Выслушав это известие, Мубарек-ходжа улыбнулся, и Чимтай понимающе закивал головой: улус Кутлука лежал между рекою Эмбой и Хорезмийским морем **, т. е. ближе всех к Золотой Орде и, в случае чего, на него первого обрушилась бы месть Узбека. Это принуждало его к сугубой осторожности, но отнюдь не значило, что он останется в стороне, если все остальные договорятся о совместных действиях.

Теперь из всех приглашенных оставалось еще ждать

* Туй-ходжа-оглан, отец хана Тохтамыша, в начале царствования своего брата Урус-хана был казнен за приверженность к Золотой Орде.

** Хорезмийским морем тогда называлось Аральское.

хана Орда Мелика, дальнего родича Мубарека, кочевавшего у берегов Иртыша. Улус его находился далеко в стороне от всех беспокойных границ и очагов борьбы между крупными ханами. Там его никто не трогал, хороших пастбищ у него было хоть отбавляй, поэтому он не имел особой охоты ввязываться в дела, которые еще кто знает как могут обернуться? Посланому Мубарека он дал уклончивый, неопределенный ответ, и потому, прождав его еще с неделю после приезда Чимтая, решили открывать курултай без него.

ГЛАВА 45

Курултай собрался в обширном шатре хана Мубарека, обставленном для этого случая в соответствии с обычаями Ак-Орды. Весь пол был застлан толстым белым ковром с вытканными на нем изображениями черных драконов; прямо напротив входа, на высоком древке стояло овечье знамя боевого знамени левого крыла войска Чингиз-хана: семь хвостов тибетских яков, укрепленных на двух поперечинах*. Под этим знаменем — величайшей святыней ак-ордынской династии и символом власти царствующего хана — на невысокой связке белоснежных овечьих шкур сидел великий хан Мубарек-ходжа в своем любимом бухарском халате и тюбетейке. Если не считать золотого перстня с крупным рубином на среднем пальце его левой руки — реликвии, некогда принадлежавшей первому белоордынскому хану Ичану, — на нем не было ни одной драгоценности. Этим Мубарек-ходжа хотел подчеркнуть, что нынешний курултай созван в исключительной обстановке, когда враг находится в пределах страны и каждому — от простого воина и до государя — следует думать не о праздной роскоши, а о боевом походе.

По правую руку хана, на квадратных шелковых подушках расположились царевич Булак-оглан и все улусные ханы — чингизиды. Слева поместились молодые ханы, Хисар-мурза, Василий, также приглашенный Мубареком, несколько темников из числа наиболее влиятельных эмиров и нойонов и один только тысячник — эмир Суфи-ходжа, принадлежавший к очень высокому тюркскому роду, претендовавшему на власть над всем Хо-

* Во время завоевательного похода на запад монгольских полчищ Белая Орда составляла их левое крыло.

резмом. Ханши, обычно тоже принимавшие участие в курултаях наравне с мужчинами, на этот раз отсутствовали ввиду чисто военного характера предстоящего совещания.

Каждый из чингизидов, прежде чем занять свое место, низко кланялся великому хану, прикладывая руку ко лбу и сердцу. Так же его приветствовал и Василий. Все остальные опускались на колени и целовали ковер у ног Мубарека. Впрочем, одного из старых темников и эмира Суфи-ходжу хан до этого не допустил, велел им подняться, едва они преклонили колени.

Когда закончились положенные приветствия и все заняли свои места, Мубарек-ходжа сказал, что ему от-
радно видеть в своем шатре столько славных воинов и родственников, собравшихся сюда по его вызову. Не удержавшись, с некоторой горечью он добавил, что, если бы все так дружно откликнулись на его призыв три года тому назад, в Сыгнаке не сидел бы сейчас сын и ставленник хана Узбека.

— Но об этом я вспоминать не буду, — присовокупил он, чтобы смягчить свой упрек. — Я знаю, что наши ханы за ошибку свою платят сейчас дорогой ценой, ибо много страдают от злобы и жадности Тинибека. Думаю, что теперь каждому стало ясно, что лучше подчиняться своему старшему родственнику, как то предначертал справедливый аллах, чем неразумному выскочке из чужого ханского рода.

Ханы южных улусов, к которым относились эти слова, тяжело вздохнули. Видно было, что Урус-хан порывается что-то сказать, но по молодости ему не подобало говорить раньше старших. Он в упор уставился на своего отца, и все остальные тоже невольно посмотрели на хана Чимтая. Последний, видя, что все ждут его слова, еще раз вздохнул и сказал:

— Ты изрек истину, великий хан: под пятой Тинибеска нам живется несладко. Но за его спиной стоит Узбек. Чтобы прогнать Тинибека, надо иметь достаточно силы для войны со всей Золотой Ордой.

— Когда одиннадцать лет тому назад я отказался повиноваться воле Узбека, Золотая Орда была сильнее, чем сегодня. И все-таки Узбек не осмелился на нас напасть. Как трусливый шакал, он ожидал более семи лет и, только воспользовавшись нашими раздорами, захватил Сыгнак. Если мы снова все соединимся, он нам не страшен.

— У него тридцать два тумена, — промолвил Чимтай. — А если этого будет мало, он заставит Мавераннахр ударить нам в спину.

— Туменов у нас меньше, чем у него, — вставил Урус-хан, не глядя на отца, — но, если мы нападём первыми, перевес будет на нашей стороне.

— Истинно так, — сказал Мубарек-ходжа, одобрительно поглядев на Уруса. — Великий Чингиз имел совсем немного людей, когда начал свои завоевания. Мавераннахр же более страшен Узбеку, чем нам: мы для него всегда были добрыми соседями. К тому же хан Касан знает не хуже нас, что, если он выступит в поход, за его спиной восстанут все эмиры и обратно его не впустят. А если бы он все же поднял против нас оружие, у меня для Мавераннахра есть наготове другой хан, — добавил Мубарек, указывая на Хисара-мурзу, который при этих словах горделиво надулся и окинул всех таким взглядом, словно сидел уже на мавераннахрском троне, а не на обыкновенной подушке в чужом шатре.

— Позволь добавить к твоим мудрым словам, великий хан, — кланяясь, сказал Суфи-ходжа, — что, если ты выступишь против Узбека, весь Хорезм будет на твоей стороне. Я имею о том верные сведенья.

— Сердцем Хорезм будет на нашей стороне, — промолвил Чимтай, — но против Узбека он не выступит, ибо там стоят узбековы тумены. И они поспешат на помощь к Тинибеку, как только мы двинемся на Сыгнак.

— В этих туменах больше половины хорезмийцев. И скорее они ударят Тинибеку в спину, чем пойдут против нас!

— Да поможет Аллах осуществиться словам твоим, эмир, — не сдавался Чимтай. — Но пока это всего лишь слова. И благоразумнее думать, что обстановка может сложиться не так, как нам хочется.

— Нам нужно не ожидать, как она сложится, а самим сложить ее! — запальчиво воскликнул Урус-хан.

— Я согласен с тобою, почтенный Чимтай, — промолвил Мубарек, снова бросив на Уруса благосклонный взгляд. — Мы не должны полагаться на то, чего мы лишь желаем, но в чем не имеем уверенности. Поэтому я не рассчитываю на прямую помощь Хорезма. Но мы можем быть вполне уверены, что Хорезм, также как и Мавераннахр, против нас не выступит. И он свяжет несколько туменов Золотой Орды, которых нельзя

будет вывести из Хорезма и послать против нас. Узбек знает, что, если он это сделает, хорезмийцы воспользуются нашей войной и сбросят его власть.

— Это истина, великий хан, — вставил молчавший до сих пор хан Кидырь. — Они только и ждут такого случая. Я думаю, сейчас хорошее время для того, чтобы вернуть Сыгнак. И было бы неблагоприятно им не воспользоваться.

— Меня радует, что ты это видишь, брат, — сказал Мубарек-ходжа. — И я надеюсь, что не ты один.

— Время благоприятно не только для того, чтобы прогнать Тинибек из владений Ак-Орды, но и для того, чтобы самого Узбека выгнать из Сарая, — горячо заговорил Урус-хан. — Я думаю, нам именно к этому нужно стремиться. Если мы только освободим Сыгнак и на том остановимся, Узбек соберет большую силу, дождется удобного случая и снова бросится на нас. Мы должны взять власть над Золотой Ордой, если не хотим, чтобы она властвовала над нами. На это мы имеем священное право: наш род, род Ичана, выше батыева рода. И нам надлежит повелевать и царствовать над всем улусом Джучи!

Предельная прямота и ясность, с которыми высказался Урус-хан, озадачили даже Мубарека. Точно так же думал и он сам, но здесь, на курултае, говорить этого не отваживался, чтобы не отпугнуть недоверчивых ханов, которые могли заподозрить, что им руководит одно лишь честолюбие. Но за слова Уруса он не отвечал и потому решил в пределах благоразумия использовать неожиданный случай.

— Воля Аллаха была именно такова, если он создал Ичана старшим братом, а Бату-хана младшим, — сказал он. — И мы должны стремиться к тому, чтобы его святая воля исполнилась. Но великие дела всегда начинаются с малого. Сейчас мы должны думать о том, чтобы отобрать у Узбека наши города и пастбища, а дальше будет видно. У нас, кроме Узбека, врагов нет, а у Узбека враги кругом. Если они не захотят воспользоваться удобным случаем, мы возьмем то, что нам принадлежит, и на том остановимся. Но если они тоже поднимут оружие, мы можем пойти вперед и остановиться только в Сараях.

— Позволено мне будет спросить, великий хан, — осведомился Чимтай, — о каких врагах Узбека ты говоришь?

— Я уже говорил о Хорезме и Мавераннахре. Но есть у него и более опасные враги: один из них ильхан *, на лучшие земли которого все время посягает Узбек. Хулагиды знают, что, если ничто не ослабит Золотую Орду, Азербайджана им все равно не удержать. Другой враг, еще более сильный,— это Русь, которой Узбек причинил много зла. Русы многочисленны и храбры. Все вы знаете, как трудно было их покорить даже великому Чингизу, который шутя сметал со своего победного пути целые народы. Русь попытается сбросить власть Узбека, если ей представится удобный случай. Здесь, среди нас, сидит князь Карачей,—добавил Мубарек, указывая на Василия и называя его так, как обычно называли все татары, немогшие выговорить трудного слова «карачевский». — Это один из великих русских князей. Он бежал сюда, спасаясь от злобы и несправедливости Узбека, и сам вам скажет, насколько сильна сейчас Русь и какой помощи мы можем от нее ожидать.

Василий, и не помышлявший, что ему придется говорить об этом, почувствовал некоторое замешательство. Он хорошо понимал, что Мубареку нужно, чтобы он заставил ханов поверить в то, что Русь готова к восстанию против Золотой Орды и ждет лишь подходящего момента. Но он не хотел утверждать того, во что сам не верил и потому сказал:

— Ты изрек истину, великий хан: Русь сильна, и каждый наш воин за любимую отчизну свою готов идти на смерть. Но на Руси нет еще единства и согласия. Немало у нас князей, которые и рады бы подняться против Узбека, но они знают, что другие их не поддержат, ибо есть среди них и такие, которые только узбековой милостью и держатся на своих княжениях. Однако если на Золотую Орду пойдут войной другие ее соседи, может случиться, что и русские князья, позабыв свои распри, договорятся меж собой, чтобы освободить родную землю от ненавистного ига. Промеж моим княжеством и Ордой лежат иные русские земли, но, если они пойдут против Узбека, за своих воинов я отвечаю: все, как один, встанут по моему зову. Моя же сабля принадлежит ныне тебе, великий хан, и только лишь против отчизны своей я ее никогда не подниму.

* Ильхан — титул царствующего хана династии Хулагидов. Между их государством и Золотой Ордой шла непрерывная борьба за обладание Азербайджаном.

— На Русь опасно рассчитывать, — после короткого молчания сказал Хисар-мурза. — Она ненавидит не одного золотоордынского хана, а всех нас, монголов. И если мы дадим ей случай освободиться от власти Узбека, нам придется ее снова завоевывать.

— Коли не завоевывать, а оставаться добрыми соседями, будет лучше для обеих сторон, — ответил Василий. — Воли ищет каждый народ, и такую страну, как наша, все одно навеки не поработить никому.

— Не о том сейчас речь, — вмешался Мубарек-ходжа, строго поглядев на Хисара. — Из всего здесь говоренного каждому ясно, что Золотая Орда не имеет ни одного соседа, который не хотел бы свести с нею счеты. Но это еще не все: там и внутри назревает смута. Сыновья Узбека мутят темников и воинов. И при первой же военной неудаче начнется резня за ханский престол.

— Это так, — промолвил хан Кидырь.

— В том, что все сложилось так благоприятно, — продолжал Мубарек, — виден перст Аллаха, указывающий нам путь. Нынешнее лето уже на исходе. Но если к началу следующего мы будем готовы к походу и выступим сразу все, к осени не только возвратим свое, но и добудем новые обширные пастбища, которые я по справедливости разделю между улусными ханами, оказавшими мне повиновение и помощь.

Этот ход Мубарека был хорошо рассчитан: у Чимтая и Шейха-Орды, поддержка которых была особенно ему нужна, людей и коней было много, а удобных пастбищ не хватало. Их улусы лежали в песчаных и солончаковых землях, где к середине лета палящее солнце выжигало почти всю растительность, и тогда начиналась беда. Лошадей приходилось сосредотачивать в редких оазисах, где они едва могли прокормиться в период засухи, а иногда не спасало и это: надо было униженно просить и задаривать более счастливых соседей, чтобы они позволили перегнать часть голодающих коней на свои земли.

Поэтому Шейх-Орда, до сего времени хранивший каменную неподвижность и не произнесший ни звука, при последних словах Мубарека заерзал на подушке и пробормотал:

— Что же, если все разом выступим, тогда, конечно... Время, как будто, подходящее...

Но Чимтай, который был миролюбив и считал, что с Золотой Ордой, пока она сильна, лучше ладить по-

хорошему и добиваться от нее послаблений путем хитрости и переговоров, поборол соблазн и сказал:

— Я думаю, ты прав, великий хан, в том, что мы сейчас могли бы одолеть Узбека. Но эта победа стоила бы нам больших жертв, ибо Золотая Орда еще очень сильна. Зачем сегодня платить дорогой ценой за то, что завтра и так будет наше? Узбек скоро умрет, и тогда Тинибек ни одного дня не останется в наших степях: он уйдет сам со всеми своими людьми, чтобы захватить ханский престол в Сарае. И ты, не потерявши ни одного воина, возьмешь обратно Сыгнак и все свои южные земли. А когда между сыновьями Узбека начнется драка за ханский трон, кто знает еще, не достанется ли он тебе или кому-нибудь из нашего рода, если мы к тому времени не растратим зря своих сил и если Аллах будет к нам милостив?

Эти слова произвели на всех присутствующих заметное впечатление. Только лишь Урус-хан почти с презрением взглянул на отца и сказал:

— Аллах бывает милостив к отважным. И большие победы никому не доставались даром, так же как никто еще не приходил к цели, оставаясь стоять на месте.

— Ты молод и неразумен, — строго сказал Чимтай. — Кто тебе говорит, что всегда надо стоять на месте? Бегать и прыгать умеет каждый мальчишка, но опытный охотник никогда не выскочит из засады и не побежит навстречу сайгаку*, если видит, что сайгак сам приближается к нему!

— Это истина, — вздохнув, промолвил Шейх-Орда.

— Наверное, к следующему лету Узбек уже умрет, — сказал хан Кидырь. — А если нет, то все равно он долго не протянет. Один-два года можно и подождать.

— Если мне позволено будет сказать, — промолвил молодой хан Туй-ходжа, — зачем воевать с Золотой Ордой? Дешевле и легче будет, живя с нею в мире, подарками купить несколько темников и с их помощью посадить на золотоордынский престол кого-нибудь из нашего рода. Тогда без всякой войны и Золотая Орда станет нашей.

— А через год ее снова отберут золотоордынские ханы, — вставил Темир-ходжа. — Лучше покончить с нею одним ударом и сразу истребить родичей Узбека,

* Сайгак — вид среднеазиатской антилопы.

всех до единого! — добавил он, сверкнув злыми рысьими глазами. Но на его слова никто не обратил внимания.

Мубарек понял, что, за исключением Урус-хана, да, может быть, Темир-ходжи, все склонны поддержать предложение Чимтая. Поэтому он счел более благоразумным прекратить сейчас обсуждение этого вопроса, надеясь до следующего собрания путем личных переговоров и обещаний договориться с каждым ханом в отдельности. Сделав вид, что он сам поколеблен, Мубарек-ходжа произнес:

— Во всем, что сказал почтенный хан Чимтай, тоже есть много разумного. Будет лучше, если мы сейчас не станем спорить. Пусть каждый хорошо подумает над тем, что сегодня слышал, а через несколько дней мы снова соберемся и продолжим этот разговор. Пока же будем праздновать и веселиться.

С этими словами он поднялся с места и, вполголоса отдав какие-то распоряжения везиру, направился к выходу из шатра.

Вслед за великим ханом все участники курултая, потягиваясь и разминая ноги, затекшие от долгого сидения, молча вышли наружу.

На поляне перед ханским шатром уже жарились молодые барашки и плов из дичи. Тут же на смазанных жиром железных листах румянилась баклава, а в огромных круглых противнях скворчали в бараньем салe благоухающие специями чебуреки. На коврах, разостланных под тенистым деревом, были разбросаны подушки и поставлены низкие круглые столики. Сбоку стояло десятка три рабов и рабынь, готовых прислуживать пирующим и разливать кумыс, вина и прохладительные напитки из высоких серебряных и глиняных кувшинов, обернутых для охлаждения мокрым войлоком и выстроенных рядами тут же, под деревом.

Почти одновременно с мужчинами сюда подошли жены и дочери участников курултая, одетые по-праздничному и сверкающие драгоценностями. С любопытством оглядев их, Василий невольно задержался глазами на двух молодых женщинах, пришедших вместе и одетых почти одинаково. Обе они были очень красивы и тонкими правильными чертами своих лиц совершенно не походили на монголока.

Старшей на вид было лет двадцать; она была высокая, смугла и черноволоса. Младшая — стройная и лег-

кая в движениях девушка — тоже темноволосая, отличалась от подруги более светлым оттенком кожи и глазами синими, как глубокие горные озера. Прелестную головку ее украшала низкая шапочка из малинового бархата, расшитая жемчугом. Такого же цвета шальвары, завязанные у щиколоток, виднелись из-под золотисто-розового шелкового халата, почти скрывая под своими складками розовые туфельки на высоких темно-красных каблуках.

— Кто эти двое? — спросил Василий, указывая на них стоящему рядом эмиру Суфи.

— Старшая — это Кудан-Кичик, жена Туй-ходжи-оглана. Она хорезмийка и моя дальняя родственница. А младшая — его сестра Фейзула, дочь хана Чимтая. Не правда ли, красавица?

— Да... В кого только она удалась, такая синеглазая?

— Ее мать тоже хорезмийка. Но бабушка была грузинкой, от нее, вероятно, эти глаза и светлая кожа. Хочешь, подойдем к ним?

— А можно?

— У нас в Хорезме обычаи строже, ну, а у татар это принято. Иди за мной.

Приблизившись к молодым женщинам, Суфи-ходжа учтиво раскланялся.

— Да будет к тебе вечно милостив Аллах, ханум Кичик, — сказал он, — и к тебе, прелестная ханум Фейзула! Да сохранит он на долгие годы небесную красоту вашу, сражающую даже таких славных воинов, как мой друг, русский князь Карачей, — шутливо добавил эмир, жестом указывая на Василия, выступившего при этом вперед и склонившегося перед женщинами в почтительном поклоне.

— Значит, ты угадала, Фейзула, — засмеявшись, сказала ханум Кичик.

— В чем же это не ошиблась мудрая ханум Фейзула? — спросил Василий, с улыбкою глядя в синие глаза девушки.

— Как только мы тебя увидели, князь, — поблескивая зубами, ответила бойкая Кичик, — Фейзула сразу сказала, что только русский может быть так...

— Я сразу догадалась, что князь русский, — поспешно перебила покрасневшая Фейзула, бросив на подругу укоризненный взгляд.

— Как же ты это узнала, ханум?

— Я была с отцом в Сарае-Берке и видела там одного русского князя и его нукеров... А в детстве за мной ходила русская рабыня, и она мне много рассказывала о своем народе. Она даже учила меня по-русски говорить, — с улыбкой добавила Фейзула.

— И ты что-нибудь помнишь, ханум? — спросил Василий.

— Немного слов помню.

— Ну, тогда скажи мне что-либо, ладушка сине-окая, — по-русски попросил Василий. Он так и не узнал, поняла ли Фейзула его слова. Она минутку подумала, потом вскинула на него сияющий взгляд и медленно произнесла по-русски:

— Руски очен карош человек! — и, весело засмеявшись, убежала к группе стоявших поблизости женщин.

ГЛАВА 46

Уже перевалило за середину августа, а ханы все еще не пришли к какому-либо соглашению. Тщетно Мубарок-ходжа беседовал с ними поодиночке, не скупясь на обещания и перечисляя все выгоды безотлагательного выступления против Золотой Орды. Правда, кроме Урус-хана, ему удалось склонить на свою сторону хана Кидыря и его сына Темир-ходжу. Но это увеличило его собственные силы всего лишь на четыре тумена.

Каждый из улусных ханов был в то же время и темником. Но некоторые из них имели по несколько туменов, которые возглавлялись их сыновьями, зятьями или людьми, им абсолютно преданными. Чимтай и Туй-ходжа-оглан располагали пятью туменами и, сверх того, большим излишком конского поголовья, Шейх-Орда и Кутлук-ходжа имели по два. И эти девять туменов, иными словами — девяносто тысяч всадников, ускользали из рук Мубарека, ибо Чимтай упорно продолжал стоять на своем, Шейх-Орда соглашался выступить только в том случае, если пойдут все, а Кутлук-ходжа всегда равнялся по Чимтаю.

Мубарек, негодуя в душе и предвкушая момент, когда можно будет свести со строптивыми ханами счеты, все же пока не хотел обострять с ними отношений. Лучше было на год или два отложить поход и сохранить их поддержку, чем идти напролом и обратить их в своих врагов. Взвесив все это, он, чтобы не ронять своего достоинства, решил сделать вид, что доводы Чим-

тая его убедили и он согласен ничего не предпринимать до смерти Узбека, но с тем, чтобы после этого выступить немедленно и всем сразу.

Однако, надеясь на то, что какие-нибудь события могут еще изменить настроение ханских умов, он всячески оттягивал последнее собрание курултая и разъезд своих гостей. Почти ежедневно устраивались теперь празднества, скачки, всевозможные состязания и общие охоты, заканчивающиеся пиршеством в стойбище кого-либо из ханов.

Во время всех этих развлечений Василию не раз случилось встречаться с Фейзулой и даже обмениваться с нею несколькими, обычно шутливыми фразами. С каждой новой встречей эта веселая, быстрая, как газель, девушка нравилась ему все больше, и вскоре он с удивлением и даже с некоторой досадой почувствовал, что она прочно овладевает его помыслами. Он видел, что Фейзуле тоже приятны их встречи, ибо она была настолько безыскусственна, что даже не пыталась этого скрыть: обнаружив его в толпе гостей, взгляд ее всегда зажигался откровенной радостью.

Но однажды на празднестве, устроенном в стойбище у хана Химтая, отыскав ее взором в группе женщин, Василий был поражен происшедшей в ней переменной. Правда, она, как всегда, улыбнулась ему, но сейчас же глаза ее отразили такую скорбь, что у Василия защемило сердце. Он понял, что с нею случилось что-то неприятное, и смутно почувствовал, что это имеет какое-то отношение к нему. Василий хотел расспросить ее, но этого сделать не удалось: с ним в этот момент разговаривал Урус-хан, почему-то проникшийся к нему особой симпатией, а когда он наконец отделался от своего собеседника, Файзулы поблизости уже не было.

На следующий день, воспользовавшись тем, что Туй-ходжа-оглан предлагал ему обмен конями, Василий с утра отправился в стойбище Чимтая, надеясь встретиться с Фейзулой.

Ожидание его не обмануло: закончив сделку и возвращаясь назад по берегу озера, он увидел девушку сидящей у самой воды. Охватив руками колени, она задумчиво наблюдала, как ее пятилетняя сестренка, радостно взвизгивая и поднимая каскады брызг, гонялась по отмели за мелкой рыбешкой, стараясь поймать ее небольшой корзиной.

Василий подошел и поздоровался. Фейзула, как

обычно, ответила приветливо, стараясь казаться веселой и беззаботной. Но это ей плохо удавалось: Василий сразу понял, что ее продолжает угнетать какая-то тяжелая дума.

— Что с тобою, маленькая ханум? — участливо спросил он после того, как они обменялись несколькими незначительными фразами. — Еще вчера я заметил, что тебя что-то гнетет. Я друг тебе. Поведай, какое горе тебя постигло, и, может быть, мы вместе придумаем, как его прогнать.

— Это тебе показалось, князь, — деланно засмеявшись, ответила Фейзула. — Нет у меня на сердце никакого горя.

— Твои глаза говорят другое, ханум.

— Это, как погода, князь: иногда в душе светит солнце, и тогда глаза смеются. Но бывают и облачные дни...

— Облака приносит ветер, — сказал Василий, беря девушку за руку, — и печаль тоже не приходит сама собой. Скажи, что ее принесло тебе?

— Наверное, тоже ветер, — не сразу ответила Фейзула. — Но он уже и унес ее. Гляди, я снова веселая, — добавила она, поднимая глаза на Василия. Глаза улыбались, но за этой улыбкой князь разгадал едва сдерживаемые слезы.

— Фейзула-джан, — сказал он, крепче сжимая ее руку, — зачем ты меня обманываешь? Если не хочешь сказать правду, не говори. Я ведь понимаю: кто я для тебя, чтобы ты стала верить мне свои тайны? Но верь, я расспрашиваю тебя не из любопытства, а лишь потому, что всею душой желал бы помочь твоему горю, коли оно у тебя есть.

— Я верю тебе, князь, — сдавленным голосом ответила Фейзула, почти вырывая свою руку из руки Василия и быстро отворачиваясь, чтобы скрыть выступившие слезы. — Может быть, после я тебе все скажу... А сейчас прощай, мне надо уходить. Нехорошо будет, если нас тут увидят вдвоем.

С этими словами она порывисто вскочила и, подхватив на руки удивленную девочку, почти бегом кинулась к табору отца.

Василий проводил ее недоуменным взглядом и долго еще стоял на берегу застывшего в летнем зное озера, пытаясь разобраться в себе и понять, что происходит с девушкой. На мгновение в его голове промелькнула

смутная догадка, но он сейчас же отбросил ее как совершенно неправдоподобную. Нет, здесь что-то иное... И это надо непременно выяснить. Решив при первой же встрече возобновить с Фейзулой прерванный разговор и добиться ее откровенности, он медленно побрел к своему шатру.

Но осуществить это намерение оказалось нелегко: девушка его старательно избегала, как бы страшась предстоящего разговора или еще чего-то, чего Василий понять не мог. Издали она ласково ему улыбалась, но едва он делал шаг по направлению к ней, она стремительно исчезала.

После двух-трех неудачных попыток уязвленный Василий больше не пробовал к ней приблизиться, стараясь вообще о ней не думать. Однако в этом его воля была бессильна: что бы он в эти дни ни делал, образ Фейзулы неотступно стоял в его памяти.

Однажды вечером, когда на притихшую степь уже наплывали легкие сумерки, Василий вышел из своего шатра и, задумчиво постояв на берегу озера, в котором медленно тускнели краски заката, безотчетно побрел к тому месту, где он в последний раз встретился с Фейзулой.

Еще издали он увидел ее, но она была не одна: с нею разговаривал, стоя спиной к Василию, какой-то высокий мужчина. Их слов он не мог расслышать, но ему хорошо было видно бледное, взволнованное лицо девушки, с глазами, смотрящими в землю. Василий, внезапно почувствовав острый укол в сердце, сперва хотел бесшумно удалиться, но желание узнать, с кем разговаривает Фейзула, было настолько сильно, что вместо этого он громко кашлянул.

Вскинув на него испуганный взгляд, девушка тихо воскликнула и бросилась бежать. В этот же миг ее собеседник быстро обернулся, и Василий с удивлением узнал вспыхнувшее гневом и ненавистью лицо Хисара-мурзы. Взглянув на него, как на пустое место, Василий повернулся и медленно зашагал назад.

В эту ночь он долго не мог уснуть. Сначала все ему казалось ясным: Фейзула любит Хисара и так печалилась лишь потому, что он не обращал на нее внимания. Ну, а теперь они, видно, договорились, стало быть, и дело с концом...

Однако, поуспокоившись, он вспомнил, с каким выражением лица Фейзула слушала Хисара, и мысль его

сразу ударилась в противоположную крайность: этот человек имеет над нею какую-то непонятную власть; он ей угрожает, и именно от него нужна ей защита. Может быть, она сегодня и пришла на это место в надежде, что туда явится он, Василий, и она расскажет ему все, как обещала? А Хисар ее подстерег... Конечно, это так! Не может такая девушка любить этого дрянного, злобного человека, годящегося ей в отцы! Надо будет завтра же встретиться с Фейзулой и во что бы то ни стало поговорить с нею начистоту.

Заснув с этой мыслью, Василий, против обыкновения, проснулся поздно и, приведя себя в порядок, тотчас отправился на вчерашнее место, думая, что, если Фейзула приходила туда, надеясь на встречу с ним, она придет и сегодня, ибо видела, что он тоже ищет этой встречи. Но ее там не оказалось.

Тщетно прождав около часу, он за кустами подошел к стойбищу Чимтая и, оставаясь невидимым, долго еще высматривал, не появится ли Фейзула из какого-нибудь шатра. Потеряв наконец всякую надежду и собираясь уже возвращаться домой, он вдруг увидел Кичик, шедшую к кибитке, стоящей в нескольких шагах от того места, где он скрывался. Вспомнив, что Кичик близкая подруга Фейзулы, и чувствуя к этой женщине симпатию и доверие, Василий не долго думая вышел из-за кустов и направился прямо к ней.

— Привет тебе, достойнейшая и благородная ханум, — сказал он, почтительно поклонившись молодой женщине.

— Это ты, князь? — с удивлением воскликнула Кичик. — Что ты здесь делаешь? Если подкарауливал меня, то смотри, мой муж ревнив, как два шайтана! — со смехом добавила она.

— Проси меня, ханум, если я зря подвергаю тебя такой опасности, — ответил Василий, невольно и сам впадая в шутливый тон. — Я бы никогда не осмелился поднять свой недостойный взор на прекраснейшую и добродетельную жену почтенного Туй-ходжи-оглана. Меня привела сюда иная причина.

— Какая же? — с любопытством спросила Кичик.

— Я надеюсь на твою скромность, ханум, и на то, что ты не истолкуешь дурно моих намерений: я хотел увидеть Фейзулу.

— Вот как! — удивленно протянула Кичик. — Каки-

ми же побуждениями вызвано это не совсем обычное желание?

— Верь мне, ханум, самыми чистыми! Я заметил, что последние дни она была очень печальна. И подумал: может быть, с нею случилась какая-то беда и ей нужна помощь друга.

— Ах, ты все-таки заметил, что последние дни она была печальна? — с лепкой насмешкой в голосе спросила Кичик. — Ты очень наблюдателен. Может быть, ты понял также, почему она была печальна?

— Этого я не знаю, ханум, и именно это я хотел бы выяснить. Не могла бы ты оказать мне милость и позвать сюда на минутку Фейзулу? Если тебе моя просьба кажется нескромной, прошу и тебя возвратиться: я буду говорить при тебе.

— Фейзула выйти не может, — после короткого раздумья ответила Кичик. — Она больна и лежит в своем шатре.

— Она больна? — с тревогой воскликнул Василий. — Что с нею приключилось, ханум?

— О, ничего опасного, — ответила Кичик, взглянув на него потеплевшим взглядом. — Просто она много плакала, и у нее голова болит. Это скоро пройдет. Но для того, чтобы узнать причину ее печали и слез, тебе вовсе не нужно с нею видаться. Все это я могу объяснить тебе гораздо лучше, чем она сама.

— Сделай такую милость, добрейшая ханум!

— Так слушай: к Фейзуле сватается хан Хисар. Он уже два раза говорил ей о своей любви и о том, что хочет просить у Чимтая ее руки. И если до сих пор этого не сделал, то лишь потому, что надеется сначала уломать Фейзулу: он боится, что Чимтай не отдаст ему дочь без ее согласия. Но Чимтай ее ни о чем не спросит, и Фейзула это знает. Хисар-мурза хорошая партия: он очень высокого рода и, вероятно, будет царствовать в Мавераннахре. Если он попросит Фейзулу в жены, Чимтай ему не откажет и свое обещание сдержит, что бы потом ни случилось: он честен и упрям как бык! Пони-маешь теперь?

— Не совсем. Почему же Фейзула убивается, ежели Хисар столь завидный жених? Будет она царицей Мавераннахра, — с горечью добавил Василий.

— Потому убивается, что любит другого, — строго сказала Кичик.

— А этот другой?

— Этот другой или слеп, или не считает Фейзулу достойной своего внимания.

— Кто же этот ротозей? — пробормотал Василий.

— Я думала, что вы, русские, умнее! — расхохотавшись, ответила Кичик.

— погоди, ханум! Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул пораженный Василий.

— Что она любит тебя, князь. И вот подумай теперь, каково ей сидеть и ожидать, что всякую минуту к Чимтаю может явиться ненавистный ей Хисар и получить ее в жены, пока ты ходишь по берегу озера и вздыхаешь!

— Она сама тебе сказала, что любит меня?

— Ничего она мне не говорила. Но я женщина, и у меня, благодарение Аллаху, глаза на месте.

— И ты уверена, что не ошибаешься?

— Так же уверена, как и в том, что говорю сейчас с самым недогадливым мужчиной, из-за которого даже обидно будет получить нагоняй от мужа, если он нас увидит!

— Ты все шутишь, ханум! А что же мне теперь делать?

— Это уж тебе виднее. Можешь поплакать вместе с Фейзулой над ее горькой долей или предложить себя в няньки ее детей от Хисара.

— Да брось ты свои насмешки, ханум! Скажи лучше — отдаст ее за меня хан Чимтай, ежели я посватаюсь?

— Думаю, что отдаст, если ты опередишь Хисара и если Фейзула скажет, что тебя любит. Но надо действовать быстро: у Хисара-мурзы глаза позорче твоих. Он наверняка уже кое-что заметил.

— погоди... ведь сперва надобно с нею поговорить. Нельзя же прямо идти к Чимтаю... Сегодня после обеда назначено последнее собрание курултая. Мне там делать нечего, а ханы пойдут все и Хисар-мурза тоже. Самое время для нашей встречи. Ты мне вызовешь Фейзулу на берег озера?

— Вызову, князь. Вот теперь я начинаю чувствовать, что говорю с мужчиной.

— Ладно, ханум. Скажи ей, что буду ждать на том самом месте, где мы с нею уже встречались.

— И больше ничего не говорить?

— Еще скажи, что уже веет ветер, который без сле-

да разгонит все тучи... Впрочем, не говори ничего. Я сам скажу! Только придет ли она?

— В том положишься на меня, князь. Придет.

— И ты думаешь, все обойдется как надо?

— Аллах милостив, но он не любит тех, кто в этом сомневается. Дело в твоих руках, князь.

— Ну, тогда прощай, ханум Кичик! Спаси тебя Аллах за все!

И Василий поспешно зашагал к своему шатру.

ГЛАВА 47

— Женюсь, Никитушка! — без всяких предисловий объявил Василий, входя в шатер, где в это время Никита, сидя на обрубе дерева, чинил уздечку.

— На Фейзуле? — спросил Никита, поднимая голову, но не обнаруживая никаких признаков удивления. — Уже и сговорились?

— На ней, — ответил озадаченный Василий, рассчитывавший ошеломить друга этим известием. — А ты как догадался?

— Да нешто я слепой или тебя не знаю, Василий Пантелеич? Ты бы и так перед нею едва ли устоял, а тут еще целый год других баб не видел.

— Ну и что ты скажешь?

— Да что же тут говорить? Видать, девушка она хорошая, собою красавица, к тому же еще и царского роду. За такую княгиню не стыдно будет ни в Карачеве, ни в Брянске. Мне она, к примеру, более глянется, нежели Ольга Юрьевна Муромская.

— А ничего, что она татарка?

— А что же с того? Мало, что ли, русских князей на татарках женилось? Сам великий князь московский, Юрий Данилыч, на узбековой сестре был женат. А ярославский князь, Федор Ростиславич? А суздальский, Михайло Андреич? А Глеб Василькович Белозерский? Его жену-татарку, во святом крещении нареченную Феодорой, вся Русь оплакивала, как она преставилась. Ныне, слышать, церковь наша ее к лику святых сопричислить хочет. А сколько одних ростовских князей на татарках переженилось! А у Холмских, у Городецких нешто того не бывало? Да всех и не переберешь!

— Значит, одобряешь?

— Да жениться тебе ведь надобно, князь, а до русских невест кто еще знает, когда мы доберемся? К тому

же, тебе сейчас много сподручнее взять за себя ордынскую царевну: в твоём деле немалую вагу * будет иметь родство с татарскими ханами.

— Может, и так, да я про то и не думал. Главное в том, что любя она мне, Никита, и я ей люб! Этой от меня не надобно Черниговского княжества, пойдёт за меня, изгнанника, каков я есть!

— Стало быть, вы уже вовсе сладились?

— В том-то и горе, что еще не вовсе, — помрачнев, ответил Василий и рассказал подробнее о всех последних событиях.

— Эх, опять этого чагатайского пса на нашу дорогу сунуло! — с досадой сказал Никита, выслушав все. — Кабы не он, как было бы ладно. А теперь, гляди, еще и нож в спину получишь!

— Ну, мы тоже не лаптями щи хлебаем, чай, он нашу первую встречу помнит! Сейчас не нож его страшен, а то, как бы он прежде меня Файзулу не посватал.

— Это едва ли. Покуда он будет в курултае, ты договорись с Фейзулой, а там сразу и к Чимтаю. Я же с Хисара глаз не спущу, доколе ты дела не завершишь. И ежели он полезет, куда не надо, сумею его попридержать.

— Как же ты его придержишь?

— Да это как случится. В крайности, прикинусь пьяным и затею с ним свару.

— Гляди только не перестарайся. Все ж таки он не простой татарин, а хан.

— Будь спокоен, Василий Пантелеич, и делай, с Богом, свое.

Едва все участники курултая проследовали в шатер Мубарека, Василий уже был на условленном месте. Ждать Фейзулу ему пришлось недолго. Она пришла бледная и, видимо, сильно волновалась, но глаза ее сияли радостью. Сделав несколько быстрых шагов навстречу, Василий взял ее за обе руки.

— Фейзула-джан! Как я рад тебя видеть!

— И я рада, князь, — еле слышно промолвила девушка, потушив глаза и не отнимая у Василия рук.

— Если бы ты была так рада, то не убегала бы от меня все эти дни, как джейран!

— Разве тебе Кичик не сказала...

* Вага — вес, значение.

— погоди! Я хочу раньше знать, что она сказала тебе?

— Мне? Сказала, что ты передал: начался ветер, который разгонит все тучи.

— И больше ничего?

— Еще, чтобы я пришла сюда... А тебе она что сказала?

— Что ты грустишь и плачешь потому, что Хисар-мурза хочет у хана Чимтая просить тебя в жены, а ты любишь другого.

Руки Фейзулы похолодели и мелко задрожали в ладонях Василия.

— И она сказала кого? — почти беззвучно прошептала девушка.

— погоди, джан... Теперь я скажу: этот другой много раз уже хотел тебе сказать, что он тебя любит и был бы счастлив назвать своей женой. Но кричать об этом через всю степь он не мог, а близко к себе ты его не подпускала.

— Я боялась! Боялась, что, если Хисар-мурза нас увидит вместе, он поймет и сейчас же пойдет к отцу! — воскликнула Фейзула, поднимая на Василия глаза, затуманенные слезами и счастьем.

Он мягко потянул ее к себе, и она, покорно подавшись вперед, прильнула лицом к его груди.

— Глупенькая моя, — нежно сказал Василий, глядя ее волосы. — Так бы ты и бегала от меня, и я бы ничего не знал, куда Хисар на тебе не женился бы!

— Я вчера шла на озеро, чтобы тебя видеть... Я знала, что ты туда придешь. Но раньше тебя пришел Хисар.

— Так ты пойдешь за меня замуж?

— И ты еще спрашиваешь!

— Слушай, Фейзула-джан! Я хочу, чтобы ты знала все: я бедный изгнанник; у меня — ни кола, ни двора. Мое княжество у меня отняли, и один Бог знает, получу ли я его обратно. А Хисар, говорят, будет царствовать...

— Пусть шайтан заберет его вместе с царством! А за тебя я пойду, если бы даже ты был последним пастухом! — воскликнула Фейзула, крепче прижимаясь к Василию.

— Ну, спасибо, солнышко мое, женушка моя маленькая, — растроганно промолвил Василий, обнимая

девушку и нежно целуя ее глаза. — Теперь никому тебя не уступлю! Только бы согласился твой отец.

— Он согласится! Он о тебе хорошо говорил, и братья тоже. Лишь бы только Хисар не пришел раньше тебя!

— Не успеет. После курултая у хана Мубарека сразу начнется празднество; там Хисар говорить с твоим отцом не сможет. А когда хан Чимтай вернется домой, я уже буду стоять у его шатра. А ты пойдешь на праздник?

— Не пойду. Я сразу себя выдам. Лучше останусь дома и буду молиться Аллаху, чтобы все хорошо кончилось.

— Да, пожалуй, так будет разумнее. Только ты зря не терзай себя, звездочка. Все будет по-нашему, я уж знаю! В крайности, тайком тебя увезу! Не побоишься?

— С тобою я ничего не побоюсь!

— Ну, вот и ладно! Только теперь ты иди, джан, и я пойду. Все же лучше, чтобы пока нас вместе не видели.

ГЛАВА 48

Возвратившись домой, Василий передал Никите все, что ему сказала Фейзула.

— Славная будет у тебя княгинюшка, — выслушав его, промолвил Никита. — Видишь, как Господь все устраивает! Чаял ли ты в татарской орде свое счастье сыскать? Так уж я рад за тебя, Василий Пантелеич!

— Ты погоди радоваться. Что еще скажет Чимтай?

— Небось согласится! А ты-то знаешь, с чем к нему надобно идти и как говорить? Ин у татар для сватовства тоже свои обычаи есть. И лучше бы их ненароком не порушить.

— Истину кажешь! Об этом я вовсе и не помыслил. Да то не беда; все, что надобно, я вмиг сведаю.

Едва лишь закончился курултай и его участники усадились под деревом пить кумыс и угощаться, Василий отшел в сторону эмира Суфи, рассказал ему все без утайки и просил совета — как быть с Чимтаем?

Выслушав его, Суфи-ходжа пришел в полный восторг.

— Ай, удалец ты, князь! — воскликнул он. — Какую жену себе отхватил! Теперь ты совсем наш будешь!

— Да ведь еще не отхватил, аньда. Как с Чимтаем-то поладить, пока к нему Хисар не подъехал?

Суфи-ходжа задумался и думал довольно долго. Потом сказал:

— Чимтай тебе едва ли откажет: ты большой князь, и родство с тобой его не унизит. Что ты другой веры, на это он тоже не посмотрит; татары и сами до сих пор не все ислам приняли, даже среди ханов осталось еще немало язычников. И бояться надо не этого...

— А чего же? — с тревогой спросил Василий.

— Того, что Чимтай упрям. Я его хорошо знаю. Если попадешь ты не в добрый час и у него с языка сорвется «нет» — все пропало: никакая сила после не заставит его сказать «да». И потому надобно сразу найти к нему верный подход. Я вот что думаю: хан Мубарек тебя любит. Проси его сосватать тебе Фейзулу. Ему Чимтай не откажет, особенно сегодня: на курултае Мубарек ему уступил, поход решено отложить до смерти Узбека. Но Чимтай не глуп, он хорошо понимает, что великий хан затаил на него зло. И ему теперь надо чем-нибудь угодить Мубареку.

— Твой совет хорош, — сказал Василий, — но вот беда: эдак время упустить можно. К Мубареку сейчас не подступишься: он, поди, до ночи с гостями просидит, а с Чимтаем, на хороший конец, будет говорить лишь завтра. Хисар же чует неладное; он зря времени не потеряет.

— Понимаю, аньда. Но сегодня будет большой праздник. Скоро начнутся скачки. Хисар непременно будет сказать, а ты откажись; скажи, что конь захромал. И в это время я постараюсь так сделать, чтобы великий хан тебя выслушал. Тогда говори ему всю правду, и про Хисара тоже скажи.

— Спаси тебя Аллах, эмир! Ну, а ежели сегодня не выйдет разговор с великим ханом?

— Тогда делать нечего, пойдешь к Чимтаю сам. Я тебя научу, как с ним говорить.

Для Василия потянулись мучительно медленные минуты. Полтора часа, прошедшие до начала скачек, показались ему вечностью. Но зато потом счастье ему улыбнулось: Мубарек, Чимтай и несколько других пожилых гостей не поехали в степь наблюдать за скачками, а остались сидеть под деревом.

Через несколько минут Мубарек поднялся и зачем-то вошел в шатер. Эмир Суфи-ходжа сейчас же проскольз-

нул вслед за ним. Сердце Василия застучало в груди, как молот. Наконец Суфи вновь появился на пороге шатра.

— Князь Карачей! — громко крикнул он. — Великий хан Мубарек-ходжа, да продлит Аллах его драгоценные дни, желает говорить с тобой!

Все сидевшие под деревом тревожно переглянулись, полагая, что русский князь чем-либо разгневал великого хана. Василий вскочил и почти бегом кинулся к ханскому шатру...

— Суфи-ходжа мне доложил, что у тебя есть ко мне важное и спешное дело, — сказал Мубарек, когда Василий вошел и низко склонился перед ним. — Если оно коротко и вправду важно, я готов тебя выслушать.

— Прости, великий и милостивый хан, что я осмелился посягнуть на священные минуты твоего отдыха, — ответил Василий. — Дело у меня личное, но для меня оно дороже жизни. И не с ханом я сейчас хочу говорить, а с отцом, который только один и может мне помочь.

Эти слова понравились Мубареку. Почти ласково взглянув на Василия, он сказал:

— Говори, князь. До сих пор ты ничего у меня не просил, и, если я в силах исполнить эту первую твою просьбу, можешь считать, что она исполнена.

Поблагодарив хана и стараясь быть кратким, Василий изложил ему сущность своего дела. Мубарек слушал внимательно; лицо его не изменяло своего благоклонного выражения.

— Она тебя тоже любит? — спросил он, когда Василий кончил.

— Любит, великий хан. Даже соглашалась бежать со мною, если Чимтай ее мне не отдаст.

— Ну, в этом надобности не будет. А ты примешь ислам?

— Как могу я сделать это, великий и мудрый хан? Ты бы первый не уважал человека, который из-за женщины отрывается от веры отцов. Да есть и другое: народ мой не примет меня обратно князем, коли я от нашей веры отступлюсь.

— Это правда, — немного подумав, сказал Мубарек. — Но ты согласен, чтобы вас соединил мулла?

— Вестимо, согласен! Бог у нас один, и я вашу веру уважаю, как и татары нашу уважают. То уж после, коли вернемся на Русь, жене моей придется принять пра-

вославие и в другой раз обвенчаться со мною у нашего попа.

— Чтобы покрепче было? — улыбнулся Мубарек. — Ну, ты выйди и обожди у шатра; я тебя скоро опять позову. А ко мне покличь Суфи-ходжу.

Эмир Суфи недолго оставался в ханском шатре. Подойдя к дереву, возле которого разомлевший Чимтай лениво тянул кумыс, он низко поклонился и сказал:

— Почтенный хан Чимтай! Великий хан Мубарек-ходжа просит тебя придти к нему в шатер.

Встревоженный Чимтай поставил свой кубок, оправил халат и поспешно засеменил к шатру Мубарека.

Прошло минут десять. Василий сидел, как на раскаленных углях. Наконец появился Суфи и позвал его в шатер. Едва он взглянул на ханов, у него сразу отлегло от сердца: Мубарек поглаживал бороду, что у него служило признаком хорошего настроения, бабье лицо Чимтая благодушно улыбалось.

— Ну, князь, — сказал Мубарек, — хан Чимтай рад породниться с тобой.

Василий поклонился своему будущему тестю почти до земли.

— Было у меня три сына, — оказал Чимтай, — пусть теперь будет четыре! Отдать дочку и получить сына, это неплохая сделка! — захохотал он и похлопал Василия по плечу.

— Так вот, — продолжал Мубарек, — завтра же вас мулла и обвенчает. Я хотел дать за тебя калым*, но хан Чимтай отказывается: говорит, что калым ему отдашь после, когда получишь назад свое княжество.

— А если не получишь, внуками мне калым отдашь! — снова хохотнул Чимтай, успевший уже изрядно нагрузиться кумысом.

— Теперь ты наш родственник, — добавил Мубарек, — и, пока живешь с нами, тебе подобает иметь свой улус. Я даю тебе все пастбища и леса, которые лежат по реке Исети и ее притокам **. Это ближе всего к твоей родной земле и далеко от Золотой Орды.

— А я дам три тысячи коней и три тысячи овец, — икнув, добавил Чимтай.

* Калым — у татар выкуп за невесту.

** Восточная половина позднейшей Пермской губернии, часть Оренбургской и часть Тобольской.

— Да пошлет тебе Аллах сто лет счастливой жизни за доброту твою и милость, великий хан, — сказал расстроганный Василий. — И тебе тоже, отец мой, почтенный хан Чимтай! Только зачем мне все это? Ведь я все одно к себе на родину ворочусь.

— Когда воротись, этот улус перейдет к хану Чимтаю как твой калым, — сказал Мубарек. — А пока ты здесь, ты должен жить, как князь и наш родственник.

— Как мой сын, — добавил Чимтай.

— А где Фейзула? — спросил Мубарек. — Я что-то не видел ее сегодня среди других женщин.

— Она была немножко больна, — сказал Чимтай. — Теперь я понимаю, какая это болезнь!

— Сейчас выздоровеет, — усмехнулся Мубарек. — Пошли за нею кого-нибудь; пусть сейчас же придет сюда. А мы снова пойдем к гостям.

Оба хана и Василий вышли из шатра и уселись на ковре под деревом. Все их переговоры заняли не более получаса, и скачки только что закончились. Всадники на разгоряченных конях группами и поодиночке возвращались с поля и, спешиваясь у дерева, занимали свои места.

— Кто же победитель? — поинтересовался Мубарек-ходжа.

— Хисар-мурза! — ответило несколько голосов.

Мубарек с едва приметной усмешкой покосился на самодовольное лицо чагатайского хана. То, что он при этом подумал, вполне точно выразил эмир Суфи, шепнувший сидевшему рядом Василию:

— Этот победитель не знает, как его самого здесь обскакали!

Через полчаса Василий, все время поглядывавший на тропинку, которая вела из стойбища Чимтая, увидел наконец Фейзулу. Она приближалась походкой приговоренной к казни, понурив голову, бледная как смерть.

У нее почти не было сомнений относительно того, зачем отец вызвал ее в ханский шатер, да еще велел одеться понаряднее. О том, что причиной этого является Василий, ей не приходило и в голову: ведь он должен был говорить с Чимтаем только по окончании праздника. Значит, Хисар-мурза его опередил: он высватал ее там же, сразу после курултая, и теперь ее позвали, чтобы объявить грозную волю отца и навеки отдать ненавистному человеку,

Приблизившись к ковру и увидев Василия, с тревогой и испугом уставившегося на нее, она едва не лишилась чувств: последняя ее надежда погасла.

Мубарек, один из всех, правильно понял, что происходит с девушкой. Приказав рабам наполнить кубки, он подозвал к себе Фейзулу и, взяв ее холодную, как лед, руку, промко сказал:

— Выпьем все за жениха и невесту, да ниспошлет им Аллах долгую и счастливую жизнь! Подойди сюда, князь, и возьми то, что отныне принадлежит тебе навеки!

И Фейзула, не веря глазам, увидела перед собой радостное лицо Василия, в руку которого Мубарек вкладывал ее руку.

— А завтра всех зову на свадьбу! — добавил хан Чимтай. — Будем праздновать до утра.

Кругом поднялись удивленные восклицания и приветственные крики. Рабы забегали среди гостей, наполняя кубки. Один лишь Хисар-мурза стоял с посеревшим лицом, не сводя налитого ненавистью взгляда со счастливой пары. На него никто не обращал внимания, и он, незаметно выбравшись из толпы, проскользнул к себе в шатер, где и дал волю своей ярости.

ГЛАВА 49

Когда начало смеркаться и гости разошлись, Хисар-мурза вышел из своего шатра и берегом озера направился к стойбищу Чимтая. Последний уже собирался ко сну и, скинув сапоги, сидел на постели из мягких овечьих шкур, почесывая волосатую грудь, когда ему доложили, что пришел хан Хисар и хочет его видеть во что бы то ни стало.

— Пусть войдет, — сказал удивленный Чимтай.

Хисар вошел и, небрежно поклонившись, взглянул на хозяина почти с открытым презрением.

— Наверное, очень важное дело привело тебя ко мне в такой час, когда все честные люди ложатся спать? — не слишком любезно спросил Чимтай, которому не понравились манеры посетителя.

— Да! Я пришел, чтобы узнать: что заставило тебя, потомка великого Чингиза, обещать свою дочь этому неверному псу?

— Ты что, пришел меня учить? — приподнимаясь и повышая голос, спросил Чимтай.

— Прости меня, хан, — поправился Хисар, понявший, что, если он будет продолжать, как начал, Чимтай попросту выгонит его вон. — Я не хочу тебя обидеть. Но моими устами говорят горе и досада: сегодня я сам хотел просить у тебя Фейзулу в жены.

— Пока ты собирался, ее уже просватали. О чем теперь говорить?

— Свадьбы еще не было. Калыма ты еще не получил. Ты можешь взять обратно свое слово.

— Я никогда не беру назад своего слова.

— И ты из упрямства лишишь свою собственную дочь счастья и чести сделаться женой чингизида, которого ждет трон Мавераннахра? И отдашь ее русскому князьку, почти что рабу нашему?

— Ты что, одурел или пьян? — закричал Чимтай. — О какой чести ты говоришь? Мой род, род Джучи и Ичана, выше вашего чагатайского рода! Это тебе была бы честь жениться на моей дочери! Но ты ее недостоем. Я сказал бы тебе это, если бы ты даже пришел раньше князя Карачея!

— Все равно я его убью! — глухо сказал Хисар.

— Если только ты его тронешь, я найду тебя хоть под землей и, привязав к четырем диким коням, докажу, что ты не так крепко сшит, чтобы тягаться с Чимтаем! А сейчас убирайся вон, если не хочешь, чтобы я приказал слугам вытолкать тебя в шею!

— Хорошо, я уйду, — крикнул Хисар. — Но ты еще меня вспомнишь! — и, выскочив из шатра, он почти бегом пустился вниз по тропинке.

Ночь еще не вполне окутала землю, но от бешенства Хисар ничего не видел вокруг. Ему уже оставалось совсем немного до первых шатров мубарекова стойбища, когда он услышал впереди звуки шагов и, подняв голову, увидел прямо перед собой Василия.

Василий, который направлялся в становище Чимтая, чтобы выяснить подробности свадебного обряда, увидел и узнал противника гораздо раньше. Он почти не сомневался в том, что эта встреча добром не кончится. Никакого оружия при нем не было, но возвратиться назад или свернуть в сторону значило бы показать себя трусом, и потому он спокойно продолжал двигаться вперед.

Узнав соперника, Хисар-мурза остановился как вкопанный. Остановился и Василий. С минуту они молча смотрели друг на друга.

— В чем дело, мурза? — спросил наконец Василий. — Если желаешь что-нибудь сказать, говори скорее. Я спешу.

— Ты хочешь жить? — сипло спросил Хисар.

— Сейчас более, чем когда-либо, — усмехнулся Василий.

— Тогда садись, не теряя минуты, на коня и скачи без отдыха, пока не увидишь свою землю!

— Чего это ради? — притворно удивился Василий.

— Я не уступлю тебе Фейзулу!

— Ах, вот оно что! Пойди-ка лучше проспись, мурза. Встречи со мной не приносят тебе удачи.

— Вот потому я тебя и уберу со своей дороги! — крикнул Хисар, выхватив кинжал и бросаясь на Василия.

Но последний ожидал нападения и был начеку. Рукою отбив оружие противника, он одновременно ударил его ногой в нижнюю часть живота. Хисар дико взвыл и, свернувшись, как еж, упал на землю.

— Видишь, я говорил, что встречи со мной для тебя плохо кончаются, — промолвил Василий, платком обтирая кровь с порезанной руки. Он еще не решил, что делать с корчившимся на траве Хисаром, когда увидел, что к ним приближаются несколько воинов.

— Кто здесь кричал? — спросил один из них.

Василию пришлось сказать, что он подвергся нападению Хисара-мурзы и, защищаясь, сильно его ударил. Воины подняли стонавшего монгола и отнесли его в лагерь. С ними вместе пришел и Василий.

Едва он успел рассказать Никите, что случилось, и перевязать пораненную руку, как его позвали к Мубареку.

— Что у вас произошло с Хисаром? — хмуро спросил хан.

Василий рассказал, не упустив ни одной подробности.

— Он тебя сильно поранил?

— Это не рана, великий хан. Только кожу порезал.

— Хорошо, иди. Больше он тебя беспокоить не будет. Привести сюда Хисара-мурзу! — крикнул он стоявшему у порога сотнику.

Так как поход против Золотой Орды был отложен на неопределенное время, Хисар-мурза больше не был нужен Мубареку. Переход его в лагерь врага тоже не

представлял опасности. Что он мог рассказать Узбеку? Что против него затевался поход, который потом решили отставить? Тем лучше, если он это скажет: Узбек будет более беспечен. Он велит Тинибеку покрепче прижимать Чимтая и других южных ханов, тогда они сами поймут, что нужно браться за оружие... Прикинув все это в уме, Мубарек решил круто расправиться с Хисаром.

Наконец два воина в сопровождении сотника ввели под руки незадачливого мурзу. Он еще не мог разогнуться и еле переставлял ноги.

— Как осмелился ты, подлый шакал, которому я из милости дал приют, нападать на моего гостя, на того, кто завтра станет моим родственником? Отвечай, — крикнул Мубарек.

— Он украл мою невесту, — пробормотал струсивший Хисар.

— Когда она была твоей невестой? Если хочешь знать, я сам сосватал ее князю Карачею! Может, ты и на меня с ножом кинешься?

— Прости, великий хан...

— Только потому, что в тебе есть кровь великого Чингиза, я не прикажу удавить тебя твоим же поясом, — продолжал Мубарек. — Но завтра на рассвете ты сядешь на коня, и два десятка воинов проводят тебя до той границы моих владений, которую ты сам укажешь. После этого всем моим воинам и пастухам будет объявлено, что тот из них, кто встретится с тобой на землях Ак-Орды, должен убить тебя, как бешеную собаку.

— Я не смогу завтра сесть на коня, — прохрипел Хисар.

— Увести мурзу! — приказал Мубарек сотнику. — На ночь приставить к его шатру стражу, а утром, если он не сможет сам ехать, привязать к коню и вывезти! Чтобы к восходу солнца его тут не было!

Приказание хана было исполнено с обычной для татар точностью. Едва на небе занялись первые проблески рассвета, сотник поднял Хисара и велел ему садиться на коня. Два десятка всадников под начальством Кинбая уже стояли у шатра. Сотник помог стонущему и охающему мурзе влезть на лошадь.

— Куда тебя везти? — спросил он.

— В Золотую Орду, — ответил Хисар.

— Повезешь его на реку Илек * и отпустишь на том берегу, — сказал сотник Кинбаю. — Темнику нашего тумена, который там кочует, скажешь, что мурзу надо убить, если он возвратится обратно, таково повеление великого хана. Да езжай побыстрее! Если он будет падать с седла, свяжешь ему ноги под брюхом коня. А если умрет в дороге, довезешь его падаль до Илека и положишь на землю Золотой Орды. Великий хан не хочет, чтобы он оставался у нас — ни живой, ни мертвый.

Поклонившись сотнику, Кинбай подал команду своим всадникам и огрел плетью лошадь, на которой сидел Хисар. Мурза вскрикнул от боли и судорожно вцепился в гриву коня, карьером уносящего его из Белой Орды...

Об изгнании Хисара в ставке Мубарека никто не пожалел: заносчивый и злобный чагатаец всем был неприятен. Но особенно обрадовался Никита.

— Теперь по ночам можно ходить без опаски, — сказал он Василию. — Но все же было бы куда надежнее, если бы хан приказал его удавить...

В тот же день, вечером, шумно отпраздновали свадьбу Василия и Фейзулы, а еще через неделю все ханы почти одновременно снялись со своих становищ, и каждый направился к месту зимовки.

ГЛАВА 50

Миновала наконец и вторая зима на чужбине. Она уже не показалась Василию такой тоскливой и долгой, как первая: с ним рядом была теперь молодая и любимая жена, заполнившая все его существование.

В этом году стояли особенно суровые холода; целыми неделями снаружи бушевали вьюги, а в шатре у Василия было тепло и радостно. Казалось, что Фейзула в своих синих, как летнее небо, глазах сумела удержать частицу жаркого степного солнца и теперь щедро освещает и согревает ею этот маленький домашний мирок.

Сидя с нею у пылающего очага, Василий слушал ее нехитрые рассказы, а чаще сам рассказывал ей о своей прежней жизни. У нее был живой, восприимчивый ум, а знала она так мало, что даже небольшой запас познаний Василия казался ей неисчерпаемой сокровищницей мудрости. Постепенно он передал ей все, что сам знал о

* Илек — левый приток реки Урала.

прошлом и настоящем родной страны и соседних народов, так что к весне она уже хорошо представляла себе общую обстановку на Руси, наперечет знала всех князей и даже выучилась немного говорить по-русски. Но этим она больше была обязана Никите, чем Василию. Постоянно напоминая, что она теперь русская княгиня, он упорно отвечал на ее вопросы и сам обращался к ней только на русском языке, терпеливо поясняя значение неизвестных ей слов и заставляя вспоминать то, что она знала в детстве. В конце концов он добился того, что она стала свободно понимать его, а потом и сама отвечать по-русски.

Наступила весна, не принеся с собой ничего нового. От первых приехавших в Чамга-Туру торговцев лишь стало известно, что на юге зима прошла спокойно и в Золотой Орде никаких внешних перемен не произошло.

О Руси и о том, что в ней делается, никто ничего не знал. Правда, один приезжий татарин рассказывал, что прошлой осенью, когда был он в Сарае по торговым делам, там казнили, по повелению хана Узбека, двух русских князей. Но кто были эти князья и за что их казнили, он сказать не мог.

Василия беспокоило и удручало отсутствие сведений с родины. Рассудок ему говорил, что, если нет известий, значит, нет и важных перемен, ибо в противном случае Алтухов или Шабанов прислали бы к нему гонца. Но доводы рассудка приносили мало успокоения: ведь прошло почти два года со времени его отъезда из Карачева, и ему с горечью начинало казаться, что на родине о нем просто забыли.

Если в прошлом году он еще не ожидал вестей оттуда, то в этом их отсутствие казалось ему необъяснимым. Пусть не случилось там больших событий, но неужели его друзья не понимают, как истосковался он на чужбине, как хочется ему хоть что-нибудь услышать о родной земле, узнать, что она его помнит и ждет!

Правда, прибытия гонца нельзя было ожидать раньше конца мая. Но миновал май, прошел почти весь июнь, ставка Мубарека давно уже вышла на летнюю кочевку в степь, а из-за Каменного Пояса никто не появлялся. И Василий приуныл. Крепко стал задумывать и Никита. Наконец однажды он сказал Василию:

— Отпусти меня, княже, на Русь! Вижу я, последнее время ты ходишь, как не свой. Да и сам я думаю: на-

добно же нам сведать, что там делается. По осени я ворочусь и привезу с собою подробные вести.

— Того только не хватало, чтобы ты меня покинул, — мрачно промолвил Василий.

— Так ведь ты не один теперь, Василий Пантелеич. С тобою жена остается. К тому же, я не надолго отъеду.

— Уже июнь к концу подходит. Коли ты сейчас выедешь, ранее как через год не воротишься. Нешто зимою мыслимо проехать сквозь пермские да югорские леса?

— А пошто мне ими ехать? Мне опасаться некого. Отсюда я низом выеду напрямик к Волге, а там — мордвою в Рязанскую землю. Оденусь татаринном, говорить буду в пути по-татарски, можно еще и пайцзу у нашего хана попросить, кто меня тронуть посмеет? Этим же путем и в обрат. Так будет много короче, а если зима в дороге застанет — тоже невелика беда. Да и не застанет: я возьму двух коней, ехать буду быстро. Небось в четыре месяца туда и назад сгоняю. Стало быть, в октябре ворочусь.

— Ну, что же, с Богом, коли так, — подумав, сказал Василий. — Коли сами разведем, что там творится, все на душе легче будет.

— Вестимо, так! Кого же мне на Руси повидать ве-лишь и кому что сказывать?

— В Карачев ты, знамо дело, не показывайся, а езжай прямо в Брянск, к Дмитрию Романычу Шабанову. Вызовешь туда в тайности Алтухова и Лаврушку; они тебе все расскажут. Да и ты им о женитьбе моей и о всем прочем поведай, ничего не тая. По пути загляни в Пронск, расскажи все Елене. Писать ей не буду: ежели на тебе татары найдут письмо, писанное по-русски, живым не выпустят, подумают, что лазутчик. Пронским князьям, коли будут спрашивать, можешь сказать, где мы. Да вот что еще, — добавил он нерешительно, как бы стесняясь своего чувства, — привези с собою горстку земли родной... хоть в руках ее подержу...

Сборы Никиты были недолги. Проводив его, Василий было заскучал, но вскоре события отвлекли его мысли в другую сторону. Люди Чимтая пригнали обещанных им овец и огромный табун коней. Их было гораздо больше трех тысяч: год выдался засушливый, и у Чимтая не хватало пастбищ. Волей-неволей Василию пришлось отправиться с ними в свой улус. В этом году Мубарек кочевал у среднего течения реки Тобола, отсю-

да до новых владений Василия было не более двухсот верст.

Со скотом прибыло много пастухов и надсмотрщиков, а сверх того пятьсот воинов. Все они пришли с семьями и кибитками, так как Чимтай велел им оставаться у Василия. Кроме того, Мубарек дал тысячу воинов от себя: по положению Василию надлежало в течение ближайших лет составить свой тумен, и этим закладывалось его начало.

Посмеиваясь над прихотью судьбы, обратившей его в князя-кочевника, Василий во главе своего табора тронулся в путь. В середине июля он разбил становище на живописном берегу реки Миаса, верстах в ста от впадения ее в Исеть.

Место ему настолько понравилось, что он решил построить тут городок, полагая, что его татарам следует привыкать к жизни в теплых помещениях, более чем юрты и кибитки отвечающих условиям здешней суровой зимы. Фейзула пришла в восторг от его идеи.

— Это будет наша столица, — со смехом сказала она. — Если тебе не вернут твоего княжества, мы построим тут русский дворец и обнесем наш город высокими деревянными стенами, чтобы было похоже на твой Карачев. И пусть этот город тоже называется Карачевом!

— Будь по-твоему, солнышко. Ставим город Карачев!..

Тысячник, мурза Туган, пожилой татарин, уже давно знакомый Василию, и сотники, с которыми князь поделился своими замыслами, отнеслись к ним сочувственно. Закипела работа, и через два месяца на левом берегу реки уже высилось около сотни неуклюжих, но теплых, обмазанных глиной построек с каменными очагами внутри. У самого берега было поставлено два обширных сарая для склада продуктов. Новый поселок, оставив внутри достаточно места для его расширения, обнесли рвом и земляным валом, с тем чтобы в следующем году поставить на нем деревянный тын.

— Ну, вот и готов Новый Карачев, — сказал жеңс Василий, когда осенние дожди заставили людей прекратить работу. — Только лишь нашего дворца не хватает да кремлевской стены! *

* Этот городок позже назывался у татар Карачель. На том же месте, в Оренбургской губернии, еще в начале нынешнего века стояло село Карачельское.

— И это похоже на твой русский Карачев? — спросила Фейзула.

— Ну, по правде сказать, не очень, — засмеялся Василий. — Да ведь и татары-то на русских не похожи; кто знает еще, захотят ли они жить в этих домах, или мы зря старались?

— А ты прикажи, и будут жить. В твоём улусе твоё слово закон.

— В этом я неволю никого не хочу. Домов все одно мало, — кто сам пожелает, пусть в них и живет, а другие вольны оставаться в юртах и кибитках.

Беспокойство Василия оказалось напрасным: желающих поселиться на зиму в домах нашлось гораздо больше, чем они могли вместить, и пришлось распределять их по жребию.

Когда в новом городе затеплилась жизнь и все было налажено, Василий передал бразды правления тысячнику и с небольшой частью людей отправился на зимовку в Чамга-Туру.

Теперь все его помыслы снова были прикованы к поездке Никиты. Василий ждал его с лихорадочным нетерпением и, начиная с середины октября, вскакивал и бросался к двери всякий раз, когда у шатра его оставался какой-либо всадник. Но прошел весь октябрь, наступил и ноябрь, земля уже оделась в белые одежды зимы, а Никиты все не было.

ГЛАВА 51

Никита вернулся лишь в конце ноября, когда Василий почти перестал ждать, думая, что с ним что-нибудь произошло в дороге или он остался зимовать на родине. Едва взглянув на приехавшего, князь понял, что надо готовиться к плохим известиям: Никита сильно исхудал, вид у него был удрученный, в бороде проглядывала седина.

Они встретились и расцеловались, как братья. Василий не задал ни одного вопроса, пока Никита не подкрепился с дороги и не выпил объемистого кубка вина, поднесенного ему Фейзулой. Не торопился рассказывать и Никита, и это еще больше встревожило Василия.

— Ну, теперь выкладывай все, — сказал он, когда Никита, помолвившись, встал из-за стола и пересел к очагу. — Чует мое сердце, что недобрые вести ты мне привез. Как там Елена?

— О семейственном поведаяю после, — твердо, почти властно сказал Никита, — а сперва выслушай о делах княжества твоего и всей Русской земли.

Василий бросил на своего верного слугу и друга удивленный, встревоженный взгляд, но возражать не стал.

— Ну, рассказывай, — только промолвил он.

— Новостей я привез немало, — начал Никита. — Есть среди них и худые, и добрые. Чтобы ничего не упустить, поведаяю тебе все по порядку.

— Доехал я хорошо и к концу месяца августа был уже в Брянске. Остановился, как ты мне наказывал, у Дмитрия Романыча. Он все такой же, не постарел ничуть, хотя, сам знаешь, лет ему уже немало. Обрадовался мне, как сыну, да и удивлен был изрядно. Ну, это не к делу... Засели мы с ним, глаз на глаз, в трапезной да и просидели до свету. Сперва я ему поведал все о тебе, а там и он начал рассказывать мне, что ныне творится на матушке Руси. И хотя к нам за Каменный Пояс вести о том не доходили, всяких дел там случилось немало.

Перво-наперво, нет уже в Брянске князя Глеба Святославича. Минувшею зимою, как раз на Николин день, прибыл в Брянск из Москвы митрополит Феогност, думая помирить князя с народом. Не знаю, его ли тут был почин либо просил о том брянский владыка Нафанаил, а может, и сам Глеб Святославич, но только приехал он, отслужил обедню и велел созывать вече. Ну, созвали. Стал там митрополит говорить то да се, но народ ни в какую. «Не хотим, — говорят, — такого князя, да и только! Он, де, своей земле не отец и не хозяин, а наипервейший враг. Пусть убирается из Брянска, куда цел, а мы к себе другого князя призовем!» Ну и начали из толпы кричать обидные для князя слова, а он тут же стоит.

Может, оно бы и обошлось, ежели бы он стерпел и повинился народу. Но ты его, чай, знаешь: он тоже начал поносить народ дурными словами. «Я, — говорит, — вас, собачьих детей, силою заставлю меня чтить!» — да тут же и хлестнул вечевого старосту, наотмашь, плетью по рылу. И это переполнило чашу: как ли кричал владыка митрополит, стараясь не допустить до кровопролития, народ тут же порешил Глеба Святославича, а с ним вместе воеводу Голофеева и тех дружинников, кои пытались его защитить. Но таких, гово-

рит Дмитрий Романьч, было вовсе мало. Остальные же и с места не сдвинулись, ибо всем уже Глеб Святославич был ненавистен...

— Кто же теперь княжит в Брянске? — спросил Василий.

— Никого нету. Из всех брянских князей остался один Дмитрий Александрович, который было сунулся в Брянск, но посадские его к себе не пустили. Тогда он подался в Москву, где, говорят, просватал свою дочь за княжича Ивана, второго сына Калиты. Может, с помощью Москвы думает в Брянске сесть. Смоленский князь Иван Александрович тоже навязывал брянцам на княжение своего брата Василия, но они и слушать его не схотели. Ждут тебя и говорят — никого другого к себе не примут. Со всеми этими вестями по ранней весне послал Дмитрий Романьч к тебе гонца. Поелику он сюда не прибыл, должно быть, погиб в пути либо схвачен татарами Узбека.

— А у нас в Карачеве что делается?

— В Карачеве все тихо и спокойно. Винюсь перед тобой, Василий Пантелеич, в этом ослушался твоей воли: побывал в нашем городе самолично. Больно уж хотелось на него своими глазами глянуть. Вестимо, пробрался я туда в тайности: ночью подъехал к лаврушкиной избе и постучал. На стук мой вышел Лавруха и, как признал меня, чуть наземь не свалился. Ну, впустил он меня в избу, и там просидел я два дня и две ночи. Вечером, как стемнело, Лаврушка привел Семена Никитича Алтухова, и мы с ним, как и с Дмитрием Романьчем, прогутарили целую ночь.

— Что же он тебе рассказывал?

— Сказывал, что по-первах карачевский люд принял князя Тита Мстиславича не дюже ласково. В Карачев он пожаловал лишь после того, как доподлинно сведал, что ты землю отцов покинул и подданным своим велел принять его с покорностью. С хлебом-солью к нему навстречу никто не вышел. В хоромах княжеских не застал он живой души, челядь вся разбежалась либо пряталась, дружинники разошлись по своим домам, лишь болтался на воротах исклеванный вороньем труп боярина Шестака.

Ну, зажил он там со своими козельцами, а всем нашим служилым людям велел сказать, что неволить никого не станет: кто, мол, хочет ему служить, он того примет и будет милостив, а кто не хочет, тому вольная во-

ля. С воеводами и детьми боярскими говорил он особо, был с ними ласков и просил не оставлять без защиты родную землю. И тогда, посовещавшись промеж собой и памятуя наставления твои, почти вся дружина наша порешила служить новому князю.

Тит Мстиславич после того случая в Козельске сделался тихий и смиренный, стал не столь прижимист и все больше Богу молится да беседует с попами. Велел заложить в Карачеве новую церковь во имя святого мученика Трофима, чья память празднуется в тот злословный день двадцать третьего июля. Ну, поменьку все обтерпелись. Тита Мстиславича в народе не слишком любят, ибо порядки при нем вернулись старые, того, что делал для людей ты, он не делает, но все же, говорят, князь он смиренный и с ним ладить можно.

Княжич Святослав находится при нем, а молодых сынов рассадил он по уделам: Ивана в Козельске, а Федора в Ельце. К слову, Иван Титович женился на дочке рязанского великого князя. В Звенигороде княжит Федор Андреич. Про него рассказывают, что князь он, хотя и молодой, но хороший, не в отца, и народ его любит.

— А как Алтухов? Добро ли ему воеводится у нового князя?

— Нет, воеводство он почти сразу оставил. Сам он мне о причинах того не рассказывал, но говорил Лаврушка, что у него с княжичем Святославом с первых же дней приключился неполад. Княжич худо сказал о тебе, а Семен Никитич не стерпел и ответил что-то, для княжича зело обидное. Вроде того, что он, Святослав, у такого князя, как ты, и конюхом быть недостоин. Опасаясь недовольства карачевской дружины, тронуть его они не посмели, но от воеводства он отказался сам и сейчас живет на покое в своей вотчине. Говорит: покуда я отдыхаю, а вот возвратится Василий Пантелеич — и дел мне опять будет немало.

— Какой же он мне совет шлет?

— Он, как и Шабанов, думает так: когда Узбек умрет, — а этого ждут со дня на день, ибо он, говорят, вовсе плох, — тебе надобно, не теряя часу, скакать к новому хану, рассказать ему о неправде, что над тобой учинили и просить ярлык на большое княжение в Брянске с тем, чтобы под твоею рукою был и Карачев с уделами. Брянский народ, со своей стороны, пошлет о том челобитчиков в Сарай. И тогда, вокняжившись в Брянске, ты, коли захочешь, можешь Тита Мстисла-

вича с карачевского стола вовсе согнать либо оставить его в Карачеве как твоего удельного князя.

— Чорт с ним, пускай сидит! Я его не трону, ежели он мне не станет чинить помехи в разумном устройении земли нашей. Ну, а Лаврушка как?

— Лаврушка живет неплохо. Воротившись домой, он уже нашел там сына: ведь Настя была на сносях, когда мы выезжали в Орду. В твою честь окрестили мальчонку Василием. Сейчас ждут другого.

— Видать, не теряют времени! А о моей женитьбе ты там сказывал? Что говорят Алтухов и Шабанов?

— Да ничего, за тебя рады. Алтухов было пожалел, что не на русской княжне ты женился, но, когда я ему рассказал, какова наша княгинюшка, он молвил: то добро, что ты такую не упустил.

— А об Аннушке ты что-либо слышал? — помолчав, спросил Василий.

— Слышал, — неохотно ответил Никита. — Жива и, кажись, здорова. Лаврушка сказывал, видят ее люди лишь в церкви. А в усадьбе у нее никто не бывает, да и она никуда не кажется.

— Ладно... Теперь сказывай, что делается на Великой Руси?

— На Руси нового случилось изрядно. И многих князей, коих ты знавал, сегодня уже нету в живых. До-прежь всего, нынешней весной преставился великий князь московский Иван Данилович. Перед смертью принял он схиму и, говорят, трепетал Господнего возмездия за великие свои грехи. После его кончины поехали в Сарай домогаться ярлыка на великое княжение четыре князя: старший сын покойного Симеон Иванович, тверской князь Константин Михайлович, суздальский, Константин Васильевич да ярославский, Василий Давыдович. Только Узбек сразу же дал ярлык Симеону и всячески обласкал его, а прочие князья воротились не-солоно хлебавши. Правда, суздальский князь получил обратно Нижний Новгород и теперь, сказывают, готовится перенести туда свой стол из Суздаля.

— А не слышал ты, каких князей казнили в Орде за прошлой осенью?

— Великого князя тверского Александра Михайловича и старшего сына его, княжича Федора. Калита на них не раз ложно доносил Узбеку всякие небылицы, и княжич в те поры находился в Орде с оправданиями своего отца. По осени хан вызвал в Сарай самого кня-

зя Александра Михайловича и учинил им обоим суд. Но ни малой вины на них не нашел и хотел отпустить с миром. Тогда Иван Данилович прислал в Орду своего сына Симеона, и по сго наущению Узбек обоих тверских князей предал лютой смерти.

— Кто же ныне княжит в Твери?

— Константин Михайлович, брат убиенного князя. Но он боится Москвы, как чорт кадила, и ей во всем покорен.

— Еще бы ему не бояться, коли она руками Узбека, почитай, весь род его перевела! Ну, а в Смоленске что?

— Там тоже были большие дела. Князь Иван Александрович, сдружившись с Гедимином и чая иметь от него поддержку, отказался платить дань Орде. Тогда хан Узбек повелел Калите собрать на него войско, над которым главным воеводою поставил самого лютого своего темника — Товлубея. Опасаясь того, что за Смоленск вступится Литва, рать собрали небывалую: окромя Москвы, выступили в тот поход рязанцы, ростовцы, суздальцы, юрьевцы и иные.

Летом прошедшего года вошли они в Смоленскую землю и изрядно ее поразорили. Но самого города не взяли, а простояв под его стенами восемь дней, повернули в обрат. Сказывают, что князь Иван Александрович сумел откупиться от Товлубея и обязался платить хану дань по-прежнему. Видать, Гедимин выступить не схотел, и пришлось смоленскому князю идти на попятный.

— Да, не так-то легко татарское иго сбросить в одиначку, особливо пока Москва воле хана послушна,— промолвил Василий. — Сперва тверичей привела Узбеку в покорность, теперь смоленцев... Но, видать, все это лишь до поры до времени, а придет час — и дорого Орда заплатит за московские услуги.

— И я также мыслю, — ответил Никита. — Московские князья копят силу, и, покуда хан думает, что та сила ему служит, он сам пособляет ее крепить. А того не чует, что она против него же обернется.

— Дал бы Господь скорее! Москве-то, вестимо, видней, чем нам, да все же мнится мне, что, ежели бы русские князья друг друга не опасались и разом поднялись на татар, уже и сегодня одолели бы мы Орду. Ну, да что о том гадать? Сказывай, в других русских землях что дается?

— В других тихо. Вот разве что Великий Новгород

снова себя показал. Там, как тебе ведомо, в последние годы сидел московский наместник, но запрошлым летом новгородцы его согнали. Иван Калита расправиться с ними не успел: сперва помешал ему смоленский поход, а после сам он занемог и умер. Покуда новый великий князь, Симеон Иванович, ездил в Орду за ярлыком, новгородцы времени не теряли: собрали великую рать и похвалились, что Москве теперь лотачки не дадут. Но в ту самую пору случился у них лютый пожар. Выгорело больше половины Новгорода; одних церквей сгорело свыше семидесяти.

И когда начал полыхать по городу огонь, простой люд новгородский заместо того, чтобы тушить, кинулся грабить. И не столько грабили они дома богатых людей, где могли дать им отпор, сколь христовы церкви. Эти лихие люди врывались в храмы Божьи, хватая все, что там находили ценного и не дозволяя причту выносить из пламени святые иконы и книги. Стражей же церковных и попов, которые выходили против них с крестом, стараясь усовестить, избивали, а иных кидали в огонь. Ежели какое добро погорельцы успевали спасти из поल्या, эти богоотступники также отымали, не глядя, богатый то человек или свой же брат, бедняк. А под конец почали грабить друг друга. И не менее претерпел Новгород от этих разбойников, нежели от огня*.

— Быть того не может! — воскликнул Василий.

— Ан было. Вот теперь и видать, к чему привели вечевые порядки! Ну, можно ли помыслить, чтобы такое случилось в Москве, либо в Киеве, либо в ином русском городе, где правят князья? Вот, к примеру, почти в то же время приключился великий пожар в Смоленске. Князя Ивана Александровича в ту пору в городе не было, однако же смоленцы сами, не щадя себя, боролись с огнем, доколе его не погасили. И никакого бесчинства либо грабежа при этом не было, хотя смоленский люд много беднее новгородского. Не иначе, как от новгородской вольности совесть у человека слабнет...

— Ну и что же после того пожара было в Новгороде?

— Пользуясь тем, князь московский, Симеон Иванович, снова посадил в Новгороде своего наместника. Делать нечего, приняли его новгородцы и заплатили Москве дань.

* См. Новгородскую летопись младшего извода, под годом 1340.

— Так для них же лучше будет, — заметил Василий. — Сами по себе они все одно жить не смогут, враз перегрызутся, как псы. К тому же Гедимин давно на Новгород нацеливается.

— Нет уже Гедимины, Василий Пантелеич. В обратном пути настигла меня весть, что убит он немецкими рыцарями. Промеж их шла война, и Гедимин со своей ратью обложил какую-то немецкую крепость. А у рыцарей там было припасено новое оружие, о коем никто ни у нас, ни у литовцев не ведал. Сказывают — это железная труба, из которой с громом и огнем вылетает камень либо кусок свинца и летит с великою силою много далее, чем стрела из лука. И когда князь Гедимин подъехал близко к крепостной стене, его из такой трубы и убили.

— Я слышал о том оружии, да не дюже верил, — промолвил Василий. — Сказывали мне, будто китайцы знали его уже лет двести — триста назад, но после утери тайны состава того зелья, что, обращаясь в огонь, выкидывает из трубы камень. Значит, то правда была... Кто же теперь на Литве княжит?

— Все земли литовские Гедимин завещал подслить промеж семерыми своими сынами и старшинства их при том разделе в расчет не брал: старшему из братьев, Монивиду, достался едва ли не самый плохой удел — город Кернов; Кейстут получил Гродно, Кориат — Черную Русь*, Любарт — Волынь, Наримунт — княжества Пинское и Туровское, Ольгерд — княжество Кревское; Минскую же землю, стольный город Вильну и с ним вместе великокняжеский стол оставил Гедимин любимцу своему, младшему сыну Явнуту**. Все это поведал мне гонец, везший те вести из Литвы в Рязань. Мы с ним повстречались в Меченске*** и до Пронска ехали вместе. Сказывал он тож, что старшие братья таким разделом вельми обижены и что Явнут на великом княжении долго не усидит: не иначе, как ссадят его оттуда либо Кейстут, либо Ольгерд.

— Скорее всего Ольгерд, — вставил Василий. — Я

* Черной Русью назывались земли, лежавшие по южным притокам Немана и ныне входящие в состав Белоруссии, с городами Волковысском, Слонимом, Несвижем, Новогрудком и Здитовом.

** Явнутий Гедиминович, — в крещении Иван, — был свергнут Ольгердом в 1345 году и получил в удел княжество Ижеславское. Род его обрусел и был известен под именем князей Заславских.

*** Меченск — нынешний Мценск.

его знаю, он из всех Гедиминовичей самый дошлый. Погляди, к примеру, как сумел жениться: взял последнюю витебскую княжну Марью Ярославну и за ней получил все княжество Витебское! У него и разум, и сила большие, он быстро всю Литву к рукам приберет.

— Ну, теперь слушай дальше, — помолчав, сказал Никита, и по его изменившемуся голосу Василий понял, что он переходит к худшему. — Нет уже в живых князя Александра Михайловича Пронского. Минувшею весною повез он в Сарай дань, собранную для хана Узбека, а в ту пору ехал из Орды князь рязанский Иван Иванович Коротопол вместе с темником Товлубеем, который вел своих татар под Смоленск. Не знаю уж почему, но только на беду Товлубей в тот день чутók поотстал и Коротопол сам повстречался с обозом пронского князя. Людей у него было много больше, к тому же пронцы, видя своих, русских, ничего худого не ждали и ехали спокойно навстречу. И вот, поравнявшись, рязанцы напали на них расплохом, как последние разбойники. Не успели люди Александра Михайловича схватиться за оружие, как их всех посекли, обоз пограбили, а самого князя связали и кинули в телегу.

Когда подъехал Товлубей, иуда Коротопол ему сказал, что пронцы первыми на него напали, а он лишь оборонялся. Может, Товлубей тому и не поверил, да ведь эту собаку вся Русь знает: за деньги он что хошь сделает! Рязанский князь поделился с ним награбленным добром, и темник принял его сторону. Старика Пронского привезли в Переяславль, и там Коротопол повелел его убить. Теперь в Пронске княжит Ярослав Александрович. Ездил он в Орду искать суда и управы на убийца своего отца, но царь Узбек, коему Товлубей пересказал дело по-своему, его слушать не схотел...

— Ну и дела! — воскликнул пораженный этим рассказом Василий. — Кабы я от кого другого такое услышал, в жизни бы тому не поверил! Экое горе выпало Пронску! Бедная Елена, каково ей-то было в те дни!

— Елена Пантелеевна о том не узнала, — глухо сказал Никита. — Господь призвал ее к себе на четыре месяца раньше...

— Никита! Ужели правду ты говоришь? — вскрикнул Василий, меняясь в лице и хватая друга за руку. — Ужели правду?

— Правду, князь. Нет уже на земле нашей голубки... Умерла она от родов, и дочку ее новорожденную Бог с

нею не разлучил: прибрал к себе в один час с матерью... Не плачь, Василий Пантелеич. Ей теперь лучше, чем нам: светлым ангелом летает она у престола Господня.

ГЛАВА 52

Этою зимою, в студеный день февраля, в шатре Василия случилось радостное для всех его обитателей событие, ни для кого, впрочем, не явившееся неожиданностью: Фейзула родила сына.

Пока все это совершалось, Василий, напуганный случаем с Еленой, не находил себе места от волнения. Но роды прошли вполне благополучно. Маленький Карач-мурза, как сразу же стали называть новорожденного все помогавшие Фейзуле татарки и рабыни, пришел в мир здоровеньким черноволосым мальчонкой и громким криком заявил о своем праве на подобающее ему место в жизни.

Родители были от него в восторге. Целыми часами они не сводили с сына глаз, подробно разбирая каждую черту его сморщенного личика и стараясь определить, на кого он похож. Наконец решили, что будет похож на отца, только относительно цвета глаз пока ничего нельзя было сказать. Лишь весною, когда стаяли снега и проснувшуюся землю пригрело яркое солнце, все увидели, что у мальчика глаза синие, как у матери.

— Ну, теперь есть у меня наследник, — с гордостью говорил Василий Никите, — да еще не какой-нибудь: сразу, брат, и рюрикович и чингизид! Такому сыну надобно оставить достойную вотчину.

— Что же, вотчина у него будет неплохая. Коли получишь ты Брянскую и Карачевскую земли, это будет, почитай, с половину того, чем владел его великий прадед Михаил Всеволодович.

— И я получу эти земли либо жив не буду! Что для себя бы, может, не сумел, то для сына сделаю!..

Мубарек-ходжа прислал для новорожденного богатые подарки, и, чтобы отдать дань уважения его роду, мальчика решили назвать Ичаном, в честь предка его, первого ак-ордынского хана. Василию это имя понравилось и по другой причине.

— Вот и ладно, — говорил он, — почти что Иван. Как вернемся на Русь, так его Иваном и окрестим! Для татар будет он Ичан-хан, а для русских — князь Иван Васильевич.

Что будет на Руси, пока можно было лишь предполагать, но в Орде имя Ичан к мальчику не пристало: родители и Никита называли его Ваней, а татары по-прежнему величали Карач-мурзой.

Жизнь в ханской ставке текла между тем своим чередом. Мубарек-ходжа был мрачен и раздражителен: ему временами казалось, что враг его, хан Узбек, живет чересчур долго и что сам он умрет раньше.

Для столь невеселых мыслей у него были основания: какой-то внутренний недуг медленно, но упорно подтачивал силы хана. Никаких болей он не ощущал, но стал худ и желт лицом, еда больше не доставляла ему удовольствия, и все чаще повторялись приступы внезапной слабости, едва не валившей его с ног.

Прославленный своим искусством знахарь-болгарин, привезенный к хану, сказал, что эта хворь вызвана особой, известной ему разновидностью злого духа и что она пройдет, если в первую ночь после новолуния больного, завернутого в шкуру тут же убитого черного коня, положить под деревом, в которое ударила молния. Выслушав этот совет, Мубарек ответил, что прикажет содрать шкуру с самого знахаря и, не дожидаясь новолуния, выбросить его тело на съедение собакам, если он не знает другого средства, более совместимого с ханским достоинством. Тогда болгарин стал поить его теплой лошадиной кровью, в которую примешивал по шепотке сажки, взятой из семи различных очагов. Но хану от этого не сделалось лучше.

В этом году весна наступила рано, не было большого разлива рек, и орда вышла на кочевку раньше обычного. Дойдя вместе со всеми до реки Исети, Василий со своими людьми отделился от кочевья Мубарека и направился в свой улус. В начале мая он был уже в Новом Карачеве.

Люди, оставленные им в городке, перезимовали хорошо и воочию убедились в преимуществах зимовки в сложенных из камня домах. Впрочем, едва наступило тепло, все они снова переселились в шатры и кибитки, усеявшие берег Миаса.

Объехав свои табуны и стада, оказавшиеся в отличном состоянии, Василий, прислушиваясь к советам более опытных в этом сотников, распределил пастбища и установил порядок их чередования в связи со временем года. Места ему достались хорошие, здесь можно было прокормить скота в десять раз больше, чем он имел.

Воды тоже было вдоволь. Край изобиловал озерами, живописно разбросанными по слегка холмистой степи, с рассеянными по ней отдельными деревьями и небольшими рощицами.

В некоторых озерах вода была соленая, а в иных даже горькая, но большинство было пресноводными. Осматривая их и пробуя воду, Василий отметил явление, сильно его удивившее: очень часто между двух соленых озер лежало пресноводное или наоборот, причем иногда они находились в непосредственной близости, едва не соприкасаясь друг с другом.

К западу озер становилось меньше. Там владения Василия переходили в невысокие горы, покрытые дремучим лесом, изобиловавшим всевозможным зверем. Озера и болота кишели пернатой дичью; реки были полны крупной рыбой. Этот привольный и почти ненаселенный край был богат всем, что требовалось для жизни кочевника.

Возвратившись из своей поездки, продолжавшейся недели две, Василий тотчас взялся за строительство. Он был уверен, что ему не придется долго жить в построенном им городе, ибо всеми своими помыслами стремился на Русь. Но его страстная натура требовала деятельности; к тому же хотелось оставить по себе какую-то вещественную память в этих диких местах.

Было построено еще десятка четыре домов, причем в соответствии с опытом первой зимы их теперь делали лучше и теплее. Вал вокруг города подняли выше и поверх него начали ставить солидный тын из заостренных сверху бревен сажени в три высотой.

— Когда же наш дворец начнешь строить? — полусмешно-полусерьезно спросила однажды Фейзула. Она знала, что муж ее всем сердцем стремится к себе на родину и здесь оставаться не думает, да и сама она привыкла желать того, чего он желает. Но подсознательно она побаивалась переселения в этот неизвестный ей мир, где для всех, кроме Василия, она будет чужой и для нее все, кроме Василия, будут чужими. И временами, сама себе в том не признаваясь, Фейзула почти надеялась, что обстоятельства заставят их остаться здесь, где так хорошо и спокойно можно прожить вдвоем с любимым мужем, в привычной обстановке, на лоне ласковой и щедрой природы.

— А вот погоди, — ответил Василий, — коли и в этом году не выгорит мое дело и надобно будет еще

жданку тянуть, тогда уж на то лето бесприменно и о своем жилье подумаем. Только я камня не хочу, поставим себе деревянные хоромы, как на Руси.

— В следующем году уже и сын тебе помогать будет. Смотри, какой большой вырос!

— Ванюха мой! — воскликнул Василий, беря на руки сына и щекоча бородой его смуглые щечки. — Растешь, как гриб! И до чего же ты синеглазый, шельмец! Скажи, где хочешь княжить: в старом или в новом Карачеве?

Малыш смотрел на отца серьезным сосредоточенным взглядом, потом, как бы поняв, расплылся в широкой улыбке, показывая свой пока единственный зуб.

ГЛАВА 53

Стояли уже жаркие дни июля, когда случилось наконец долгожданное событие.

Однажды в тихий безоблачный вечер, когда последние лучи заходящего солнца золотили верхушки тополей, Василий отправился на вечерний клев в свою любимую заводь, чуть ниже городка. Здесь, зеленым дождем свесив в воду свои гибкие ветви, стояло несколько старых ив; густые заросли камыша подступали вплотную к противоположному берегу Миаса, а слева в него впадала какая-то безымянная речка, сплошь заросшая водяными лилиями. Этот тихий уголок манил и завораживал путника своею благостной красотой; к тому же тут водились крупные нельмы и стерляди, и Василий, часто здесь отдыхавший, постепенно пристрастился к ужению.

Едва он расположился под деревьями и забросил удочки, как из города, нещадно колотя босыми пятками по бокам неоседланного коня, прискакал мальчик-татарченок и оказал, что от хана Чимтая прибыл гонец, который привез важные вести и хочет сообщить их самому князю. Василий тотчас вернулся и принял посла.

— Пресветлый хан Чимтай, мой господин, да будет с ним благословение Аллаха, — кланяясь, сказал татарин, — приказал спросить: здоров ли ты, князь, и здорова ли благородная ханум Фейзула?

— Милостью великого Аллаха, мы оба здоровы, — ответил Василий. — Скажи, здоров ли отец мой, пресветлый хан Чимтай, здоровы ли его почтенная ханум и дети?

— Все они здоровы, и Аллах не оставляет их своим покровительством, князь. Еще мой господин велел тебе передать: умер хан Золотой Орды Узбек. Он умер еще зимой, но это скрыл от всех его сын Джанибек, потому что он хотел сначала избавиться от своих старших братьев и обеспечить себе престол. По его приказу убит в Сыгнаке хан Тинибек и в Сарае-Бату — хан Кадырбек. И теперь Джанибек объявлен великим ханом Золотой Орды.

— Слава Христу, — сказал Василий стоявшему рядом Никите. — Хоть он и поубивал родных братьев, но все же это самый лучший из сыновей Узбека, и перед отцом своим он часто бывал заступником за русских. Кончилось наше изгнание, Никитушка! А великий хан Мубарек-ходжа знает ли об этом? — спросил он у гонца.

— Знает, князь. Мне было приказано и ему сказать то, что я сказал тебе. Я прискакал сюда прямо из ставки великого хана.

— Что же сказал великий хан?

— Он сказал, что больше не вернется в Чамга-Туру и сейчас же двинется со своими людьми в Сыгнал, который теперь свободен.

— Еще какие новости ты привез? — спросил Василий.

— Важных новостей больше нет, князь. Но перед моим отъездом позвала меня почтенная ханум Кичик и приказала спросить: здоров ли ты, князь, и здорова ли сестра ее, благородная ханум Фейзула? И сказала, чтобы вы знали: три месяца тому назад Аллах даровал ей и почтенному Туй-ходже-оглану сына, которого называли Тохтамышем.

— Фейзула! — крикнул Василий жене, кормившей в шатре ребенка. — У Кичик сын родился! И почти в одно время с нашим Ванюшкой. Да ты выходи скорее! Есть великие новости...

В этот вечер в Новом Карачеве царило всеобщее ликование. На кострах жарились ягнята, рекою лились кумыс и вино. Не было война, который не радовался бы смерти Узбека и тому, что орда снова перейдет теперь в привычные южные степи, где почти всегда светит жаркое солнце, а зима коротка и не так сурова, как здесь.

Было решено, что послезавтра на рассвете Василий с двумя десятками нукеров поскачет в Сарай добывать

ярлык у нового хана. Семью он оставлял на попечение Никиты, который с воинами и обозом должен был идти в улус хана Чимтая и там ожидать Василия. А затем, не теряя времени, — на родину!

Следующий день был посвящен сборам в дорогу и хозяйственным делам. Василий отдал нужные распоряжения надсмотрщикам за табунами, добавив, что впредь они снова переходят в веденье хана Чимтая, и позаботился о людях, остающихся в городе. Таковых было немного: тысяча воинов Мубарека уходила с Никитой на юг, здесь же пока оставались пять сотен, присланных Чимтаем, да пастухи. Запасов, необходимых для новой зимовки, у них было вдоволь.

К полудню все это было приведено в ясность, приказания отданы, сборы закончены и дел больше не оставалось. Плотнo пообедав и разомлев от жары, все, по обычаю, разбрелись по шатрам и погрузились в сон.

* * *

Василий проснулся часа в четыре. Было жарко, вокруг стояла сонная тишина, но спать ему больше не хотелось. Поднявшись и бесшумно подойдя к колыбели, он отогнал мух от малютки-сына, поправил над ним кисейный полог, затем с минуту полюбовался улыбающейся во сне женой и, никого не будя, тихо вышел из шатра. Ему хотелось побыть одному и без помехи обдумать все, связанное с внезапным поворотом его судьбы, а главное — предстоящий разговор с ханом Джанибеком, от которого теперь зависело все дальнейшее.

Обойдя городок и мысленно прощаясь со знакомыми, обжитыми им местами, он медленно побрел вниз по берегу Миаса, почти безотчетно направившись к своей излюбленной заводи. Дойдя до нее, он сел у самой воды и оглянулся вокруг.

Знойный, напоенный запахами степи день клонился к вечеру. Залитая солнцем поверхность реки застыла в тихом серебряном сне. Сидя на изумрудных листьях кувшинки, блаженно шурились на солнце разомлевшие лягушки, не плескалась рыба, и только лишь старые и все повидавшие ивы лениво струили в воду свои зеленые слезы. Все вокруг было безмолвно и неподвижно, казалось, остановилось время и миг превращается в вечность...

Зачарованный покоем и погруженный в свои думы, Василий долго сидел, опершись спиною о ствол столетней ивы. Он не слышал, как на том берегу тихо раздвинулись камыши. Похоронным плачем пропела над рекой каленая стрела и вонзилась ему в грудь.

Он тихо охнул и боком сполз на землю, но сейчас же поднялся и сделал несколько спотыкающихся, неверных шагов по направлению к стойбищу. И снова упал. Сознание его мутилось, но мысль о том, что он умрет здесь, почти рядом с теми, кого любил, даже не взглянув на них в последний раз, придала ему силы. Превозмогая нечеловеческую боль, он вырвал из раны стрелу, и сейчас же кровь хлынула на траву алым потоком. Зажимая рану рукой, он пытался встать и идти, но сил больше не было, и он понял, что для его все кончено.

Через полчаса Никита нашел его здесь истекающим кровью. Сознание еще не покинуло Василия, но жизнь его угасала.

— Василий Пантелеич! Князь мой светлый! Кто это тебя? — страшным голосом вскрикнул потрясенный Никита, опускаясь перед умирающим на колени.

— Это Хисар, — тихо, но внятно промолвил Василий, закрывая глаза.

Быстро намочив в воде платок, Никита заткнул им рану в груди князя и, подхватив его, как ребенка, бегом побежал к городу. Но не сделал он и сотни шагов, как Василий открыл глаза и, собрав остающиеся силы, сказал прерывающимся голосом:

— Поздно... Все одно не донесешь... Положи меня на землю и слушай...

Бережно положив князя на траву, Никита склонился головою к самому его лицу, чтобы не упустить ни звука. Могучее тело его была мелкая, неумная дрожь; глаза застилали слезы.

— Никита, брат мой милый, — услышал он голос, тихий, как шелест степного ковыля. — Не судьба, значит... Жене скажи... солнышко...

Шепот умирающего оборвался, глаза закрылись. Думая, что все кончено, Никита страшно вскрикнул и схватил его за руку. Этот крик как бы возвратил Василия к жизни. Он снова открыл глаза и сказал голосом более внятным:

— Сына не оставь. Тебе поручаю... Хоть будет татином, но сделай его... человеком...

— Клянусь тебе крестом святым, князь мой: пока жив, его не покину! И убивцу твоему отомщу!

Лишь еле осязаемое пожатие коченеющей руки показало Никите, что князь его услышал.

Подождав с минуту, Никита прильнул ухом к его груди. Сердце Василия уже не билось.

Конец

КНЯЖЕСКИЕ РОДЫ

В этот список входят княжеские роды татарского происхождения (титул которых получил признание и в России), когда-либо находившиеся в русском подданстве и на русской службе.

В тех случаях, когда не представлялось возможным точно определить истоки рода, они указаны предположительно, на основании тех или иных косвенных данных.

1. АДАШЕВЫ. От золотоордынского князя Бехана, жившего в конце 13 в. Давно угасли.

2. АРГЫНОВЫ или Аргиновы. Сибирский род, давно угасший.

3. БАЙТЕРЕКОВЫ. Ногайский род, идущий от князей Урусовых (см. ниже). Угасли в 17 в.

4. БАРАШЕВЫ. Сибирский род. Угасли в конце 17 в.

5. БАЮШЕВЫ. От князя Баюша, княжившего в 14 в. в Мордве. Давно угасли.

6. БЕГИЧЕВЫ или Бегишевы. Видимо, сибирский род. На русской службе были с начала 16 в. Угасли.

7. БЕКОВИЧИ-ЧЕРКАССКИЕ. Золотоордынский род, осевший в Кабарде. Девлет-Кизден-мурза, в крещении Александр, вступил на русскую службу в начале 18 в.

8. БЕХТИБЕКОВЫ. Белоордынский род, идущий от одного из младших сыновей хана Тохтамыша, Бехтибека. Угасли.

9. БИБЕЕВЫ. Видимо, казанский род. На русской службе были при Иване Грозном. Угасли.

10. БИГИЛЬДЕЕВЫ или Бегильдеевы. Видимо, крымский род. Княжеская ветвь пресеклась, дворянская осталась.

11. ГАНТИМУРОВЫ. Из манчжурской ветви чингизидов. Князь Гантимур, в крещении Петр, перешел в Россию в середине 17 в.

12. **ГЕДИАНОВЫ.** Видимо, астраханский род. Князь Гедей-мурза перешел на русскую службу и крестился при Иване Грозном.

13. **ГЛИНСКИЕ.** От золотоордынского князя Али-Касида-мурзы (по русским родословным книгам мурзы Лексада), который в начале 15 в. выселился в Литву и получил от в. кн. Витовта в удел города Полтаву и Глинск. Угасли.

14. **ДЕВЛЕТ-КИЛЬДЕЕВЫ.** Из крымского ханского рода. Их родоначальник Бейбарс-мурза Девлет перешел на русскую службу в 16 в.

15. **ДИВЕЕВЫ.** От Дервиш-мурзы, выехавшего на Русь во второй половине 17 в., видимо, из Крыма.

16. **ЕНБУЛАТОВЫ.** Сибирский род, был на русской службе с начала 17 в. Угасли.

17. **ЕНГАЛЫЧЕВЫ.** Видимо, сибирск. род, идущий от Ишмамета Енгалыч-мурзы, признанного на Руси в княжеском достоинстве в 1621 г. Есть и другой одноименный род — см. Янгалычевы.

18. **ЕНИКЕЕВЫ.** Золотоордынский род, от Тенишевых. Их родоначальник Еникей Тенишевич выселился на Русь в середине 16 в. По-видимому, угасли.

19. **ЖИНЕВЫ.** Видимо, казанский род, давно угасший.

20. **ИЗДЕБСКИЕ.** Татарский род, бывший на русской службе при Иване Грозном и вскоре угасший.

21. **ИСУПОВЫ.** Ногайский род. Угасли. Есть одноименный дворянский род иного происхождения.

22. **ИШЕЕВЫ.** От князей Барашевых (см. выше). Ишей-мурза Барашев вступил на русскую службу при царе Василии Шуйском.

23. **КАДЫШЕВЫ.** От казанского мурзы Иваная Кадыша, кон. 16 в. Вскоре утратили титул.

24. **КАЗАХОВЫ.** Сибирско-казахский род. Давно угасли.

25. **КАЛИННИКОВЫ.** Потомки одного из сыновей царя Кучума. Угасли.

26. **КАМАЕВЫ.** Казанский род, идущий от Камай-мурзы, перешедшего на русскую службу в 16 в. Угасли.

27. **КАНБАРОВЫ.** Видимо, казанский род, были на русской службе со времен Ивана Грозного. Угасли.

28. **КАНКУЛОВЫ.** Сибирский род, от Мамат-мурзы Канкула, конца 16 в. Угасли.

29. **КАНТЕМИРЫ.** Белоордынский род. Позже были господами в Молдавии. В Россию выселились в начале 18 в. Угасли.

30. **КАСИМОВЫ.** От касимовских царевичей. Угасли.

31. **КЕКУАТОВЫ** или Кейкуатовы. Ногайский род, идущий от мурзы Атманая Урусовича Кейкувата, вступившего на русскую службу в 1634 г.

32. **КИЛЬДИШЕВЫ.** Сибирск. род, идущий от Килдыш-мурзы Иль-Мухаммеда, вступившего на русскую службу в 17 в.

33. **КОЗЕКИНЫ.** Видимо, казанский род. Были на русской службе при Иване Грозном. Угасли.

34. **КОСТРОВЫ.** От казанского мурзы, вступившего на русскую службу в 1550 г.

35. **КОЧУБЕИ.** От крымского татарина Кучукбея, в крещении Андрея, выселившегося в Малороссию в начале 17 в. Княжеский титул получили в 1831 г.

36. **КУБЕКОВЫ.** Род золотоордынского происхождения.

37. **КУГУШЕВЫ.** Официальным родоначальником их считается мурза Анай Айтуганович Кугуш, живший на Руси в начале 17 в. Но род этот золотоордынского происхождения и, несомненно, более древний.

38. **КУДАШЕВЫ.** От золотоордынского владетельного князя Бехана, жившего в конце 13 в. Его потомок Чепай-мурза вступил на русскую службу в конце 16 в.

39. **КУЛУНЧАКОВЫ** или Куланчаковы. Видимо, казанский род. К нему принадлежала мать писателя Куприна.

40. **КУТКИНЫ.** Видимо, астраханский род, идущий от мурзы Невера, вступившего на русскую службу в начале 17 в. Угасли.

41. **КУТЛУЕВЫ.** Видимо, сибирский род, бывший на русской службе с начала 17 в. Угасли.

42. **КУТУМОВЫ.** Ногайский род, идущий от Айдар-мурзы, на русской службе были в 16 в. Угасли.

43. **МАВҚОШЕЕВЫ.** Видимо, астраханский род. На русской службе были в 17 в. Угасли.

44. **МАКСУТОВЫ.** Этот род от касимовских царевичей.

45. **МАМАЕВЫ.** От крымского мурзы Мамая,— потомка темника Мамая, побежденного Дмитрием Донским. На русскую службу вступили в 16 в., а в 18-м угасли.

46. МАНСУРОВЫ. От крымского бека Мансура, начало 16 в. Угасли. Есть дворяне Мансуровы золотоордынского происхождения.

47. МАНСЫРЕВЫ. Род сибирского происхождения.

48. МЕЩЕРСКИЕ. От татарского князя Бахмета Гусейновича, в конце 13 в. владевшего Мещерой. Бывали боярами.

49. МЕЩЕРСКИЕ-БОРОВИТИНОВЫ. Ветвь предыдущего рода. Угас.

50. МУРАТОВЫ. Золотоордынский род, на русской службе упоминается в 16 и 17 вв. Угасли. Есть дворянская линия того же рода.

51. МУРЗИНЫ. От ногайского князя Каная, в крещении Михаила, вступившего на русскую службу в начале 17 в. Княжеская ветвь угасла в конце 19 в., родственная ей дворянская осталась.

52. МУСТАФИНЫ. От казанского царевича Муртазы Мустафича. На русской службе с начала 16 века.

53. НАГАЕВЫ. Ногайский род, упоминается на русской службе в 16 в. Угасли.

54. НОВОКРЕЩЕНЫ. От князей Шейсуповых (см. ниже). Угасли.

55. САЛАЧЕВЫ. От астраханского князя Салачи. На русской службе были в 16 и 17 вв. Угасли.

56. СЕИД-АХМЕТОВЫ. От золотоордынского князя Бехана (см. Кудашевы). Давно угасли.

57. СЕИТОВЫ. По-видимому, ногайский род. Угасли.

58. СИБИРСКИЕ. Потомки царя Кучума, до 1718 г. титуловавшиеся царевичами, а после — князьями. Род угас в конце 19 в.

59. СМАЙЛЕВЫ или Смаилевы. Ногайский род, на русской службе с начала 17 в. Позже утратил титул.

60. СТОКАСИМОВЫ. Род чингизидов, идущий, по-видимому, от касимовских царевичей.

61. СУЛЕШЕВЫ. Крымский род, идущий от Сулешбека, сын которого, Джиганшах-мурза, вступил на русскую службу в середине 16 в. Были московскими боярами. Угасли.

62. СУЛТАН-ГИРЕИ. Дагестанский род, идущий от крымского хана Магомет-Гирея 4-го, после потери престола выселившегося в Дагестан.

63. ТАРХАНОВЫ. Сибирский род, на русской службе был с 17-го века. По-видимому, угасли в конце 19 в.

64. ТАУШЕВЫ. Род идет от сибирского князя Тауша, начала 17 в. Позже захирели и утратили титул.

65. ТЕВЕКЕЛЕВЫ. Астраханский род, упоминается на русской службе под 1567 г. Угасли.

66. ТЕКУЧЕЕВЫ. Видимо, сибирский род, на русской службе были в 16-17 вв. Угасли.

67. ТЕНИШЕВЫ. Золотоордынский род, идущий от князя Бехана (см. Кудашевы). На русской службе первым упоминается Тениш-мурза, выселившийся из Казани в 1528 г.

68. ТИНБАЕВЫ. Ногайский род, одного происхождения с Мурзиными (см. выше). Угасли.

69. ТОХТАМЫШЕВЫ. Считают себя происходящими от великого хана Тохтамыша, 14 в. По другим данным, происходят от крымского хана Тохтамыша, 17 в.

70. ТЫМАКОВЫ. От сибирского князя Тымака, конца 16 в. Позже захирели и утратили титул.

71. ТЫНМАМЕТОВЫ. Сибирский род, от Берделей-мурзы Тынмамета, середина 16 в. Угасли.

72. ТЮМЕНСКИЕ. Сибирский род, идущий от Агиш-мурзы, вступившего на русскую службу в середине 16 в. Угасли. Не смешивать с одноименным родом Рюриковичей, идущим от Ярославских князей.

73. УМАРОВЫ. Очевидно, казанский род, на русской службе были в 16 в. Угасли.

74. УРАЗГИЛЬДЕЕВЫ. От сибирского царевича Ураз-Мухаммеда, конца 16 в.

75. УРАЗЛИНЫ. Сибирский род, был на русской службе в начале 16 в. Вскоре утратили титул.

76. УРАКОВЫ. От казанского князя Урака, конца 16 в. Угасли.

77. УРУСОВЫ. От ногайского князя Идику (по русским летописям Эдигея), через его правнука Урусхана, вступившего на службу к Ивану Грозному. Были московскими боярами.

78. ЦЕРТЕЛЕВЫ. Род белоордынского происхождения. Угасли.

79. ЧЕГОДАЕВЫ. Видимо, белоордынский род. На русскую службу вступил Чегодай-ходжа «сын Саконский» в 16 в. Одна ветвь рода пишется Чегодаевы-Саконские.

80. ЧИНГИСЫ. Киргизский род, идущий от Валихана, потомка царя Кучума. Княжеский титул и фамилия Чингисов утверждены за ними в 1879 году.

81. **ШАХАЕВЫ.** Видимо, ногайский род. На русской службе были в 17 в. Угасли.

82. **ШЕЙДЯКОВЫ.** Писались также Шейдяковыми-Ногайскими. От князей Урусовых. Были московскими боярами. Угасли.

83. **ШЕЙСУПОВЫ.** Ногайский род. На русской службе были с начала 17 в. Угасли.

84. **ШИРИНСКИЕ.** Золотоордынский, потом крымский владетельный род. Князь Кинбар Ширинский вступил на русскую службу при Иване Грозном.

85. **ШИХМАТОВЫ.** Крымский род, от правнука Кинбара Ширинского, в крещении Василия. Позже эти родственные фамилии соединились в одну и стали писаться: **ШИРИНСКИЕ-ШИХМАТОВЫ.**

86. **ШИТИНСКИЕ.** Видимо, сибирский род, на Руси служили в 16 в. Угасли.

87. **ЮНУСОВЫ.** От князя Юнуса (старшего сына ногайского владетеля Юсуфа), вступили на русскую службу в 1558 г. Угасли в конце 19 в.

88. **ЮСУПОВЫ.** От ногайского владетеля князя Юсуфа, правнука эмира Эдигея. До конца 18 в. писались Юсупово-Княжевы. Род угас, но титул и фамилия князей Юсуповых переданы графам Сумароковым-Эльстон, на правах майората (т. е. только старшему в роде).

89. **ЯКУШЕВЫ.** От казанского князя Богиша, бывшего на русской службе в 16 в. Вскоре утратили титул.

90. **ЯНГАЛЫЧЕВЫ.** От князя Бехана (см. Кудашевы), через князя Мамата, внук которого, Янглыч Бердышевич, в середине 16 в. выселился на Русь и стал родоначальником этой фамилии. Позже стали писаться Енгалычевыми.

91. **ЯШЛОВОВЫ.** Крымский род, идущий от князей Сулешевых (см. выше). Угасли.

92. **ЧАНЫШЕВЫ.** Из Казахской орды, начало 17 в.

93. **ЧУРМАНТЕЕВЫ.** От золотоордынского мурзы Ардалея Чурмант.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	12
<i>Часть первая.</i> Княжич	15
<i>Часть вторая.</i> Князь Земли Карачевской	109
<i>Часть третья.</i> Изгнанник	221
<i>Часть четвертая.</i> В Белой Орде	329

Кр. 11, 11
Кг 15, 5
Со 17, 4

М. Д. Каратеев

ЯРЛЫҚ ВЕЛИКОГО ХАНА

Зав. редакцией *В. Ф. Горянникова*

Редактор *Е. В. Евдокимова*

Мл. редактор *Д. А. Власова*

Художник *В. Я. Вицант*

Техн. редакторы *Л. Н. Лялина, Л. И. Некрасова*

Корректоры *Г. С. Милютина, И. М. Козлова*

ИБ № 3388

Сдано в набор 09.10.91. Подп. в печать 12.11.91.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,58.
Уч.-изд. л. 22,58. Тираж 50 000 экз. Заказ 650.

Ордена Трудового Красного Знамени ИПО ВКП СССР Профиздат, 101000, Москва, ул. Кирова, 13. Типография ИПО ВКП СССР Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.